ЖУРНАЛ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 3 / 2016
МАЙ – ИЮНЬ

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово
и ОАО «Кемсоцинбанк»

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:
Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Александр КАТКОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Олег МАКСИМОВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Агата РЫЖОВА,
Ирина ТЮНИНА,
Марина ЧЕРТОГОВА

Николай РАХВАЛОВ
(ответственный
за распространение
журнала)

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции и издателя:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14

16+

Содержание

ПРОЗА

Николай Коняев. Полковник Романов. Документальное повествование 3
Виктор Арнаутов. Приоткрылись родимые дали... Повесть 51
Роман Сенчин. Два рассказа 86
Сергей Чиняев. Последнее пристанище старого танка. Рассказ 96
Виктор Королев. Токи высокой частоты. Рассказ 109

ПОЭЗИЯ

Юрий Михайлов. Камни памяти 49
Виталий Молчанов. Родники моей печали 83
Алексей Петров. И несерьёзно так, что всё всерьёз 93
Фарида Габдраупова. Эй, время! 105
Андрей Федоткин. Свет далёких городов 107

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

Геннадий Прашкевич. Европа, которой уже нет... 115

ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей Филатов. В школе у нас был замечательный учитель литературы.
Интервью с А. Бессмертных, последним министром иностранных дел СССР 118
Валентин Распутин не призывал к распаду СССР. (Письмо из Иркутска) 124
Валерий Плющев. Назначение во «враги» 126

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Учитель. К 90-летию В. Н. Данкова. Подготовил **С. Павлов** 127

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Иван Литвинов. Милостивый муж. 131

НОВАЯ КНИГА

Лауреаты конкурса «Новая книга»
Ольга Комарова, Анастасия Кондрина, Наталья Монастырёва,
Ирина Розенберг. Стихи 133
О. Сергий (Адодин), Ксения Пальянова, Роман Куприянов. Проза 136

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Обсуждение журнала «Огни Кузбасса» за 2015 год:
Сергей Донбай. Год 70-летия Победы 155
Александр Мухарев. Две рубрики 155
Ирина Ащеулова. «Женская проза» в «Огнях Кузбасса» – 2015: о любви, Кемерове и не только... 156
Ольга Яковлева. Заметки пародиста 157
Елена Елистратова. Чтение в 3D-формате 158
Сохранить иммунитет души. Письмо учителя русского языка **Нины Александровны Барановой** ... 158

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Анатолий Сазыкин. «Похожи встречи на подарки». (О творчестве Любови Никоновой) 160

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин** 169

Русскому писателю МИХАИЛУ БУЛГАКОВУ – 125 лет

15 мая 1891 года, Киев, Российская империя — 10 марта 1940 года, Москва, СССР

Михаил Афанасьевич Булгаков — русский писатель, драматург, театральный режиссёр и актёр. Автор повестей и рассказов, множества фельетонов, пьес, инсценировок, киносценариев, оперных либретто. Его основные произведения до сих пор на слуху: «Белая гвардия», «Собачье сердце», «Бег», «Мастер и Маргарита»…

Однажды на именинах у жены драматурга Тренёва, его соседа по писательскому дому, Булгаков и Пастернак оказались за одним столом. Пастернак с каким-то особенным придыханием читал свои переводы стихов с грузинского. После первого тоста за хозяйку Пастернак объявил: «Я хочу выпить за Булгакова!» В ответ на возражение именинницы-хозяйки: «Нет, нет! Сейчас мы выпьем за Викентия Викентьевича, а потом за Булгакова!» — Пастернак воскликнул: «Нет, я хочу за Булгакова! Вересаев, конечно, очень большой человек, но он — законное явление. А Булгаков — незаконное!» (из Дневника Елены Булгаковой).

Значение творчества этого художника для общества и русской литературы со временем росло все больше и больше. Но, как ни странно, значимость писателя Булгакова Сталин угадал сразу и поддерживал его.

Михаил Булгаков был похоронен на Новодевичьем кладбище. На его могиле по ходатайству его вдовы Е. С. Булгаковой был установлен камень, прозванный «голгофой», который ранее лежал на могиле Н. В. Гоголя.

Николай КОНЯЕВ

ПОЛКОВНИК РОМАНОВ

Документальное повествование

Когда вы будете завтра?
Я сегодня буду завтра...

Учебные тетради императрицы
Александры Фёдоровны
по русскому языку 1894–1895 годов

Глава первая

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ ИМПЕРАТОРА

В Ливадии было прохладней, чем в Севастополе.

Пройдя мимо строя почётного караула 16-го Стрелкового полка, полковник Николай Александрович Романов вступил на дворцовую лестницу, сбегающую прямо к Чёрному морю.

Он ещё не знал, что спустя пять недель будет спускаться по этой лестнице из Ливадийского дворца уже императором.

Было ему тогда двадцать шесть лет.

1

Историю женитьбы Александра III, сравнивают с матримониальными затеями Петра I, но она напрямик корреспондируется и с тем, что происходило в Ливадии осенью 1894 года.

В отличие от отца невесту себе Николай Александрович выбрал сам.

Впервые он увидел Гессен-Дармштадтскую принцессу Алису в июне 1884 года, когда та приехала в Россию на свадьбу своей сестры Елизаветы Фёдоровны с великим князем Сергеем Александровичем. Принцессе было всего двенадцать лет, но она обратила на себя внимание шестнадцатилетнего цесаревича.

«Я мечтаю когда-нибудь жениться на Аликс Г. – записал Николай в своём дневнике. – Я люблю ее давно, но особенно глубоко и сильно с 1889 года, когда она провела 6 недель в Петербурге. Все это время я не верил своему чувству, не верил, что моя заветная мечта может сбыться».

Чувство было сильным и крепким.

В 1889 году, когда Николаю исполнился двадцать один год и он достиг совершеннолетия, он обратился к родителям с просьбой благословить его на брак с принцессой Алисой.

Считается, что Александр III, проводивший политику сближения с Францией, планировал же-

---

КОНЯЕВ Николай Михайлович *родился 25 августа 1949 года в посёлке Вознесенье на берегу Онежского озера. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. В 1984–1986 годах работал редактором киностудии «Беларусьфильм» и в издательстве «Советский писатель». В 1986–1988 годах заведовал отделом прозы в журнале «Нева».*

Член редсоветов журналов «Молодая гвардия», «Роман-журнал XXI век», «Проза», «Немига литературная», «Родная Ладога», газеты «Литературный Петербург». Автор более сорока книг. Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина, премией имени Андрея Платонова, премией ВЦСПС, годовыми премиями журналов «Наш современник» (дважды), «Молодая гвардия» (дважды), «Север», «Студенческий меридиан», премией «Русская повесть», премией правительства Санкт-Петербурга, премией Валентина Пикуля, Большой литературной премией России. Член Союза писателей России. Живёт в Санкт-Петербурге.

нить цесаревича на Елене Луизе Генриетте, дочери Луи-Филиппа, графа Парижского.

– Ты очень молод, для женитьбы ещё есть время... – сказал император, отвечая на просьбу сына. – Запомни, что ты наследник российского престола, ты обручён с Россией, а жену мы ещё успеем найти.

Николай не стал настаивать на немедленном сватовстве к Алисе, но решения своего не изменил. С помощью великой княгини Елизаветы Фёдоровны он продолжал переписку с возлюбленной, которая, потеряв уже и отца, герцога Людвига IV, жила теперь у своей бабушки, английской королевы Виктории.

«Спаситель сказал нам: «Всё, что ты просишь у Бога, даст тебе Бог», – запишет Николай II позднее. – Слова эти бесконечно мне дороги, потому что в течение пяти лет я молился ими, повторяя их каждую ночь, умоляя Его облегчить Аликс переход в православную веру и дать мне её в жёны».

И он добился своего.

Ранней весной 1894 года император Александр III и императрица Мария Фёдоровна дали благословение, и 8 апреля 1894 года было официально объявлено о помолвке цесаревича и Алисы Гессен-Дармштадтской...

Её писем из Англии и ждал Николай в Ливадии осенью 1894 года...

2

Начало осени в Крыму богато на солнце, море ещё тёплое, а виноград – уже сладкий. Но и эти бархатные ливадийские недели не могли замедлить болезнь императора-отца.

С каждым днём Александр III чувствовал себя всё хуже.

Перемены в самочувствии отца: «Папа спал немного больше и поэтому днем чувствовал себя все-таки бодрее!», «Ночь Папа провел лучше», «Папа устал и чувствовал себя хуже», «У дорогого Папа вид как будто лучше, но самочувствие скверное по-прежнему – его мутит и опухоль в ногах мешает движению ног!» – старательно отмечает в своём дневнике будущий государь.

Подробно описана в дневнике и погода в Ливадии: и дующий с востока ветер, из-за которого шум прибоя слышен и наверху, во дворце; и чудные лунные ночи над морем; не забыты и прогулки в виноградники, и посещения пляжа, и экскурсии в горы...

Каждый день упоминает будущий император и о письмах от невесты. Печалится, когда посланий из Англии нет, радуется, когда они наконец приходят...

И только упоминания о разговорах, которые Николай II вёл с умирающим отцом в течение этих пяти недель, во многом определившие характер его будущего царствования и весь ход русской истории, отсутствуют в дневнике.

Отчасти можно объяснить это сдержанностью Николая II[1], можно сослаться на нелюбовь Александра III к театральности, однако разумнее всё-таки говорить, что диалог между умирающим отцом-императором и сыном вёлся.

Просто реплики и паузы в нём оказывались наполненными таким сокровенным и мистическим смыслом, что не вмещались в обыденное сознание, не фиксировались на уровне констатации очевидных фактов, отмеченных в дневнике...

И всё равно, снова и снова вчитываешься в сделанные в Ливадии записи, пытаясь разглядеть, как связываются они с размышлениями о долге и своеволии, с мыслями о том, как это может отразиться на течении событий...

«**23-го сентября. Пятница.** Ночь Папа провел лучше, поэтому он утром вышел погулять и затем сидел около часу на скамейке недалеко от дома. Погода, к счастью, была теплее и ветер слабее вчерашнего.

Затем отправились к морю и долго сидели на берегу.

Наконец получил три письма за раз от моей дорогой Аликс!

24-го сентября. Суббота. Чудный летний день – облеклись в кителя!

Писал и получил два слезных письма от моей дорогой Аликс, по поводу отмены моего приезда к ней!

25-го сентября. Воскресенье. День был такой же, как вчера. В 11 часов пошли к обедне: Папа слушал ее, как в прошлом году в кабинете Анпапа[2].

За завтраком играла стрелковая музыка. Смотрели на спуск почтовых голубей, которые полетели в Севастополь.

---

[1] Если Александр III установил правило, согласно которому никакие царственные заботы не должны были нарушать мирного течения домашнего быта, то сын его распространил это соглашение и на свои дневники.

[2] Александр II.

В 2 часа поехали верхом в Айтодор, куда Папа и Мама приехали раньше. Смешно было осматривать апартаменты Ксении в новом доме, в котором она как хозяйка принимала нас и поила чаем! Она и Сандро выглядят такими счастливыми, что большего и желать нельзя! Душа радуется, глядя на них обоих! Но при виде их счастья, невольно думаешь о своем – о том, например, что могло бы быть, если б я тоже женился летом?..

«Двенадцать Апостолов» проходил, вероятно, испытывая свои механизмы. Папа был бодрее!..

26-го сентября. Понедельник. Жаркий серый день. После breakfast'а[3] Папа и Мама поехали в виноградник, а мы последовали за ними пешком и ели много от плода лозного!

После завтрака ко мне зашел К. П. Победоносцев...

27-го сентября. Вторник. Утром после кофе, вместо прогулки, дрались с Ники[4] каштанами, сначала перед домом, а кончили на крыше».

Мысли о невесте мешаются в этих записях с переживаниями за отца, разговор с К. П. Победоносцевым – с прыжками рычащего Ники, пытающегося поймать зубами пролетающие каштаны...

3

Реконструируя переживания Николая II и ход его мыслей в осенней Ливадии, можно было бы попытаться дополнить дневниковые записи многочисленными мемуарами...

К сожалению, в большинстве воспоминаний благомыслие и, так сказать, верноподданнический трепет обыкновенно заслоняют изложение подлинных событий, подменяют ход их положенным по протоколу церемониалом, порождая миражи никогда не существовавших «документов».

Широко растиражировано сейчас «Завещание», которое якобы было в устной форме изложено умирающим императором Александром III наследнику престола:

«Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как его нес я и как несли наши предки. Тебе царство, Богом мне врученное. Я принял его тринадцать лет тому назад от истекшего кровью Отца... Твой дед с высоты престола провел много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за все это Он получил от русских революционеров бомбу и смерть... В тот трагический день встал передо мною вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое «передовое общество», зараженное либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывали мне мое собственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть. Я избрал мой путь. Либералы окрестили его реакционным. Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним и Россия рухнет. Падение исконно русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междуусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя притом, что Ты несешь ответственность за судьбу Твоих подданных пред Престолом Всевышнего. Вера в Бога и в святость Твоего царского долга будет для тебя основой Твоей жизни. Будь тверд и мужественен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только Самого Себя и Своей совести. В политике внешней – держись независимой позиции. Помни, – у России нет друзей. Нашей огромности боятся. Избегай войн. В политике внутренней – прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в годины бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства».

Не покушаясь на пафос и смысловое наполнение этой компиляции из суждений, близких к подлинным изречениям Александра III, назвать этот текст Завещанием мы бы не рискнули.

Сам Николай II, как известно, ни словом не обмолвился о полученных им от умирающего отца наставлениях. Более того, на прямой вопрос великого князя Константина Константиновича (смотри его запись в дневнике за 7 декабря 1894 года) молодой император ответил, что отец ни разу не намекнул ему о предстоящих обязанностях.

Есть и прямое свидетельство другого великого князя, Александра Михайловича, писавшего, что Александр III «умер, как жил, убежденным

[3] Завтрак.

[4] Кличка собаки.

врагом звучных фраз и мелодраматических эффектов», и перед тем как отойти в вечность, он «пробормотал лишь краткую молитву и простился с женой».

Получается, что ни окружение Александра III, ни сам Николай II, которому и адресовалось «Завещание», ничего не знали о нём.

И тем не менее подчеркнём, что все изложенные в тексте так называемого «Завещания» мысли Александр III не раз повторял на протяжении своей жизни и, в принципе, мог бы повторить их перед своей кончиной. И если он не сделал этого, то поступил так по той простой причине, что в этом... не было никакой нужды, его сын и так знал всё это!

4

Когда размышляешь над правлениями Александра III и Николая II, ясно начинаешь различать, что снова, как в московские, допетровские времена, размывается граница между личным религиозным опытом монарха и событиями истории, образующими его судьбу…

Ещё при жизни старшего брата, будучи в Москве, Александр должен был заехать за благословением в монастырь. Так получилось, что приехал он раньше своего старшего брата, и настоятель монастыря благословил его иконой, которой должен был благословить наследника престола.

Скоро приехал и старший брат Александра, монахи быстро отыскали другой образ, но икона наследника престола досталась Александру, как через несколько лет и сам престол…

Таких мистических совпадений в жизни «самого русского императора» немало, и это не просто примечательные случаи, а логика совершающейся по Божией воле монаршей жизни.

Эта логика прослеживается и в бесстрастных записях, сделанных Николаем II той осенью в Ливадии...

«**3-го октября. Понедельник.** Сегодня подъехало еще двое эскулапов. Грубе[5] и Захарьин[6]; так что всего их теперь набралось в Ливадии пятеро, те двое, Лейден[7], Вельяминов[8] и Попов[9].

Ночью было очень свежо, в море, вероятно, ревело сильно.

День стоял ясный и теплый... Волны катились громадные».

«Был ясный день, но с гор дул очень свежий ветер... – записывает Николай II в дневнике **5 октября 1894 года.** – Папа и Мама позволили мне выписать мою дорогую Аликс из Дармштадта... Я несказанно был тронут их любовью и желанием увидеть ее! Какое счастье снова так неожиданно встретиться – грустно только, что при таких обстоятельствах».

А следом запись, сделанная **6 октября**:

«Погода была хорошая. Папа утром был на ногах, но лег после завтрака, его одолевала сонливость. Читал за него бумаги»...

На первый взгляд ничего не бросается тут в глаза...

Всё очень просто и естественно. И хорошая погода, и даже сонливость, которая после завтрака одолела отца. Переворачивает обыденность повествования только последняя фраза.

Николай ***читал бумаги за Александра III.***

Бумаги – это государственные документы, излагающие вопросы, которые требуют решения императора. Решения эти и составляют существо императорского правления. И то, что названо в дневнике обыденным и как бы малосущественным чтением бумаг, являлось вступлением Николая в правление империей.

«**7-го октября. Пятница.** Сегодня было как будто маленькое улучшение: хотя Папа спал мало, но у него аппетит, в особенности к вечеру, увеличился и самочувствие поправилось!

Телеграммы продолжали сыпаться. ***Читал бумаги, привезенные фельдъегерем, которые Папа передал мне»...***

Получается, что сразу же после консилиума, когда Александр III понял, что кончина близка и его начала одолевать сонливость, он перепору-

[5] Вильгельм Фёдорович Грубе, профессор и директор хирургической клиники Харьковского университета, организатор медицинской помощи пострадавшим при крушении царского поезда близ станции Борки.

[6] Григорий Антонович Захарьин, терапевт, доктор медицины, профессор по кафедре диагностики Московского университета, почётный член Императорской Санкт-Петербургской Академии наук.

[7] Эрнст фон Лейден, немецкий профессор, который первым поставил Александру III правильный диагноз – нефрит.

[8] Николай Александрович Вельяминов, лейб-медик, профессор Императорской военно-медицинской академии, директор Максимилиановской клиники, издатель журнала «Русский хирургический архив».

[9] П. М. Попов, ассистент Г. А. Захарьина.

чил сыну государственное управление, называемое пока ***чтением бумаг.***

Это одновременно и последний урок, и экзамен для будущего императора...

5

Николаю II было тогда двадцать шесть лет, и все двадцать шесть лет его готовили к этому экзамену.

С девяти лет началось обучение императора, которым руководил Константин Петрович Победоносцев.

Первые восемь лет были посвящены предметам гимназического курса с заменой классических языков элементарными основами минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии. Следующие пять лет цесаревич занимался изучением военного дела, юридическими и экономическими науками.

Сам Победоносцев обучал наследника престола законоведению, государственному, гражданскому и уголовному праву.

Статистику, политическую экономию и финансовое право преподавал выдающийся экономист, академик, будущий министр финансов Николай Христофорович Бунге.

Международное право – автор трудов «Дипломатические сношения России с Западной Европой во второй половине XVII века», «О значении национальности в международном праве», а также первых русских учебников по международному праву – профессор Михаил Николаевич Капустин.

Политическую историю – профессор Петербургского университета, академик Егор Егорович Замысловский.

Химию – один из основоположников физической химии и химической динамики академик Николай Николаевич Бекетов.

Геодезию и топографию – генерал от инфантерии, профессор академии Генерального штаба, член-учредитель Русского астрономического общества, академик Отто Эдуардович Штубендорф.

Военную историю и военное искусство – автор фундаментальных трудов «Прикладная тактика» и «Опыт критическо-исторического исследования законов искусства ведения войны (Положительная стратегия)», генерал от инфантерии, академик Генрих Антонович Леер.

Военную статистику – один из главных деятелей военных реформ в России, генерал от инфантерии, академик Николай Николаевич Обручев.

Боевую подготовку войск – автор «Учебника тактики», генерал Михаил Иванович Драгомиров.

Артиллерию – профессор, начальник Михайловской артиллерийской академии, генерал Николай Афанасьевич Демьяненков.

Военную администрацию – Государственный контролёр, член Государственного совета, профессор Николаевской академии Генерального штаба, генерал Павел Львович Лобко.

Тактику – профессор, генерал Павел Константинович Гудим-Левкович.

Фортификацию – профессор фортификации, инженер-генерал, композитор Цезарь Антонович Кюи.

Историю военного искусства – генерал от инфантерии, военный историк Александр Казимирович Пузыревский.

Военно-морское дело – адмирал и географ, исследователь залива Петра Великого и Русской Америки Владимир Григорьевич Басаргин, а так же Николай Николаевич Ломен, командир фрегата «Память Азова», на котором и совершит Николай II кругосветное плавание.

Серьёзное внимание уделялось непосредственной строевой службе.

Два лагерных сбора наследник престола провел в рядах лейб-гвардии Преображенского полка, исполняя обязанности субалтёрн-офицера, а затем ротного командира, два летних сезона посвятил кавалерийской службе в лейб-гвардейском Гусарском полку вначале взводным офицером, а затем командиром эскадрона, один лагерный сбор – в гвардейской артиллерии.

Пять лет, с 6 мая 1889 года, Николай II участвовал в занятиях Государственного совета и Комитета министров, неоднократно сопровождал императора Александра III в его поездках по России. Он состоял Председателем комитета по сооружению Великого Сибирского пути, возглавлял Комитет по борьбе с голодом 1891–1892 годов.

Можно смело утверждать, что ни один из русских императоров не имел такого основательного образования и столь серьёзной подготовки, как Николай II.

К сожалению, далеко не все, даже и близкие люди, понимали это.

«Накануне окончания образования, перед выходом в Лейб-Гусарский полк, будущий император Николай II мог ввести в заблуждение любо-

го оксфордского профессора, который принял бы его, по знанию английского языка, за настоящего англичанина. Точно так же знал Николай Александрович французский и немецкий языки. Остальные его познания сводились к разрозненным сведениям по разным отраслям, но без всякой возможности их применять в практической жизни. Воспитатель генерал внушил, что чудодейственная сила таинства миропомазания во время Святого Коронования способна была даровать будущему Российскому Самодержцу все необходимые познания».

Не говоря о том, что это насмешливое утверждение великого князя Александра Михайловича (Сандро) входит в явное противоречие с тем списком блистательных педагогов, занимавшихся образованием наследника престола, скажем лишь, что стремление осудить царя-мученика превалирует в мемуарах Сандро над желанием понять, что Николай II никогда и не стремился действовать так, как ему навязывало «просвещённое» окружение.

Великолепным было полученное им образование, но ещё более важной, чем непосредственные знания, была глубокая религиозность Николая II, его искренняя любовь к России, та высокая мистическая ответственность, с которой он относился к предстоящему Служению.

Великий князь Александр Михайлович считал веру в чудодейственную силу таинства миропомазания во время Святого Коронования предрассудком, недостойным главы такой великой страны, как Россия, однако и сам Николай II, и его отец Александр III относились к этому иначе.

Поэтому и получилось, что Николай II знал всё, что изложено в так называемом «Завещании», без всякого завещания.

И Александр III тоже знал, что его сын знает это.

Духовник императора Иоанн Леонтьевич Янышев перед последней исповедью спросил у него, говорил ли тот с наследником.

– Нет! – ответил умирающий Александра III – ***Он сам всё знает.***

Эти слова Александра III и можно считать отметкой, поставленной им на экзамене, который держал Николай II в Ливадии в первых числах октября 1894 года, экзамене, который он как наследник престола выдержал.

Понятно и то, почему после консилиума разрешено было выписать Аликс из Дармштадта. Александру III важно было успеть благословить будущую сноху, детям которой предстояло продолжить царствующую династию.

Да, он изначально не одобрял этот брачный проект...

Может быть, он и не осознавал подлинную причину своих опасений, но какие-то опасения у него, очевидно, были. Ведь именно они, а не сомнительная польза от родства с лишённой престола французской династией, руководили им.

Но сын держался непоколебимо, он готов был дожидаться своей возлюбленной, сколько потребуется, и весной, как только началось обострение болезни, Александр III изменил свою позицию и дал благословение на помолвку.

Наверное, если бы цесаревич Николай мог заглянуть на десять – пятнадцать лет вперёд, когда ясным станет, какую страшную болезнь принесёт его возлюбленная в династию Павловичей, он бы понял, почему Александр III так долго не соглашался на этот брак, но и тогда – ведь Алиса Гессен-Дармштадтская была им вымолена у Бога! – едва ли отказался бы он от своего выбора.

Если вспомнить о сговорчивости, которую проявил в выборе своей невесты Александр III, можно говорить о своеволии Николая II. Однако если заглянуть впёред, то окажется, что упорство это – упорство будущего царя-мученика, выбирающего спутницу жизни, которая поможет ему провести семью по мученической дороге к святости, женщину, которая сама станет святой...

6

Появление в эти дни в Ливадии святого праведного Иоанна Кронштадтского никак не связано с ожиданием Аликс, но оно предваряет её приезд.

«**8-го октября. Суббота.** Дивный летний день: 19° в тени!.. Мы долго ждали в каюте выхода путешественниц[10], т. к. их закачало и до прихода в Ялту они не вставали.

О. Иоанн прибыл с ними и по приезде в Ливадию он отслужил обедню, а позже молебен для всех людей.

Завтракали внизу – приятно видеть новые лица – это так отрезвляет!..

Получил чудную телеграмму от милой дорогой Аликс уже из России – о том, что она желала

[10] Вместе с отцом Иоанном Кронштадтским приехали великие княгини Александра Иосифовна и Мария Георгиевна, сын Ольги Константиновны – греческий принц Христофор, а следом братья царя – Сергей и Павел.

бы миропомазаться по приезде – это меня тронуло и поразило до того, что я ничего долго сообразить не мог!

Милый Папа чувствовал себя немного лучше и ел больше! Читал доклады и бумаги.

9-го октября. Воскресенье. Дорогой Папа хотя спал побольше, но чувствовал себя слабым; доктора были довольны его состоянием. Несколько раз кровь принималась идти из носу. После обедни Янышев зашел к Папа и приобщил его Святых Тайн! После этого он совсем успокоился. Нас заставили завтракать со всеми и даже с музыкой, что было совсем неуместно! Когда вернулись к себе, только узнали о том, что милый Папа приобщался!

Около 2 часов он лег в постель и заснул на полтора часа.

Познакомился и разговаривал с о. Иоанном. День стоял чудный; пошел гулять с д. Сергеем. Осмотрели церковь в Орианде, спустились к морю и так вернулись в Ливадию.

Получил хорошие вести с пути от дорогой Аликс, а также письмо из Дармштадта!

10-го октября. Понедельник. Проснулся с чудным жарким днем! Дядя Владимир и т. Михень прибыли рано утром на «Саратове» из Одессы. В 9 1/2 отправился с д. Сергеем в Алушту, куда приехали в час дня. Десять минут спустя, из Симферополя подъехала моя ненаглядная Аликс с Эллой»...

Теперь вся царская семья, все участники действа, связанного со сменой императоров, собрались в Ливадии, и уже ничьё своеволие, никакие мелкие погрешности не способны были нарушить величественного движения совершающейся истории.

«**12-го октября. Среда.** Хороший ясный день с сильным ветром с гор. Пил кофе у милой Аликс. Не могу прийти в себя от радости видеть ее среди нас – ее присутствие дает мне столько бодрости и спокойствия!

В 10 1/2 большая часть семейства отправилась пешком в Ориандскую церковь, к обедне, которую служил о. Иоанн. Он очень резко делает возгласы, как-то выкрикивает их – он прочел свою молитву за Папа, которая произвела сильное впечатление на меня. Дорогая Аликс тоже пошла со мной!..

Дуло жестоко! До обеда сидел у своей ненаглядной невесты, которую люблю все больше и глубже! Что за счастье иметь такое сокровище, как жену!..

17-го октября. Понедельник. Утром Папа причастился св. Тайн у отца Иоанна. От волнения он себя чувствовал слабым, кроме того, он ночью мало спал...

День стоял чудный и теплый. Вернулись домой с темнотой... После обеда провел вечер у Папа – его сильно мучает кашель горловой...

18-го октября. Вторник. Тяжелый, грустный день! Дорогой Папа вовсе не спал и почувствовал себя худо утром, так что нас разбудили и позвали наверх. Что за испытание! Потом Папа немного успокоился и дремал днем с перерывами.

Не смел долго отлучаться из дому. Такое утешение иметь дорогую Аликс; она целый день сидела у меня, пока я читал дела от разных министров.

Около 11 часов у дяди Владимира было совещание докторов – ужасно!..

Вечером казалось, что милый Папа чувствует себя бодрее – но слабость страшная! ***Одно упование и надежда на Милосердного Господа: да будет воля Его святая!***»

7

«Утром дорогой Папа проспал четыре часа подряд и посидел днем в кресле. Беспокойства наши опять начались под вечер, когда Папа переехал в спальню и лег в постель: опять слабость сделалась страшная! Все бродили по саду вразброд – я с Аликс был у моря, так что побоялся за ее ноги, чтобы она не устала влезть наверх: коляски не было.

После чаю и вечером читал бумаги»... – эту запись Николай II сделал **19 октября 1894 года.**

На следующий день жизнь императора Александра III оборвалась.

«**20-го октября. Четверг.** Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого, дорогого, горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется – кажется до того неправдоподобным ужасная действительность.

Все утро мы провели наверху около него! Дыхание его было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины третьего он причастился святых Тайн; вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал!

О. Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал за голову. Эта была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни!»...

Святой праведный Иоанн Кронштадтский тоже оставил в своём дневнике запись об этом дне…

«Он тихо скончался. Вся Семья Царская безмолвно с покорностью воле Всевышнего преклонила колени. Душа же Помазанника Божия тихо отошла ко Господу, и я снял руки свои с главы Его, на которой выступил холодный пот.

Не плачь и не сетуй, Россия! Хотя ты не вымолила у Бога исцеления своему царю, но вымолила зато тихую, христианскую кончину, и добрый конец увенчал славную Его жизнь, а это дороже всего!»

«Он умер, как Он жил: просто и благочестиво; так умирают мои матросики, простой русский народ… – писала двоюродная сестра Александра III греческая королева Ольга. – В 10 часов утра, когда Он причащался, он повторял каждое слово молитв: «Верую Господи и исповедую» и «Вечери Твоей тайныя», – и крестился. Всем нам он протягивал руку, и мы ее целовали… Никогда не забуду минут, когда Ники позвал меня под вечер посмотреть на выражение Его лица… Мы долго с Ники стояли на коленях и не могли оторваться, все смотрели на это чудное лицо».

Вглядимся ещё раз в картину происходившего 20 октября 1894 года в спальне Малого дворца в Ливадии…

Объятый волнением наследник престола, будущий царь-мученик Николай II…

На постели – умирающий император Александр III…

У изголовья – святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Его руки сжимают голову умирающего императора…

И это оттуда обращённые к нам звучат слова святого:

– Не плачь и не сетуй, Россия…

Молитвой праведного отца Иоанна Кронштадтского совершается то, что ***дороже всего…***

«Обладая чрезвычайной простотой и искренностью, отец Иоанн имел величайший дар молитвы, – говорил священномученик Серафим Чичагов. – Это его отличительная особенность. Он глубоко верил, от всего сердца, в благодать, данную ему как священнику от Бога, молиться за людей Божиих и что Господь настолько близок к верующему христианину, как собственное его тело и сердце, ибо тело наше есть храм живущего в нас Святого Духа, Которого мы имеем от Бога… Он веровал на молитве, что за словом, как тень за телом, следует и дело, так как у Господа слово и дело не разделены и, не допуская ни малейшего сомнения в исполнении Богом его прошений, просил совершенно просто, искренне, как дитя, с живою верою в Господа, представляя Его не только стоящим пред собою, но и как бы находящимся в Нем, в такой близости… Дорогой батюшка отец Иоанн поражал и иногда потрясал всех глубиною своей молитвы»…

Величественная, исполненная высокого значения картина…

В конце дня загремели пушки военных кораблей в Ялтинском заливе, возвещая о кончине императора Александра III, в это время перед дворцом был установлен алтарь, у которого Николай II принёс присягу.

8

«Эта была смерть святого!» – записал Николай II, а на следующий день, 21 октября, Иоанном Кронштадтским была совершена церемония миропомазания принцессы Алисы...

«Совершилось священное миропомазание над нареченной невестой нашей. Приняв имя Александры, она стала дочерью Православной нашей Церкви, к великому утешению нашему и всей России».

Тогда ещё не знали, что благоверной княжне Александре Фёдоровне, которая родилась в православии в церкви Ливадийского дворца, предстоит стать святою.

«И в глубокой печали Господь дает нам тихую и светлую радость», – записал в своем дневнике новый император.

Как и везде в его дневнике, каждое слово в этой записи нагружено прямым и конкретным значением гораздо в большей степени, чем это может показаться при беглом чтении.

Ясным это становится, когда мы читаем воспоминания людей, окружавших в те дни молодого императора.

«20 октября 1894 года. Никки и я стояли на веранде чудесного Ливадийского дворца с мешками кислорода в руках: мы присутствовали при последних минутах Александра III… – вспоминал великий князь Александр Михайлович. – Даже

соленое дыхание южного моря не могло вернуть к жизни человека, поставившего себе целью жизни предотвратить беспощадный ход революции... Каждый в толпе присутствовавших при кончине Александра III родственников, врачей, придворных и прислуги, собравшихся вокруг его бездыханного тела, сознавал, что наша страна потеряла в лице Государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть.

Никто не понимал этого лучше самого Никки.

В эту минуту в первый и в последний раз в моей жизни я увидел слезы на его голубых глазах. Он взял меня под руку и повел вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что он сделался Императором, и это страшное бремя власти давило его.

– Сандро, что я буду делать! – патетически воскликнул он. – Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть Царем! Я не могу управлять Империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помоги мне, Сандро!..

Я старался успокоить его и перечислял имена людей, ***на которых Николай II мог положиться***».

Сцена великолепная.

Нет никакого сомнения, что великий князь Александр Михайлович излагает события, ничего не выдумывая от себя, но при этом и ничего не понимая в них.

В первый и последний раз увидел великий князь слёзы на голубых глазах государя, простившегося навсегда со своим любимым отцом.

И, наверное, действительно, под влиянием нахлынувшего на него переживания Николай II взял под руку товарища по детским играм и повёл вниз в свою комнату, и там они, обнявшись, заплакали вместе.

Наверняка Николая II давило страшное бремя власти, легшее на его плечи. Он чувствовал, что переходит сейчас в совершенно другое состояние, принципиально отличное от того, в котором находился до сих пор, и хотя его с самых малых лет готовили к этому, но освоиться в новом состоянии сразу было просто невозможно.

И Николай II вполне мог пожаловаться, что даже не знает, как разговаривать с министрами, ведь он никогда ещё не разговаривал с ними как император. И помочь, поддержать его он наверняка просил своего друга.

Только ведь просил он поддержки дружеским пониманием и сочувствием, просил молитвенной помощи...

Но великий князь Александр Михайлович ничего этого не понял.

Услышав просьбу молодого императора, он вытер слёзы и, не теряя ни мгновения из переполненных горем минут, деловито начал перечислять «имена людей, ***на которых Николай II мог положиться***».

Стремясь столь неприлично торопливо закрепить своё влияние на императора, расставив вокруг него своих людей, великий князь, который был, разумеется, и образованным, и воспитанным человеком, не совершал сейчас ничего необычного и непринятого в придворном обществе.

Так поступали все, и так было всегда при смене государей, почему же теперь что-то должно было измениться?

Этого великий князь Александр Михайлович не сумел понять ни в Ливадии, ни много лет спустя, когда, записывая свои мемуары, старался убедить читателей, что все беды произошли из-за нежелания Николая II следовать его мудрым советам... Вот если бы царь принял его руководство, тогда и монархия бы устояла, и история пошла бы совсем иначе.

9

Разумеется, не только великий князь Александр Михайлович стремился установить влияние над молодым императором. Другие родственники Николая II тоже не теряли времени. Тем более что и повод был подходящий – надобно было решать, как совместить то, что не совмещается – похороны Александра III и свадьбу Николая II с Александрой Фёдоровной.

«Только и делал, что отписывался от туч телеграмм, – записывает Николай II **22-го октября.** – Происходило брожение умов по вопросу о том, где устроить мою свадьбу. Мама, некоторые другие и я находил, что всего лучше сделать ее здесь спокойно, пока еще дорогой Папа под крышей дома; а все дяди против этого и говорят, что мне следует жениться в Питере после похорон.

Это мне кажется совершенно неудобным!

Днем ходили к морю – прибой был громадный. Погода потеплела и стала ясная».

Верх в семейном ***брожении умов*** одержали дяди.

Вместо тихой и незаметной свадьбы в Ливадии, которая совершилась как бы ещё при отце,

решено было прервать на день рождения вдовствующей императрицы траур и отпраздновать свадьбу в Санкт-Петербурге со всем положенным императорскому дому пышным церемониалом.

«**26-го октября. Среда.** Утром большая часть семейства уехала вперед в Москву и Питер. День стоял серый, но совсем тихий. В 2 часа и в 7 часов были панихиды в большой церкви; гроб не открывали!

Доканчивал последние бумаги...

27-го октября. Четверг. К счастью, погода была хорошая и море спокойное.

В 8 1/2 покинули наш дом, который теперь так горестно осиротел, и поехали в церковь.

Там кончалась обедня.

Вынесли гроб и передали его казакам, которые, чередуясь со стрелками и гребцами с катера Его Величества, донесли его до пристани в Ялте.

Мама и все мы провожали гроб пешком.

После литии перешли на «Память Меркурия», где гроб был поставлен на шканцах под тентом из Андреевского флага.

Полное дежурство стояло вокруг.

Чудная, красивая, но грустная картина. Завтракали внизу отдельно от других.

Когда подходили к Севастополю, начало покачивать. «12 Апостолов» и «Орел» шли за нами. Вся эскадра стояла выстроенная в одну линию, совершенно как месяц тому назад. Но Боже! Какая ужасная разница с того раза, каким веселым смотрел тогда Севастополь»...

Глава вторая

СВАДЬБА ПОСРЕДИ ПОХОРОН

В Севастополе драпированный пурпуром гроб императора внесли в вагон траурного поезда.

Впереди был путь через всю империю, и начинался он в годовщину свадьбы императора Александра III и Марии Фёдоровны.

С юга на север, через всю страну, шёл траурный поезд.

Россия прощалась со своим ***самым русским*** императором...

«Окончательно попали в зиму, – записал **29 октября** Николай II. – Останавливались три раза: в Курске, Орле и Туле».

Пока поезд стоял, служили панихиды.

В Москве гроб вынесли из поезда и, поставив на колесницу, повезли по запруженным народом улицам в Архангельский собор.

1

Совершались и другие панихиды по дороге.

Одну из них описал герцог Георгий Николаевич Лейхтенбергский: «Как сейчас помню: получается телеграмма, что население местечка Поныри просит разрешения отслужить панихиду при проходе поезда. Остановка эта не была предусмотрена и приходилась среди ночи. Послали ответ, что поезд не будет останавливаться. На следующей станции опять телеграмма: убедительно просят остановить поезд и отслужить панихиду. В конце концов разрешение было дано, и поезд остановился на станции Поныри часов в пять утра (а может быть, и в четыре, – точно не помню). Мне пришлась очередь быть дежурным часовым в это время, и вот почему я был очевидец.

Отодвинулись двери вагона, и в него ворвалась предрассветная холодная мгла дождливого октябрьского утра, вместо обычных расшитых золотом и блещущих галунами мундиров, пришедшая издалека серая толпа простых бедных крестьян, стоящих на коленях в лужах воды; ни одной форменной фуражки, кроме разве полицейского урядника; вместо духовенства в парчовых ризах и драгоценных митрах скромный, серый, как и всё окружающее, деревенский священник с развивающимися по ветру космами седых волос и такой же скромный дьячок.

Прерывающимся от волнения голосом читает священник слова молитв; таким же голосом отвечает ему дьячок; к концу панихиды голос священника начинает дрожать и прерываться плачем и всхлипываниями, а стоящая на коленях толпа в один голос громко рыдает под дождем и ветром, задувавшим грошовые восковые свечи. На словах вечной памяти голос священника совершенно срывается в неудержимый плач… Двери вагона задвигаются, и поезд плавно уносит на север бренные останки Того, с кем так очевидно и искренно был связан оставшийся позади на коленях серый православный народ, слезами неподдельного горя провожавший своего любимого Царя».

Ещё запомнился герцогу Георгию Николаевичу Лейхтенбергскому отец Иоанн Кронштадтский, который ехал в одном вагоне с ним: «Когда случалось ночью проходить по коридору, и он не мо-

лился у гроба почившего Императора, то его обыкновенно можно было встретить стоящим у окна и смотрящим в уходящую даль, на небо, на звезды»...

В уходящую даль великого царствия смотрел святой праведный Иоанн Кронштадтский...

2

1 ноября 1894 гроб с телом императора прибыл в Санкт-Петербург.

Под погребальный звон колоколов и приглушённую дробь барабанов траурный кортеж двинулся к Петропавловской крепости.

Величествен и скорбен был этот последний путь.

Впереди процессии несли знамёна и гербы. Между знамёнами и гербами двигались латники. Один из них – светлый, в золотых латах, ехал на коне, опустив обнажённый меч, другой – в чёрных латах, шёл пешком, символизируя бесконечную скорбь.

Затем шли депутаты земель и городов, сановники и министры, за которыми несли государственные мечи, иностранные и русские ордена Александра III и императорские регалии.

Далее следовало – в светлых облачениях, с хоругвями, крестами и иконами – духовенство, и лишь потом – погребальная колесница, за которой шли императрица Мария Фёдоровна, Николай II и его невеста Александра Фёдоровна. Чёрное траурное платье и чёрная косынка подчёркивали её бледность...

Первая остановка траурной процессии была у Знаменской церкви[11].

Следующая – у Аничкова дворца, где жил Александр III.

Здесь, на Невском проспекте, и планировали террористы убить его в 1887 году...

Останавливалась траурная процессия и у Казанского собора...

Звучали слова псалма: «Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи и от словесе мятежна, плещма Своима осенит тя, и под криле Его надеешися: оружием обыдет тя истина Его. Не убоишися от страха нощнаго, от стрелы летящия во дни, от вещи во тме преходяшия, от сряща и беса полуденнаго. Падет от страны твоея тысяща, и тма одесную тебе к тебе же не приближится, обаче очима твоима смотриши и воздаяние грешников узриши. Яко Ты, Господи, упование мое, Вышняго положил еси прибежище твое. Не приидет к тебе зло, и рана не приближится телеси твоему, яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих. На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия»... И внимали погружённые в серенький сырой воздух петербургского дня величественные храмы и дворцы, внимали провожавшие своего императора петербуржцы, внимал сам император, совершающий свой последний путь по столице своей империи, которую он оставлял сыну...

[11] Здесь сейчас станция метро «Площадь Восстания».

3

«**2-го ноября. Среда.** Выспался хорошо; но как только приходишь в себя, сейчас же ужасный гнет и тяжелое сознание совершившегося возвращаются в душу с новою силою! Бедная Мама опять чувствовала себя слабою, и днем с нею случился небольшой обморок...

В два часа ездил на панихиду. Шел дождь, темнота была адская, дул свежий ветер, и вода в Неве пошла на прибыль... В 8 часов был на второй панихиде».

Напряжение, связанное с похоронными мероприятиями, не освобождало Николая II от текущей императорской работы. Практически всё его время занимали протокольные встречи и государственные дела...

«Только в первых числах ноября министры впервые явились со своими докладами к новому монарху, – пишет С. С. Ольденбург. – Они должны были одновременно с разрешением очередных вопросов посвящать его в общий ход государственной машины. И тут выяснилось, что государь был в курсе всех существенных дел»...

Порою эта осведомлённость становилась для сановников неприятным сюрпризом. Нечто подобное произошло 4 ноября, когда Николай II принимал министра финансов Сергея Юльевича Витте.

«Когда я пришёл к императору с первым моим всеподданнейшим докладом, то Николай II встретил меня чрезвычайно ласково... – вспоминал он. – Когда я приступил к докладу, то вопрос, который мне задал император Николай, был следующий: «А где находится ваш доклад о поездке на Мурман? Верните мне его».

Я доложил государю, что доклада этого его покойный отец мне не возвращал. Тогда государь сказал мне, что доклад этот ему читал (или показывал) покойный император еще в Беловежском дворце (где Александр III находился ранее, нежели переехал в Ливадию) и что на докладе этом императором Александром III сделаны некоторые резолюции.

Я снова подтвердил, что доклада этого я обратно не получал. Николай II был очень этим удивлен и сказал, что непременно его разыщет».

Отвлекаясь от пересказа воспоминаний Сергея Юльевича, отметим, что в его поведении с самого начала присутствует некая странность. И если уклончивость, с которой отвечает он на вопросы о судьбе доклада, можно как-то объяснить, то его поведение во время второй встречи 11 ноября 1894 года такому объяснению уже не поддаётся.

С. Ю. Витте узнал тогда, что молодой император, хотя он и находился «под влиянием разнообразных чувств и сильных впечатлений», тем не менее сумел разыскать доклад о поездке на Мурман, затерявшийся среди великого множества государственных бумаг. Сообщив об этом, Николай II объявил, что считает необходимым устроить морской опорный пункт Российской империи на Мурмане, в Екатерининской гавани, и подверг критике проект грандиозных устройств в Либаве.

– В случае войны противник легко сможет заблокировать там нашу эскадру! – сказал он.

По словам С. Ю. Витте, Николай II решил объявить указ об устройстве основного военного порта в Екатерининской гавани на Мурмане и о прокладке туда железной дороги немедленно.

«Мне приходилось часто слышать, что император Александр III сделал ошибку, послав наследника престола на Дальний Восток, вместо того чтобы организовать путешествие по Европейской России, дабы наследник ближе познакомился с Европейской Россией, а так же с Западом и ближайшими к нам странами, – скажет С. Ю. Витте в своих воспоминаниях. – Когда молодой цесаревич неожиданно сделался императором вследствие преждевременной смерти императора Александра III, то естественно полагать, что в душе его неоднократно рождалась мысль о дальнейшем расширении великой Российской империи в направлении к Дальнему Востоку»...

4

Но это Сергей Юльевич напишет в своих мемуарах, а 11 ноября 1894 года его охватило что-то похожее на панику. Указ Николая II стал бы решительным объявлением, что Российская империя, исполняя своё обусловленное географией и тысячелетней историей предназначение, решительно разворачивается к бескрайним пространствам северных и тихоокеанских морей, в которых, а не в европейской тесноте, и будут проложены соответствующие её мощи пути.

– Я бы посоветовал Вашему Величеству не спешить с этим делом, – сказал Сергей Юльевич. – Я бы не советовал издавать этот указ в ближайшие недели после смерти вашего покойного отца, ибо мера эта, несомненно, внесёт некоторый семейный разлад.

Император встретил это заявление недоумённым молчанием, и Сергей Юльевич – мы реконструируем разговор по его воспоминаниям – добавил, что, если указ появится сейчас, несомненно, будут говорить, что император Николай II только что вступил на престол, а потому дело это изучить не мог и, следовательно, действует под чьим-нибудь влиянием.

– Нет... – сказал император. – Говорить так не смогут, потому что у меня есть на вашем, Сергей Юльевич, докладе о поездке в Мурман, резолюции императора Александра III.

– Генерал-адмирал Алексей Александрович почтёт, Ваше Величество, это для себя обидой, ведь он партизан устройства порта в Либаве... – сказал Витте и пустился в объяснения, дескать, великий князь Алексей Александрович очень близок к вдовствующей императрице, которая теперь, после смерти Александра III, ещё более будет к нему привязана.

Витте включил всю свою опытность и мастерство царедворца и, выставив вперёд, как щит, опасение обидеть и огорчить только что овдовевшую императрицу-мать[12], вынудил-таки молодого императора счесть его «соображения довольно уважительными» и согласиться с этим делом «немножко повременить».

Трудно говорить, какими именно видами и преференциями руководствовался Сергей Юльевич

[12] С. Ю. Витте аргументировал это так: «Великий князь Алексей Александрович, будучи один среди великих князей, братьев ее покойного мужа, холостым, всегда был очень близок к императрице Марии Федоровне. Таким образом, эта мера внесет разлад в царскую семью в первые же недели после смерти императора Александра III, чего, конечно, желательно избегнуть»...

вич Витте, перекрывая молодому императору возможность принять соответствующее национальным интересам империи решение. Но, безусловно, он понимал, что одержал победу.

Ведь если бы царский указ был выпущен сразу, главному «партизану» либавского порта пришлось бы смириться, а так промедление позволяло великому князю Алексею Александровичу использовать всю мощь своего давления, устоять против которого ещё не коронованный император не мог.

В результате появился указ о Либавском порте.

Сам С. Ю. Витте с плохо скрываемым торжеством рассказывает в своих воспоминаниях, что Николай II приехал тогда к Константину Константиновичу и «со слезами на глазах сетовал, что вот генерал-адмирал великий князь Алексей заставил его подписать такой указ, указ, который совершенно противоречит его взглядам и взглядам его покойного отца. Отказать же ему в этом император Николай II не мог, так как великий князь поставил этот вопрос таким образом, что если этого не будет сделано, то он почтет себя крайне обиженным и должен будет отказаться от поста генерал-адмирала»...

В своих воспоминаниях С. Ю. Витте признается, что потом ему приходилось жалеть, зачем он тогда «отговорил императора Николая от издания указа об устройстве нашего опорного пункта на Мурмане»[13], но он не был бы двоюродным братом Елены Блавадской, если бы ограничился покаянием. Эта самокритика необходима, чтобы ещё сильнее уязвить императора.

«Когда имеешь дело с людьми колеблющимися, – резюмировал он, – весьма важно ловить момент, а если упустишь момент, то и самое дело упустишь. Я говорю, что решение это имело важные последствия и вот почему: если бы император Николай II издал тогда указ о том, что надобно устраивать наш морской базис на Мурмане, то, несомненно, он сам увлекся бы этой мыслью, которая представляла собою завет покойного его отца. Тогда, вероятно, мы не искали бы выхода в открытое море на Дальнем Востоке, не было бы этого злополучного шага – захвата Порт-Артура и затем, так как мы все спускались вниз, шли со ступеньки на ступеньку, не дошли бы мы и до Цусимы».

[13] Указ Николая II о строительстве военного порта в Либаве был опубликован в «Правительственном вестнике» 6 декабря 1894 года.

5

В тот памятный день, 11 ноября 1894 года, когда Сергею Юльевичу Витте удалось одержать одну из своих многочисленных придворных побед, направленных отнюдь не на благо Российской империи, Николай II записал в дневнике:

«Утром гулял в саду. Темнота весь день стояла страшная. После breakfast'a имел доклады: Витте и Кривошеина[14]. Затем принял вторую серию генерал-губернаторов и командующих войсками... Принял весь Сенат в полном составе в бальной зале. Гулял и ездил на велосипеде в саду. Читать было мало, поэтому чудно провел время до обеда с милой Аликс. Боковые две комнаты устраиваются».

Эта запись, если совместить её с произведённой нами расшифровкой приёма Сергея Юльевича Витте, показывает, насколько ответственные решения приходилось принимать молодому императору в самые первые дни своего правления, в каком нечеловеческом напряжении сил он находился.

Примерно такой же распорядок складывался у него и в другие, предшествующие и сопутствующие свадьбе дни.

«Мне все кажется, что дело идёт о чужой свадьбе, – признаётся он в своём дневнике. – Странно при таких обстоятельствах думать о своей собственной женитьбе!»

Странно думать...

Это, разумеется, не о загруженности молодого императора государственными делами, а о странной близости рождения его семьи с кончиной его отца, о том зловещем соседстве погребальных и свадебных церемоний, в котором, кажется, и рождалась болезнь сына, и сама трагическая судьба всей царской семьи...

14 ноября был день рождения вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. Эта дата позволяла прервать на день траур, и на это число и назначил Николай II венчание.

Утром он облачился в гусарскую форму и поехал в Зимний дворец.

«День моей свадьбы!.. – записал он в дневнике. – В 10 минут первого начался выход в большую церковь, откуда я вернулся женатым человеком!.. В Малахитовой нам поднесли громадного серебряного лебедя от семейства. Переодевшись, Аликс села со мною в карету с русскою упряжью с форейтором, и мы поехали

[14] Аполлон Константинович Кривошеин, министр путей сообщения.

в Казанский собор. Народу на улицах было пропасть – едва могли проехать!.. Мама ждала с хлебом-солью в наших комнатах. Сидели весь вечер и отвечали на телеграммы. Обедали в 8 часов. Завалились спать рано, т. к. у нее сильно разболелась голова!»

Вот и все свадебные торжества...

«Их медовый месяц протекал в атмосфере панихид и траурных визитов, – напишет великий князь Александр Михайлович. – Самая нарочитая драматизация не могла бы изобрести более подходящего пролога для исторической трагедии последнего русского Царя»[15].

Но это будет написано сорок лет спустя, в Париже, а тогда, в 1894 году, Николай II, кажется, забывал о зловещем соседстве своей свадьбы с похоронными церемониями, его переполняло счастье.

«**15 ноября.** Итак, я женатый человек!.. Поехал с Аликс в крепость, помолиться на могиле дорогого незабвенного Папа; народу была масса!..

17 ноября. Невообразимо счастлив с Аликс, жаль, что занятия отнимают столько времени, которое так хотелось бы проводить исключительно с ней!..

19 ноября. В 9 часов уже пили кофе. Читал до 10 1/2. Принимал доклады: Ванновского[16], гр. Воронцова[17] и Филиппова[18]. Волькенштейн[19] приезжал проститься – приняли его вдвоем... Гулял в саду с Аликс – было 2° морозу. Пили чай у себя и читали вместе. Просто нет сил расстаться друг с другом!..

24 ноября. Каждый день, что проходит, я благословляю Господа и благодарю Его от глубины души за то счастье, каким Он меня наградил! Большего или лучшего благополучия на этой земле человек не вправе желать»...

6

Мы уже говорили, что Александр III даже в манерах, даже в привычках своих был более русским, чем все остальные русские императоры.

Исключение составляет только его сын – император Николай II.

Но он – явление совсем уже необычное.

Это первый и единственный русский император, ставший святым…

Николай II родился в день памяти праведного Иова Многострадального, 6 (19) мая 1868 года, когда русская армия нанесла поражение эмиру Бухары, и Бухара отныне вошла в состав империи.

Инженер А. Р. Власенко сконструировал в тот год первый в мире зерноуборочный комбайн.

В журнале «Русский вестник» напечатали роман Ф. М. Достоевского «Идиот».

Ещё?

Ещё в Риге зашёл по мелководью в море литератор Писарев, и больше не видели его живым… Однако нигилистические идеи не утонули вместе с Писаревым. Уже на следующий год всю страну потрясло убийство Сергеем Нечаевым студента Иванова.

Будущему императору было восемь лет, когда на демонстрации рабочих и студентов у Казанского собора впервые подняли красное знамя с вышитыми на нём словами: «Земля и воля»…

И ещё не исполнилось Николаю II тринадцати лет, когда 1 марта 1881 года народовольцами, устроившими настоящую охоту на государя, был убит его дед – император Александр II.

Десятилетиями вдалбливали нам в головы, какими высокими и светлыми идеалами руководствовались цареубийцы.

Смущали, правда, некоторые подробности их биографий, смущало сочувствие, которое проявляли к народовольцам-цареубийцам вчерашние рабовладельцы-крепостники, но только сейчас становится по-настоящему ясно, кого представляли и народовольцы, и последующие революционеры, чьи права они защищали под видом борьбы с самодержавием…

Монархия устояла тогда ещё на два правления, но устояла она не потому, что уже окрепло гражданское общество, способное поддерживать её вопреки изощрённейшей, безжалостной подрывной работе, проводимой вчерашними крепостниками…

Нет…

Сочувствуя монархической идее, уже угадывая в ней гарантию своих прав и свобод, русское общество ещё не успело развиться и окрепнуть настолько, чтобы противостоять обрядившемуся в нигилизм крепостничеству.

[15] Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. С. 141.

[16] Пётр Семёнович Ванновский, военный министр.

[17] Граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, министр императорского двора и уделов.

[18] Тертий Иванович Филиппов, Государственный контролёр России.

[19] Граф фон Волькенштейн-Тростбург Антон Карл, австрийский посол.

Слова классика русской литературы Ф. М. Достоевского: «…у нас проще пойти и бросить бомбу в государя, нежели заказать молебен об его здравии» – точное свидетельство отравления страны и всего русского общества впрыснутым в него ещё неведомым ядом…

Последний русский император рос под грохот выстрелов и разрывов бомб, но готовили его для другой, созидательной на благо России деятельности…

«Огляделся: комната волшебная. Ничего подобного сроду не видывал. Во-первых, идет по полу железная дорога, маленькая, но настоящая, с рельсами, с сторожевыми будками, с тремя классами вагонов, стоят полки солдат с киверами, с касками, казаки в шапках, а вот лошади с гривами, верблюды с горбами, а вот барабан, ружья в козлах, труба с кисточкой, гора песку»…

Хозяин всех этих игрушечных сокровищ, будущий русский император заводил ключиком свою дорогу, и вот уже «паровоз побежал, из будки вышла сторожиха, замахала флажком, на платформе появился пузатый начальник, зазвенел звонок»…

Железная дорога – не случайная игрушка.

Двадцати четырёх лет от роду Николай Александрович стал председателем Комитета самой большой в мире Сибирской железной дороги, с его именем будет связано и строительство Китайской восточной железной дороги – легендарной КВЖД.

А начинались эти гигантские транспортные артерии в уютной детской, в учебных комнатах, куда приходили на уроки к наследнику престола историк Василий Ключевский, композитор Цезарь Кюи, другие выдающиеся деятели русской культуры.

Его успешно готовили к созидательной, на благо России деятельности монарха, но совсем другой Путь предназначено было пройти ему...

Нравственный путь, пройденный Николаем Александровичем от его юношеского романа с Матильдой Кшесинской до заточения в Ипатьевском доме, кажется, и не мог бы вместиться в обычную жизнь.

Это подвиг, доступный только святому.

Ни родители, ни наставники не могли знать о том, что назначено ему, и всё же – вот он Промысел Божий! – именно в детстве получил Николай глубокое религиозное воспитание.

Многие удивлялись, как прекрасно знает ребёнок чин церковных служб и, обладая музыкальностью, умеет тактично и корректно подтягивать хору дворцовой церкви…

7

С ранних лет будущий император отличался самообладанием, терпимостью и чувством долга, и именно эти качества и проявились в нём уже в самые первые месяцы правления...

И вместе с тем удивляла скромность и мягкость нового императора.

В его дневниках можно найти такие записи: «После завтрака поехал к дяде Владимиру поздравить его, но не застал его дома. Катался с Мишей и Ольгой на велосипедах»...

«Когда император Николай II вступил на престол, – вспоминал Сергей Юльевич Витте, – то от него светлыми лучами исходил, если можно так выразиться, дух благожелательности; он сердечно и искренне желал России в ее целом, всем национальностям, составляющим Россию, всем его подданным, счастия и мирного жития»...

Эта простота не была наигранной, она была естественной для сына ***самого-самого русского царя.***

«Его манеры, – писал немецкий дипломат граф Рекс, – настолько скромны, и он так мало проявляет внешней решимости, что легко прийти к выводу об отсутствии у него сильной воли, но люди, его окружающие, заверяют, что у него весьма определённая воля, которую он умеет проводить в жизнь самым спокойным образом».

Однако далеко не все были столь же осмотрительны, как немецкий посол.

Мягкость и доброжелательность Николая II порождали у некоторых сановников впечатление мягкотелости и бесхарактерности.

Он не выходил из себя, не повышал голоса, даже когда подчинённые и раздражали его своим нежеланием понять и сделать то, что необходимо, по его мнению, сделать.

Потом, получив указ о своей отставке, эти подчинённые удивлялись – ведь ещё накануне государь разговаривал с ними, не выказывая никакого раздражения...

Вежливость молодого императора они принимали за его двуличность.

Особенно сильно это заблуждение поразило умы великих князей.

Зачастую они и не принимали в расчёт самого Николая II и единственным препятствием в реализации своего желания немножко поправить страной они считали других великих князей.

Великий князь Александр Михайлович (Сандро), который ещё в Ливадии начал формировать новое правительство России, перечисляя «имена людей, ***на которых Николай II мог положиться***», не оставил друга, ставшего самодержцем, и в Санкт-Петербурге.

«Наш медовый месяц был прерван... и мы возвратились в Петербург, желая помочь Никки и Аликс в их первых шагах, – вспоминал он. – Едва ли можно было бы найти две другие пары молодоженов, которые были более близки друг к другу, чем мы четверо. Вначале мы занимали смежные апартаменты в Аничковом дворце... Потом мы все переехали в Зимний Дворец, который подавлял своими размерами, с громадными, неуютными спальными».

Разумеется, как считал сам Александр Михайлович, такая жертвенность должна была бы иметь достойное вознаграждение, но препятствие возникло в лице старшего поколения великих князей.

«Они всегда чего-то требовали. Николай Николаевич воображал себя великим полководцем. Алексей Александрович повелевал морями. Сергей Александрович хотел бы превратить Московское генерал-губернаторство в собственную вотчину. Владимир Александрович стоял на страже искусств».

Ну, а сам Николай II, по наблюдению Александра Михайловича, мог только глубоко вздыхать, когда во время утреннего приёма высших сановников империи ему сообщали о приходе с докладом одного из его дядей.

8

Подобное заблуждение преобладало и в широких дворянских кругах, пока 17 января 1895 года Николай II не рассеял этих иллюзий.

«Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления, – сказал он тогда собравшимся в Николаевской зале депутациям от дворянства, земств и городских обществ. – Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твёрдо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный, покойный родитель».

Как видно из дневника, сам Николай II «был в страшных эмоциях перед тем, чтоб войти в Николаевскую залу», и значит, о последствиях своего заявления догадывался.

А последствия произошли немедленно.

«После речи государя продолжается волнение с болтовнёй всякого рода, – писал тогда К. П. Победоносцев. – Я не слышу её, но мне рассказывают, что повсюду в молодёжи и интеллигенции идут толки с каким-то раздражением против молодого государя. Вчера заезжала ко мне Мария Ал. Мещерская (ур. Панина), приехавшая сюда на короткое время из деревни. Она в негодовании от всех речей, которые слышит по этому поводу в гостиных. Зато на простых людей и на деревни слово государя произвело благотворное впечатление. Многие депутаты, едучи сюда, ожидали бог знает чего и, услышав, вздохнули свободно. Но как печально, что в верхних кругах происходит нелепое раздражение»...

К. К. Победоносцев был уверен, что большинство членов Государственного совета и министров критически относятся к поступку государя, поскольку «Бог знает, что́ было в головах у людей до этого дня и какие выросли ожидания»…

Наверное, можно было бы и не произносить этой речи перед прибывшими с поздравлениями депутатами, однако молодой государь сделал то, что считал нужным, и никогда не сожалел, что речью своей сильно поубавил сторонников среди так называемой передовой интеллигенции.

Николай II понимал, что не обиды уволенных чиновников и, конечно, не нелепые претензии передовой интеллигенции вызывали то «нелепое раздражение» в петербургском обществе, о котором горевал К. К. Победоносцев.

Отторжение вызывал сам характер деятельности Николая II, которую он развернул с первых дней своего правления.

9

Вот некоторые события тех лет:

1 января 1895 года. Закрепляя государственную монополию на продажу водки, вступило в силу «Положение о казённой продаже питей».

13 апреля. Высочайший указ об учреждении в Михайловском дворце «Русского музея Императора Александра III» – Государственного Русского музея.

25 апреля (7 мая). На заседании Русского физико-химического общества преподаватель физики и электроники Минных офицерских классов А. С. Попов сделал доклад об изобретённой им системе связи без проводов и продемонстрировал созданный им первый в мире радиоприёмник. Этот день считается Днём радио.

24 июня. Россия предоставила Китаю заём – 400 миллионов франков.

14 октября. Закончено сооружение первой линии Транссибирской магистрали.

15 ноября. В Мариинском театре состоялась премьера балета «Лебединое озеро» П. И. Чайковского. Эта постановка, осуществлённая Л. И. Ивановым и М. И. Петипа, стала классической.

9 декабря. Произведён арест членов Союза борьбы за освобождение рабочего класса, образованного чуть больше месяца назад. Владимир Ульянов-Ленин на 15 месяцев заключён в тюрьму, а затем отправлен на три года в ссылку в сибирское село Шушенское.

8 (20) января 1896 года. Петром Францевичем Лесгафтом организованы в Санкт-Петербурге высшие Курсы воспитательниц и руководительниц физического образования, на базе которых возник Институт физической культуры им. П. Ф. Лесгафта.

13 (25) января. В Санкт-Петербурге в Юсуповском саду прошёл первый мировой чемпионат по фигурному катанию. Фигурным катанием в XIX веке занимались в основном мужчины.

29 апреля (11 мая). Основан Томский технологический институт императора Николая II (ныне Томский политехнический университет), старейшее высшее техническое учебное заведение Сибири.

Этот неполный перечень событий показывает, насколько грандиозными были шаги нового царствования. Двигаясь по пути, предопределённому Богом, страна не только получала мощнейший резерв своего развития, включая – сооружение первой линии Транссибирской магистрали – в хозяйственный оборот бескрайние просторы Сибири, но и выходила при этом на самые передовые позиции в области науки, искусства, спорта.

Укреплялась и военная мощь государства.

30 апреля в присутствии Николая II спустили на воду в Новом Адмиралтействе броненосец «Адмирал Апраксин»; а на Балтийском заводе – самый крупный в российском флоте – крейсер I ранга «Россия».

Случилось это как раз накануне отъезда императора на коронационные торжества в Москву.

«Так как это был наш последний приезд в Питер, поехали в крепость проститься с дорогой могилой, перед тяжким испытанием, ожидающим нас в Москве»... – записал государь **2 мая 1896 года.**

Глава третья

КОРОНАЦИЯ ГОСУДАРЯ

«Всепресветлейший державнейший великий государь император Николай Александрович, возшед на прародительский наследственный престол Российской империи <...> по образу благочестивых государей предков своих указать изволил: священнейшему коронованию Его императорского величества и от святого мира помазанию при помощи Всевышнего быть сего мая в 14-й день...

О сем торжестве всем верноподданным чрез сие возвещается, дабы в вожделенный оный день усугубили мольбы свои к Царю царствующих, да всемощною своею благодатию приосенить царство Его величества и да утвердить в нем мир и тишину во славу свою святую и к непоколебимому благоденствию государства».

1

Исследователи справедливо отмечают, что вера в Бога и священность царского служения были для Николая II незыблемыми. Он всегда считал, что на нём лежит вся полнота ответственности за судьбу империи и он должен будет ответить за Россию перед Богом.

Из записей в дневнике Николая II видно, насколько серьезно относился он к чину коронования.

«**8 мая.** Первый тяжелый день для нас – день въезда в Москву. Погода стояла великолепная. Имел доклад Дурново. К 12 часам собралась вся ватага принцев, с которыми мы сели завтракать. В 2 1/2 ровно тронулось шествие; я ехал на Норме. Мама сидела в первой золотой карете, Аликс во второй – тоже одна. Про встречу нечего говорить, она была радушна и торжественна, какая только и может быть в Москве! Вид войск чудес-

ный! В Успенском и Архангельском соборах прикладывались к мощам...

9 мая. День стоял чудный, совершенно летний. Начали с Аликс поститься и говеть... Долго принимали наверху посольства: французское, американское, испанское, японское и корейское, все в большом составе...

10 мая. Поехали в Кремль, где снова принимали разных принцев и затем чрезвычайные посольства. Прием не продолжался так долго, как вчера; вернулись назад раньше 4 часов. Была первая гроза с освежительным дождем! ...

11 мая. В 3 1/2 уехали в Москву и поселились в Кремле в наших прежних комнатах. Пришлось принять целую армию свит наехавших принцев. В 7 часов пошли со всем семейством ко всенощной к «Спасу за золотою решеткою»... Исповедались в спальне. Да поможет нам милосердный Господь Бог, да подкрепит он нас завтра и да благословит на мирно-трудовую жизнь!!!»

Коронация проходила 12 мая, на Троицу...

Под музыку «Боже, Царя храни», под звон кремлёвских колоколов Николай II и Александра Фёдоровна спустились по ступеням Красного крыльца и вступили под балдахин, который понесли над ними тридцать два генерала. Когда процессия остановилась у паперти Успенского собора, музыка и колокола смолкли.

– Благочестивейший Государь! – прозвучали в благоговейной тишине слова Сергия, митрополита Московского и Коломенского. – Настоящее твоё шествование, соединённое с необыкновенным великолепием, имеет и цель необычайной важности. Ты вступаешь в это древнее святилище, чтобы возложить здесь на себя царский венец и восприять священное миропомазание. Твой прародительский венец принадлежит тебе единому, как царю единодержавному. Но миропомазания сподобляются все православные христиане, и оно неповторяемо. Если же предлежит тебе восприятие новых впечатлений этого таинства, то сему причина та, что как нет выше, так и труднее на земле царской власти, нет бремени тяжелее царского служения... Собраны старейшины земли Русской к торжеству твоего венчания и помазания на царство; чрез них от всех племён, тебе подвластных, воспосылаются тебе желания долгого и благополучного царствования; особенно же из глубины православных сердец возлетают к Господу моления, да излиётся на тебя ныне обилие даров благодатных, и чрез помазание видимое да подастся тебе невидимая сила свыше, действующая к возвышению твоих царских доблестей, озаряющая твою самодержавную деятельность, ко благу и счастию твоих верных подданных...

Палладий, митрополит Санкт-Петербургский, поднёс их величествам к целованию крест, а Иоанникий, митрополит Киевский, окропил их святой водой.

Хор запел псалом «Милость и суд воспою Тебе, Господи», и царская чета вошла в Успенский собор, где возле амвона была устроена обтянутая малиновым плюшем площадка. Там под балдахином из малинового бархата, с золотою бахромою и шитыми золотом орлами стояли два трона.

Николай II сел на трон царя Михаила Фёдоровича, Александра Фёдоровна заняла слоновый трон царя Иоанна III.

По ступеням, ведущим к площадке, на которой были установлены троны, поднялся Палладий, митрополит Санкт-Петербургский.

– По обычаю древних христианских монархов и боговенчанных ваших предков, – сказал он, – да соблаговолит Величество Ваше в слух верноподданных ваших исповедать Православную кафолическую веру: како веруеши?

И он поднёс Николаю II открытую книгу, по которой тот громко и отчётливо прочитал «Символ веры», а потом троекратно осенил себя крестным знамением.

«О еже благословитися Царскому его венчанию Благословением Царя царствующих и Господа господствующих.

О еже укреплену быти скипетру его десницею Вышняго.

О еже помазанием всесвятаго мира прияти ему с небесе, к правлению и правосудию, силу и премудрость»... – зазвучали в храме слова великой ектении.

2

Совершались молитвы, ярким огнём горела драгоценная императорская корона, приняв которую из рук митрополита Палладия, возложил на себя Николай II.

Когда умолкли пушечная пальба на Москве-реке и колокольный звон, Николай II встал на колени.

– Господи Боже отцев и Царю царствующих, сотворивый вся словом Твоим и премудростию Твоею устроивый человека, да управляет Мир в преподобии и правде! – прозвучал под древними

сводами Успенского собора его голос. – Ты избрал мя еси Царя и Судию людям Твоим. Исповедаю неисследимое Твое о мне смотрение и благодаря величеству Твоему поклоняюся. Ты же, Владыко и Господи мой, настави мя в деле, на неже послал мя еси, вразуми и управи мя в великом служении сем...

К Богу обращал свою молитву Николай II, и слышала эту молитву вся Россия, внимавшая преображению, совершающемуся с её царём...

«Великий, торжественный, но тяжкий в нравственном смысле... день... – запишет в своём дневнике император. – Все это произошло в Успенском соборе, хотя и кажется настоящим сном, но не забывается во всю жизнь!!!»

Мы уже говорили, что такой просвещённый человек, как великий князь Александр Михайлович (Сандро), склонен был считать веру в чудодейственную силу таинства миропомазания во время святого коронования предрассудком, недостойным главы великой России.

С одной стороны, действовала тут высокая просвещённость образованного на современный лад великого князя, а с другой, быть может, и не осознанно так проявлялась ревность.

Ведь ещё недавно они были равными товарищами в детских играх и увлечениях, а теперь между ними пролегла пропасть.

И Александра Михайловича раздражало, что Николай II столь серьёзно относится к этой формальности, более того, это тревожило его, однако первые дни торжеств в Москве не оправдали мрачных предчувствий великого князя.

«Чудесные весенние дни, историчный город, разукрашенный флагами, звон колоколов с высоты тысячи шестисот колоколен, толпы народа, кричащие ура, коронованная молодая Царица, сияющая красотой, европейские царствующие особы в золоченых каретах – никакой строгий церемониал не мог породить в толпе большего энтузиазма, чем лицезрение всей этой картины»...

3

Трагедия разразилась в субботу 18 мая 1896 года.

На Ходынском поле соорудили роскошный павильон для царской семьи и гостевые трибуны подле него. Рядом были возведены четыре сцены, где собирались показать эпизоды из «Руслана и Людмилы», «Конька-Горбунка» и «Покорения Ермаком Сибири», а также цирковое представление дрессированных животных Дурова.

Были устроены и эстрады для оркестров и песенников.

Кроме этого, на площади в одну квадратную версту поставили сто пятьдесят буфетов для раздачи гостинцев.

В яркий ситцевый платок с изображениями Кремля и портретов императорской четы завернули сайку, полфунта колбасы, бумажный мешочек с конфетами, орехами, александровскими рожками, изюмом и черносливом и вяземский пряник с гербом. К подарку прилагалась металлическая эмалированная кружка, украшенная позолотой, рисунками в древнерусском стиле, инициалами Их Величеств под императорской короной и памятной датой: «1896 год».

Подарочную кружку можно было тут же пустить в дело – рядом должны были бесплатно наливать мёд и пиво.

Слухи о бесплатной выпивке и подарках начали ходить по Москве, обрастая фантастическими подробностями, задолго до начала народных гуляний. Говорили, что кроме гостинцев будут ещё раздавать деньги и лотерейные билеты...

Раздача царских подарков – заготовили четыреста тысяч пакетов – должна была начаться в десять часов утра, но народ стал собираться на Ходынском поле ещё с ночи.

«Погода стояла тогда превосходная, – вспоминал очевидец, – и предусмотрительный московский люд <...> решил провести ночь на Ходынском поле, на свежем воздухе, чтобы на месте быть к самому началу гулянья... Ночь, как на беду, была безлунная, и Ходынское поле погрузилось в полную темноту. Люди всё прибывали и, не видя перед собой дороги, спотыкались, падали в овраги... Все более плотной становилась необозримая толпа... Утро выдалось тихим, ни ветерка. Притока свежего воздуха над спрессованной толпой не было. Дышать становилось все труднее. Пот заливал синевато-бледные лица, и они казались заплаканными...»

Об этом же писал и корреспондент газеты «Русские ведомости» В. А. Гиляровский, который провёл ту ночь на Ходынском поле: «Над миллионной толпой начал подниматься пар, похожий на болотный туман... Давка была страшная. Со многими делалось дурно, некоторые теряли сознание, не имея возможности выбраться или даже упасть: лишенные чувств, с закрытыми глаза-

ми, сжатые, как в тисках, они колыхались вместе с массой»...

Неожиданно возник слух, что организаторы просчитались, подарков на всех не хватит, и, когда кто-то крикнул: «Раздают!» – вся эта многотысячная масса качнулась к помостам, на которых были воздвигнуты пирамиды жестяных кубков с императорскими орлами.

Началась страшнейшая давка.

Через четверть часа порядок был восстановлен, но было уже поздно...

Одна тысяча двести восемьдесят два человека погибли в этой давке, несколько тысяч оказались ранеными.

Нет никаких оснований для утверждения, что ходынская трагедия была кем-то специально организована, но в том, что её ждали, сомневаться не приходится.

Об этом свидетельствуют в том числе и воспоминания самого великого князя Александра Михайловича, и та готовность, с которой была использована эта трагедия молодыми великими князьями для того, чтобы ослабить конкурирующие великокняжеские партии.

4

Видимо, тут надо сделать небольшое отступление...

Во второй половине XIX века в русской императорской семье произошёл настоящий демографический взрыв.

У Николая I было семь детей: три дочери и четыре сына. От этих сыновей родилось ещё – седьмое поколение Романовых! – восемнадцать великих князей, и в их числе и император Александр III.

Александр III правил всей романовской фамилией как патриарх, и члены её, соперничающие между собою и объединяющиеся в отдельные партии, боялись его гнева. Хотя далеко не все они вели столь же безупречную жизнь, как Александр III, но вынуждены были сдерживаться, избегая открытых скандалов.

После кончины Александра III сдерживающие связи распались, всё то, что великим князьям приходилось скрывать, рванулось наружу с такой силой, что у Николая II просто не было возможности остановить этот разрушительный для императорской семьи процесс. Те разговоры, которые он вёл, не только никого не останавливали, но ещё более раззадоривали интриганов.

«Трусливый градоначальник (великий князь Сергей Александрович. – *Н. К.*) старался отвлечь внимание Царя приветствиями толпы, – пишет в своих воспоминаниях великий князь Александр Михайлович (Сандро). – Но каждое «ура» звучало в моих глазах как оскорбление. Мои братья не могли сдержать своего негодования, и все мы единодушно требовали немедленной отставки великого князя Сергея Александровича и прекращения коронационных торжеств.

Произошла тяжелая сцена. Старшее поколение Великих Князей всецело поддерживало московского генерал-губернатора.

Мой брат великий князь Николай Михайлович ответил дельной и ясной речью.

– Помни, Никки, – закончил он, глядя Николаю II прямо в глаза, – кровь этих пяти тысяч мужчин, женщин и детей останется неизгладимым пятном на твоем царствовании. Ты не в состоянии воскресить мертвых, но ты можешь проявить заботу об их семьях. Не давай повода твоим врагам говорить, что молодой Царь пляшет, когда его погибших верноподданных везут в мертвецкую».

5

Сцена эта даже в изложении самого Сандро, самозвано поместившего самого себя и своих братьев на место учителей и судей не только великого князя Сергея Александровича, но и самого императора, выглядит, однако, далеко не так безупречно и благородно, как хотелось бы автору.

Увы...

Хотя и не могут Михайловичи сдержать своего негодования, но видно, что огорчает их не сама трагедия.

Им нет никакого дела до погибших и пострадавших на Ходынке...

Их беспокоит только, что этот повод будет не использован для серьёзных организационных выводов.

И их до крайности возмущает поведение и великого князя Сергея Александровича, и других сановников, стремящихся замять случившееся. Распаляя себя, Сандро говорит о крови ***пяти тысяч*** мужчин, женщин и детей, которая неизгладимым пятном останется на царствовании Николая II.

Демагогия восхитительная.

Люди на Ходынке погибли отчасти из-за неумения полиции работать с такой гигантской чело-

вческой массой, но ещё в большей степени из-за собственной глупости и жадности.

Разумеется, следовало сделать организационные выводы...

Но ведь они и были сделаны!

Работали две комиссии, они внимательно изучили дело. Обер-полицмейстера (начальника московской полиции) Александра Александровича Власовского привлекли к суду и уволили со службы.

Следовало позаботиться о пострадавших...

Но и это было сделано!

Из дневников Николая II мы знаем, что уже в воскресенье вместе с Александрой Фёдоровной он отправился в Старо-Екатерининскую больницу, где обошёл все бараки и палатки, в которых лежали несчастные, пострадавшие на Ходынке.

А в понедельник Николай II и Александра Фёдоровна посетили Мариинскую больницу и осмотрели там ещё одну группу раненых.

Всем пострадавшим – императорская семья пожертвовала девяносто тысяч рублей! – была оказана материальная помощь... Семьям погибших назначены персональные пенсии...

Всё сделали, что можно было сделать, всё исправили, что можно было исправить...

Однако совсем не этого ждало от императора его ближайшее окружение и младшее поколение великих князей в том числе!

Если поначалу, как это явствует из воспоминаний, ходынская трагедия использовалась только в борьбе конкурирующих великокняжеских партий, то постепенно её стали раздувать уже против самого государя, может быть, и подсознательно, преследуя своей целью уменьшить разрыв между великокняжеским окружением и императорскою четой и тем самым лишить её ауры божьего избранничества, которою после коронации была она окружена.

И, конечно, это устремление оказалось подхваченным «прогрессивной общественностью».

Мы уже говорили, что кончина императора Александра III вызвала оживление в этой среде, однако, как отметил в своей книге Сергей Сергеевич Ольденбург, «вера в Бога и в свой долг Царского служения были основой всех взглядов Николая II».

Молодой император провозгласил, что незыблемость самодержавия и впредь останется основой государственного строя России, и таким образом развеял надежды либералов.

И сразу вокруг него начала сгущаться атмосфера недоброжелательства.

Как же было пропустить Ходынку?

Ничего общего не имели великие князья с недоброжелателями-либералами, но залить ходынской кровью тринадцатого дня коронационных торжеств высокий смысл тогдашних событий хотелось и тем, и другим.

6

Предлагая свернуть коронационные торжества, великие князья тем самым предлагали короновать Ходынкой императора, не желающего поступать так, как они считали нужным.

Слова великого князя Николая Михайловича про кровь пяти тысяч мужчин, женщин и детей, которая останется неизгладимым пятном на царствовании Николая II, – это не просто предостережение.

Это ультиматум.

Императора хотели вынудить испугаться.

Или хотя бы сделать вид, что он испугался.

И Николаю II трудно было устоять ещё и потому, что, безусловно, ему мучительно трудно было в этот скорбный день продолжать исполнение назначенных по церемониалу мероприятий.

Но он понимал, что попытка «короновать» его Ходынкой нацелена ещё и против того пути, на который разворачивал он Российскую империю, пути, по которому ему предопределено было вести свою страну.

И он сумел пересилить себя.

Как известно, несмотря на тяжёлые переживания, которые возникли после посещения Ходынского поля, Николай II отправился этим вечером на бал, назначенный по церемониалу у французского посла графа Луи-Густава Монтебелло.

Не ехать туда он просто не мог.

«Государь вскоре с этого бала удалился, – вспоминает Сергей Юльевич Витте. – Он был скучен, видимо, катастрофа произвела на него сильное впечатление».

Это воспоминания, хотя и не слишком дружественного государю человека, но тем не менее старающегося сохранять объективность.

Этого не скажешь о воспоминаниях великих князей.

Они запомнили бал у французского посла совершенно иначе.

«Вечером Император Николай II присутствовал на большом балу, данном французским посланником, – вспоминал великий князь Александр Михайлович. – Сияющая улыбка на лице

великого князя Сергея заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы лишились рассудка. Мы, четверо, покинули бальную залу в тот момент, когда начались танцы, и этим тяжко нарушили правила придворного этикета»[20].

И вроде бы ничто тут не противоречит свидетельству С. Ю. Витте, но, объединяя государя с «сияющей улыбкой на лице великого князя Сергея Александровича», великий князь Александр Михайлович заодно ещё как бы и лишает его рассудка...

7

Вопреки ультиматумам великих князей, вопреки стенаниям либерально-революционной публики Николай II оставался твёрд.

«У Государя поверх железной руки была бархатная перчатка, – отмечал Сергей Сергеевич Ольденбург. – Воля его была подобна не громовому удару. Она проявлялась не взрывами и не бурными столкновениями; она скорее напоминала неуклонный бег ручья с горной высоты к равнине океана. Он огибает препятствия, отклоняется в сторону, но в конце концов, с неизменным постоянством, близится к своей цели».

Император не стал сворачивать коронационные торжества и сделал всё, чтобы 1896 год остался в истории нашей страны не Ходынкой, а прежде всего началом того нового великого пути, по которому пошла Русская империя.

К сожалению, благодаря воистину ветхозаветному злопамятству нашей либерально-революционной публики с годами позабылось, что на коронационных торжествах присутствовала китайская делегация во главе с Ли Хунчжаном, и через четыре дня после ходынской трагедии в Москве был подписан важнейший договор, во многом определивший дальнейшую политику государства.

Это договор предоставлял России право на постройку железнодорожной магистрали через территорию Маньчжурии (Китайско-Восточной железной дороги).

Ходынская тень мешает и сейчас осознать и тот факт, что Всероссийская выставка в Нижнем Новгороде, открывшаяся 28 мая, на второй день после завершения коронационных торжеств, по сути, стала первым свершением коронованного государя.

[20] Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. С. 143.

«В Нижнем все взято с серьезной, даже, может быть, чересчур серьезной стороны, без расчета на средние вкусы и нравы... – писал 5 июля 1896 года Дмитрий Иванович Менделеев. – Смотреть нашу выставку – значит узнавать, учиться, мыслить, а не просто «гулять».

Кроме того, выставка, устроенная, как отметил на её открытии С. Ю. Витте, «на главнейшей реке русского государства и на историческом пути в азиатские страны», этот путь и указывала.

На этом пути, вопреки великосветскому окружению и либералам-современникам, и сумел удержать Николай II Российскую империю.

8

Тем не менее Ходынка, безусловно, стала рубежом.

Отныне, что бы ни делал государь, какие бы шаги он ни предпринимал, все они подвергались осуждению. Все ошибки и промахи администрации раздувались до немыслимых размеров и ставились персонально в вину императору.

Поразительно, но император, так много сделавший для настоящего рывка в хозяйственном и общественном развитии России, стал безусловным рекордсменом среди российских правителей по количеству адресованных ему пасквилей, изданных ещё во время его правления.

Поразительно, но все эти злобные инсинуации продолжают связываться с именем государя и сейчас, когда он уже возведён церковью в сонм наших святых заступников.

Более того, даже и православные люди, понимающие, что Николай II был нашим святым царём, испытывают нечто похожее на оторопь, когда начинают думать о нём как о государственном деятеле.

– Мы понимаем, – говорят они, – что это канонизированный Русской православной церковью царь, но, с другой стороны, что же он сделал, кроме того, что проиграл две войны, довёл страну до двух революций, отрёкся от престола и опрокинул тем самым страну в кошмар Гражданской войны?

Конечно, можно сразу ответить, что не проигрывал...

Не доводил...

Не опрокидывал...

Но жалко и неубедительно звучат эти слова, даже и добросовестный историк разводит руками, не обнаруживая в правлении Николая II, как, к примеру, в эпохе Петра I, ярко выраженного на-

личия государевой воли в безусловно необходимых для страны деяниях.

– Много хорошего Сергей Юльевич Витте осуществил... – говорят одни историки.

– Много хорошего Пётр Аркадьевич Столыпин сделал... – возражают другие.

– А сам Николай II? Он-то где был при этом?!

И тут уже нет разногласий, и те, что восхищаются деятельностью Сергея Юльевича Витте, и те, что являются поклонниками Петра Аркадьевича Столыпина, проявляют редкое единодушие:

– А откройте дневники, увидите, что он ходил по парку и стрелял в это время ворон из ружья...

И дело тут, разумеется, не в недостатке доброжелательности, не в отсутствии фактов, необходимых для иного осмысления деятельности государя, а в ошибочности самого подхода к оценке деятельности последнего русского императора, дело в том, что о Николае II вообще невозможно говорить, забывая, что он – святой царь...

Почему?

Да потому, что подчинение себя и своей государственной деятельности Божией воле – это не просто особенность его характера и поведения, а суть его царского служения.

9

Лучше других, на наш взгляд, понимал это историк Сергей Сергеевич Ольденбург.

«На девятом году царствования личность императора Николая II оставалась едва ли не настолько же загадочной для общества и народа, как в момент его восшествия на престол, – пишет он в своем фундаментальном исследовании. – Вернее, ее уже заслоняла легенда, созданная кругами, враждебными власти. Было ли это сознательным маневром или просто результатом непонимания, недооценкой противника (ибо государь, конечно, был противником революционных течений!), но отношение к императору Николаю II существенно отличалось от той вражды, смешанной со страхом и невольным уважением, которую враги русской власти питали к его державному предшественнику.

Мягкость обращения, приветливость, отсутствие или по крайней мере весьма редкое проявление резкости – та оболочка, которая скрывала волю государя от взора непосвященного, – создали ему в широких слоях страны репутацию благожелательного, но слабого правителя, легко поддающегося всевозможным, часто противоречивым внушениям. Утверждали также, будто на государя можно всегда повлиять формулой: «Так делалось при покойном царе».

А когда принималось какое-нибудь неожиданное, новое решение, сейчас же начинали искать «закулисных влияний».

Между тем, такое представление было бесконечно далеко от истины; внешнюю оболочку принимали за сущность. Император Николай II, внимательно выслушивавший самые различные мнения, в конце концов поступал сообразно своему усмотрению, в соответствии с теми выводами, которые сложились в его уме, часто – прямо вразрез с дававшимися ему советами. Его решения бывали порой неожиданными для окружающих именно потому, что свойственная ему замкнутость не давала никому возможности заглянуть за кулисы его решений. Но напрасно искали каких-либо тайных вдохновителей решений государя. Никто не скрывался «за кулисами». Можно сказать, что ***император Николай II сам был главным «закулисным влиянием» своего царствования!*** Можно даже сказать больше: первый период своего царствования государь понемногу «подчинил себе» министров – едва ли не в большей степени, чем император Александр III, бывший только «собственным министром иностранных дел». Поворачивая руль экономической политики в сторону деревни, государь распространял своё непосредственное влияние и на область народного хозяйства».

Чтобы убедиться, ***что главным «закулисным влиянием» царствования*** был сам император Николай II, а вернее его молитвенная, обращённая к Богу сосредоточенность, достаточно ещё раз перечитать бесчисленные воспоминания людей из царского окружения. Только нужно вникать не в те глубокомысленные выводы о слабости и безволии государя, которые делали они, а в непосредственное описание событий, подвигнувших авторов к таким выводам.

И тогда мы увидим, что далеко не всё делалось так, как предлагали Николаю II его всесильные министры, и хотя министры считали, что делалось всё гораздо хуже, чем они предлагали, но на самом деле делалось так, как и должно было делаться по Божией воле.

Результат налицо...

Великими свершениями отмечены уже самые первые годы царствования Николая II.

2 июня 1896 года департамент неокладных сборов был преобразован в управление неокладных сборов и казённой продажи питей. Это, казалось бы, чисто бюрократическое преобразование, тем не менее «знаменовало то, как писал С. Ю. Витте, что питейная монополия, введённая по инициативе императора Александра III, получила уже прочные устои и постепенно будет введена по всей России».

Так и получилось. Благодаря воле императора Николая II питейную монополию удалось ввести, хотя при этом значительно пострадали интересы весьма влиятельных особ.

С. Ю. Витте приводит в своих «Воспоминаниях» разговор с французским сановником, который хотя и одобрил проведённую в России реформу, но с грустью заметил, что «реформа эта могла бы дать столь же благие результаты и во Франции, но для того чтобы такую реформу ввести, необходимо прежде всего одно условие, чтобы та страна, в которой она вводится, имела монарха неограниченного, и мало того, что неограниченного, но и с большим характером».

Этот ***большой характер*** неограниченного монарха Николай II проявил и в ходе финансовой реформы, когда в 1897 году Россия перешла на золотую валюту, упрочив своё международное финансовое положение.

«В сущности, – вспоминал С. Ю. Витте, – я имел за собой только одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных, – доверие Императора, а потому я вновь повторяю, что ***Россия металлическим золотым обращением обязана исключительно Императору Николаю II***». (Выделено нами. – *Н. К.*)

Заметим, что в 1897 году как бы в развитие идей Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде была произведена первая Всероссийская перепись населения, насчитавшая сто двадцать миллионов человек, не включая два с половиной миллиона Великого княжества Финляндского.

Эти реформы, выставки и переписи можно уподобить сборам человека в дорогу. Путь предстоит неблизкий, следует уладить дела, собрать всё нужное, проверить собственные возможности...

Такою и была Российская империя в последние годы XIX века – в начале великого предначертанного ей пути, по которому повёл её новый, увенчанный короной монарх...

Глава четвёртая

СВЯТОЙ ЦАРЬ

Повторим, что никогда, ни до, ни после правления Николая II, не было в нашей стране таких высоких темпов экономического роста, как во время его царствования.

За 1880–1910 годы темпы роста промышленности превышали девять процентов в год.

Первое место в мире заняла наша страна и по производству важнейших сельскохозяйственных культур. Больше половины мирового производства ржи, почти половина ячменя, больше четверти пшеницы и овса, около четверти картофеля было выращено в России...

Столь бурного и прорывного развития страны, хотя, разумеется, и С. Ю. Витте, и П. А. Столыпин, и другие выдающиеся деятели Российской империи внесли в это свой вклад, без участия Николая II произойти никак не могло.

1

Насколько мощным и благотворным было влияние Николая II на принимаемые решения, показывает история с прославлением мощей преподобного Серафима Саровского.

Ещё при земной жизни преподобного душа народа узнала и полюбила его, однако совсем другим было отношение к нему образованного общества...

В очерке к столетию со дня кончины преподобного Серафима Борис Зайцев вспомнил, что в юности ему пришлось жить в четырёх верстах от Сарова…

«Мы жили рядом, можно сказать под боком с Саровом, и что знали о нем! – пишет он. – Ездили в музей или на пикник… Самый монастырь – при слиянии речки Саровки с Сатисом. Саровки не помню, но Сатис – река красивая, многоводная, вьется средь лесов и лугов. В воспоминании вижу легкий туман над гладью ее, рыбу плещущую, осоку, чудные луга...

А в монастыре: белые соборы, колокольни, корпуса для монахов на крутом берегу реки, колокольный звон, золотые купола. В двух верстах (туда тоже ездили) – источник Святого: очень холодная вода, в ней иногда купают больных. Помню еще крохотную избушку Преподобного: действительно, повернуться негде. Сохранились священные его реликвии: лапти, порты – все та-

кое простое, крестьянское, что видели мы ежедневно в быту. Все-таки пустынька и черты аскетического обихода вызывали некоторое удивление, сочувствие, быть может, тайное почтение. Но явно это не выражалось. Явное наше тогдашнее, интеллигентское мирочувствие можно бы так определить: это все для полуграмотных, полных суеверия, воспитанных на лубочных картинках. Не для нас.

А около той самой пустыньки святой тысячу дней и ночей стоял на камне, молился! Все добивался – подвигом и упорством, взойти на еще высшую ступень, стяжать дар Духа Святого – Любовь: и стяжал! Шли мимо – и не видели. Ехали на рессорных линейках своих – и ничего не слышали»…

Не видели...

Ничего не слышали...

И это относится не только к приехавшим на пикник дворянским юношам, но и к таким выдающимся мыслителям и государственным деятелям, как Константин Петрович Победоносцев.

Когда впервые заговорили о канонизации Серафима Саровского, К. П. Победоносцев, который разрабатывал и осуществлял программу русского клерикализма, никакой заинтересованности не выразил, и снова этот вопрос Тамбовская епархия подняла уже в 1894 году, предварительно проведя сбор материалов о жизни, подвигах и чудесной помощи преподобного.

Однако и теперь ответ Синода оказался отрицательным.

Тамбовской епархии велено было продолжать сбор сведений, но принять дело на рассмотрение Синод отказался по причине отсутствия «решимости начать дело прославления».

2

Тут уместно будет напомнить, что благодаря реформам, произведённым Петром I и Феофаном Прокоповичем, святость оказалась если и не выведена за рамки Русской православной церкви, то предельно стеснена в её официально зарегулированном функционировании. Канонизация святых стала делом чрезвычайно редким.

Кого канонизировали в России за два синодальных века?

Дмитрия Ростовского... Иннокентия Иркутского... Митрофана Воронежского... Тихона Задонского...

Но всё это были архиереи, сыгравшие огромную роль в жизни всей Церкви, создавшие выдающиеся произведения церковной литературы.

А Серафим Саровский никаких высоких должностей не занимал и никаких иных заслуг, кроме своей святости, не имел. Откуда же у членов Священного Синода было взяться «решимости начать дело прославления»?

Но в 1896 году архимандрит Серафим (Чичагов) при личной аудиенции передал императору свою «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря»[21], и душа царя, подобно душе народа, узнала и полюбила святого чудотворца. Вот тогда и сдвинулся с мёртвой точки вопрос о канонизации.

Любви, возникшей в душе государя, не могли противостоять ни Синод, ни Победоносцев.

Николай II, как пишет С. Ю. Витте, вызвал обер-прокурора Синода и попросил его «представить ко дню празднования Серафима, что должно было последовать через несколько недель, указ о провозглашении Серафима Саровского святым».

С. Ю. Витте утверждает, будто К. П. Победоносцев ответил тогда, «что святыми провозглашает Святейший Синод и после ряда исследований, главным образом основанных на изучении лица, который обратил на себя внимание святой жизнью, и на основании мнений по сему предмету населения, основанных на преданиях... Государь соизволил принять в резон доводы К. П., и последний при таком положении вопроса покинул Петергоф и вернулся в Царское Село, но уже вечером того же дня получил от государя любезную записку, в которой он соглашался с доводами К. П., что этого сразу сделать нельзя, но одновременно повелевал, чтобы к празднованию Серафима в будущем году саровский старец был сделан святым».

Однако и теперь ещё не все препятствия оказались преодолены.

11 января 1903 года в Саров выехала комиссия в составе восьми человек под председательством митрополита Московского Владимира (Богоявленского) для освидетельствования мощей святого Серафима, и результат освидетельствования (об этом был составлен секретный рапорт) привёл Синод – мощи были обретены в виде косточек – в смятение.

[21] Есть свидетельства, что К. П. Победоносцев именно на основании этого считал архимандрита Серафима (Чичагова) «великим пролазом и плутом».

Снова началось какое-то непонятное движение...

«Секретный рапорт» был опубликован в официальном синодальном журнале, и в тот же день, 21 июня, в газете «Новое Время» появилось заявление митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского) о сохранности мощей саровского старца.

Если добавить тут, что в «Деяниях Святейшего Синода» ещё 29 января 1903 года было сообщено, дескать, «в день рождения отца Серафима Его Императорскому Величеству благоугодно было воспомянуть и молитвенные подвиги почившего, и всенародное к памяти его усердие, и выразить желание, дабы доведено было до конца начатое уже в Св. Синоде дело о прославлении благоговейного старца», мы можем говорить о какой-то пусть и невнятной, но совершенно очевидной интриге, призванной вызвать в обществе возмущение своеволием императора.

Отчасти это удалось.

Наша либеральная, совершенно равнодушная к церковной жизни интеллигенция, почувствовала, что дело пахнет скандалом, к которому причастен государь, и необыкновенно возбудилась. Тут же она принялась по своему обыкновению составлять партии, готовые вступить в борьбу за право церкви самой определять святость того или иного человека[22].

Осуждать интеллигенцию за это, разумеется, можно, но едва ли справедливо будет усердствовать в этом.

3

Русский клерикализм К. П. Победоносцева, который, как считают некоторые историки, правильнее называть ***светским клерикализмом***, представлял собою попытку конфессионализации общественной жизни через Церковь, не имеющую самостоятельности и являющуюся, по сути, только орудием чиновничьего аппарата.

Об этом хорошо сказано в «Возмездии» Александра Блока:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только – тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна...

Вот и русское передовое общество, отчасти К. П. Победоносцевым и воспитанное, тоже готово было использовать Церковь в качестве орудия для воздействия на бюрократический аппарат власти.

В принципе, подобный ответ являлся неизбежным продуктом этого клерикализма, который заложил Феофан Прокопович и довёл до совершенства или до духовной обморочности К. П. Победоносцев...

И снова Николай II проявил твёрдость, и ему удалось вывести дело с прославлением преподобного Серафима Саровского из заколдованного круга, заполненного болотной топью либеральных амбиций и чиновничьей косности, на твёрдую землю истинной народности и подлинного православия.

Преподобный Серафим Саровский был канонизирован, и при этом – необходимо подчеркнуть! – настаивая на своём, не соглашаясь с мнением обер-прокурора К. П. Победоносцева, выступая против мнения большинства членов Синода, Николай II выступал не в роли правителя-самодура, стремящегося вопреки всему навязать своё мнение, а как истинный Помазанник Божий, прозирающий волю Божию яснее, чем заседающие в Синоде иерархи Церкви.

4

Повторю ещё раз слова Бориса Зайцева...

«Не для нас»… «Шли мимо и не видели»… «Ехали и ничего не слышали»…

Это очень горькие признания. Ведь не только о себе, а обо всей интеллигенции, воспитанной на дворянской культуре, говорил тут писатель…

«Серафим жил почти на наших глазах… Сколь не помню я степенных наших кухарок… скромный, сутулый Серафим с палочкой… всюду за нами следовал. Только «мы»-то его не видели… Нами владели Беклины, Ботичелли… Но кухарки наши правильнее чувствовали. В некоем отношении были много нас выше»…

Жестокой войны с православием, которая велась Романовыми фактически до начала правления Николая I, дворянская литература старательно не замечала, сосредотачивая внимание

[22] В столице тогда даже появились прокламации, сообщавшие о тлении мощей, и на этом основании оспаривавшие святость старца Серафима Саровского.

на грандиозных успехах, достигнутых наследниками Петра I в военном и государственном строительстве.

Успехи эти действительно неоспоримы, и весь вопрос только в цене, которой были оплачены они.

И, конечно, цели…

Русским трудом и русской кровью воздвигалась могущественнейшая империя, чтобы основная часть населения, сами русские, находились в рабстве в своей собственной стране.

Национальная энергия оказалась направленной на приобретение каких-то не очень и нужных России территорий на западе, а не вовнутрь, не на обустройство того, что уже есть, не на развитие пространств Сибири, Дальнего Востока и Севера…

Строительство империи обернулось в результате окончательным расколом русского народа. После Екатерины II неоднократно предпринимались попытки преодолеть и этот раскол, но ликвидировать его так и не удалось.

И не могло удасться.

Слишком разным стало всё.

Язык… Культура… Само православие, и отношение к нему и то, кажется, стало совершенно различным у дворян и у крестьян...

Понимали ли сами Романовы мистическую, роковую зависимость династии от преступлений, совершённых против православия Алексеем Михайловичем, Петром I и их преемниками?

Несомненно… Весь XIX век – это непрерывная попытка Романовых-Павловичей исправить совершённые отцами династии ошибки.

Случайно ли, годы подвижнического служения преподобного Серафима Саровского совпадают с этими попытками Романовых-Павловичей исправить ошибки, совершённые основателями династии? С попытками Александра I, Николая I ограничить то дикое рабовладение, что было установлено «дщерью Петровой» Елизаветой и Екатериной Великой…

Кто ещё из святых сгорблен так на иконах, как преподобный Серафим Саровский?

Но как не сгорбиться, если суждено было ему понести на своих плечах все страшные преступления, совершённые начиная с патриарха Филарета и против России, и против православной веры?

И надобно было вымолить у Господа прощение.

И молился преподобный Серафим, и отмаливал наших государей.

Велик был молитвенный подвиг, который удалось совершить тогда преподобному, хотя ещё сильнее, кажется, сгорбился он на своих иконах под неимоверной тяжестью.

5

И вот теперь великие торжества происходили в Сарове.

«17 июля в 6 часов вечера в Саров прибыли государь Император и государыня Императрица Мария Федоровна. У ворот святой обители митрополит Санкт-Петербургский Антоний встретил Их Величества крестным ходом и приветствовал государя императора следующей речью: «Святая обитель Саровская приветствует Тебя, Благочестивейший Государь, прибывший ныне сюда принять молитвенное участие в торжестве прославления великого его подвижника приснопамятного старца иеромонаха Серафима. И все великое множество собравшегося здесь народа православного радуется встретить Царя, вместе с ним молящегося. Гряди же с миром, Государь, в святую обитель сию, и молитвами угодника Божия да будет благословенно от Господа вхождение твое».

Необычайная популярность преподобного Серафима среди православного населения России привела к тому, что в Сарове собралось на торжества около ста пятидесяти тысяч богомольцев.

19 июля на поздней литургии в Успенском соборе на малом входе при пении «Приидите поклонимся» священнослужители подняли гроб со святыми мощами преподобного на носилки, обнесли вокруг престола и положили в серебряную раку, изготовленную на средства императора Николая II.

По окончании литургии, при чтении 33-го псалма, мощи были поставлены на носилки, и начался крестный ход...

Вот и сбылось, и стало явью тайное предсказание преподобного Серафима:

– О! Во, матушки вы мои, какая будет радость: среди лета запоют Пасху! А народу-то, народу-то со всех сторон!

Быть может, впервые с допетровских времен, так глубоко и полно воплощая всю чистоту монархической идеи, совпали ощущения царя и народа…

Одними, очищенными светом православия глазами, смотрели на Божий мир и государь, и

его подданные и одинаково постигали открывающие Божии смыслы.

Наблюдатели отмечали, что наконец-то государь получил возможность убедиться в искренности народных чувств по отношению к себе, в том, что его идеалы гармонируют с национальной традицией.

«Царь был убежден, – вспоминал начальник канцелярии Министерства императорского двора генерал Александр Александрович Мосолов, – что народ его искренне любит, а что вся крамола, – наносное явление, являвшееся следствием пропаганды властолюбивой интеллигенции. Именно после Сарова все чаще в нередких разговорах слышалось из уст Государя слово «царь» и непосредственно за ним «народ».

Правда, начальник канцелярии Министерства императорского двора со свойственной многим приближённым Николая II снисходительностью тут же добавил, дескать, «средостение император ощущал, но в душе отрицал его. Взгляд на подданных как на подрастающих юношей все больше укоренялся в Его Величестве», но это даже не попытка объяснения перемен, происходящих в государе, это демонстративное нежелание замечать происходящего чуда преображения.

Александр Александрович Мосолов – образованный человек, убеждённый монархист, не изменивший своим монархическим убеждениям и после революции. Он готов был преданно служить царю в любых обстоятельствах, просто он не мог понять, что Николай II не просто царь, а Святой Царь.

В своих воспоминаниях «При дворе последнего царя» А. А. Мосолов скажет, что «Николай II был по природе своей весьма застенчив, не любил спорить отчасти вследствие болезненно развитого самолюбия, отчасти из опасения, что ему могут доказать неправоту его взглядов или убедить других в этом, а он, сознавая свое неумение защитить свой взгляд, считал это для себя обидным. Этот недостаток натуры Николая II и вызывал действия, считавшиеся многими фальшью, а в действительности бывшие лишь проявлениями недостатка гражданского мужества».

И тут только и остаётся руками развести, поражаясь такой духовной слепоте самых близких и самых преданных людей из окружения государя.

О каком болезненно развитом самолюбии, о каком недостатке гражданского мужества может идти речь, если Николай II не только сумел понять, что переустройство страны начинается с переустройства самого себя, но и решился на деле подчинить свою личную жизнь нормам православной морали?

Хотелось бы тут обратить внимание на совпадение...

В январе 1903 года, когда в Сарове проходило освидетельствование мощей святого Серафима, в Зимнем дворце в Петербурге состоялся ***последний в истории империи*** большой костюмированный бал.

Царская семья, и так отличающаяся скромностью, вызывая ещё большее недоумение и раздражение придворных, навсегда отказалась от столь любимых высшим светом увеселений.

6

Говоря о разрушении средостения между царским дворцом и народно-религиозной культурой, об осуществлении царского служения Богу и народу, о великой встрече Царя и Народа, которой ждала Русь едва ли не со времён Смуты, нужно подчеркнуть, что при всей массовости и грандиозности этих событий они оставались потаёнными для просвещённых современников.

Но иначе и не могло быть.

Государь строил Святую Русь, но он строил её не из детских кубиков потешных полков, а в реальном пространстве бескрайней Российской империи, живущей по законам и обычаям, определённым ещё Петром I и его преемниками, и проект будущей постройки невозможно было вывесить в качестве образца и указания для подражания и следования.

Строительство Святой Руси совершалось из сердца государя, и нельзя было никого принудить к соучастию в этой стройке, потому что этот выбор должен был совершаться добровольно, и так он и совершался в глубинах народной православной жизни.

Безусловно, что рождение царевича Алексея по молитвам к преподобному и следовало рассматривать как знак прощения династии, как знак, указывавший, что́ теперь надобно совершить…

И несомненно, что государь понял этот знак.

В кабинете Его Величества, как сообщает О. Ю. Витте, «появился большой портрет – образ святого Серафима».

Рождение наследника престола, царевича Алексея, пришлось на самый разгар Русско-японской войны, и всех солдат действующей армии в этот день объявили его крёстными.

Тогда казалось, что вся Россия вместе с её армией, с её государем и наследником престола словно бы перенесена в Дивеево, и ограждённая здесь чудодейственной силой «канавки», навсегда будет защищена от сил злобы и тьмы…

Но также несомненно, что окружающие императора сановники не смогли постигнуть смысла явленного чуда. Подлинный смысл событий не осознавался и великосветским окружением государя...

Высокая драма монаршего служения, совершающегося по воле Божией и не имеющей возможности осуществиться во всей своей полноте из-за неготовности правящей элиты принять промысел Божий о стране, открывается нам в правлении Николая II.

Тут хотелось бы сразу оговориться...

Чтобы проанализировать деятельность руководителя такой гигантской страны, как Российская империя, требуется объёмное фундаментальное исследование. Ни в коей мере не претендуя на эту роль, мы отмечаем только – далеко не все! – моменты, в которых, как нам кажется, решения принимались не в результате логических умозаключений, а под влиянием неких неподвластных рассудочной логике молитвенных озарений.

Эти решения в результате оказывались самыми мудрыми из всех возможных, но окружающим, особенно поначалу, они казались нелепыми.

И это касается не только прославления преподобного Серафима Саровского.

Даже большая азиатская программа Николая II, разворачивающая страну к Тихому и Северному Ледовитому океану, открывающая бесконечные возможности для внутреннего роста и развития, как бы и не замечалась и встречала, как справедливо заметил С. С. Ольденбург, полное непонимание в русском обществе, которое что-то лепетало о «маньчжурской авантюре» и готово было искать причины русской политики на Дальнем Востоке в материальной заинтересованности каких-то «царских адъютантов», в лесных концессиях на территории Кореи...

И каждый раз от Николая II требовались решительность и необыкновенная воля, чтобы поступить правильно, так, как этого и требовали интересы Империи.

7

Мы уже говорили о том воистину царском мужестве и твёрдости, которые потребовались императору, чтобы коронационные торжества завершились не Ходынкой, а Всероссийской выставкой в Нижнем Новгороде, не бессмысленной порождённой жадностью и глупостью давкой, а началом «исторического пути в азиатские страны»...

Напомним, что специально для этой выставки, где все было «взято с серьёзной, даже, может быть, чересчур серьёзной стороны», Константин Маковский создал наполненную высоким патриотическим пафосом картину «Минин на площади Нижнего Новгорода, призывающий народ к пожертвованиям».

Рассматривая эту картину сейчас, невольно вспоминаешь слова Ф. И. Тютчева, сказавшего, что «русская история – единственный защитник России на её неведомых путях»...

Смотришь на эти мужественные, озарённые светом истории русские лица, и захватывает дух от красоты народного преображения в едином патриотическом порыве.

И понимаешь, что, если бы не забывали мы так быстро свою историю, может, и не вернулись бы так быстро в Кремль предатели-бояре, и, может быть, не удалось бы им так легко оттеснить от управления страной её освободителей.

Возможно, и выбрали бы тогда царя из тех, кто освобождал Москву от поляков, а не из тех, кто защищал Москву от народного ополчения. Может быть, и взяли бы тогда верх те, кто считал, что у русского человека есть силы, чтобы устроить свою страну без пришлых людей, а не те, кто считал, что нам надо завозить для управления нами шведов, поляков или немцев…

Разумеется, говоря так, мы попадаем в то пространство нашей истории, которое по сложившейся традиции по-прежнему стараются закрыть для осмысления.

К сожалению, в XIX веке наши прославленные историки, вскользь упоминая об истории освобождения Москвы, спешили скорее миновать запутанные переулки и загороженные площади нашей истории, и «передовые» люди того вре-

мени смотрели на полотно Константина Маковского совсем иначе.

Интересно, что в «Нижегородском листке» (№ 159 от 11 июня 1896 года) появилась тогда заметка «На выставке»...

«Первое впечатление не в пользу картины. Она кажется тусклой, в ней мало солнца, и кучи ярких одежд, набросанные на земле, кубки, стопы, братины – всё это недостаточно ярко, недостаточно вырисовывается, как-то очень массивно. И толпа тоже кажется массивной, неживой, без движения. Но стоит посмотреть минут десять, и картина оживает, и вы видите действительную, возбуждённую, полную страшной силы толпу, собравшуюся «делать историю».

Фигура Минина, стоящего на бочке, – очень хороша; понятно, почему всё вокруг него так кипит: это его огонь зажёг толпу. Всё более и ярче вырисовываются в ней отдельные фигуры – убогие, калеки, снимающие с себя крест, красавица боярыня, вынимающая из ушей серьги, кожемяка, сующий свою кису возбуждённому Козьме, стрелец, свирепо взмахнувший над головой своей секирой... Вдали сквозь толпу пробивается вершник, толпа течёт из ворот кремля такой густой волной, над ней туча пыли, и выше всего старик кремль. Его серые хмурые стены очень хороши на фоне неба в лёгких, белых облаках. Левый угол картины открывает зелёный кусок Заволжья с церковью, утонувшей в купе деревьев.

Можно повторить, что в картине мало воздуха и солнца, но едва ли можно отрицать её историческую и художественную правду. Толпа Маковского глубоко народна, – это именно весь нижегородский люд старого времени собрался отстаивать Москву и бескорыстно, горячо срывает с себя рубаху в жажде положить кости за родную землю. Картина не нравится».

Заключение неожиданное.

И, видимо, чтобы пояснить свой вывод, автор добавляет, дескать, «быть может, она потому нам не нравится, что уже чужда нам, что слишком далека от наших дней, когда мы, раньше срывавшие свои последние рубахи для нужды страны, – теперь собрались срывать рубахи с наших выставочных гостей?» – однако пояснение это звучит не очень-то убедительно, и автор – а это будущий пролетарский писатель Максим Горький – то ли чтобы разъяснить окончательно свою позицию, то ли просто для заработка, пишет ещё одну заметку, только уже для «Одесских новостей» (№ 3661 от 15 июня 1896 года):

«Здоровенный мясник, засучив рукава рубахи, готов хоть сейчас бить поляков, мускулы голых рук напряжены, лицо – зверски свирепо, изо рта, должно быть, летят «крылатые слова». Парень с глупой, круглой рожей суёт Козьме кожаную кису... Позади Минина молодой стрелец, взмахнув в воздухе тяжёлой секирой, орёт во всё горло, и глаза его налиты кровью… Всюду возбуждение страшное, и выражено оно – на мой взгляд – ярко. Толпа глубоко народна. Видишь, что это именно нижегородский народ; весь Нижний встал на ноги и рычит и мечется с силой ужасной, готовый всё ломить сплеча. Испуганные глаза татарина очень понятны...»

Ну, вот здесь всё становится понятным...

Тут сама лексика красноречивее любых разъяснений: «зверски свирепое лицо», «глупая круглая рожа», «налитые кровью глаза»...

Неприятны, отвратительны Максиму Горькому лица нижегородцев, поднявшихся для спасения России. Это же и не люди уже, а рычащая и мечущаяся с силой ужасной, готовой всё ломить сплеча масса погромщиков.

Вот уж воистину, если мы сами забываем пространства своей истории, эти площади постараются застроить архитекторы, которые бы хотели, чтобы у нас вообще не было никакой истории.

И это не в переносном, а самом прямом смысле.

Во всяком случае, так и произошло в Нижнем Новгороде, когда была создана картина Константина Маковского.

Примерно в это же время как раз напротив церкви, с паперти которой, по преданию, обращался к нижегородцам Кузьма Минин, купец Н. А. Бугров построил ночлежный дом, послуживший А. М. Горькому прототипом ночлежки в пьесе «На дне».

С одной стороны, конечно, благотворительность, а с другой – откровенное глумление…

Бугров и Горький как бы свели и поставили друг против друга воодушевлённую идеей спасения Родины, объединённую жертвенным порывом Россию Минина и Пожарского и Россию деклассированных, спившихся босяков, все помыслы которых сведены к поиску выпивки.

И они смотрели друг на друга эти две России и не узнавали себя, как не узнавал Горький в массе воодушевившихся призывом Кузьмы Минина нижегородцев ничего, кроме готовности к погрому.

Н. А. Бугров принадлежал к тому типу волжских купцов, о которых трудно сказать, чего – самобытности или самодурства – больше в них, но мы не будем утверждать, что он осознанно выбирал место для своего ночлежного дома, из которого – его слова! – «как из омута, никуда нет путей».

Это и не важно…

За Бугрова выбирали место ночлежки те тёмные силы, которые, по свидетельству современников, порою всецело завладевали его душой.

Ну а Максим Горький, создававший свою пьесу об обитателях бугровского дома, о символизме соседства этого дома с Россией Минина и Пожарского, судя по его заметкам, посвящённым картине Константина Маковского, знал совершенно определённо.

На дно в его пьесе, художественные достоинства которой, по нашему мнению, весьма относительны, погружаются не только обитатели ночлежки, но и вся Русь, ещё сохранившая способность противостоять предательству и измене, Русь, ещё обладающая силой спасти саму себя.

8

Пьесу «На дне» Алексей Максимович Горький написал в 1902 году, а 29 июня[23] 1904 года в час ночи из летнего храма при Богородицком женском монастыре украли саму чудотворную икону Казанской Божией Матери, которая вела нижегородское ополчение, чтобы освободить Москву, икону, перед которой молились ратники Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина, чтобы двинуться на штурм Кремля, в котором укрылись поляки.

Кражу совершил профессиональный церковный вор Варфоломей Андреевич Стоян, называвшийся Чайкиным, и его подельник, карманник Ананий Комов.

В ту же ночь на окраине Казани, в доме Шевлягина на Кирпично-Заводской улице, где Стоян-Чайкин арендовал целый этаж, эти словно сошедшие с горьковских страниц монстры разрубили топором первообраз чудотворной иконы Казанской Божией Матери, чтобы побыстрее отделить от нее драгоценные камни и золото. Обломки и щепки от чудотворной иконы тёща Чайкина, сорокадевятилетняя Елена Ивановна Шиллинг, «отталкивающей наружности старуха, тип старой сводни», сожгла в железной печке.

Надо отдать должное полиции.

Расследование преступления было проведено грамотно и оперативно.

Смотритель Александровского ремесленного училища Владимир Вольман, прочитав в газетах, что при краже был сломан замок наружной двери собора, сообщил в полицию о золотых дел мастере Николае Максимове, заказавшем у него в училище мощные разжимные щипцы, совершенно ненужные в ювелирной работе.

Максимов после очной ставки с Вольманом сознался, что заказал щипцы по поручению своего давнего покупателя Фёдора Чайкина.

Полиция, несмотря на поздний вечер, немедленно отправилась в дом Шевлягина на Кирпично-Заводской улице, однако обнаружила там только Елену Ивановну Шиллинг и девятилетнюю Евгению – дочь Прасковьи Кучеровой. Сам Чайкин за несколько часов до появления полиции, вместе со своей гражданской женой Прасковьей Кучеровой, уехал на извозчике на пристань.

18 июля Чайкин и Кучерова были задержаны в каюте прибывшего в Нижний Новгород парохода «Ниагара». У задержанных оказались фальшивые паспорта на имя супругов Сорокиных.

К тому времени полиция уже произвела тщательные обыски в квартирах Максимова и доме Шевлягина. В квартире Максимова были найдены жемчужины, в которых монахиня Варвара, состоящая многие годы при чудотворной Казанской иконе, опознала украшения с похищенной святыни.

Успешным был обыск и на Кирпично-Заводской улице.

Полицейским удалось найти тайники, наполненные драгоценностями. Согласно протоколу, в ходе обыска обнаружены были: «куски пережженной проволоки, 205 зерен жемчуга, перламутровое зерно, камешек розового цвета, обломок серебра с двумя розочками, 26 обломков серебряных украшений с камнями, кусочек золота, 72 золотых обрезка от ризы, завернутые в рукав платья, 63 серебряных обрезка ризы и венца, пластинка с надписью «Спас

[23] 12 июля по новому стилю.

Нерукотворенный»[24], серебряный убрус, смятый в комок, и другие подобные предметы».

Важные показания дала девятилетняя Евгения Кучерова.

Она показала, что накануне кражи Чайкин вместе с Ананием Комовым уходил поздно вечером из дома. Каждый имел при себе шпалеру (револьвер).

Утром девочка проснулась на рассвете и увидела, как отчим рубит секачом икону Спасителя, а Комов топором – икону Казанской Божией Матери.

Разрубленные куски иконы были сложены в железную печь, после чего бабушка (Елена Шиллинг) зажгла огонь…

От дыма она вытирала рукавом глаза, и это не понравилось Чайкину.

– Мамаша у нас сегодня плаксивая… – сказал он Комову.

Читаешь эти показания и вспоминаешь сон, приснившийся в 1579 году дочери казанского стрельца Матроне.

Прекрасным в этом сне был лик Богородицы, но дышал пламенем.

– От иконы исходило пламя, и прямо на меня, будто готовое сжечь… И голос я слышала… – Матрона наморщила лоб и повторила, стараясь не пропустить и не перепутать ни одного слова. – Если ты… не поведаешь… глаголов Моих… то Я… явлюсь в другом месте…

Сверстница Матроны Евгения Кучерова через триста двадцать пять лет воочию увидела это ***ужасное*** пламя.

Оцепенев, смотрела она, как режет отчим сияющие драгоценными камнями ризы. Потом подняла с полу откатившийся камешек с Казанской иконы Божией Матери и зажала его в кулачке.

Показания Евгении Кучеровой помогли задержать последнего подозреваемого – «юркого, подвижного человека с плутовато-хищным выражением глаз и характерным длинным тонким носом, загнутым кверху», Анания Комова.

Он был арестован в день праздника Казанской иконы Божией Матери.

9

Напомним, что тем летом произошло долгожданное для России событие. 30 июля 1904 года родился наследник престола, царевич Алексей.

[24] Негодяями была украдена из храма при Богородицком женском монастыре ещё и богато украшенная икона Христа Спасителя. Её постигла та же участь, что и икону Казанской Божией Матери…

«Когда я буду царём, – говорил он своему наставнику, – в России не будет бедных и несчастных».

Мы знаем, что враги России помешали стать царём этому ***долгожданному*** царевичу, рождённому по молитвам императора Николая II к преподобному Серафиму Саровскому. И может быть, потому и удалось им сделать это, что чудодейственная сила Казанской иконы Божией Матери не оградила его – наследник родился месяц спустя после уничтожения святотатцами великой святыни России…

Опять-таки можно говорить о случайном совпадении, но после уничтожения Казанской иконы Божией Матери начинаются и самые тяжёлые поражения Русско-японской войны, и Кровавое воскресенье, и вся смута 1905 года!

Странно и как-то обречённо переплетаются между собою даты тех событий.

Слушание дела в Казанском окружном суде происходило в дни, когда японцы пошли на четвёртый штурм Порт-Артура.

Столь схожий с героями Максима Горького Варфоломей Стоян (Чайкин) рассказывал на суде, как сжигали они национальную святыню России. Он говорил это и «суетливо, с гримасами всматривался в публику» своими «наглыми до дерзости глазами».

Строчили в записных книжках газетные репортёры.

Присяжные заседатели, позевывая, слушали клюквенника, уничтожившего одну из главнейших святынь нашей страны.

Согласно их вердикту, Варфоломей Стоян получил за своё преступление двенадцать лет каторги, Ананий Комов – десять лет каторжных работ. Приговор ювелиру Николаю Максимову – два года и восемь месяцев арестантских рот, и по пять месяцев тюремного заключения – Прасковье Кучеровой и Елене Шиллинг, был ещё мягче.

В день оглашения этого вердикта японцам удалось овладеть господствующей над Порт-Артуром высотой, и они начали вести прицельный огонь по русским военным кораблям, стоящим на рейде…

Разумеется, сатанинское деяние Варфоломея Стояна (Чайкина) и его тёщи «старой сводни» Елены Ивановны Шиллинг отличается от замешанной на откровенном глумлении благотворительности купца Бугрова, от русофобских сочинений Горького, от поздравительных теле-

грамм, которые посылали японскому микадо революционные петербургские студенты, но отличается только своими масштабами.

По сути, это однотипные явления.

Одна задача тут – как можно сильнее оплевать и унизить русского человека, одна цель – лишить его всякой надежды на национально ориентированное устройство своей собственной страны, того, что и пытался осуществить Николай II, разворачивая Россию в своём проекте устроения Святой Руси…

Глава пятая

БОЖИЯ ДОРОГА

Наши историки до сих пор ещё не определили до конца отношения к державе, зародившейся в читинско-монгольских степях, на берегах Орхона.

Тем не менее постепенно происходит осознание того непреложного факта, что именно империя Чингисхана была непосредственной предшественницей Российской империи…

Поразительно, но ведь и наследница её – Советская империя – практически совпадала своими границами с ними.

Воистину, в этом смысле наша страна – феноменальное, небывалое в мировой истории образование. Из различных центров, на основе совершенно различных государственных идеологий, различными империеобразующими этносами создавались эти три государства, но совпадала их территория, на которой – лучше ли, хуже ли! – но обеспечивалось выживание всех включённых в империю народов. Когда же империя благодаря враждебным силам разрушалась, она снова возникала уже на основе другой идеологии, другого этноса, из другого центра, но в тех же самых границах.

Что это значит?

Да только одно… То, что эта империя нужна Богу, то, что народам, населяющим нашу страну, надобно исполнить то, что предназначено нашей стране Богом[25].

И может быть, именно эту истину и прозревал в молитвенном сосредоточении святой благоверный князь Александр Невский, когда сквозь степи Средней Азии пробирался в 1247 году в далёкое Забайкалье.

Поразительно, но путь Александра Невского практически пролёг вдоль южной границы будущей Российской империи, которую ещё предстояло построить его потомкам.

«Подчинение Александра Орде иначе не может быть оценено, как подвиг смирения, – пишет Г. В. Вернадский. – Два подвига Александра Невского – подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке – имели одну цель: сохранение православия как нравственно-политической силы русского народа».

Александр Невский не мог знать того, что известно сейчас любому школьнику.

Ему неведомо было, что, разгромив нашествие Биргера, он защитил не только новгородские пределы, но ещё и будущую столицу империи, которую, столетия спустя, построят возле места Невской битвы его потомки.

Разумеется, Александр Невский не знал, что, пробираясь в далёкий Каракорум, он, по сути, очерчивает южную границу этой империи…

Но Александр Невский был святым и яснее, чем мы сейчас, вооружённые знанием исторических фактов, прозревал духовным зрением последствия своего отнюдь не случайного, а глубоко продуманного выбора.

И мы видим, что выбор святого князя оказался безукоризненным и с геополитической точки зрения. Сохранив православие, Русь надёжно прикрыла с помощью татар северо-западные земли, где уже при внуках и правнуках святого Александра Невского началась кристаллизация нового центра Русской земли – Москвы, разросшегося в могущественнейшее государство, вобравшее и подчинившее себе и своих завоевателей…

И это государство, которое через века прозревал святой князь, не могли сокрушить никакие враги…

И разве сыщется пример более полного совпадения пути спасения и устроения русским человеком своей души с путями спасения и устроения государства?

Навечно повенчав Русь со степью, князь выбрал не только свой Путь.

Он выбрал Путь Руси на многие столетия вперёд.

[25] Отметим попутно, что мы, осознавая себя наследниками великих созидателей нашего государства, должны ясно понимать, что все те, кто тем или иным способом пытаются разрушить страну, враги не только нашего государства, но и самого Бога.

1

По этому пути и вёл страну святой царь Николай II.

Почти семь веков разделяли его со святым благоверным князем Александром Невским. Страшные ошибки и предательства были совершены на этом пути, но благодаря великим подвигам народа, прозрениям гениев и молитвам святых уже не в мечтаниях, а в реальности превращалась наша страна в обетованную Святую Русь.

Получив транссибирскую магистраль, протянувшуюся сквозь всё её пространство, Россия занялась стремительным развитием Сибири, и сама сделалась похожа на богатыря, расправляющего плечи и входящего в полную силу...

Ещё строительство Транссибирской магистрали позволило России реально утвердить себя в акватории Тихого океана.

Некоторые историки, очерняя правление Николая II, говорят, что лучше бы и не заключать было России тот «ходынский» договор на постройку железнодорожной магистрали через территорию Маньчжурии (Китайско-Восточной железной дороги), лучше было бы и не строить ничего, глядишь, и войны с Японией не случилось бы тогда...

Правда они забывают добавить при этом, что тогда, глядишь, и с Дальним Востоком нашей стране пришлось бы расстаться, как пришлось проститься с Аляской, тогда, глядишь, и выхода к Тихому океану Россия лишилась бы, но какое это имеет значение для подобных историков?

Они ведь правы в том, что пока Россия только обозначала своё присутствие на Дальнем Востоке, пока она не проявляла в этом регионе военной и экономической активности, она никому и не мешала. Если бы Николай II не попытался укрепиться на Тихом океане, войны и, соответственно, неудач в ходе её, действительно, можно было бы избежать.

Но ведь Русско-японская война началась не из-за «неосторожности», а из-за неизбежности. Она стала неизбежной, когда Николай II начал отстаивать геополитические интересы Российской империи на Тихом океане. Япония, поддерживаемая Англией и Америкой, принялась наращивать противодействие распространению российского влияния в регионе.

Николай II не хотел воевать, но он понимал, что не воевать нельзя.

Продвижение Российской империи на Восток к Тихому океану и на Север в высокие широты государь всегда считал приоритетной задачей, и у него не возникало никаких сомнений, что свои национальные интересы на Востоке Российская империя может и должна отстаивать.

Другое дело, что для этого требовалась собранность и молитвенная решимость и государя, и всей страны. И если сам государь был готов к войне, если и страна готова была к жертвам, то этого совершенно нельзя было сказать о нашей космополитской элите, сделавшей всё, чтобы эта война стала поражением России.

Война, действительно, оказалась трудной.

Связь с осаждённым Порт-Артуром, отстоящим на восемь тысяч вёрст от Центральной России, поддерживалась одноколейным Великим Сибирским путём. Вторую колею протянули уже во время войны.

В итоге 19 декабря после десятимесячной геройской защиты, нарушив устав и игнорируя мнение Военного совета, генерал-лейтенант А. М. Стессель подписал капитуляцию и сдал японцам Порт-Артур с двадцатипятитысячным всё ещё боеспособным гарнизоном. Затем последовал ряд тяжёлых сражений на полях Маньчжурии...

Впрочем, если не имеет особого смысла говорить о конкретных поводах, приведших к Русско-японской войне, поскольку война эта всё равно была неизбежностью, то тем более нет никакого смысла, оценивая общий итог войны, заново объяснять неудачи Русской армии, поскольку сами масштабы потерь России в «позорнейшей и глупейшей», как называл её С. Ю. Витте, войне крайне преувеличены.

Да, наземные операции, которые велись на незнакомом русской армии театре боевых действий, с незнакомым противником, вдали от основных сил и тылового обеспечения, были достаточно кровопролитными...

Были крайне неудачные морские сражения...

Но и главное, случился – мы тут опять цитируем С. Ю. Витте – «какой-то особый вид умственного помешательства масс», приведший к тому, что из-за забастовок и других революционных выступлений на Транссибирской магистрали действующая армия оказалась, по сути дела, заблокирована вдалеке от центра России.

Всё это так... И тем не менее никакой ужасающей катастрофы не произошло, всё завершилось обыкновенным, так сказать, «притиранием» сил.

Несмотря на то что благодаря негативной позиции президента США Теодора Рузвельта, который, как отмечали наблюдатели, «на переговорах в Портсмуте порой был более японцем, чем сами японцы», России пришлось отдать Японии только половину Сахалина, Порт-Артур и Южно-маньчжурскую железную дорогу, а основные свои позиции на Тихом океане Россия сохранила…

Об этом и сообщил С. Ю. Витте, возглавлявший российскую делегацию на переговорах в Портсмуте, телеграммой, отправленной Николаю II: «Япония приняла требования относительно мирных условий, и, таким образом, мир будет восстановлен, благодаря мудрым и твердым решениям Вашим и в точности согласно предначертаниям Вашего Величества. Россия остается на Дальнем Востоке великой державой, каковой она была до днесь и останется во веки».

Многие историки пишут, что Николай II был разочарован согласием Японии на заключение мира в Портсмуте. Отказавшись принять первоначальные условия и выставив свои требования, он приказал С. Ю. Витте в случае несогласия японцев прервать переговоры.

Когда на заседании 16 августа русская делегация огласила своё предложение, заканчивающееся следующими словами: «Российские уполномоченные имеют честь заявить, по приказу своего Августейшего Повелителя, что это последняя уступка, на которую Россия готова пойти с единственной целью прийти к соглашению», никто не сомневался, что японцы отвергнут русское предложение. После короткого молчания главный японский делегат Комура ровным голосом сказал, что японское правительство в целях восстановления мира принимает эти условия.

Обосновывая свою точку зрения, историки говорят, что к началу лета 1905 года на театре военных действий была сосредоточена прекрасно вооружённая и численно превосходящая противника Русская армия, в то время как Япония была уже совершенно истощена войной.

Правда, в России к началу лета 1905 года уже вовсю бушевала устроенная не без участия японских денег революция, так что она, без сомнения, уравнивала возможности обеих стран...

2

«Особый вид умственного помешательства масс», который охватил Санкт-Петербург и всю Россию, оказался страшнее сдачи Порт-Артура и гибели эскадры адмирала З. П. Рождественского в Цусимском проливе.

Как это ни прискорбно, но исход войны решился не на полях сражений, а в Санкт-Петербурге, откуда представители «передового» общества слали приветственные телеграммы японскому микадо.

Тотальный общественный террор захлестнул своей адской чернотой Россию. Администраторов убивали за увольнение нерадивых студентов, за неосторожно сказанное слово, за то, что тот или иной чиновник оказывался похожим не на того, на кого, по мнению «прогрессистов», следовало походить. Ну, а если министр или генерал оказывался заподозренным в действиях, направленных на Божие дело, на благо России и государя, террористы не считались ни с какими жертвами.

Одно из самых бессмысленных и жестоких преступлений совершил в 1905 году эсер Иван Платонович Каляев. Сын полячки и околоточного надзирателя, он уже к двадцати пяти годам сумел уверовать в террор сильнее – это его собственные слова! – чем во все парламенты мира.

Иван Каляев бросил в Кремле бомбу, которая на части разорвала генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича.

Убийца написал потом, что «дело 4-го февраля» он исполнил «с истинно религиозной преданностью».

Религией его был социализм.

Существует трогательная история о посещении убийцы великой княгиней Елизаветой Фёдоровной, вдовой Сергея Александровича.

7 февраля 1905 года, на третий день после трагедии, Елизавета Фёдоровна поехала к убийце, которого содержали тогда в Бутырской тюрьме.

– Покайтесь, прошу вас! – сказала Елизавета Фёдоровна. – Я умолю государя простить вас, даровать жизнь. Сама я вас уже простила…

– Мне не в чем каяться! – отвечал Каляев. – Я убил тирана. Я бы сделал это и раньше. Мне всё время мешали вы. Я не хотел убивать вас, я видел его несколько раз в то время, когда имел бомбу наготове, но вы были с ним, и я не решился его тронуть.

– И вы не сообразили того, что вы убили меня вместе с ним? – спросила Елизавета Фёдоровна. – Я принесла вам прощение от Сергея Александровича!

И она подала Каляеву Евангелие, но тот сказал, что не будет его читать.

Всё же Елизавета Фёдоровна оставила и Евангелие, и небольшую икону Иверской Божией Матери, столь почитаемую ею и Сергеем Александровичем, а возвратившись из тюрьмы, написала прошение на имя Николая II о помиловании убийцы её мужа, но просьба её была отклонена...

Совсем иначе описывал эту историю сам Каляев.

«Мы смотрели друг на друга, не скрою, с некоторым мистическим чувством, как двое смертных, которые остались в живых. Я – случайно, она – по воле организации, по моей воле, так как организация и я обдуманно стремились избежать лишнего кровопролития. ***И я, глядя на великую княгиню, не мог не видеть на ее лице благодарности***, если не мне, то, во всяком случае, судьбе за то, что она не погибла.

– Я прошу вас, возьмите от меня на память иконку. Я буду молиться за вас.

И я взял иконку.

Это было для меня символом признания с ее стороны моей победы, символом ***ее благодарности судьбе за сохранение ее жизни и покаяния ее совести за преступления великого князя***.

– Моя совесть чиста, – повторил я, – мне очень больно, что я причинил вам горе, но я действовал сознательно, и, если бы у меня была тысяча жизней, я отдал бы всю тысячу, а не только одну».

Более всего поражает тут, что Каляев даже не понял, что будущая святая преподобномученица Елизавета Фёдоровна не отблагодарить пыталась, а пробудить от летаргического сна его душу убийцы.

Ещё Каляев, уже захлёстнутый злой чернотой, говорил о своей восторженной любви к народу… Правда, он так и не уточнил, к какому именно.

Его приговорили к смертной казни и 9 мая привезли в Шлиссельбург.

В Шлиссельбурге он долго писал что-то, но потом залил чернилами исписанный лист и разорвал его.

Он весь дрожал.

– Это не от страха смерти… – сказал он жандарму. – Просто я замёрз. Дайте мне что-нибудь тёплое.

Жандарм принёс одеяло, но и накрывшись им, Каляев не смог согреться.

10 мая в два часа утра его вывели на крепостной двор.

Перед казнью, как свидетельствовал потом полковник Яковлев, к Каляеву был допущен священник, с которым осуждённый ограничился одним лишь разговором.

Ивана Каляева повесили за зданием манежа, недалеко от крепостной стены, обращённой к левому берегу Невы...

3

С. Ю. Витте заметил в своих мемуарах, что назначением своим на пост Председателя Совета Министров он обязан, прежде всего, «боязнью более симпатичных монаршему сердцу лиц» занять этот пост. Торжествуя победу, Сергей Юльевич Витте, конечно, несколько преувеличивал страхи настоящих государственников, подлинной русской интеллигенции.

Да… Кое-кого из чиновников действительно парализовал страх.

Но разве боялся император?

Рассказывают, что 6 января 1905 года на Неве перед Зимним дворцом происходила традиционная церемония водосвятия. Члены императорской семьи, дипломаты и придворные наблюдали за происходящим из окон дворца, а сам государь стоял возле иордани на специальном помосте.

После церемонии водосвятия раздался салют из орудий Петропавловской крепости. Каким-то образом злоумышленникам удалось подменить холостые снаряды на боевые. Одним из выстрелов был тяжело ранен городовой Романов, стоявший позади императора. Другим снарядом разбило окно во дворце. Началась паника, и только государь не шевелясь и очень прямо стоял на том же месте, на помосте, где и находился в начале церемонии.

– Я понял, что кто-то пытается убить меня, – объяснил он потом сестре. – Я только перекрестился. Что мне ещё оставалось делать?

И разве боялся террористов святой праведный Иоанн Кронштадтский?

Хотя и шла на него подлая охота, он бесстрашно работал на благо Отечества.

А разве боялись террористов члены Союза Русского народа, набиравшего в те годы грозную силу?

Нет! Они не страшились ни подлых пущенных в спину пуль, ни бомб, подложенных в чайных, ни газетной лжи, которой их ежедневно обливали.

В 1905 году во многом благодаря этому Союзу Русского народа, созданному по благословению святого праведного Иоанна Кронштадтского, и удалось подавить беспорядки.

Либеральной и революционной пропагандой эта организация оболгана, черносотенцам приписываются какие-то погромные настроения, хотя они-то как раз и пытались предотвратить беспорядки, устраиваемые революционными молодчиками.

В широком смысле Союз русского народа, в который входили такие люди, как Дмитрий Иванович Менделеев, противостоял тем, кто в силу каких-то своих частных амбиций или узко национальных интересов не желал, чтобы Россия развивалась так, как она развивалась.

Сколь дивным был воздвигнутый по благословению Иоанна Кронштадтского Собор, свидетельствует очевидец – Павел Александрович Крушеван.

«Помню первый митинг Союза Русского Народа, – вспоминал он. – Он состоялся в Михайловском манеже. На митинге собралось тысяч двадцать народа... Это были величественные и потрясающие минуты народного объединения, которых никогда не забудут те, кому довелось пережить их. Все грани, все сословные и социальные перегородки исчезли; русский князь, носящий историческую старинную фамилию, стоял бок о бок с простолюдином и, беседуя с ним, волновался общими чувствами; тут же в толпе был и известный государственный деятель, были генералы, офицеры, дамы... Но над этой пестрой массой, сливая ее в одно существо, властно царила одна общая душа, душа народа, создавшего одно из величайших государств в мире»...

Слово «Собор» от частого употребления несколько затёрлось, но важно понять, что соборная общность обладает качествами, значительно превосходящими качества отдельных людей, какими бы замечательными они ни были.

Этому Собору сообщается молитвенная сила, которая значительно превосходит даже и совокупную силу самых сильных наших молитвенников, – сила, способная преображать историю.

И в 1905 году эти качества воздвигнутого по благословению Иоанна Кронштадтского Собора проявились во всей своей полноте. Благодаря Союзу русского народа полностью удалось задавить поднимающуюся смуту.

Увы, сразу после подавления беспорядков 1905 года, после успокоения началась массированная атака на Союз русского народа. И ладно, если бы ополчились революционеры, но ведь против выступила практически вся царская администрация, возглавляемая С. Ю. Витте.

Ненависть к руководителям Союза русского народа настолько захлёстывала этого, без сомнения, чрезвычайно умного государственного деятеля, что он подобно базарной сплетнице готов был рассуждать, дескать, «правые организации не без ведома Царского Села, если не императора, организовали против меня охоту, как на дикого зверя».

Увы... Именно Сергей Юльевич, охваченный ненавистью к черносотенцам, и сделал тогда всё, чтобы разоружить это движение, именно царские спецслужбы по его наущению предприняли неимоверные усилия, чтобы расколоть, обессилить и скомпрометировать объединения Русского Народа. Они употребляли на борьбу с черносотенцами силы значительно большие, чем на борьбу с реальной, возрастающей как из имперских, так и заграничных местечек революционной угрозой.

Царская администрация, руководимая С. Ю. Витте, всё-таки не позволила Союзу русского народа объединиться с императором.

В результате в феврале 1917 года Николаю II опереться оказалось уже не на кого, и революционно-местечковая сила смела и администрацию, и спецслужбы, и всё царское окружение, и самого царя.

То же самое мы видели и на закате советской истории, когда М. С. Горбачёв не захотел опереться на советский народ. Партийное руководство даже не попыталось рассказать людям о последствиях возможной катастрофы, не призвало народ к объединению, чтобы дать отпор силам, раскачивающим ситуацию в стране.

Более того... Именно тогда, когда союз с патриотическими силами был жизненно необходим для сохранения государства, вся партийная пе-

чать, подчинённая «архитектору перестройки» господину А. Н. Яковлеву, все спецслужбы оказались брошены на борьбу с «русским патриотизмом», который именовался тогда «русским фашизмом, поднимающим голову».

Об этом придуманном ими «русском фашизме» наши либералы и демократы кричат на протяжении вот уже четверти века, с единственной целью – помешать патриотам объединиться, чтобы защитить нашу страну.

Не было никаких предпосылок для распада СССР, распад его был инициирован «элитами», сумевшими тогда в атмосфере общего помрачения захватить власть в республиках.

Сработал адаптированный к девяностым годам сценарий 1917 года.

Великая империя пала в считанные дни...

А тогда, в 1905 году, террористам не удалось запугать ни Россию, ни императора.

Вопреки всем тёмным силам, вопреки огромным брошенным на борьбу с Россией средствам, империя не только устояла в этой борьбе, но и сделалась еще могущественней.

Так и должно происходить в стране, движущейся по Божиему пути.

Любые ошибки и неудачи переплавляются здесь в бесценный опыт, позволяющий или, вернее, подвигающий к решению важнейших национальных задач.

4

Одной из таких важнейших национальных задач и являлся Северный морской путь.

Впервые идею его – «Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к северу, а море там имеет огромное протяжение, и, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, откуда можно добраться на кораблях до страны Китая», – высказал ещё в начале XV века выдающийся русский дипломат и переводчик Дмитрий Герасимов (Митя Малый). И случилось это, когда Московская Русь сбросила наконец с себя так называемое ордынское иго и, стремительно воссоединяя русские земли, сама сделалась центром новой империи, которой предстояло образоваться на месте рассыпающейся империи Чингисхана.

Дмитрию Герасимову было пятнадцать лет, когда в ночь на 11 сентября 1480 года сами по себе загудели кремлёвские колокола в Москве.

Это началось отступление от Угры татарских ратей.

«Стоянием» на Угре завершился двухсотсорокалетний татарский период нашей истории и началось присоединение Тверского княжества, «выводы» людей из Новгорода и заселение там москвичей, покорение Вятки, завоевание порубежных с Литвою городов…

Случайно ли, но именно на эти победоносные для Московской Руси восьмидесятые годы и пришёлся пик распространения ереси жидовствующих.

Она проникла тогда в высшие круги русского общества. Многие приближённые великого князя, начиная с главы правительства, думного дьяка Феодора Васильевича Курицына, брат которого стал вождём еретиков, были совращены в ересь. Ересью жидовствующих оказалась заражена Елена Волошанка, жена наследника русского престола Ивана Ивановича Молодого, и даже некоторые иерархи Русской церкви.

Сбережённая Русью в столетиях татарского плена православная вера оказалась тогда в опасности, а вместе с нею и всё государство. Святая Русь, которую не удалось сокрушить ни татаро-монгольским игом, ни западными интервенциями, была поставленной на грань внутреннего саморазрушения!

Хорошо известно о той помощи, которую оказал святителю Геннадию в борьбе с ересью преподобный Иосиф Волоцкий (Волоколамский). О деятельности самого святителя говорится намного меньше, а главное, историки практически не обращают внимания на тот факт, что если еретики искали и находили поддержку в высоких властных структурах, то архиепископ Геннадий Новгородский в борьбе с ересью мог рассчитывать только на просвещение и ***образование*** русских людей.

Дмитрий Герасимов как раз и являлся одновременно и прямым помощником святителя Геннадия в этой борьбе, и результатом этой борьбы, потому что в ходе неё и возрос он.

В 1493 году святитель Геннадий направил создателя первого русского учебника латинского языка, который был создан для открытой им школы в Новгороде, в первую «научную командировку» за рубеж.

Из этой заграничной командировки Дмитрий Герасимов привёз важные материалы, необходимые для развернувшейся в Новгороде просветительской деятельности архиепископа Геннадия, а кроме этого впервые тогда побывал он на Русском севере, впервые познакомился с помо-

рами, впервые совершил путешествие по северным морям.

Подчеркнём, что идея Северного морского пути – не случайное открытие, не просто плод гениальных озарений, это путь, который по Божией воле веками прокладывал в своё будущее сам русский народ.

Исследование берегов Северного Ледовитого океана началось на Руси с незапамятных времён. Новгородская летопись упоминает о походе двинского посадника Улеба (норманна Олава) на Железные Ворота[26], состоявшемся еще в 1032 году. В стародавние времена было написано и «Сказание об Югре». «Есть же и подаль на полунощ (на север) иные страны – суть горы зайдучи Лукоморья[27]. Им же высота до небеси… Есть же путь до гор тех, и непроходим пропастьми, снегом, лесом»…

Поморы выходили в море на деревянных ладьях, карбасах и шняках… Обжив берега Белого моря, они обогнули Кольский полуостров и добирались до северных берегов Скандинавии.

Во времена Дмитрия Герасимова, на русском Севере были созданы корабли, округлые корпуса которых выдерживали ледовое сжатие. На этих кочах – так назывались созданные корабли – поморы начали плавать и на Грумант[28].

Интерес к землям, простирающимся на восток от Русского Поморья и к морям Северного Ледовитого океана, омывающим здешние берега, не угас в Дмитрии Герасимове и после его возвращения в Новгород. Продолжая служить при архиерейском дворе, он встречался с поморскими промышленниками, узнавал всё новые и новые подробности о северных плаваниях.

Как символично, что осознание возможности Северного морского пути происходило в ходе борьбы с ересью жидовствующих, в близком соседстве со знаменитой русской идеей, сформулированной псковским иноком Филофеем, «два Рима пали, третий стоит, и четвертому не бывать...»?

Филофей – сверстник Дмитрия Герасимова.

Мы не знаем, были ли они лично знакомы друг с другом, но отрицать такую возможность нельзя, поскольку в 1495 году Дмитрий Герасимов посетил в свите святителя Геннадия Новгородского многие псковские монастыри.

Впрочем, это и не важно.

Заочное знакомство, безусловно, имело место.

Одна из ранних оригинальных работ Дмитрия Герасимова, посвящённая необычной псковской иконе, на которой царь Давид изображался в образе Иисуса, была адресована княжескому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину, в послании к которому и сформулировал Филофей свою идею Третьего Рима…

Почему мы подчёркиваем это?

Хотя идеи Третьего Рима и Северного морского пути и кажутся совершенно разнородными, но при более внимательном рассмотрении в них проступает некая общность.

Иноку Филофею удалось найти и сформулировать идеологический, Божий смысл геополитического возвышения Московской Руси, становящейся оплотом православной цивилизации.

Мысли Дмитрия Герасимова о Северном морском пути – это мысли о Божьем устроении земли. Разведывание и прокладка его – осуществление Божьей воли, деяние, к которому и призвана страна, становящаяся оплотом православной цивилизации…

5

Европа во времена Дмитрия Герасимова уже вступила в эпоху великих географических открытий.

В 1488 году португальцы, обогнув Африку, вышли в Индийский океан.

В 1492 году испанец Христофор Колумб, отправившийся в поисках торгового пути в Азию на запад через Атлантический океан, открыл Америку.

А в 1498 году португальская экспедиция под руководством Васко да Гамы, обогнув Африку, достигла Индии…

Впитывая новые европейские открытия, Дмитрий Герасимов снова и снова возвращался в своих мыслях к русскому Северу, к тому Божьему пути, который должен был проходить не через южные моря и океаны, не через далёкий запад, а через омывающий русские берега Северный Ледовитый океан.

Тогда Дмитрий Герасимов и помог картографу и гравёру Баттисте Агнезе составить первую и наиболее точную, вплоть до экспедиций Витуса Беринга, карту северных очертаний нашего континента.

Там был прочерчен и маршрут Северного морского пути.

[26] Вероятно, пролив Карские Ворота.
[27] Вероятно, Обская губа.
[28] Шпицберген.

И снова удивительным образом совпадает тут биография Дмитрия Герасимова с духовным становлением псковского инока Филофея, написавшего в 1524 году великокняжескому дьякону Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину своё «Послание на звездочётцев», в котором объяснил, что не следует приписывать астрономическим явлениям добро или зло, что человек обладает собственной волей и сам ответствен за свой выбор.

Получается, что идея Третьего Рима рождалась в контексте антиоккультной полемики, которую так или иначе вели и святитель Геннадий Новгородский, и преподобный Иосиф Волоцкий, и преподобный Максим Грек.

Обличая увлечение астрологией и ересь жидовствующих, инок Филофей напоминал Великому князю Василию III Иоанновичу, в какой уникальной исторической ситуации оказалась Русь, какая миссия возложена на неё, каким путём следует двигаться дальше, не отклоняясь от православной веры…

Этот путь искал и Дмитрий Герасимов…

Льдами и туманами окажется затянут он, но прежде чем выйти на него, нужно было разглядеть этот Божий путь в обманном тумане неверия…

Завершая свой последний труд, 70-летний Дмитрий Герасимов поставил под ним 15 октября 1535 года подпись: «Дмитрий, грешной и мало ученый Схоластик, рекше ученик».

Как известно: «Аз сельский человек, учился буквам, а еллинских борзостей не текох, а риторских астроном не читах, ни с мудрыми философы в беседе не бывах, учуся книгам благодатного Закона, аще бы мощно моя грешная душа очистити от грех», – напишет о себе и сверстник Дмитрия инок Филофей.

Вряд ли кто будет спорить, что, подобно иноку Филофею, Дмитрий Герасимов принадлежал к числу образованнейших русских людей…

Однако и искренность их собственной самооценки тоже не подлежит сомнению. Можно объяснить эту заниженную самооценку традиционной для культуры Средневековой Руси скромностью, однако это слишком общее объяснение.

Как нам кажется, формулируя свои мысли, связанные с Божией волей, касающейся как устроения Руси, так и предназначенного для неё пространства, и инок Филофей, и Дмитрий Герасимов становились проводниками Божией воли и в собственном сознании умалялись рядом с провозглашёнными ими идеями.

И нет тут никакого сознательного самоуничижения... Это естественное ощущение древнерусского человека, живущего в Божием времени.

Ни инок Филофей, ни Дмитрий Герасимов не хлопотали о сохранении за ними авторства тех гениальных идей, которые они высказывали, и не потому не хлопотали, что не понимали их значения, а потому, что считали эти идеи Указаньями Божьими, а себя лишь переводчиками, записывателями, сообщателями их.

И, конечно же, в этой связке любой человек, как бы он ни был образован, всегда остаётся только более или менее исправным учеником.

Такими они были, и только трудами и подвигами таких людей, как они, и могла построиться Святая Русь.

Нет, не гаснут бесследно подобно фейерверку вспыхнувшие на небе огни.

Небесный свет, воспринятый и уловленный теми, кто способен к этому, становится достоянием людей в том объёме, ***сколько они сами могут уразуметь…***

Конечно же, нельзя представлять мысль Дмитрия Герасимова о существовании Северного морского пути любопытным филологическим казусом, потому что нелепо и думать, будто об этом Дмитрий Герасимов рассказал только своему римскому собеседнику.

Наверняка говорил он о Северном морском пути и с поморскими капитанами в ходе своих многочисленных дипломатических вояжей, и наверняка – он был достаточно видным чиновником – озвучивал эту мысль и в правительственных кругах…

То, что не осталось письменных свидетельств о подобных разговорах, не значит, что подобных разговоров не было.

Более того, вглядываясь в исторические события, мы обнаруживаем, что мысль о Северном морском пути достаточно быстро овладевает молодыми современниками Дмитрия Герасимова и в правительственных учреждениях, и в поморских поселениях.

В 1553 году, когда корабль Ричарда Ченслера (Ченслора) бросил якорь в устье Северной Двины, англичане попытались представить это как открытие нового морского пути и предъявили администрации Иоанна IV Васильевича Грозного претензию на установление монополии морской торговли в пользу Британии.

– Морская дорога к нашей вотчине в Холмогоры не новая, – ответили на это московские дипломаты, которые, возможно, помнили разговоры своего коллеги Дмитрия Герасимова о Северном морском пути. – Божью дорогу как мочно переняти, и уняти, и затворити?

Эта «декларация» администрации русского царя и сейчас, четыреста шестьдесят лет спустя, остаётся непревзойдённой по глубине и точности понимания свободы океанских сообщений…

И несомненно, что за этой формулировкой, определяющей Северный морской путь как Божию дорогу, стояли рассуждения толмача Дмитрия Герасимова.

Конечно, спустя пятнадцать лет после его кончины могло стереться авторство, но сама-то идея оставалась, она продолжала жить и в умах царских чиновников, и в головах поморских капитанов, как некая данность.

Иначе и не могло быть, такое отношение в Северному морскому пути не в досужих размышлениях царских администраторов возникало, а в глубинах православного самосознания русского народа.

И так получилось, что Северный морской путь начал становиться тогда реальностью.

Уже в 1572 году на реке Таз возникает Мангазея, и в 1616 году плаванья вдоль Мезенских и Пустозёрских берегов через Вайгачский пролив в Карское море, а затем по протекающей поперёк полуострова Ямал реке Мутной[29] до озера Зелёного и до Обской губы сделались достаточно обычным делом для поморов.

Более того, в 1618 году русские мореходы под предводительством Акакия Мурманца сумели обогнуть полуостров Таймыр, попали Северным морским путём в море Лаптевых. Исследования, проведённые археологами во главе с А. П. Окладниковым, доказали этот факт.

Становление Северного морского пути происходило уже при новой династии, но, безусловно, как и взятие Казани, как и покорение Сибири Ермаком, оно принадлежало к свершениям династии Рюриков, в правление которой и была построена Святая Русь.

К сожалению, первым царём из династии Романовых Северный морской путь был закрыт.

[29] Считается, что Мутной рекой называли тогда нижнее течение реки Морды (Мордыяха) и впадающую в неё реку Сёяга, которая «течёт в берегах, сложенных из серой глины, и воды её совершенно не прозрачны».

6

Считается, что Северный морской путь запретили с подачи тобольских воевод, которые прямо были заинтересованы в устранении ещё одного Мангазейского пути из Сибири, конкурирующего с тобольским путём.

И, как и бывает в таких случаях, тобольские воеводы сумели найти весьма патриотическую мотивировку. Они сообщали в Москву о большом беспокойстве, которое им причиняет угроза – на Колгуеве мангазейскими мореходами был обнаружен разбитый корабль с пушками – иностранного нашествия, и спрашивали, разрешать ли иноземцам торги, если они появятся в Мангазее и на Енисее.

В Москве, кажется, только и ждали этого обращения.

Уже 25 июня 1616 года была составлена, а 19 октября доставлена в Тобольск грамота, утверждавшая проект запрещения морского пути в Сибирь.

Мангазейские воеводы и люди, занятые непосредственно Северным морским судоходством, пытались противодействовать, оспаривая такое решение, но уже в ноябре 1620 года последовал указ, коим окончательно под страхом смертной казни воспрещался морской путь в Сибирь, а «торговым и всякого звания людем» предлагалось пользоваться сухопутными дорогами через Камень.

В 1623 году на Ямале, на Мутной и на Зелёной реках выставили заставу, и морской путь в Сибирь перестал действовать.

А скоро, на радость тобольских воевод, зачахла и сама златокипящая Мангазея, скоро пришло в упадок и всё русское морское дело…

Местнические интересы тобольских воевод тут очевидны, и поэтому для нас интереснее понять, почему всё-таки вняли в Москве этим просьбам, почему правительство Михаила Фёдоровича, первого царя из Романовых, приняло решение, противоречащее государственным интересам? Почему на два с лишним столетия задержали развитие русского Севера? Почему убили северное русское мореплавание?!

Некоторые исследователи и сейчас пытаются доказать, что всё тогда было сделано правильно и таким образом удалось предотвратить иностранную экспансию в Сибирь.

Воистину, чтобы говорить такое, нужно научиться смотреть на факты, как говорил Иоанн IV Васильевич Грозный, «беззаконными очами».

Кто же защищает Родину, уничтожая собственный флот и опорные пункты на пустынных берегах?

Достаточно взглянуть на географическую карту русского морского Севера, испещрённую иностранными именами, и сразу станет понятно, кто плавал в этих морях в XVII и XVIII веках и к чему привёл запрет на отечественное мореплавание.

Увы... Только в XVIII веке снова появились в северных морях русские корабли. И, наверное, никто так остро не ощущал ущербность проведённых первыми Романовыми реформ, как офицеры Великой северной экспедиции. Их корабли, построенные и оснащённые по последнему слову западной морской науки, для арктических плаваний не годились, и капитаны их годами не могли пройти те маршруты, которые за столетие перед ними легко пробегали казаки на лёгких поморских кочах. Постигнуть эту истину офицерам Великой северной экспедиции было невероятно трудно, и, даже когда в архивах якутской воеводской избы были найдены «сказки» Семёна Дежнёва, лейтенант Дмитрий Лаптев так и не смог поверить в реальность совершённого задолго до него плавания.

Впрочем, офицеры Великой северной экспедиции были не одиноки в своих заблуждениях. Только благодаря работам, проведённым уже в советское время, стало ясно, что успехи старорусского мореплавания были не случайными, а базировались на комплексе национальных морских традиций.

Как видно из исследований доктора исторических наук Михаила Ивановича Белова, в основе нашего полярного флота лежал коч – единственный в то время тип морского судна ледового класса. Название его происходит от новгородского «коца» – ледовая защита, и связано было оно с важнейшим конструктивным приспособлением кочей – «шубой льдяной», второй ледовой обшивкой, расположенной в районе ватерлинии. Другим важным отличием коча был корпус яйцеобразной формы, благодаря которому при ледовом сжатии судно не ломалось, а выжималось изо льда.

Производя раскопки легендарной Мангазеи, М. И. Белов нашёл сосновые доски, на которых была изображена эта русская полярная «каравелла». Уникальные «доски-чертежи» находятся в экспозиции музея Арктики и Антарктики, и каждый теперь может увидеть их.

Сейчас уже трудно представить, насколько был опорочен и унижен петровскими реформами весь предшествовавший опыт развития страны. Даже такие великие сыновья России, как Михаил Васильевич Ломоносов, не в силах были преодолеть заблуждения эпохи и не всегда учитывали то полезное, что было достигнуто в допетровскую эпоху.

Пример этому – составленная М. В. Ломоносовым «Примерная инструкция морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию пути на восток Северным Сибирским океаном». Исполняя этот фантастический план, моряки экспедиции Василия Яковлевича Чичагова проявляли чудеса героизма и два года безуспешно пытались пробиться на восток через Северный Ледовитый океан напрямик, поскольку прежний путь вдоль берегов континента (нынешний Северный морской путь) Ломоносов считал невозможным.

Безуспешными были и экспедиции по изысканию Северного морского пути, предпринятые по инициативе Н. П. Румянцева (О. Б. Коцебу – на «Рюрике» в 1815–1818 годы, М. Н. Васильев – на «Открытии» в 1819–1821 годы).

Как это ни прискорбно, но весь XVIII век и начало XIX века ушли в нашей стране на то, чтобы осознать бесперспективность «нерусского» пути освоения Арктики и необходимость возвращения на «Божью дорогу», с которой попытались первые Романовы свернуть Россию, чтобы уткнуть её в европейские зады.

Интересно, что успехи зарубежных исследователей Арктики в XIX и начале XX веков во многом оказались определены их более переимчивым отношением к старорусскому опыту северного мореплавания. К сожалению, это не у нас в России, а на европейских верфях, на новом уровне кораблестроения возрождались идеи, заложенные русскими мастерами в конструкции кочей, и на этих судах и совершили европейские исследователи плавания, золотыми страницами вошедшие в историю открытия Арктики...

А насчёт территориальной иностранной экспансии на русские севера в XVI веке, конечно, сказано правильно.

Увы, всё было сделано первыми Романовыми, чтобы сдать северные территории, ведь после введённого для своих кораблей запрещения плавать в Мангазею совсем беззащитным стало русское побережье…

И если завоеватели, которых так опасались в Тобольске, всё-таки не сумели овладеть северными сибирскими территориями, то только потому, что, к счастью для нашей страны, они ещё не научились тогда вести войну в таких экстремальных условиях…

Думается, что в Москве не могли не понимать трагических последствий, которые произошли и которые могли бы произойти на наших северах в результате вводимого запрета.

Но так уж была ориентирована династия Романовых, что стремление развернуть Русь от Богом дарованных ей просторов Тихого и Северного Ледовитого океанов и уткнуть её в Балтийское мелководье и в берега никому не нужного без проливов Чёрного моря, оказалось сильнее соображений безопасности и выгоды.

Можно вспомнить тут сходный указ Петра I от 31 октября 1713 года, которым запрещалась морская торговля через Архангельск, чтобы убедиться ещё раз, что первые Романовы делали всё, чтобы навсегда закрыть двери, распахнутые в океан русского будущего…

7

Вот так при первом же царе Романове и оказался похороненным гениальный план толмача Мити Герасимова о Божием пути через моря Северного Ледовитого океана.

Само имя Дмитрия Герасимова очень скоро оказалось забыто, и снова всплыло оно на Большом церковном соборе 1666 года в ходе суда над расколоучителями и патриархом Никоном, который под руководством жуликоватого митрополита Паисия Лигарида, практически в полном соответствии с принципами якобы побеждённой ереси жидовствующих, вели «вселенские патриархи», патриаршие кафедры которым будут куплены царём Алексеем Михайловичем уже после завершения Собора.

Историки до сих пор спорят об авторстве знаменитой «Повести о Новгородском белом клобуке», однако для организаторов Собора 1666–1667 годов, окончательно оформивших раскол Русской православной церкви, таких сомнений не было.

Без колебаний Церковный Собор объявил автором этой замечательной повести Дмитрия Герасимова и постановил, что сочинял он её «от ветра главы своея».

Впрочем, царю Алексею Михайловичу, отцу Петра I, тогда казалось, что и вся Святая Русь тоже сочинена «от ветра главы своея»…

Только при Романовых-Павловичах происходит отказ от этого династического заблуждения, и только при правлении святого царя Николая II начинается практическое возвращение государства в духовные пределы Святой Руси.

Особенно ярко это проявилось в ходе освоения Арктики.

Героические, зачастую отчаянные попытки предпринимают русские морские офицеры, чтобы вернуть приоритеты, утраченные Россией на Крайнем Севере. В отличие от предыдущих правлений, в правление императора Николая II эти инициативы поддерживаются государством, и благодаря этому на новом «ледокольном» этапе освоения Арктики Россия оказывается не в хвосте европейских государств, а начинает опережать их.

Огромную роль в этом прорыве сыграло научное предвидение Дмитрия Ивановича Менделеева и адмирала Степана Осиповича Макарова, но не менее важным тут было и осознание насущной необходимости для России Северного морского пути.

«Содержание большого ледокола на Ледовитом океане может иметь и стратегическое значение, – отмечал С. О. Макаров в записке, поданной 3 января 1897 года на имя морского министра, – дав возможность нам при нужде передвинуть флот в Тихий океан кратчайшим и безопаснейшим в военном отношении путём…»

Продвигая свою идею освоения Арктики, Степан Осипович Макаров всегда подчёркивал, что всё-таки «дело ледоколов зародилось у нас, в России. Впоследствии другие нации опередили нас, но, может быть, мы опять сумеем опередить их, если примемся за дело».

В своей знаменитой лекции «К Северному полюсу напролом!», прочитанной 30 мая 1898 года в Мраморном дворце на экстренном заседании Географического общества, Макаров подробно рассказал о предприимчивом владельце паромной переправы в Кронштадте Михаиле Осиповиче Бритневе – «первом человеке, который захотел бороться со льдом». Ещё в 1864 году Бритнев срезал у своего парохода носовую часть так, чтобы она могла взбегать на лед и обламывать его, и в результате сумел расширить время навигации осенью и зимой на несколько недель. По купленным у Бритнева чертежам были построены первые европейские ледоколы.

Накопленный российский опыт Степан Осипович Макаров предлагал использовать и в полярном судоходстве.

«Вопрос не в том, строить или не строить ледоколы для сообщения с Енисеем, – говорил он, – а в том, строить ли их теперь или надо ещё подождать».

Ждать не потребовалось.

Уже на следующий год Степан Осипович Макаров набирал команду для построенного по его проекту ледокола «Ермак».

Большую роль в проектировании и продвижении проекта «Ермака» сыграл Дмитрий Иванович Менделеев. Мысли о ледокольном флоте не оставляли его и в дальнейшем, и в 1902 году Менделеев разработал план высокоширотной научной экспедиции в Центральную Арктику.

Однако, говоря о заслугах Макарова и Менделеева, необходимо подчеркнуть ещё раз, что национальную проблематику плаваний в Арктике актуализировало тогда начало освоения дальневосточных районов и необходимость защищать их. Идеи новых принципов полярного мореплавания, по сути, заложившие материальную основу для будущих экспедиций, рождались как ответ на задачи, возникающие в ходе естественного развития страны, и находили живой общественный отклик. Не случайно народная молва сразу переименовала построенный Степаном Осиповичем Макаровым ледокол в «Ермака Степановича»…

Более того, в самых широких кругах военной, научной, предпринимательской общественности начало формироваться отчётливое понимание, что любое промедление с практической реализацией Северного морского пути может обернуться катастрофой.

Военный гидрограф Андрей Ипполитович Вилькицкий обосновал возможность переброски военных судов полярными морями, но было уже поздно. Эскадра адмирала З. П. Рожественского пошла – восемнадцать тысяч миль пути! – южными морями.

«Если бы хотя десятая доля того, что потеряли при Цусиме, была затрачена на достижение полюса, – сказал тогда Д. И. Менделеев, – эскадра наша, вероятно, прошла бы во Владивосток, минуя и Немецкое море, и Цусиму».

В этих словах Д. И. Менделеева много горечи, но, однако, неправильно видеть тут одну только констатацию произошедшего поражения.

Точно так же и сама Русско-японская война не являлась завершением дальневосточной политики Николая II, она только лишь определила условия, в которых может осуществляться развитие и процветание российского Дальнего Востока. Русско-японская война показала всем, что для этого необходимо окончательно расстаться со многими стереотипами прежней российской политики, и необходимым условием для развития Сибири и Дальнего Востока является Северный морской путь.

И не случайно первым из русских мореплавателей, осуществившим сквозное плавание по Северному морскому пути, стал участник Русско-японской войны Борис Андреевич Вилькицкий. Он и осуществил первое русское сквозное плавание по Северному морскому пути на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач», которые с полным правом могли быть названы сыновьями ледокола Степана Осиповича Макарова, прозванного «Ермаком Степановичем».

Получалось, что арктические экспедиции, осуществлённые русскими офицерами, участниками Русско-японской войны, явившиеся едва ли не самыми яркими по своему героизму и самопожертвованию во всей истории исследования северных морей, преображали в победу понесённые в Порт-Артуре и Цусимском проливе поражения.

Символично и то, что венчает эту героическую эпопею последнее Великое географическое открытие – открытие архипелага, названного Борисом Андреевичем Вилькицким Землёй Императора Николая II.

Название это было дано не только в связи с широко праздновавшимся тогда 300-летием Дома Романовых, но ещё и потому, что именно при Николае II Россия всерьёз начинает заниматься общенациональным российским делом обустройства тихоокеанских и североморских рубежей. Мастерство и геройская самоотверженность офицеров святого царя, сливаясь с молитвенным, истинно монаршим служением его, воплотились в реальность новой, неведомой доселе Земли.

8

К сожалению, после революции большевики, жертвуя государственной целесообразностью, стерли с карты имя императора Николая II и цесаревича Алексея (остров Малый Таймыр).

В 1918 году, чтобы не возиться с переименованием, архипелаг просто убрали с карты. Однако, когда в 1924 году американцы попытались поднять на острове Врангеля свой государственный флаг, пришлось вспомнить и забытую Землю Императора Николая II.

Нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин заявил тогда в меморандуме: «В сентябре 1916 г. Российское Правительство известило все союзные и нейтральные державы, что нижеперечисленные острова составляют неотъемлемую часть российской территории, а именно: остров Генерала Вилькицкого, Земля Императора Николая II, остров Цесаревича Алексея, острова Старокадомского, Новопашенного...»

И получилось, что не только канонерка «Красный Октябрь», посланная тогда из Владивостока к острову Врангеля, обороняла от непрошенных пришельцев северные российские острова, но и царь-мученик.

Однако большевики всё-таки добились своего.

11 января 1926 года на заседании Президиума ВЦИК было постановлено: «Наименовать группу островов в Северном Ледовитом океане: «Земля Николая II», «Цесаревича Алексея» и «Старокадомского» – «Таймырский архипелаг». Присвоить наименования: «Земле Николая II» – «Северная Земля», острову «Цесаревича Алексея» – «Малый Таймыр»…

В 1930–1932 годах после детального обследования архипелага экспедицией Арктического института четыре самых крупных острова получили названия Октябрьской Революции, Большевик, Комсомолец, Пионер, из которых, принюхиваясь своим носом, выглядывает и мыс Розы Люксембург.

Впрочем, эта схожая с кривлянием хулиганов у кривого зеркала эпопея переименования Земли Императора Николая II на само отношение советской власти к Северному морскому пути не повлияла. Арктика – это, кажется, единственная область, в которой политика святого императора не претерпела изменения и в советские годы.

И, оглядывая сейчас историю Северного морского пути, размышляя о героях и предателях этого общенационального российского дела, мы ясно видим, что путь этот – не только чрезвычайно важная линия коммуникации, но это ещё и наша национальная мысль.

И слагалась она не в праздных прожектах, а в героических походах поморов и казаков, в самом образе жизни народов, населяющих российские севера, в духовных прозрениях и подвигах Дмитрия Герасимова и Семёна Дежнёва, в самоотверженности офицеров Великой северной экспедиции: Витуса Беринга, Алексея Чирикова, Дмитрия Овцына, Василия Прончищева, Дмитрия и Харитона Лаптевых, Семёна Челюскина, в научных трудах Михаила Ломоносова и Дмитрия Менделеева, в капиталовложениях Александра Сибирякова, в полярных подвигах Бориса Вилькицкого и Александра Колчака, Степана Макарова и Георгия Седова, Ивана Папанина и Отто Шмидта, в труде моряков-полярников, ведущих корабли сквозь северные широты, и – что уж скрывать! – в каторжном труде заключённых ГУЛАГа…

Сейчас многие обеспокоены поиском национальной идеи.

Но национальную идею нельзя сконструировать, национальная идея – это не только выгода той или иной, пусть и значительной по своей численности, группы населения. Национальная идея сама складывается из подобных Северному морскому пути национальных мыслей, которые выработали народы нашей страны на протяжении истории и которые, вопреки всему, сумели сохранить. Это то, на что отзывается сердце каждого россиянина, независимо от того, где – в Москве, Санкт-Петербурге, на Дальнем Востоке или где-то далеко за рубежами нашей Родины – живёт он.

Челюскинцы: звук –
Как сжатые челюсти!
Мороз на них прёт,
Медведь на них щерится.

И впрямь челюстьми –
На славу всемирную –
Из льдин челюстей
Товарищей вырвали!..

В этом стихотворении Марины Цветаевой, написанном в 1934 году, речь не только о переживаниях поэта, связанных с эпопеей спасения челюскинцев. Это стихотворение ещё и о национальной идее, обретённой в тот момент не только автором стихотворения, но и миллионами других россиян.

…Сегодня – смеюсь!
Сегодня – да здравствует
Советский Союз!
За вас каждым мускулом
Держусь – и горжусь,
Челюскинцы – русские!

Реформаторы 1990-х годов, подобно первым Романовым, стремившимся свернуть страну с Божьей дороги, попытались задраить все окна для сладкого, будоражащего сознание советским героизмом воздуха высоких широт…

Но хочется верить, что когда к нам, как к последним Романовым, вернётся способность воспринимать национальные мысли, которые даёт нам Божия дорога, мы возродим и вымороженные реформаторами города российских Северов, и тогда они станут памятниками осуществлённой национальной мысли.

9

Хотелось бы сказать тут, что попытки вернуть архипелагу Северная Земля имя Святого царя, данное островам его первооткрывателем Борисом Андреевичем Вилькицким, начали предприниматься вскоре после канонизации Царской семьи.

1 декабря 2006 года Дума Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа приняла постановление, которым предлагалось возвратить архипелагу Северная Земля прежнее название Земля Императора Николая II, а также переименовать остров Малый Таймыр в остров Цесаревича Алексея, остров Октябрьской революции – в остров Святой Александры, остров Большевик – в остров Святой Ольги, остров Комсомолец – в остров Святой Марии, остров Пионер – в остров Святой Татьяны и остров Домашний – в остров Святой Анастасии.

Однако произошло объединение Красноярского края и Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа, и Законодательное собрание Красноярского края отклонило эту инициативу.

Аргументировали красноярские депутаты своё решение стремлением сохранить «стабильность общественных отношений» и слишком большими финансовыми затратами на переименование.

Неизвестно, как было насчитано сто миллионов рублей, но всё равно, разве защита российского приоритета на арктическом шельфе и на Северном морском пути, этой «исторически сложившейся национальной транспортной коммуникации Российской Федерации», не стоит этих затрат?

Это же касается и «стабильности общественных отношений», которую желают сохранить красноярские депутаты. На карте Северного Ледовитого океана, который иногда называют Русским, к сожалению, не так уж и много русских имён. И здесь, где есть и Земля австрийского императора Франца-Иосифа, для картографической «стабильности» весьма бы была уместна и Земля Императора Николая II.

Об этом, умирая в эмигрантской нищете, думал сам первооткрыватель этой Земли Борис Андреевич Вилькицкий.

«Пройдут годы… исчезнут одиозные народу имена, рассеянные по необъятному простору России, как уже исчезли улицы и заводы с именем Троцкого; вернется Ленинграду, – пророчески писал он, – имя великого Петра, как и другим городам их исторические названия, обретут вновь и эти земли имена покойных Государя и Цесаревича, имена, принадлежащие им по праву истории».

Окончание следует.

Юрий МИХАЙЛОВ

КАМНИ ПАМЯТИ

* * *

Все вы святые:
и праведники, и грешники.
Молодость ваша
омыта кровавым дождём…
Не пустовать в майский День
по церквям подсвечникам,
И пред камнями памяти
всех назовём.

Стела возносится к небу,
где ваше пристанище,
Там, может быть,
и фамилий не нужно уже.
Но на земле,
как и прежде грехи искупающей,
Жить бесфамильно, беспамятно
тошно душе.

Все вы запомнились
смелыми и работящими:
Рвали врага,
как репьё, у родимых ворот.
Строили так,
что казались просторы кипящими.
Вас-то и звали –
великий советский народ.

Минуло,
что ж,
засветитесь над родиной звёздами,
Судьями будьте –
и с правдою будет страна,
С верою будет
и с добрыми новыми всходами –
правнуки будут
ваши носить имена.

СЛАВЯНКА

И дал сатана отмашку
на смерть миллионов.
И вышли славяне навстречу
почти безоружные,
Наивно открытые,
как кроны
взъерошенных клёнов,
Уверенные,
что социал-«тевтонов»
бояться не нужно.

А тьма наступала –
земли белорусов
ей было мало
И Украины
до самого Крыма –
тоже.

МИХАЙЛОВ Юрий Михайлович *родился в 1953 году в посёлке Разведчик Кемеровского района. Окончил Кемеровский государственный университет. Работает в Берёзовском корреспондентом газеты «Мой город». С 1993 года руководит литературной студией Центра развития творчества детей и юношества. Выпустил шесть поэтических книжек. Член Союза писателей России. Живёт в Берёзовском.*

И коготь
чертил стрелу
до предгорий Урала,
Где ариев рало
пашню взрыхляло,
степи тревожа,

Когда пирамиды
ещё возводились
в Египте
И были не бриты
цивильные ныне
«бриты»…
Славянкой Земля обернулась,
зовя:
«Помогите!
Исчадием ада
любимые дети
убиты,

Везде, по лесам и полям,
гложут волки
их кости,
И вой этих тварей
в печных отзывается
трубах,
Стоящих как памятники
на забытом погосте»...
Славянка умолкла –
до крови закушены
губы.

Рыданья Земли
унеслись на крыла́х
в небо чёрное.
А силы её
влились
в священное воинство,
В костре не очищенное
и не крещеное,
Но жертвенно взявшее меч,
с сыновним
достоинством.

ВОСПОМИНАНИЕ ВЕТЕРАНА

Поезд встал средь поля, встал надолго.
Ошалело, пьяно цвел июнь.
Зеленя берёзовые колки,
День струился жизнью, ал и юн.

И рванулась из вагонов лавой
Слава гимнастёрочная вдруг
Не на поле брани, в ад кровавый,
А на радужный, весёлый луг.

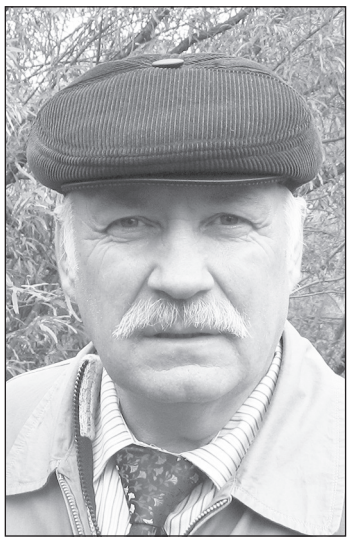
От улыбок и шального смеха
Дрогнули росинки-бубенцы.
Радуясь приветливому эху,
Запалили табачок бойцы.

Лишь один солдат сидит в вагоне.
На глазах пилотка – будто спит.
То ли шепчет что-то, то ли стонет.
Знать, нога, которой нет, болит.

Я встряхнул его: «Что нос повесил?!
Ты ж живой, солдат, к тому ж – герой!
Обопрись-ка… Дома будешь весел,
Понаделаешь детишек рой»…

Выбрались на свет… Моргаем слепо.
От восторга хмель в моей башке.
А в его глазах сверкнуло небо
И скользнуло каплей по щеке.

Дорогой Виктор Степанович, поздравляем Вас с 65-летием! Вы давно уже являетесь нашим постоянным автором, в различных жанрах. А также верным и преданным журналу «Огни Кузбасса» членом редколлегии. Здоровья Вам, творческих успехов и удачной рыбалки!



Виктор АРНАУТОВ

ПРИОТКРЫЛИСЬ РОДИМЫЕ ДАЛИ…

Повесть

Доброй памяти бабушки Анастасии Ивановны

1

На рыхлом голубоватом снегу чётко вырисовывались три свежих следа. Они то расходились и шли друг подле друга, то вытягивались в одну извилистую цепочку. Следы вели вдоль заснеженных кромок полей и полянок, на которых осанисто стояли стожки сена и скирдушки соломы в белых беретах. Вот все три следа сошлись возле золотистого бока скирды, образуя неровные утоптанные площадочки. На одной из площадок валялась тёмная стреляная гильзочка от тозовки-мелкашки. Ещё правее, в снегу, виднелись три маленькие дырочки, оставленные точно такими же гильзами.

От скирды следы побежали вразброс к большой ветвистой берёзе, что была метрах в сорока от неё. Берёза стояла на отшибе, зазнаисто отдалясь от других деревьев, плотно обнимавших поляну. С верхних веток берёзы были сбиты снежные одёжки, а внизу снег будто поперчили шелухой от почек и серёжек. А ещё под берёзой виднелось с десяток ямок с застывшими возле них светло-коричневыми шматочками – косачи ночевали, оставив свои нехитрые автографы. Шагах в четырёх от шершавого ствола берёзы просматривалась ещё одна ямка с матовыми бусинками крови.

От берёзы следы повели дальше, сначала к краю поляны, а потом и вовсе – в рямный[1] лесок. Похоже, охотники гнались за табунком косачей, перелетевшим в согру и рассевшимся по нестройным осинам и сосёнкам. Следы опять перешли в короткие, осторожные, крадущиеся.

Стояла вторая половина ноября. Стремительно сужающийся ноябрьский денёк торопился в долгую сибирскую зиму, шестнадцатую послевоенную.

Родившаяся после войны детвора всё ещё играла в наших и немцев.

После вчерашнего снегопада установилась тихая погода, с морозцем градусов под двадцать. В рямном редколесье перепархивали синицы и какие-то серые птахи, изредка посвистывая и обклёвывая заплутавшиеся рябинки.

[1] Рям – моховое болото с порослью.

АРНАУТОВ Виктор Степанович *родился в 1951 году в селе Пудино Томской области. Окончил Кемеровский институт культуры. Более двадцати лет (до 1996 г.) преподавал в нём библиотечно-информационные дисциплины.*

Автор шестнадцати книг прозы, изданных в Новосибирске и Кемерове, а также трёх коллективных сборников. Публиковался в журналах и альманахах: «Огни Кузбасса», «Красная Горка», «Университет культуры» (Кемерово), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Тюмень литературная», «Врата Сибири» (Тюмень), «Южная звезда» (Ставрополь), «Охотничьи просторы» (Москва), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Начало века» (Томск), «Образы жизни» (Сан-Франциско), «Новый Свет» (Виннипег).

Лауреат областной литературной премии «Энергия творчества» (2009, 2013, 2014) и журнала «Огни Кузбасса» (2011). Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

Следы охотников пересекались то со стёжками лисьих, то с петельками заячьих. Косачи раз пять уже подпускали к себе азартных охотников, но бдительные стражи уводили табунок дальше, не дав сделать более ни одного выстрела.

Из согры трое подростков снова вышли на поля, остановились, разопревшие от ходьбы по бездорожью. Валенки и штаны навыпуск у всех троих были выбелены сухим снегом. И лишь на пузырчатых коленках штанов образовались ледяные коросты.

Старший из ребят, четырнадцатилетний Лёка, снял из-за спины обшарпанную тозовку[2], присел на корточки, поставив приклад винтовки между коленей; громко по-лосиному хоркнул и смачно выплюнул толстыми губами с кончика языка комок слизи. Через расстёгнутую фуфайку, откуда-то изнутри, достал помятую пачку папирос «Байкал», вынул тоненькую папироску, пережал гармошкой и сунул в левый уголок рта. Чиркнул спичкой, затянулся и стал картинно пускать изо рта сизые кольца дыма, глухо, порыбьи шлёпая губами.

– Лёка, дай закурить? – попросил второй паренёк, лет двенадцати, со старомодным именем Сидор.

– Свои надо иметь, – куражился Лёка.

Сидор небрежно отбросил в сторону убитую тетёрку, которую таскал за лапки от той самой берёзы, снял рукавицу, набрал в горсть снега, скомкал его и откусил. От снега заныли зубы.

– Не ешь, – посоветовал третий, самый младший, десятилетний Мишка Штырбу, – горло заболит.

Как и все, Мишка был одет в полинявшую фуфайчонку. На руках – шерстяные вязаные варежки, обшитые сверху тёмно-синей фланелью, они едва доходили до костяшек запястий. Ноги обуты в тёплые лёгкие катанки, подошвы которых на днях он впервые подшил самостоятельно капроновыми нитками, надёрганными из комбайновых ремней. Голову Мишки украшала новая магазинная чёрная ушанка из длинной кучерявой овчины. Мишка снял шапку с головы, шапка слегка парила своим нутром. Он стал завязывать тесёмки, завернув на затылок шапки её лохматые уши.

– Лёка, давай хоть в цель постреляем, – предложил опять Сидор. – А то скоро стемняет. Я у папки стырил из пачки десять патрончиков.

[2] ТОЗ – советская малокалиберная спортивная винтовка.

Сидор залез правой рукою в карман штанов и вытащил оттуда горстку патрончиков. Патрончики Сидора были совсем другого цвета, не пульки, конечно, – гильзочки. Они отливали красной медью, а на самой шляпке чётко проступала чеканная звёздочка.

– Спортивные, – компетентно заявил Мишка. – У нашего отца тоже такие были – из Новосибирска мамин брат присылал. Ништяк бьют! Летом мы ими щук глушили. А попадёшь – так полторушку запросто пополам рассекали, четвертушку – и подавно... Не то что твои пукалки, – добавил он, намекая Лёке на плохие патроны, у которых, видать, вышел срок годности или вовсе порох отсырел.

– Куда стрелять-то будем? – поинтересовался Лёка, опять с шумом харкнув в снег.

– Как куда? По косачу! Что, я зря его таскаю всё время? Ты же мне его не отдашь, так хоть пальнуть по нему дай, – отозвался Сидор.

– Ну да! Так я и дал вам свою тятёрку портить... Опосля все зубы свинцом переломаешь...

– Зато нашпигуем её, как колбасу салом, – хохотнул Сидор-книгочей. – Будем влёт стрелять по ней. Мишка подбросит – я пальну!

– В случае чего пульки те можно будет и на грузила использовать, – подыграл Сидору Мишка.

– Молчи уж, Кнобзя! – обидно обозвал Мишку Лёка.

...На охоту с Лёкой Мишка не собирался. Сидор сманил. Сидор первым заметил, как Лёка, крадучись, с тозовкой под фуфайкой, прошмыгнул огородами к колхозным амбарам, что стояли на самом обрыве. Между амбарами и обрывом узкой тропинкой Лёка вышел к силосной яме, а от неё вела тропинка вниз, вдоль согры к кузне. А уж от кузни, что стояла на самом краю деревни, куда хочешь иди – никто не заметит.

Кроме Лёкиной тозовки, ни у кого из охотников другого оружия не было. Да и Лёкину-то тозовку, что нашли они как-то на чердаке в пустом доме уехавшей молдаванки Тамарьяны, милиционер Ламинов едва не отобрал, когда приезжал из райцентра в их Краснояр. Ладно, тогда спрятал её Лёка в сеннике – участковый все углы обшарил в их доме, даже в баню заглядывал. Соседи на Лёку донесли: озорничает пацан – кошек стреляет, собак, куриц, почти всех голубей поизвёл.

В тот день Сидор с Мишкой и Толькой Кичигиным после уроков жуланов ловили решетом от веялки под навесами колхозных амбаров. Насыпали горку овса с пшеницей на ровный стылый земляной пол; над ней палочкой настроили квадратное, в метр, решето с продолговатыми дырочками от ручной веялки. К той палочке верёвку привязали, а сами в укрытие спрятались. Серенькие воробьи, зеленобокие синицы-жуланчики, малиновые снегири спархивали с любопытством поодиночке к решету. Мелкими прыжочками сбивались под решето к насыпанному зерну-приманке, сторожко клевали дармовщинку.

По очереди ребята дёргали за палочку, когда под решетом оказывалось с пяток пташек. Решето падало и накрывало их. Подержав в руках пойманных жуланов и снегирей, отпускали их снова на волю, высоко подбросив верх.

А недавно всё тот же Лёка придумал новую забаву – игру в фашистские подбитые самолёты. Под навесом амбаров стоял маломощный карбюраторный движок, который иногда подключали к веялке или соломорезке. Лёка выдёргивал резиновый патрубок, из которого сочился бензин, и подставлял под струйку бензина хвостик жулана или воробья. Снегирей было нельзя – красногрудые, стало быть, наши, советские! Вся ватага направлялась с облитыми бензином птахами за амбары, к обрыву. Там Лёка подносил спичку к хвостику пташки и горящую бросал вверх. Птаха вспыхивала и охваченная пламенем и копотью пикировала под гору, как подбитый вражеский самолёт... Следом летела другая.

Забаву эту, как и многие другие, быстро пресекли взрослые. «Кто выдумал?!» «Лёка!» – валила всё на Лёку детвора. И опять на Лёку участковому Ламинову жалоба.

Только Лёке – всё как с гуся вода. Упрётся бараном, набычится, глядит исподлобья. Отпирается, на других сваливает. Может и обещания дать, что не будет больше никогда такого делать. Лишь крупная бородавка на мочке левого уха, как серьга, рубином загорается. Не помогали, однако, ни укоры тётки Анисьи – матери Лёки, ни обещания отца Вацлава выпороть хулигана, ни воспитательные беседы учительницы Анастасии Фоминичны…

– Айда со мною, – предложил Лёка Сидору, – косачей за кузней видели.

– Что, прямо за кузней? – засомневался Сидор.

– Ну не за кузней – за могилками... Можно за Овраг сходить или на Попово... Там-то уж – верняк!

– Пойдём с Лёкой! – предложил Сидор. – Жуланы надоели уже. У меня и патрончики есть, хоть постреляем там!

– Не, я не пойду, – сразу отказался Толька Кичигин. – Я ещё дров не наколол дома. И стихотворение не выучил...

– Миха, а ты? Тоже не выучил стишок?

– Да ладно, идём...

2

Оставляя косые длинные тени от деревьев, стожков и перепирающихся охотников, солнце падало к горизонту. Скоро темнеть начнёт.

– Давайте тогда уж по шапкам стрелять, – перепаснул Лёка предложение Сидора. – По убитой тятёрке неинтересно... Сидор, ты хотел стрелять своими... спортивными. Бросай свою шапку!

Сидор стащил с головы суконную шапчонку, близоруко оглядел её и снова нахлобучил на голову.

– Чё, жалко? – ехидно сказал Лёка, – или боисся, что из неё решето сделаю? Будете тада с Кнобзей жуланов ловить ею... Тада пусть он свою кидат.

«Издевается, паразит! И зачем только согласился идти с ним на охоту? Свяжись только с этими Кубеками... Знает ведь, что шапка новая, всего неделю, как привёз её папка из Парабели... Дразнить начнёт ещё, что боюсь папки», – подумал Мишка, а вслух произнёс:

– Тогда уж и стрелять я буду в неё сам.

Для себя Мишка решил, что нарочно будет мазать по шапке, пусть хоть забросается губошлёп Лешек. Он снял свою шапку, кинул Лёке. Лёка зачем-то развязал тесёмки. Уши шапки снова повисли, как у гончей собаки.

Мишка взял тозовку, щёлкнул снизу вверх и назад затвором, взял у Сидора патрончик, вставил его через щёлку справа, легко подал вперёд и вниз никелированный шарик затвора, взял навскидку.

– Бросай!

Лёка размахнулся и со всей силы подбросил вверх лохматую ушанку, похожую теперь на

чёрного косача, расправившего крылья. Мишка специально выждал, когда шапка пойдёт вниз, и нажал курок. Словно сучок сломанной ветки в морозный день хрустнул. Мишка уловил едва заметный запах пороховой копоти. Сидор подбежал к шапке, поднял её, осмотрел и передал Лёке:

– Промазал...

– Мазила! – язвительно произнёс Лёка. – Стрелять сперва научись... А ещё в мою тятёрку хотел...

– Сам-то кто? Сколько раз по сидячим косачам мазанул?

– Кто, я?

– Ну не я ведь.

– Дак до них, кажись, метров сто было, – оправдывался Лёка.

– Ка-ки-е сто?! Пятьдесят шагов разве... Спорим!

– Спорим! Только на... – Лёка замялся. – Спорим, что попаду... в твою шапку с первого разу.

– Нашёл дурака!

– А шапка будет у тебя на голове, – неожиданно добавил Лёка.

– Как Вильгельм Телль – в яблоко на голове своего сына? – хихикнул книгочей Сидор.

– Не знаю, какой там Хель стрелял... А я – попаду! Ну, давай-давай – на спор! – распаляясь, шлёпал губами Лёка. – На что хошь?

– Промахнёшься – тозовку отдашь?! – вдруг сказал Мишка, ещё не веря своей дерзости. – Насовсем!

– Я разбиваю, – подбежал Сидор.

«Зачем это я согласился? Всё равно ведь не отдаст тозовку, даже если и промахнётся, это ж – Кубека!»

О том, что пуля может угодить в него самого, Мишке сначала и в голову не пришло. К тому же он всё ещё надеялся, что Лёка не станет, сам побоится стрелять.

Лёка шумно вдохнул в себя, схаркнул, взял у Мишки мелкашку.

– Только твоими патрончиками, Сидор.

– С одного разу, – уточнил Сидор. Потом засомневался, – а может, не надо?.. Ещё в Миху угодишь...

– Да он ведь всё одно сдрейфит, – подначивал Лёка.

– Кто сдрейфит?

– Ты, конечно... Или забыл?

«Гад, припомнил. Теперь всю жизнь изгаляться будут», – досада и горькая обида за себя глодали Мишку. И тут вырвалось:

– Да ты и сам, поди, не выстрелишь... Мазила...

Лучше бы не говорить этого Мишке, а задиристому Лёке не слышать, глядишь – и обошлось, авось.

– Сидор, ну давай свои патрончики, – настаивал Лёка. – Посмотрим, кто не выстрелит.

Сидор нерешительно разжал руку. На красноватой от холода руке Сидора покоились свинцово-пунцовые смертинки. Маленькие такие, сантиметра по два с половиной в длину. Стрелянными их можно было хорошо присасывать на язык.

– Так, значит, с первого разу? – уточнил Сидор. – А со сколько метров?

– Меряй двадцать пять шагов, – подумав, сказал Лёка.

– А может, метров с трёх да с подбегом? – съязвил Сидор. Он стоял в нерешительности и смотрел то на Лёку, то на Мишку.

– Чёрт с ним, – произнёс Мишка, – отмеряй двадцать пять шагов.

Сидор побрёл по снежной целине, отсчитывая шаги. Каждый про себя считали шаги Сидора и Мишка с Лёкой. Улёгшееся на горизонте солнце с любопытством наблюдало за происходящим, высвечивая спину Сидору. Сидор остановился, повернулся к Лёке с Мишкой.

– Двадцать пять! Хватит?

– Хватит, – ответил губошлёп. – Иди к Сидору. – Кивнул он Мишке.

«Кубека-немека», – пробурчал Мишка и побрёл Сидоровой тропинкой. Дошёл до него, остановился.

– Миха, не дурачься, не давай по себе стрелять, – тихонько посочувствовал Сидор. – Давай дёру дадим! Лесочек – вон рядом...

– Я вам удеру! – пригрозил Лёка. – Чё, сдрейфили? – Захохотал...

«Неужели и вправду будет стрелять по шапке? А что как понизит? С него станется... Или всё ж испытывает он меня? Ну постращал, попугал – и будет», – вертелось в голове Мишки.

Мишка потоптался на месте, повернулся лицом к Лёке, приподнял на своей голове повыше шапку. Шапка едва держалась лохматыми вис-

лыми ушами. Сидор отошёл от Мишки в сторонку, шагов на десять. Его взгляд лихорадочно близоруко бегал от одного к другому. Впервые любопытство и озорство сменились у него искорками испуга. Даже страха.

Морозное солнце огромной раскалённой сковородой коснулось деревьев. Мишка глянул прямо на него. Солнце ослепило. Мишка зажмурился, а когда открыл веки – сначала было совсем темно, потом в глазах забегали мурашки. Он уже не воспринимал Лёку целиком, проявлялись лишь фрагменты: то мочка его уха с отвисшей бородавкой, то толстые губы, то нерешительно-дрожащие руки, то тёмный зрачок тозовки...

– Стреляй же! – осипше выдавил Мишка.

У него всё ещё теплилась надежда, что этого не случится, что Лёка не выстрелит, что можно стряхнуть всё это, как кошмарный сон, и проснуться с чувством свалившегося с тебя давящего кома.

Лёка клацнул затвором, зарядил патрончик, вскинул тозовку. Его правая щека прижалась к облупившемуся прикладу мелкашки. Зажмурил левый глаз, веко которого стало тут же дёргаться. Правый глаз через прорезь планки прицела искал мушку и, совместив их, стал выцеливать шапку на голове Мишки, как совсем недавно чёрного косача на самой верхушке берёзы. Руки Лёки от волнения предательски дрожали, и мушка плясала, перескакивая с шапки на освещённое красками солнца лицо Мишки Штырбу. Мёрзлый курок пощипывал подушечку вспотевшего указательного пальца Лёки.

– Сейчас, дай дыхание перевести, – произнёс Лёка, отводя ствол от Мишки.

Он опустился на правое колено, на левое поставил локоть с винтовкой и опять стал выцеливать шапку. И опять что-то внутри помешало Лёке нажать спусковой крючок. Он отлепил мелкашку от щеки, глянул на планку прицела. Стояло сто метров. «Ещё понизит», – подумал Лёка. Указательным и большим пальцами одной руки он слегка нажал на щёчки планки и передвинул на отметку «25».

«Упасть, что ли? – думал Мишка, пока Лёка возился с прицелом, – зарыться с головою в снег, как те косачи под берёзой. Чёрт с ними, с Кубеками, пускай обзывают трусом... Ну чё он копается?»

Щелчка тозовки Мишка Штырбу не услышал. Просто кто-то незримый мягко шлёпнул по его шапке спереди, а в самое темечко будто шоршень жогнул...

Мишка театрально упал на снег, раскинув руки. С головы его свалилась шапка. Он заметил, как наутёк кинулся Сидор, а к нему уже бежал Лёка, держа в руке винтовку дулом вниз. А ещё до него донёсся истошный, испуганный вопль Лёки:

– Стой! Сидор, стой! Назад! Обоих порешу! В снегу зарою!

С перекошенным от страха лицом Лёка подбежал к Мишке, упал подле него на колени в снег, бросил винтовку в сторону, стал тормошить его:

– Живой?! Живой?! – шлёпал губами.

Лицо Лёки было невиданно бледным. Даже бородавка-серьга отливала теперь не рубином, а мерцала тускло-матовой сизоватой ледышкой.

– Да живой, живой я, – пытался улыбнуться Мишка. – По-па-а-ал... Тозовка у тебя останется...

Он снял варежку, дотронулся правой рукой до темечка, где пощипывало слегка. Почувствовал под рукой в волосах что-то мягкое, склизкое. Поднёс к глазам руку – липкие пальцы были в крови.

– Чё это? – спросил он Лёку.

– Кажись, задел малость, – испугался тот. – Ну-кось, покажь...

Он осмотрел голову Мишки, потрогал пальцами ранку, прошлёпал губами:

– Ерунда! Царапина, всего лишь...

– Больно?! – поинтересовался у Мишки подошедший Сидор.

– Не шибко.

– Надо снег приложить, – посоветовал он, – кровь остановить.

– Только дома помалкивайте! – в приказном тоне заговорил Лёка.

– А что сказать, если увидят? – выдавил Мишка. Он уже поднялся со снега и искал глазами свою шапку.

– Скажем, что сучком поцарапал, – выдумывал на ходу Лёка. – Гнались за косачами, у тебя слетела шапка, ты запнулся и поцарапался сучком...

– Думаешь, поверят? – засомневался Мишка. – Ты плохо знаешь нашего папку.

Лёка первым поднял шапку Мишки. Осмотрел её. Две дырки, спереди и сзади. Спереди было почти не заметно, прикрыто лохматой черной шерстью – в аккурат над самым козырьком, что был оттопырен, как у фуражки. Если пришить козырёк на место – дырку никто и не заметит. А вот сзади... Сзади дырка была – что надо! Вырвало клок овчины вместе с ватой от подкладки. Лёка вертел в руках шапку и пытался замаскировать обе дырки клочьями шерсти.

– Попал ведь? Попал?! А вы – сомневались, мазилой обзывали... Я ж говорю – патрончики мои были дрянь... – нервное напряжение Лёки перешло в издевательский смех.

– Попал-попал! Герой! Ламинов теперь тебя значком наградит! «Ворошиловский стрелок»! А кабы чуть ниже? – наседал осмелевший Сидор. – Да Мишкин батяня, Тодорыч, тогда тебя самолично бы придушил. И Ламинова дожидаться бы не пришлось...

– Кабы да бы – да не растут во рту грибы, – зубоскалил Лёка. – Ладно, Миха, шапку твою мы у нас дома зашьём, никто и не узнает... Только, чур – помалкивайте!

– А с головой как? – спросил Сидор.

– А чё – с головой? Не шибко и видать. Глянька, уже и кровь перестала... Договорились ведь: на сучок напоролся, поцарапал... А ты-то трухнул, небось, – осмелел Лёка.

– Сам бы постоял – посмотрел бы на тебя... – отозвался Мишка в сердцах и добавил едва слышно: – Кубеки и есть, беляки недобитые...

– Кто беляки недобитые? – взъерепенился Лёка.

– Кто-кто – дед Пихто да твой дедка Вацлав!

– А твой-то дед кем был? Сказывали: у Деникина да у румынов служил... Чё – съел? Обзываесся ещё, молдаван...

Домой шли в сумерках, молча, понуро. Каждый размышлял: как скрыть от взрослых произошедшее, как отговориться в случае чего...

И всё же героем шагал не Лёка – Мишка: не струсил, не убежал, не захныкал – а мог бы... Тогда-то уж Лёка точно стрелять не стал бы... Всё же выдержал! Не струсил! Не сдался!

Не то что тогда, два года назад... Эх, вернуть бы теперь всё вспять – ни за что тот позор на себя не принял...

3

Кубецкие, как и полдюжины других многодетных семей, новосёлами появились в Краснояре лет пять назад, в середине пятидесятых, когда Мишка Штырбу ещё и в школу-то не ходил. А в школу ему ой как хотелось! Школа-то стояла напротив их дома, через дорогу.

В семье Кубецких было пятеро ребятишек: две девки и трое пацанов-погодков: Лех, Янек и Фока. Старшего, Леха, Лешеком только домашние звали да в школе – учительница. Для деревенских за ним прочно закрепилась кличка Лёка. Янека-среднего – Еней удобнее называть. Младший – Фока, он и есть Фока. Да ещё у деда Вацлава с тёткой Анисьей были дети, довоенные – от разных браков. Те уже и жили давно своими семьями. Все трое пацанов Кубецких были белоголовыми, губастыми и не в меру драчливыми. Передерутся друг с дружкой из-за пустяка какого-нибудь. Но уж попробуй кто из деревенских задеть братанов – коршунами набросятся все втроём на обидчика. Отметелят – мало не покажется. Случалось, и не раз, втроём против всей улицы дрались-воевали. Видать, в старшего братку Стаха уродились или в самого деда Вацлава.

Братка Стах своей семьей живёт напротив. Только пацанва его – все рыжие. Братка Стах и повоевать успел, израненный вернулся с Отечественной. И наград немало. Да только награды те ребятня порастаскала. Из тяжёлых кругляшей медалей блёсен понаковали. До ордена Славы, правда, не добрались. Берёг его дядька Стах, на гулянки прицеплял к замызганному пиджачишке. Израненный-то израненный, да только строгать ребятню – дело нехитрое, много здоровья не надо. Что ни год – то рыжик очередной появлялся. До десятка счёт уж довёл, угомонился, похоже. Беднота беднотой! Хорошо, охотой-рыбалкой пробавляются все. Пацанва дядьки Стаха ружьё в руки брала раньше, чем выговаривать все буквы начинала. Стол в избёнке Стаха, как на культстане, длинный, с лавками по бокам. Сковорода – в полстола, кастрюли – ведёрные. Метут рыжики всё подряд – у Мишки слюнки текут, глядя на них. Домой прибежит Мишка: «Баба, навари клёцков!» – «У кого видел?» – «У дядьки Стаха...» Понаварит бабушка Тася клёцков, не на воде, как у Стаха, на молоке, черпанёт Мишка

три-четыре ложки – наелся... «Халтубрики – на сале, балабонцы – на воде», – посмеивался отец Мишки, Роман Тодорович.

Дядька Стах смирён пока тверёзый, слова худого не скажет, курицы не обидит, не то что собаку или кошку. Но уж коль примет стакан-другой бражки или самогонки на гулянке у кого – без драки не обойтись. С кем драться, по какому случаю – неважно. Тогда и жене, тётке Мане, достаётся... За ножик, вилки, топор хватается, пряслину выдернет – берегись, кто под руку подвернётся... Пока старшие рыжики-сыновья не угомонят его. Привяжут полотенцами к кровати железной. Поорёт, поматерится Стах – да и заснёт сном праведника.

Говорят, и дедка Вацлав по молодости шибко шебутным был. В крови, однако, у Кубецких дух бунтарей-шляхтичей. И не в одном поколении...

Старшенькие рыжики дядьки Стаха с белыми дядьями не водились, в драки на их стороне не ввязывались, а с младших племянников – какой толк, какая помощь?

Седоголового деда Вацлава в молоканку определили – учётчиком-приёмщиком молока и масла, которое тут же и сбивали в большой деревянной бочке-маслобойке. Попыхивает дед Вацлав самокруткой из газеты с едким табачным самосадом, вставленной в деревянный мундштук.

Тётка Анисья в школе уборщицей-истопником устроилась. Там и ребятня её пропадает после уроков, помогают матери убираться.

...Сидит Мишка дома за столом, задания выполняет. В школу ему через год только идти. И он завидует Лешеку с Янеком Кубецким – те уже бегают в школу со своими тряпичными сумками. А у Мишки-то уже и портфель есть, и фуражка с ремнём – самые настоящие, школьные! Никак не может дождаться Мишка, когда ему вместе с младшим Кубецким Фокой в первый класс пора подоспеет. Папка Мишкин недавно из Томска вернулся, учился там на шофёра. Привёз Мишке новенькую фуражку дымчатую, школьную, с лакированным козырьком и кокардою-веточкой, а ещё ремень – широкий, чёрный, глянцевый и с блестящей жёлтой бляхой. А на бляхе тоже навроде дубовой веточки, как на кокарде, только побольше. Фуражка Мишке великовата пока, мама подложила под подкладку ободок из свернутой газеты, впору получилось! На стенку на гвоздик повесила.

В школу Мишке ой как охота! Покрасоваться перед другими своей новой фуражкой, ремнём и портфелем. Ни у кого из деревенских ещё нет таких! А ещё Мишке хочется поскорее научиться читать. Две книжки у него есть. Одна – толстая-претолстая! И вся в точечках от иголок. Баба Тася говорит, что эту книжку баянист Максим Панфилыч пальцами читает – слепым с фронта вернулся. Мишка тоже пробовал читать своими пальцами – не получается. Эта книжка Мишке неинтересна. В ней нет печатных картинок. Есть только рисованные – глухой болгарин Жоржик, что приходит к ним по вечерам в гости, рисует в ней цветными карандашами. Это когда в карты с отцом Мишки да с Яковом Фастовичем не играют. Жоржик добрый, только глухой. Он Мишке сделал игрушку деревянную: человечка на турнике. Нажимаешь руками за нижние планочки, и человечек начинает кувыркаться.

Другая книжка – красивая-прекрасивая! Баба Тася говорит – баская. Страницы в ней толстые, картонные. И на каждой странице картинки цветные. А под ними по четыре строчки-линейки, стихи называются. Мишка уже много стихов выучил. Но ему хочется поскорее научиться читать самому. Поэтому и в школу он бегает на переменке после первого урока, к учительнице Анастасии Фоминичне. Приходит каждый день прямо в учительскую. Там ему учительница красными чернилами оценку поставит за выполненное задание и новое напишет в начале каждой строчки. Торопится Мишка домой обратно, задание выполнять надо...

Сидит Мишка, пишет перьевой ручкой, а сам в окошко на школу поглядывает. Школа – самый большой дом в их деревне. Выше молоканки. Больше конторы колхозной и даже больше старого клуба, который развалили, оставив одни стены и половину крыши. Там у них, деревенских пацанов, военный штаб и боеприпасы, когда воевать с Кубеками приходится.

И не простой вовсе дом школа, а **школа**! С коридором, двумя классными комнатами, учительской и подсобкой. В учительской живёт другая учительница – Нина Степановна со своей дочкой Зосей, ровесницей Мишки. Там у них и кровать стоит, отгороженная шкафом. А в самом Большом классе кино показывают, когда приво-

зят кинопередвижку. Полным-полно народу набивается. Тогда все парты в маленький класс переносят, а в кино приходят со своими стульями и табуретками.

В школьном палисаднике растут три берёзы, как раз под окошками учительской. Мишкина мама говорила, что это они сажали их, школьники, до войны ещё. А теперь – вон какие красавицы повымахали! Развесистые. Что зимой, что летом – всегда на них полно пташек всяких. А весной в скворечниках скворчики селятся, выпроваживая зимних постояльцев воробьёв. Даже весь ихний мусор: соломку, перья, пух – всё выбрасывают и своё натаскивают.

Ограда школьная – из штакетника. Большая. Весной и осенью школьники там физкультурой занимаются, а летом – вся пацанва: то в ножичек, то в клёк, то в чижик или лапту играют.

Прошлой осенью фотограф из Пудина приезжал, фотографировал всех школьников с учительницами в школьной ограде. Мишка и себя потом на фотке тоже отыскал. Маленького, едва заметного, на высоком крыльце школы с перилами.

Над крылечком навес двухскатный, а сбоку – лестница. Большая, широкая. Летом на той лестнице хорошо кувыркаться, как на турнике, между её ступеньками-перекладинами. Можно висеть, держась руками, а можно и головой вниз. И прыгать тоже хорошо. С четвёртой ступеньки, выше – уже страшно! А если пересилить себя, можно и на самый верх забраться, на крышу крыльца. А с неё уже – запросто попасть и на широкий чердак под потемневшим тёсом, запертый тесовой же дверцей. А там...

А там стоит маленькая школа – точная копия большой: со всеми окошками, крылечком и съёмной крышей, под которой видны и коридор, и все классы, даже учительская с подсобкою. Вот красота! Рассказывали ребятишки, что эту школу сами четвероклассники сделали, ещё когда и Мишки-то на свете не было. Вот бы такую и Мишке когда-нибудь сделать самому! Когда вырастет, конечно. Только сперва подрасти надо и выучиться...

Вот Мишка и учится. Пока, правда, только палочки писать да какие-то загогулины. Он макает в чернильницу перо-звёздочку и, наклонив голову набок, высунув кончик языка, старательно пишет. Палочки у него получаются неровными и разной толщины, то же и с длиной, как на плетне со стороны огорода бабки Кузынихи. А загогулины – так и вовсе: то длинные и узкие, то короткие и широкие, навроде висящих во дворе налыгачей для коров. После каждой написанной строчки Мишка говорит бабе Тасе:

– Баб, посмотри – походит? Красиво получается, правильно?

Высокая, стройная с чёрными вьющимися волосами ещё не старая бабушка Тася суетится в кути, откуда доносится запах пекущегося домашнего хлеба. Себе баба Тася печёт круглые буханки из серой пшеничной муки. Ещё совсем недавно целая гора пшеницы сушилась на тёплых кирпичах русской печи за цветастою занавеской. Мишка любил забираться туда с младшим братом Костей и играть с нею: набирать в горсти тёплые скользкие зёрна и сыпать их из пригоршней золотыми струйками. Или сыпать на голову Кости, или бросаться пшеницей друг в дружку. Тогда баба Тася начинала сердиться на них, а то и вовсе – выпроваживала обоих с печи. Потом то зерно смололи на мельнице.

Из магазинной белой муки баба Тася печёт пышные калачи учительнице Анастасии Фоминичне. Белую муку продают только учителям да фельдшерице Рите. Остальным деревенским – не положено. Из чужой белой квашни она обязательно выкроит хоть махонький комочек теста и спечёт из него пухлую румяную лепёшку, продолговатую и похожую на жёлтый брусочек из деревянного детского конструктора. Обязательно перепадёт Мишке с Костей недеревенского лакомства. Вынет деревянной лопатой из пылкого зева печи, обжигая свои руки, разломит пополам – нате, ешьте. А ещё насыплет каждому из горстки прямо на клеёнку стола по белой пирамидке сахару. Выше всякого блаженства тогда – слизывать помаленьку языком сахар и есть парящую, похрустывающую лепёшку! А Костя опять половинку своего сахара в железную кружку ссыпит, добавит немного воды и долго будет размешивать сахар, веря в то, что получится мёд.

– Вроде красиво, – отвечает бабушка, заглядывая в Мишкину писанину. – Мне глянется. Дак, я же, сынок, неграмотная.

Мишку она частенько называет сынком и любит его больше, чем Костю.

– Чё же тогда мне опять Анастасия тройку поставила? – жалуется он ей. – Стараюсь, стараюсь, а получаю одни трояки...

– А ты не торопись, – советует бабушка, – торопыга... Я ещё и хлеб вытащить не успела, а ты уже все вроки вывчил. Када и успеваешь токо...

– Баба, так тут ведь совсем немного. Почитаем потом баскую книжку, – просит он. – Ну, где про это: «Мычит корова: му-му-му, что она хочет, не пойму...»

– Вот управлюсь с хлебом – полистаем, – отговаривается бабушка.

– Тогда спой песню.

– Каку ещё?

– Ну, эту... «Отец сыну не поверил, что на свете есть любовь»...

– Ты врок-то сделал?

– Сейчас, последняя строчка осталась, – говорит Мишка, – я мигом!

В избу входит мать Мишки Елизавета, внося с морозца стойкий запах фермы: застоявшихся коров, парного молока, кисловатого силоса и коровьего навоза. Она снимает валенки, фуфайку, платок вешает на вешалку и румяная проходит к столу, к Мишке.

– Ну, как дела, ученик?

– Опять тройку поставила, – вздыхая, жалуется он.

– А ты старайся, – как и бабушка, говорит мать.

– Ага, старайся... Папка опять будет ругаться, что балбесом вырасту, неучем – быкам хвосты крутить только и сумею...

– А Костя ещё не встал? – спрашивает Елизавета. – Мам, я пойду прилягу маленько. Упласталася на ферме. Опять силос одними мёрзлыми комками привезли, кое-как разодрала. Все руки ноют...

4

Мишка дописывает свои загогулины, промакивает промакашкой лиловые чернила, размазав толстые жирные линии.

– Опять всё испортил, – огорчается он, – опять тройку получу.

Он смотрит в окошко молоканки, что напротив, через огородчик. Как всегда, там мелькает белая голова деда Вацлава.

– Баб, – говорит он, – а чё это дед Вацлав голову сметаной намазыват?

– Кто это тебе сказал такое? – отвечает она вопросом на вопрос.

– А почему она тада у него белая?

– Вот вырастешь...

– Как папка, – перебивает её внук.

– Как папка, ещё и старше. И у тебя голова побелеет.

– Сама, что ли?

– Сама, сама.

– А почему это деда все Вацлавом Густаовичем зовут? И не выговорить сразу...

– Поляк он, потому и имя такое у него.

– А поляки, они кто?

– Тоже люди. Навроде нас. Только другой нации. У тебя папка – кто? – спрашивает бабушка, ловко орудуя деревянной лопатой, и сама же отвечает: – Молдаван! А у дружка твово Серёжки – болгар. И Жоржик тоже болгар. А Яшкин отец – еврей.

– Как Нольдик Останинский?

– Как Нольдик, – соглашается она. – Ирма Павловна Мельзупс – латышка. А мы, Ивановы, – русские.

– А мы разве Ивановы?

– Ивановы – это я и твоя мать. А ты, выходит, – молдаван, как твой отец. И фамилия у тебя молдаванская. А у деда Вацлава – польская, стал быть...

– Баб, а как это в таком маленьком нашем Красноярe разные нации оказались? – донимает бабушку Мишка.

– Ссыльные мы все, из разных краёв.

– А за что же вас ссылали?

– Разные причины были, – вздыхает она. – Осподи... Жили, должно, лучше других, потому и выслали... А которые – так против советской власти шли...

– Баб, а чё, разве плохо хорошо жить-то? Анастасии вон ты из белой муки хлеб пекёшь, а нам – из серой... Я бы каждый день лепёшки одни ел. Баб, ну спеклась моя лепёшка?

– Потерпи ещё маленько.

– А почему деда Вацлава беляком называют? Потому что голова белая?

– Далась тебе эта голова... Малой ещё всё знать.

– Нет, ты скажи, – канючит он.

– Служил, сказывают, молодым у белополяков. Он же – поляк. Из панов... Вот и сослали его за то в Сибирь.

– И папку нашего тоже выслали за то, что он у беляков служил?

– Чё мелешь-то? Папка твой када родился-то? И ерманска, и гражданска давно кончились уже... Вот дедушка твой, отец его, стал быть, Тодор военным служил. А бабушка Ляна – учительницей...

– Наша баба Ляна учительницей? – изумляется Мишка, – как Анастасия Фоминична, что ли? А чё же тогда она белый хлеб не ест?

– Дак теперя-то она кто? Сосланная. И не работат нигде. Кто же ей белу муку выделит? Это она раньше вчилкой работала, грамотная была. Это я неграмотна, а Лянуца вчилкой была, – повторилась бабушка Тася.

– Ну и чё, они богатые были, что ли? За это их сослали?

– Твой дед Тодор сперва против немцев воевал...

– Против фашистов?

– Каких фашистов? Ещё в перву ерманскую было.

– До революции?

– Так Лянуца сказывала. Потом, стал быть, гражданска война. Он и у красных был командиром...

– Командиром?! – восхищённо перебивает Мишка.

– А как же! Он же ахвицер, царский ещё. А потом у белых, вроде как у Деникина, недолго. А уж потом, када домой к себе, в Бессарабию, вернулся – там румыны уже были... Он и у румынов служил.

– Против русских, что ли, воевал?

– Типун тебе на язык! – сердится бабушка Тася. – Ой, малой ты ещё, внучок, подрасти сперва. Ничё-то ты не поймёшь пока... Да ты ба лучше у другой баушки сам всё и расспросил, раз тебе так интересно.

– Вот поедем с папкой в гости, в Кулики, на машине – тада обязательно спрошу бабушку Ляну.

– Вот-вот, она тебе и расскажет тада, почему их выслали сюда с твоим папкой да дядей Колей, а отца ихнего – отдельно...

– А где сейчас дедушка Тодор?

– Осподи, привязался, как репей. Где-где? Нешто я знаю? И баушка Ляна-то не знат... Косточки давно исгнили его, и могилки, поди, не сыскать...

– Баб, а ты же русская?

– Русская, – не улавливая подвоха, отвечает баба Тася.

– Тада почто тебя сослали сюда?

– Я ж тебе уже говорила, раскулачили нас.

– А ты ещё говорила, что дед Андрей у красных служил.

– И што такого? Ну, служил. После-то вернулся, сватался за меня, а мамынька никак за его меня не хотела отдавать. А я убежала с им в другу деревню. Там и обженилися. Хорошо мы с им жили, ладно, не ругалися, как твои мамка с папкой. Коров, лошадей, скотину всяку держали. Пшеницу, овёс сеяли. Маслобойка своя была. На себя робили, потому и жили... Работников в сезон нанимали – када сеять там, жать, молотить надо было... А потом, это – колхозы пошли. В колхозы загонять стали всех. Андрей-то мой не хотел сперва в колхоз. Туда же одна голытьба деревенская шла, лодыри да пьяницы голимые. А у нас же всё своё было. Работали сами пуще батраков... Вот всё и отобрали, а самих нас – сюда сослали, на голу кочку. В тридцатом годе, в самую зиму, самые холода. Глызы лошадиные на дороге от холодов стреляли, подпрыгивали. Нас сослали-то не одних, два брата Андрея мово сродных – девери, стал быть, с семьями, да ещё наши деревенские, семей пять, кабыть, да незнакомых скоко... из-за болота все. Вдоль Чузика-речки, в самой тайге селились. Ну, где конюшня теперя. Тада там гора была красивая. А мы с Малокрасноярского райвона – потому и деревню назвали Краснояром. В бараках попервости жили в холодных. Попростывали все, голодные. Ребятишек перемёрло в ту зиму...

Притих Мишка, слушает бабушку – поинтересней, чем по радио постановку какую.

– Ты же видал, у прясла, возле бани хмель растёт? – продолжает бабушка.

– Возле городьбы Кузынихи? – уточняет Мишка.

– Ну да... Там и моих два сыночка похоронены...

– А пошто не на могилках?

– Дак там, где теперя могилки – тада тайга непроходимая была. Всё же вручную раскорчёвывали, всё на себе. Полей-то, пашен не было никаких. А жить как без хлебушка? Тебе вот серый наш не глянется. А я как вспомню, как голодовали... Думаю, вот вить, раньше-то корочки несъеденные в ведро помойное бросали, скотине кормили, а тута – вытащила ту

корочку из ведра да и съела ба... А уж в сорок первом-то годе, перед войной, стали всяких молдаван, болгар, поляков, белорусов высылать, с Украины, Прибалтики... Там уже люди все грамотные были, не то что мы... Хоть и не на голу кочку, как нас, привезли, а тоже не шибко сладко имя пришлося. Баба Ляна-то твоя с ребятишками перву зиму у нас в байне жила. И голодали тоже. Не так, правда, как мы-то в саму перву зиму, дак и им досталося. Конь у нас был в колхозе, Силач. Пропал. В пропащу яму его сбросили... Чё ты думашь – отец твой с дядькой ели ево, доставали с ямы, варили пропастину и ели... Весной все огороды у нас поперерыли – картошку мёрзлую выкапывали, драники пекли... А тебе хлебушек пшенишный не глянется. Избав боже тако вам пережить... Теперь чё, теперь жить можно. Войны ба токо не было... На-ка лепёшку, макай в сметану. Да Отику – другую... Пусть поспит пока. Сёдня кажному по лепёшке вышло.

Она подала Мишке горячую румяную лепёшку, пахнущую так, что у него непроизвольно потекли слюнки.

5

Второклассник Мишка Штырбу сидит в классе и решает контрольную по арифметике за вторую четверть.

Скоро Новый год, ёлка и зимние каникулы! На ёлку они постановку разыгрывать будут. В масках и костюмах. И подарки получат с конфетами и пряниками. Говорили даже, что и по яблоку в них положат. Кульки-то из старых газет они на трудах уже загодя склеили, лежат-дожидаются подарков в шкафу учительницы. От всего этого радостно у Мишки на душе. А на каникулах можно будет и жуланов половить возле амбаров, на санках покататься с Шаманской горы, на лыжах с новыми бамбуковыми палочками, что подарил ему геолог, стоявший у них на квартире. Ни у кого из деревенских ещё нет таких палочек! Или нор наделать в сугробах, ползать по ним, попрыгать с крыш в глубоченный снег. В прятки поиграть. Да мало ли чем заняться можно на каникулах...

Шесть примеров Мишка решил сходу. Никак не решалась задачка.

– Катька, проверь у меня примеры, – шёпотом просит он четвероклассницу, соседку по парте.

Очкарик Катька привычным движением поправила свои очки, заглянула через левое плечо в тетрадку Мишки.

– Правильно, – шепчет она. – Чего сидишь?

– Задачка не решается.

– Штырбу! – доносится строгий оклик учительницы Анастасии Фоминичны. – Сам думай! Ещё раз услышу – снижу оценку!

Мишка снова уставился на чёрную доску, где красивыми белыми буквами учительницы была написана задача. В своей тетрадке он коряво вывел слово Задача. И опять споткнулся. «Как же её решать-то?»

Лампа, что стояла на их парте, чадила, источая запах керосина, от которого побаливала голова. Такие же лампы были и на других партах, и на столе учительницы. Жёлто-оранжевое пламя с нагоревшего фитиля через тонкое пузатое стекло падало на тетрадку, плясало живыми зайчиками и оставляло резкие тени от руки, ручки, чернильницы, соседки.

Спереди и справа от их первой парты, напротив входной двери, ширилась круглая голландская печь, куда ставили «в угол» провинившихся учеников. Знакомо это место было и Мишке, ох знакомо. А больше всего – братьям Кубецким, особенно Лёке. Холодной зимою там и погреться было не грех, пусть и «в углу», стоя на ногах, – прижаться спиной к тёплым её бокам, пока учительница не видит.

Позади печки, у стены, стоял старый коричневый учительский шкаф. В него складывали тетрадки, классный журнал, учебники, школьные принадлежности для уроков, разные инструменты вроде ножниц, иголок, ниток, ножовки, рубанка, лобзика и ещё много чего интересного. А с сентября туда стали запирать и мешочек с сахаром. Шкаф закрывался на висячий замочек.

Тот сахар доставал дежурный после второго урока на большой перемене и сыпал по ложке каждому школьнику в жестяные кружки. Чай пили в подсобке, греясь от холода. А всю прошлую четверть им ещё и картошку варили – уборщица тётка Анисья Кубецкая. Свою картошку, со школьного огорода. Вку-у-ус-но! Особенно, если приносили в бидончике из колхозной молоканки, что напротив школы, густую белую сметану или жёлтый комочек масла…

Теперь окна их Большого класса начинали голубеть сквозь причудливые морозные узоры. Мишка задержал свой взгляд на окнах, будто хотел отыскать там решение задачки, макнул пёрышко в чернильницу и опять задумался над решением.

– На перемене все выходим в коридор! – вдруг строго произнесла Анастасия Фоминична. – Будет совместная линейка!

До конца урока оставалось ещё минут десять. Анастасия Фоминична – полная вальяжная женщина лет шестидесяти, в строгом чёрном костюме и белой кофточке с рюшечками на груди, сидела на стуле за учительским столом и вела урок истории с четвероклассниками. Её густые серебрящиеся волосы были заплетены в тугие косы и уложены сзади в круги.

Мишке Штырбу всегда нравились уроки четвероклассников, особенно чтения, естествознания и истории. Во время самостоятельной работы второклашек, которую он делал всегда быстро, Мишка сидел и жадно ловил украдкой всё, о чём рассказывала учительница и что отвечали старшие школьники.

В их классе, у Анастасии Фоминичны, было шестнадцать человек. Много! Девять второклашек и семь четвероклассников. Они и сидели в два ряда парт. Ряд у окошек – с мелюзгой, ряд у стены – с четвероклассниками. Непоседливого разговорчивого Мишку отсадили от «невесты» Вали к четверокласснице Катьке-очкарику.

Вдоль окон, друг за дружкой, сидели сразу трое Кубецких: Фока, Еня и Лёка. Собрались все вместе в одном классе – во втором. У всех поверх курточек пришиты белые воротнички. Слева на груди у Ени и Фоки алеют звёздочки – опознавательный знак октябрят. Звёздочки, как и у остальных второклашек, были вырезаны из плотного картона и обшиты красным ситцем. Ситцевыми были и галстуки у четвероклассников. Только у Лёки не было ничего ни на груди, ни на шее. Из октябрятского возраста он уже давно вышел, а в пионеры его не принимали – учился хуже некуда.

Лёка, на голову выше Фоки, четвёртый год никак не может одолеть программу за второй класс. Так ему и надо, драчуну губастому! Тупее его был разве что гуцул Колька Гиеш – хлеба-неешь – выше молоканки! Так того уже давным-давно выперли из школы... Нет, первую четверть в этом году Лешек всё же проучился в третьем, а со второй опять вернули: не тянули знания Лёки на третий класс.

Средний, Еня, тормознулся во втором из-за болезни. Год пропустил.

Зато Фока был отличником! И читал, и писал – получше даже самого Мишки. Ушастый, стриженый наголо, юркий, как бурундучишка! И скорый на всякую пакость!

Это с Еней можно было и пооткровенничать, поделиться своим секретом. И на рыбалку Мишка уже не раз ходил с ним вместе. Сперва на озёрко, что под горою, сразу за школой, потом – на Круглое или на Чузик, когда вода спадёт. А прошлым летом – так и вовсе аж на Афонькином запоре – краснопёрых полосатых окуней навострились дёргать. Это тебе не гольяны, не пескари с ершами! Поклёвки – закачаешься! Сразу – и на потоп! И выводишь когда, так сопротивляется – о-го-го! Могут и леску порвать или крючок запросто обломить. Серёжка, ровесник Лёки и дружок Мишки, так и вовсе – такого лаптя выворотил! Никогда ещё Мишка и не видывал таких здоровяков! А потом они втроём договорились, что никому про это место не проболтаются. И Еня сдержал слово. Сколько Лёка с Фокой не выпытывали – не признался, где таких горбылей наловили. Еня простоват и доверчив. Если не задирать его, конечно. Он и матери своей больше других помогает в школе убираться после уроков.

В заеданиях и драках под стать Лёке Фока. Только похитрее ещё да поехиднее. Вечно какую-нибудь подлянку норовит сделать. Как-то весной возле фермы носились Фока с Мишкою. Фока палкой так ударил по свежей коровьей буро-зелёной лепёшке – всё лицо Мишке дерьмом залепил, да ещё и рубаху со штанами. А сам, гад, скрылся домой через огороды. Ох и набуцкал бы Мишка тогда этому Фоке...

За шишками пошли как-то раз в конце августа, через Чузик переправляться надо было на плотике. Плотик-то, как паром, по натянутому поперёк реки тросику ходил, руками сами его и тянули. Где-то посреди Чузика Фока тросик тот оттянул, как тетиву, и отпустил в сторону Мишки. Мишку с плотика будто волной смыло, едва под плотик течением не затянуло, а Фока – опять дёру, уже на той стороне. Выбрался Мишка, мокрый весь. Фока оправдывается, крутит-

ся, к себе не подпускает, как собачонка нашкодившая. Дескать, ненарочно, само так получилось. Ладно. Пока Мишка на свою кедёрку лазил и шишки сбивал, Фока внизу собрать их все успел и опять – ноги в руки. На том же плотике один переплыл, да там и бросил. Пришлось снова в осеннюю воду лезть, за плотиком плыть. Мыша один раз дохлого подсунул Мишке в карман. И в лапту, когда в разных командах оказывались, норовит всё мячиком побольнее жогнуть. Гад, одним словом! Вытаращит лупатые бесстыжие глаза, смеётся, обзывается. Это он, Фока, Мишкину кличку Кнопка в Кнобзю переиначил, обиднее чтобы было...

Фока, как и Мишка, уже сидит и слушает четвероклассников. Видать, успел контрольную выполнить. Уже и ручку свою положил в желобок парты. Даже пёрышко почистил цветастой тряпичной перочисткой с пуговицей посредине. Рот приоткрыл, уши оттопырил локаторами. Коротко стриженая голова как большой гладкий резиновый мячик.

Еня крутится, будто на шило сел. То Фоку шпыняет сзади ручкой, то к Лёке обернётся. Похоже, и у него не всё в порядке с задачкой. А может, и с примерами. Да толку-то?! Фока списать не даст, пусть и не просит Еня: будет знать, как гонять босиком по снегу до самого дома от школы... А Лёка – тот и сам ничего не решит, не смотри, что четвёртый год уже эти примеры с задачками решает. Красного кола с жирной подставкой опять не миновать Лёке за контрольную. Наверно, Лёку скоро со школы насовсем выгонят. Будет он тогда, как говорит Мишкин папка, быкам хвосты крутить...

А четвероклассники уже про восстание декабристов проходят. Жуть – интересно! Рядом с чёрной доской, на гвоздик белёной стенки Анастасия Фоминична повесила картину с двумя реечками – снизу и сверху. А на картине той – много-много народу! И всё военные. На лошадях и пешие. С ружьями и саблями. В красивых разноцветных мундирах. А на фуражках – высокие мохнатые султаны, навроде коричневых махалок рогоза. «Восстание на Сенатской площади» называется.

Про тайные общества рассказывают, про богатых дворян-офицеров, что против царя объединились. А у Мишки-то, оказывается, дедушка Тодор тоже офицером был – бабушка Ляна рассказывала: царским штабс-капитаном и румынским подполковником. Только Мишка его никогда не видел...

Фамилии декабристов называет Анастасия Фоминична: Трубецкой, Пестель, Якушкин, Муравьёв, Рылеев... У Мишки на фамилии с именами память хорошая. А ещё на даты. Он уже многое знает: и когда Куликовская битва была, и когда Россия с Украиной соединились, и когда Ермак Сибирь покорял, и когда Пётр Первый правил. Теперь вот и про декабристов будет знать. Он и Катьке который раз подсказывает, если та забудет. Ужас, как интересно всё! Скорее бы до четвёртого класса дорасти. А тут – задачка какая-то...

– Катька, подскажи, – опять шепчет Мишка соседке украдкой. Боится, что Анастасия снова заметит – какая-то сердитая она сегодня и с четвероклассниками как-то не так себя ведёт, будто всё время думает о чём-то другом. Может, из-за внука, Пашки, который один дома остался.

Катька тихонечко на промокашке пишет решение из двух действий, подсовывает незаметно Мишке. Ура! И как это он сам не догадался? Ведь всё так просто, оказывается!

Мишка быстро переписывает решение задачки, кладёт между тетрадных листков промокашку, закрывает тетрадку как раз, когда раздаётся звонок.

– Всем сдать тетради, – говорит Анастасия Фоминична. – И на линейку, в коридор! – повторяет она.

6

На линейку высыпали разнокалиберным горохом из обоих классов. Учительницы в учительскую подались, прижимая к груди журналы со стопками тетрадей. Гомонливая ребятня стала выстраиваться в две шеренги по коридору – от дверей учительской до дверей подсобки. Толкались, тискали друг дружку, хихикали. Первачки с второклассникам – в первой шеренге, старшие – во второй.

Белоголовые Кубецкие – и тут кучкой, с краю, возле дверей подсобки. Не то что рыжики дядьки Стаха – рассыпались по всей линейке, словно подосиновики в лесочке. Лёка сзади, Еня с Фокой спереди. Стоят, переглядываются, шепчутся о чём-то своём. Какую-нибудь пакость, небось, опять замышляют.

– Зачем линейка-то? – недоумённо переговариваются ребятишки.

– Зачем-зачем? Про успеваемость поди, про каникулы говорить будут, – поясняет кто-то из старших.

– Подарки новогодние раздавать будут...

– Какие подарки? Кульки ещё пустые лежат в шкафу Анастасии, – отговаривается Катька.

– Подарки на ёлке раздадут, – поддерживает её Лиза Гридина.

Вышли обе учительницы. Явно озабоченные, серьёзные. Встали перед строем. Анастасия Фоминична заговорила:

– Ребята, сегодня у нас в школе ЧП.

Зашушукались было, да приумолкли школьники.

– Чё такое чепэ? – поинтересовался шёпотом Мишка у соседа по строю, рослого кучерявого паренька Тольки Кичигина.

Тот лишь плечами пожал – не знаю, мол.

– Сегодня у нас в школе чрезвычайное происшествие, – пояснила учительница. – Кто-то залез в шкаф...

– Кто? Какой шкаф? – загудела ребятня.

– В тот самый шкаф, что стоит в нашем Большом классе. Открыли замок, без ключа... – она выдержала паузу, обводя взором учеников. – В общем, пропали сахар и пилки для лобзика...

– Сахар? Пилки? – заудивлялась линейка.

– Чё, чай теперь пить не будем? – донеслось от первачков.

– Не с чем! – с сарказмом произнесла Анастасия Фоминична. – Скажите спасибо тому, кто взял...

– Давайте будем называть это своим именем, – поддержала коллегу Нина Степановна, – воровством!

– Я сразу обратила внимание ещё утром на то, что открыт замок, – поясняла Анастасия Фоминична. – Подумала сначала, что, может быть, я сама забыла вчера его на ключ закрыть... Утром замок висел на петельках, только дужкой вниз. А после первого урока, на перемене, перед контрольной, пошла за мелками. Заметила, что нет на месте мешочка с сахаром... Кто вчера у нас дежурил?

– Лиза Гридина, – нестройно ответили голоса линейки.

– Я сахар убирала в шкаф, – оправдывалась четвероклассница Лиза Гридина. – Завязала мешочек и положила его на место.

– Я сама видела, как Лиза убирала, – подтвердила Катька-очкарик.

– И я, и я видел! – послышались ещё голоса ребят.

– Стало быть, вчера после чая мешочек положили на место? – констатировала Анастасия Фоминична. – Хорошо... Кроме сахара украли ещё и пилки для лобзика, из коробки. Кому они могли понадобиться? Давайте разберёмся. Начнём с того: у кого дома есть лобзик?

– У Кубецких, – донеслось. – Еня выпиливал шкатулку на труде, а доделывал дома...

– Правильно, – согласилась учительница. – Я ему ещё давала домой две мелких пилочки.

– У Кубецких, у Кубецких... – забухтел Еня. – Чуть что, сразу Кубецкие...

– У Мишки Штырбу вон тоже дома лобзик есть, – подал голос Фока.

– Значит, дома лобзик есть у Кубецких и у Миши Штырбу? У кого ещё? – вела дознание учительница, вроде участкового милиционера Ламинова, когда тот приезжал в Краснояр разбираться по поводу воровства огурцов с грядок.

– У Серёжки Димитрова, Мишкиного дружка, – опять выдал Фока.

– Серёжка же в Пудине учится, в интернате, – заступился Мишка.

– Димитров, значит, отпадает, – согласилась Нина Степановна. – У кого ещё есть?

Зароптала линейка:

– У кого? У кого? Ни у кого больше нету!

Упоминания о лобзике с пилками вызвали у Мишки целый ворох приятного...

...Лобзик! Забава ребячья в зимнюю пору, когда морозяка на улице за сорок градусов – носа на двор не высунешь или заболеешь ненароком. Выпросишь у продавщицы в магазине поломанную желтоватую фанерную крышку от ящика с папиросами, пахнущую табаком и свежей древесиной – сокровище целое!

У Серёжки Димитрова и картинки красивые есть, альбом целый: шкатулки, полочки-подставки, рамки для фотокарточек... Дело за переводкой-копиркой, синей или чёрной. Тогда надо положить копирку сначала на фанеру пачкающей стороной вниз, на неё – переводку-картинку. Кнопками придавить всё это к фанере, чтобы не сдвигалась. И всё! Теперь картинку следует обвести простым карандашом. Красиво получается, загляденье просто! Это когда уже на жёлтой

фанере всё отпечатается. Самому Мишке так ни в жизнь не нарисовать! Даже маме. Разве что Жоржик глухой и сумеет...

Потом нужны пилки. Помимо лобзика, конечно. Вот тут-то и вся загвоздка! Уж больно быстро пилки ломаются. Хруп – и пополам, а то и вовсе на три части... Вставишь пилочку в лобзик, зажмёшь снизу винтом. Второй кончик пилки в другой зажим направишь, надавишь ручкой от груди лучок лобзика в край стола, и зажимай другой кончик пилки. Чтобы потуже было, можно ещё и щипцами затянуть. Вот и всё – пили не хочу! И быстро-быстро – по контуру, по линии переводной: вверх-вниз, вверх-вниз – легонько ходит правая рука. Похрустывает-повизгивает под пилкой фанера. Оставляет после себя мелкие опилочки пилка, бугорками запорашивает линию. Сдувать надо опилочки время от времени, чтобы видно было, где пилить надо. А ещё – так приятно пахнет пилёной фанерой, ни с чем не спутать и не сравнить! Лучше всякого одеколона или мамкиных духов! И пилка раскаляется, подставь к ней руку – обожжёт, как головёшка. Только ломаются тогда пилки часто...

Торопыга Мишка не одну пилку изведёт, пока по контуру деталь всю обпилит. Тут крупные пилочки в ход идут. А узоры изнутри – лучше мелкими выпиливать. И каждый узорчик сперва шилом проткнуть надо, потом продеть сквозь дырочку верхний конец пилки, зажать его. И пилить, аккуратно вращая фанерку левой рукой...

Беда с пилочками. Быстро ломаются. Мишка свои уже давно все поизвёл. Вот приедет Серёжка из Пудина на каникулы, может, купит там пилок в раймаге или скобяном магазине, тогда и Мишке с пяток подарит...

– Получается, что пилки к лобзику нужны только Кубецким и Мише? – прерывает Анастасия Фоминична Мишкины грёзы.

– Миха, ты, что ли, пилки украл? – шпыняют Мишку, усмехаясь, соседи по линейке Сидор с Толькой Кичигиным.

– Да вы чё?! – недоумевает Мишка. – Разве непонятно – Кубеки это! Они и полы в школе моют после уроков... Лёка, небось, его работа...

– Миша, – обращается к нему учительница, – выйди сюда!

Недоумённый Мишка выходит на два шага вперёд, шаркая по полу подшитыми чёрными валенками, разворачивается. Ба! Все школьники на него смотрят! Такого ещё никогда с ним не бывало. Нет, смотрели, конечно, когда Мишка на Октябрьскую на сцене постановку разыгрывал с ребятами. По басне Крылова – прогуливался он с «лорнетом» из медной проволоки, слова говорил... Так то – со «сцены», как бы нарочно, а тут – всерьёз. «Неужели они все думают, что это я пилки из шкафа украл? А как бы я замок-то открыл? У меня никогда и ключа-то не бывало, разве что когда Анастасия сама попросит...»

– Миша, ответь всем: ты брал пилки из шкафа?

– Да вы чё? Не брал я никаких пилок!

– Значит, не брал?

– Не брал, – уверенно повторяет он.

Перед глазами Мишки вдруг отчётливо предстала та картина, что висит в их классе на задней стене, где толстопузые кулаки допрашивают пойманного Павлика Морозова. А Павлик стоит перед ними гордо, с пионерским галстуком на груди. И не Павлик Морозов перед кулаками вовсе – Мишка Штырбу!

– Точно не брал? Честное октябрятское?

– Честное октябрятское, – клянётся Мишка.

– Та-а-ак! Интересно, – говорит Анастасия Фоминична. – Ну что ж, раз не брал – становись на место.

Мишка героем возвращается на своё место, его одобрительно похлопывают по плечу и спине Сидор с Толькой.

– Кубецкие, теперь вы выходите сюда, все трое! – приказывает старшая учительница.

Вышла троица, развернулась лицами к линейке. Еня посредине, смотрит прямо, глаза свои в сторону не отводит. Лёка в пол уставился, шлёпает губами, как варениками. Бородавка на ухе рубином наливается. Фока зыркает глазёнками, ухмыляется.

– Та-а-к, – произносит Анастасия Фоминична, – вы вчера в школе убирали?

– Мы каждый день помогаем мамке полы мыть, – отвечает за всех Еня.

– Значит, и вчера вы здесь были после уроков?

– Ну, были...

– Все втроём?

– Сперва втроём, – отвечает Еня, глядя на младшего брата, – опосля мы с Фокой подрались... Он не хотел мыть в Большом классе – его очередь была...

– Дальше что было?

– Он домой побежал, я за ним, чтобы вернуть назад.

– А в учительской кто был?

– Никого не было. Нина Степановна куда-то уходила. Закрыта была учительская.

– Выходит, в школе один Лешек оставался, пока вы дрались и домой бегали?

– Один Лёка, – промямлил Еня.

– Ну, а потом-то вы вернулись?

– Фока вернулся один... Я чё – за него должен был мыть?

– Значит, Фока, ты мыл полы в Большом классе?

– А кто же ещё?

– И замок на месте висел?

– Где ж ему быть? – нагло ответил Фока.

– Тогда что же получается? Сахар с пилками сами из шкафа испарились? – иронизирует Анастасия Фоминична.

Захихикала линейка:

– Ножки выросли у мешочка... Домовой украл... Тараканы съели...

Обдав школьников клубами холода, в коридор ввалилась тётка Анисья – в фуфайке, в повязанном по-старушечьи тёплом платке, белых валенках. Прошлась позади четвероклассников, кивнула учительницам, усмотрела перед строем свою троицу, остановилась возле двери в подсобку. Прислушалась: в чём дело, по какому поводу построение. Её цепкий ум и материнское сердце разом почуяли неладное: сынки набедокурили, больше некому. «Ну, паразиты, доберусь до вас дома! И Вацлаву передам обо всём. Пусть принимает меры. А меры у того крутые – ремень и розги. Правда, сдавать стал Вацлав. И выдрать-то как следует силушки уже нету», – подумала она.

Разбирательство стало приобретать затяжной характер. Школьники перетаптывались с ноги на ногу, как застоявшиеся в стойлах лошадёнки. Старшие зароптали:

– Пора заканчивать... Сколько можно на ногах стоять? Всё и так ясно – Кубеки стырили... Больше некому!

Играющим тренером тётка Анисья попросила:

– Настасья Фоминична, дайте-ка мне самой поговорить с робятёшками своимя...

Учительницы переглянулись между собой, посоветовались.

– Та-ак! Всем по классам разойтись, на уроки. И пусть каждый хорошенько подумает ещё надо всем этим... После урока – первоклассники домой пойдут, а остальные – снова на линейку!

– Как на линейку? Опять на линейку? Зачем на линейку? – завозмущались ученики.

– Мы ведь ещё не выяснили, кто же всё-таки открыл шкаф и совершил кражу. Пусть при всех признается...

Рассыпался строй по классам. Братьев тётка Анисья в подсобку увела, дверь за собою закрыла на крючок изнутри. Уж какие она там наставления давала – слышно не было. Только вернулись Кубецкие в класс минут через десять. Все трое поникшие, покрасневшие. Лишь Лёка, проходя мимо Мишки, шлёпнул его по затылку:

– У-у, Кнобзя!

– Они, они это украли, – с уверенностью поделился с Катькой Мишка.

– Кто же ещё? Больше некому! Зачем только опять линейку собирать? – поддержала его соседка. – Ведь ты бы не полез в шкаф?!

– Скажешь тоже... Мне бы папка за эти пилки такое устроил...

И потянулось время урока... Медленно, нудно. Все только и думали: сколько ещё стоять придётся после уроков? Кубеки так быстро не признаются...

Звонок всё же прозвенел. Получив задания на дом, ребятня без портфелей вновь вышла в коридор. И опять – в две шеренги, только без первачков. Как в прерванном кино, когда вдруг на улице заглохнет движок, а потом снова заработает. Взрослые за это время и накуриться вволю успеют. Иногда и не по одной выкурят...

И снова Кубецкие перед строем, а тётка Анисья сбоку, возле дверей подсобки.

– Ну, кто же всё-таки совершил проступок? Надумали? Набрались храбрости признаться?! Сумели провиниться – умейте и ответ держать достойно, – заговорила Анастасия Фоминична.

– Ну я, – глянув на мать и уставившись в пол, пролепетал Фока.

– Повтори громче, чтобы всем было слышно! – приказала учительница.

– Ну я, – снова отозвался Фока, не поднимая глаза.

– Один или кто с тобой ещё был?

– Не один...

– С кем же? С братьями?

– Нет... С Молдаваном...

– С кем, с кем?

– Ну, с Мишкой Штырбу.

– С Мишей Штырбу?! – переглянулись учительницы.

Вот те на! Уж не ослышался ли Мишка?! С ним?! Что за чепуху несёт этот Фока? Да его ведь и в школе-то после уроков не было! Чушь какая-то!

Не менее Мишки были поражены услышанным и все остальные ученики. Вот это да! Ну и Мишка! А ещё заверял всех, что не брал... Вот и верьте ему после всего этого! Вот так примерный ученичок!

7

Война деревенской ребятни с Кубецкими была навроде гражданской – затяжная, без конца и края, с временными перемириями, переменными успехами и перебежчиками.

На правах старшего за командира Кубек-немек бывал всегда губошлёп Лешек. Его заместителем и начальником штаба – простоватый Еня. Всё остальное доставалось пакостнику Фоке.

Деревенским войском-ополчением часто верховодил Серёжка Димитров – народный заступник и мститель. Ровесник Лёки, невысокий крепыш с умными и добрыми глазами – он и командиром-то стал как-то само собою. Никто и не выбирал его, не назначал свыше. Просто он один мог накостылять забияке и обидчику Лёке. К нему, как к старшему брату, тянулась малышня, жалуясь на обидчиков-Кубек.

Вот и Мишка Штырбу частенько за помощью к Серёжке спешил: старшего-то брата у него не было, а папке пожаловаться – за ябедничество сочтут, а это хуже всего. И обида никак покою не давала, пока квиты не становились. Мишка при Серёжке вроде ординарца: что командир прикажет – выполнит. Только Серёжка не помыкал им по поводу и без повода. Мол, не в службу – в дружбу. Ну как тут не услужить?! Не раз грозился Серёжка обидчику Мишки Лёке бородавку на ухе оборвать или дерьмом свинячьим накормить... Уже только от этих угроз легче становилось Мишке. Он сам, бывало, Серёжкой грозил Кубекам. Только Серёжку одного Лёка и побаивался. Это когда один на один! А втроём-то Кубеки – о-го-го! Сила! Против всей деревни воевать не боятся!

В рукопашную, правда, против всех деревенских ввязываются редко – не в их пользу. Зато уж кого отловят себе по силам – одними словесными перебранками не обойтись! А в рукопашных – Кубеки отчаюги! И дерутся все не по правилам: что в руках окажется, то и в ход пускают. То же и меж собою. Недавно тихоня Еня в драке меж собой Лёке руку шилом проколол. Синяки, ссадины, шишки, словно ёлочные игрушки, украшают и тех и других после непримиримых стычек!

Местом позиционных боёв чаще всего бывали или развалины старого клуба-барака, или овраг, что пересекал улицу, уходящую от школы к мельнице. По одну сторону оврага деревенские, по другую – Кубецкие. И понеслось! Сначала обзывалки-дразнилки в ход идут. И в этом Кубеки – большие мастера, кличек обидных всем понадавали, и мать, и отца, и родню всю припомнят... Потом кирпичи битые полетели. Пуляют через овраг друг в дружку, будто мячиками резиновыми в лапту играют. Тут уж рот не разевай! Смотри – откуда и куда что летит, увёртывайся успевай. Не увернулся вовремя – получай! Раз Мишке так звезданули кирпичом в пах – с ходу загнулся. Упал, катался собачонкой на спине, суча ногами, пока не отошло...

Серёжка тогда в атаку скомандовал. Кинулась деревенская орава через пологий овраг, Кубеки – дёру, только голые пятки засверкали. Отступили до клуба. Оборону заняли на крыше, а там – у деревенских тайник с боеприпасами-кирпичами. Попробуй Кубек выкури оттуда штурмом, кому охота с башкой проломленной ходить?

И опять перестрелка. Тут уж рогатки в дело пошли. А рогатка похлеще кирпича будет: глаза можно запросто лишиться. Пуляли-то чем из рогаток? То-то и оно: чугунками дроблёными! Колотили молотками или кувалдой старые чугунки на мелкие, в копейку-двушку, кусочки с острыми краями. Резина на рогатках прочная, тугая, от велосипедных камер. Посреди резины кожанка. Положишь битую чугуняку в кожанку, оттянешь резину до плеча правой рукой – целься тогда получше! Попадёт такая пуля по голому телу ребром – кожу развалит на раз!

Боеприпасы: кирпичи битые с чугуняками заготавливали и та и другая стороны загодя. До драки дело дошло – некогда ими заниматься, тут уж перевес на той стороне, у кого больше запа-

сов. В деревянные или фанерные ящики ссыпали заготовленные боеприпасы. В схронах-тайниках прятали до поры до времени. Там же и прочее оружие: деревянные мечи, шпаги, секиры-бердыши, ружья-автоматы... Вызнать место вражьего тайника и выкрасть арсенал – считай, победу одержать большую! И без кровопролития. Зато уж и отместки не миновать! Может, и поковарнее случиться...

Командиром разведки у деревенских Кузя Попов. Он сам себе и должность эту определил, и звания присваивает: то майора, то лейтенанта. А всё потому, что у Кузи одного есть магазинный железный пистолет, стреляющий бумажными пистонами! Вот только пистоны магазинные быстро заканчиваются, а то и вовсе не стреляют, пшикают. Можно, конечно, пистонов и самим наделать, если склеить из газет или промокашки два кусочка, а между ними поместить толчёную спичечную головку или немножко пороху от тозовочного патрончика. Возни только много.

Кузя себе и погоны на плечи цепляет. Из картона, рисованные – со звёздочками и продольными офицерскими полосками. Кузя годом старше Мишки. Увалень неуклюжий, когда борется – что куль с отрубями. Лицо у Кузи плоское, широкое, желтоватое. Глаза узкие, карие. Волосы черные, жёсткие, прямые. Ни дать ни взять – остяк Пачельгин! Под носом у Кузи вечно красно и мокро. А ещё противные жёлто-зелёные сосульки выглядывают. Карманы его штанов и курток всегда набиты каким-нибудь жареным горохом, бобами, кедровыми орехами или семечками подсолнечными. Кузя хрумкает горохом и частенько громко газует, подняв вверх свой чёрный пистолет и произнося команду: «Огонь, батарея!».

– Роган! – кричит в ответ ребятня и бросается дёргать Кузю за уши.

Помятый козырёк фуражки Кузи всегда сторожит с боков.

– Недер! – иногда успевает произнести в оперёд лейтенант-майор Кузя, и уши его остаются нетронутыми.

С сентября Серёжка Димитров в Пудине учится, в двенадцати километрах от ихнего Краснояра. В пятом классе. Мишка во второй дома пошёл. Там же и Фока с Еней. Лёку в третий перевели наконец-то. Три года во втором отсидел, балбес губастый!

Серёжка появился в конце сентября, на выходные, помочь картошку копать родителям. Перемирие с Кубеками, похоже, закончилось.

За школой, по склону Шаманской горы, невдалеке от озёрка, ещё с лета вырыты землянки. И не какие-нибудь холодные сырые норы – тёплые, крытые старым тёсом и дёрном, с глиняными печурками внутри, лавочками, перегородками. В рост Мишки. Серёжка, правда, уже голову наклоняет слегка. Самая большая землянка разделена тесовой перегородкой: штаб и казарма деревенских вояк.

Из казармы Мишку в штаб позвали. В штабе печка топится, и коптилка мерцает: большая картофелина, а в ней, в углублении, сало топлёное и фитиль самодельный.

В штабе Серёжка, Кузя и Петька Беков. Серёжка папироску «Огонёк» курит – пятьдесят копеек пачка (старыми, дореформенными). У Петьки с Кузей в зубах самокрутки газетные из сухих тёртых листьев и мха. Поверх фуфаек Петьки и Кузи крест-накрест пулемётные ленты – цепи, надраенные до блеска, – трофеи недавней вылазки к заброшенному комбайну. Петька с Кузей кашляют после каждой затяжки. «Крепкие, зараза!» – восхищаются.

– Значит, задача будет такая, – начинает командир Серёжка. – Кубеки разорили наш тайник... Кто-то из наших проболтался, не иначе. Начальник разведки, – обращается он к Кузе, – лейтенант Попов!

– Я, товарищ командир! – бойко отзывается Кузя, вставая навытяжку.

– Тебе задание: выяснить, кто из наших проболтался Кубекам про склады с оружием.

– Слушаюсь, – как в кино, по-военному отвечает лейтенант-майор.

– А теперь самое главное, – Серёжка понижает голос и делает паузу, – до холодов, нет, до октябрьских каникул надо разведать: где у них склады. Вернуть своё. Ещё лучше – захватить ихнее! Всем ясно?

– Понятно, – отзываются подчинённые.

– Петька за меня остаётся, за начальника штаба.

– Есть! – гордо откликается Петька Беков, поправляя на груди свой деревянный ППШ.

– На каникулах сразимся, если к тому времени вернём оружие! Надо вернуть. И патроны тоже. Разведка, как думаете действовать?

Кузя, загоняя швырканьем в норы свои сосульки, отвечает:

– Боем!

– Нет, боем тут ничего не выйдет... Они могут не выдать тайники. Да и не один он у них наверняка, факт.

– Надо лазутчика им заслать, – подсказывает начальник штаба Петька Беков.

– Вот это уже лучше, – одобряет Серёжка. – А кого направим к ним? Кто согласится?

– Мишку, – предлагает лейтенант-майор и поправляется, – ефрейтора Штырбу!

– Я чё – ефрейтор уже? – отзывается Мишка.

– Присваиваем тебе это звание, – поддерживает Кузю начальник штаба, – так ведь, командир?

– На время выполнения задания, – соглашается командир Серёжка. – Справишься – повысим в звании...

– Не выполнишь – разжалуем, – добавляет Петька.

– А как я к ним попаду-то? – интересуется озадаченный Мишка.

– Ну, как-как... Вроде перебежчика... Наврёшь им, что с Петькой или с Кузей подрался, – разрабатывает легенду лазутчику командир.

– Шпионом, что ли? – спрашивает Мишка. – Не-е-е, я предателем не согласен...

– Не предателем, а разведчиком будешь! Как Валя Котик. Глядел кино? У партизанов разведчиком был...

– Ну, глядел... Недавно привозили...

– Вот! И ты будешь, как он! – уговаривает Серёжка. – С Фокой подружись на время.

– Не, – артачится Мишка, – с Фокой не буду! Он, гад, меня чуть в Чузике не утопил, когда за шишками ходили...

– А если надо? – наступает начальник разведки Кузя.

– Уж лучше я с Еней тогда, – всё ещё не сдаётся Мишка. – Серёга, помнишь, летом с ним и с тобой вместе окуней ловили на Афонь... – осекается Мишка в своих аргументах, вспомнив, что договаривались никому про то место не рассказывать, даже своим.

Зыркнул Серёжка на Мишку строго, дескать, попридержи язык за зубами... А ещё разведчик... Сказал:

– Вот-вот, внедрись к ним. Ладно, через Еню... Поглядим, какой из тебя разведчик... Можешь даже для отводу глаз повоевать за них с нашими.

– Взаправду, что ли? – удивляется Мишка.

– Ну, если надо – можно и взаправду... Курить будешь?

Серёжка выщелкивает из своей пачки тонюсенькую папироску, подносит к Мишке. Мишка закуривает от пламени коптилки, затягивается и начинает кашлять. У него от затяжки сразу в голове кругом поехало. Положил дымящую папироску рядом на глиняную лавочку.

Снаружи какой-то шум послышался. Кто-то пытался влезть в землянку, заслоняя собой свет от лаза.

– Атас! – скомандовал Серёжка.

Лейтенант-майор вытащил из-за пояса свой пистолет. Развернул дулом к выходу ППШ и Петька. В проёме показалась голова... Мишкиной бабушки Таси. Она стояла на четвереньках, подслеповато осматривая штабную комнату землянки.

– Вот вы где, голубчики! Курите?!

– Не, баба, я не курю, – отнекивается Мишка-разведчик.

– А папирёска чья около тебя лежит? Марш домой! Вояки... Опять с Кубецкими драки вчиняете? Када вам токо надоест это? Играли ба вместя с имя в лапту или в клёк свой... Нет, им воевать надо...

Заседание штаба было прервано. Хочешь не хочешь, надо выбираться из землянки. Ещё и за курево получишь взбучки... Хорошо, если отцу не скажет...

– Картошка стоит недокопанная, снегом скоро завалит... а имя, вишь, воевать приспичило... Погодите, навоюетесь ищё, придёт время... Избав, боже...

– Баба, – оговаривается Мишка, – сколько сегодня вёдер накопать мне надо?

– Сколько-сколько? Нешто не знашь? Как и вчерась, двадцать...

– Да выкопаю я... Надоело только... Каждый день: картошка, картошка, картошка... Не поиграешь даже.

– А исть кажен день не надоело? Зима-то длинная, наиграетесь ищё... Штабы вас...

К Кубекам Мишка внедрился, когда белые мухи запорхали вовсю. И как-то уж очень быстро снегу навалило по пояс. С ними и укрепления

снежные строил, водой поливали, чтобы крепче были. Катался с ними на санках с гор у конюшни, носился по первому хрупкому льду озёрка. Фока и тут ему подгадил: проломил тонкий лёд палкой возле Мишки. Ухнул Мишка по пояс в холодную воду, горло заболело.

Потом арсенал пополняли: мечи, секиры, ружья деревянные тесали. Сперва топором Лёка, потом уж они – рубанками и ножиками доводили до готовности. Самострел-арбалет даже смастерили, стреляли из него по очереди в цель. Здорово, точно бьёт! Такого у деревенских ещё ни у кого не было. Мишка и кирпичи с чугунками молотком колотил, с Фокою вместе. Даже домашние задания с ними делал по письму и арифметике. Помогал Мишка им и в школе прибираться. Полы, правда, не мыл, а дрова к печкам таскал большими охапками. На что только не пойдёшь ради выполнения порученного задания!

Показали Кубецкие свои тайники Мишке. С оружием и боеприпасами. Хвастались, как это ловко они захватили чужое! Ни за что бы не отыскать их деревенским. В трёх местах аж схронки были устроены.

И как-то подружился даже Мишка с Кубецкими... Приняли они его вроде за своего. Даже Лёка с Фокой. Тётка Анисья – и та удивлялась: «Гляди-кась, робятёшки-то мои ладить стали с деревенскими... Ой, не к добру...»

Задание своё Мишка выполнил в срок, к самым каникулам, к возвращению Серёжки из Пудина. И не Мишка вовсе – младший сержант Штырбу! По его «шифровке», что передал он лейтенант-майору Кузе Попову, захватили деревенские склады Кубек! Всё оружие с боеприпасами повынесли. И своё вернули, и вражеское прихватили!

Только и среди «наших» опять нашёлся предатель. Выдали Мишку Кубекам. Да поздно уже...

Перед всем войском Серёжка объявил Мишке благодарность за задание. Начальник штаба Петька Беков прицепил к фуфайке Мишки круглую медаль из консервной банки, а лейтенант-майор Кузя подрисовал ему на погоны ещё две палочки-полоски поперёк.

Зато Кубецким стал Мишка врагом и предателем номер один.

И не только в играх-забавах...

8

– Значит, с тобою был Штырбу Миша? – всё ещё удивлённо переспросила Фоку Анастасия Фоминична.

– Он, – выдавил из себя Фока.

– А Янек с Лешеком не принимали участия?

– Нет, – несколько увереннее отвечал ученик.

– И когда же это вы успели сделать с Мишей? Вы же утверждали сначала, что были только втроём.

Замолчал, набычился Фока, переминается с ноги на ногу, руки за спину, вроде арестанта. Переглянулись Еня с Лёкой, потом на мать посмотрели.

И всей линейке любопытно: вот так оборот! Зашепталась, зароптала линейка:

– Да врут они всё! Не было с ними Мишки!

– Откуда знаешь?

– Робятёшки, выкладывайте всё, как было, – подала голос тётка Анисья, – как мне давеча сказывали...

Фока замямлил:

– Ну, сперва мы, это... одни были. И мамка в школе была, – он глянул на мать.

Та кивнула, мол, так-так, продолжай дальше.

– Потом она ушла за водой. Мы одни остались мыть полы да дрова таскать. Мамка воды наносила и совсем ушла... Лешек дрова ещё на улице колол... Потом, это... Мишка пришёл... Вот.

«Чё он говорит?! Куда я пришёл?! – закипело внутри Мишки. – Да не было же меня в школе после уроков. Не было! И не могло быть!»

После выполнения того задания, когда Мишка рассекретил арсенал Кубецких, ни разу с ними один на один он не оставался. Нет, в классе, конечно, на уроках встречались. А теперь и вовсе – Лёку из третьего во второй класс вернули. И на горках катались с Кубецкими – это когда и другие ребятишки бывали. И к Новому году постановку репетировать с Фокой приходится. А так, чтобы у них дома или в другом месте где – с одними встречаться – избавь Боже! Братья стращали, угрожали Мишке расправой. Норовили ему при случае пендеря или подзатыльник наладить. Исподтишка то слово обидное скажут, то обзовут, то ещё какую пакость выкинут. Терпел Мишка – куда деваться?!

И даже сам себя считал пред ними чуточку виноватым. А он бы простил им такое? То-то и оно!

– Миша, выходи-ка сюда, – снова произнесла Анастасия Фоминична.

Как и на прошлой переменке, вышел Мишка перед строем. Встал рядом с Лёкой. И опять – десятки глаз уставились на него: любопытные, сочувствующие, изумлённые. Как и час назад, он-то был уверен в своей правоте. А чего переживать: не крал он ничего – и всё тут! Конечно, мало приятного, если тебя подозревать станут, пальцами в тебя тыкать... Так ведь, если не виноват – правда должна одолеть...

– Ответь нам, Миша: ты вчера в школе с Кубецкими был? – продолжила учительница.

– Нет, не был, – уверенно ответил Мишка.

– Миша, не лги. Ты ведь нам честное октябрятское слово давал, – сказала Нина Степановна.

– Давал, – ответил он. – И ещё раз могу дать! Не было меня в школе вчера после уроков!

– Значит, не был? Хорошо. Допустим... – в некотором замешательстве произнесла Анастасия Фоминична. – Теперь вы ответьте, Янек с Лешеком: был вчера с вами в школе после уроков Миша Штырбу?

– Был. Приходил, – спешно выпалил Лёка, посмотрев на мать.

– Был, – ответил и Еня, уставившись в пол.

– Янек, ты сказал, что остался дома. Это так?

– Так...

– А Фока вернулся один?

– Да.

– Выходит, пока вы дрались и бегали домой, в школе оставались Миша с Лешеком вдвоём?

– Выходит так, – опять тихо подтвердил Еня.

– Да не оставался я с Лёкой в школе! – отрицал Мишка.

– Штырбу, помолчи, – одёрнула его Анастасия Фоминична.

– Почему вы им верите, а мне нет? – возмущался паренёк.

– Дойдёт очередь и до тебя, – подоспела на помощь коллеге Нина Степановна. – Мы тебя пока не обвиняем. Мы хотим разобраться в этом проступке...

– Скажи нам, Янек, могли Миша с Лешеком без вас открыть шкаф? – обратилась к среднему брату Анастасия Фоминична.

– Наверно, могли... Я не видел... Так Фока же признался!

– Так, значит, ты не видел... Лешек, а вы чем занимались, пока не было братьев?

– Чем-чем, – шлёпал губами Лёка, – не помню уже...

– А ты припомни-ка, напряги свою память.

– Дрова таскали к печкам. Точно.

– Один ты или и Миша помогал?

– Да не было ничего такого! – опять не выдержал Мишка. – Это я раньше им помогал дрова таскать. Ещё в первой четверти.

– И ты, Лешек, стало быть, не открывал замок? – не слушая Мишку, продолжала учительница.

– Н-нет, – замешкался Лёка.

– Та-а-ак. Хорошо. Что было дальше?

– Ну, это... Фока когда вернулся – я домыл в подсобке и ушёл со школы.

– И не стал даже помогать брату?

Замолчал Лешек, будто воды в рот набрал.

– Ясно. По-вашему выходит, что в школе остались только Миша с Фокой? Так, я вас спрашиваю?

– Так, – признались Фока с Лёкой.

– Да врут они все трое! Врут! Не был я с ними в школе! – опять не выдержал Мишка наглости братьев.

– Получается: они втроём врут, а ты один правду говоришь? Так, что ли? – ополчилась на Мишку учительница.

Переглянулись учительницы между собой. Вот задачка!

– Что будем делать? – спросила Анастасия Фоминична коллегу.

– Может, распустим линейку? Пусть ребята по домам идут, – предложила Нина Степановна. – А этих четверых оставим ещё, побеседуем с ними при родителях.

– Наверное, и Лешека с Янеком надо отпустить. Похоже, Фока правду говорит, – поддержала Анастасия Фоминична.

– Анисья Кузьмовна, – обратилась к матери Кубецких Нина Степановна, – сходите-ка к Штырбу. Если Роман Тодорович дома – пригласите его в школу.

Вышла тётка Анисья, молча запахнув фуфайку и поправив платок.

– Ребята, ступайте по домам, – громко произнесла Анастасия Фоминична. Останутся Миша и Фока. Пусть зайдут оба в учительскую...

Загалдела, зашумела ребятня потревоженным ульем. Захлопали двери классов, крышки парт. Топот-беготня наполнили школу. Спешно натягивались фуфайчонки и пальтишки, надевались шапки и платки. И между тем – ропот: «Ну Миха даёт!» «Ну Кубеки и врать!» «Не верю я, что это Мишка сделал!» «Кубеки мстят ему!»

– Миха, не признавайся! – крикнул Кузя, будто Мишку собирались увести не в учительскую на разбирательство, а в гестапо – на пытки.

– Глянь-ка: Спутник прилетел! – сказал Кузе Попову Петька Беков, завидя на крыльце школы через открытую дверь Якова Фастовича Грушельского – мужа Анастасии Фоминичны. – Ему-то чё тут надо?

9

Грушельские в Краснояре появились в тот же год, что и Кубецкие. Кто говорил, что из Шерстобитова, а кто и вовсе – из Васюгана.

Грушельские – не Кубецкие, семья интеллигентная. Анастасия Фоминична – учительница. Яков Фастович... Кто его знает. Говорят, тоже прежде учительствовал.

В противовес своей жене – пухлой, невысокой, степенной женщине пожилого возраста – Яков Фастович выглядел высоким и сухощавым. Может, из-за того, что был паралитиком.

Его хрящеватый крупный нос навечно оседлали большие толстые очки, через которые ещё пуще лупатились еврейские глаза. Иногда он снимал очки, доставал из кармана мятый, но чистый носовой платок, промокал им слезящиеся глаза и долго тёр линзы.

Его большая голова, вроде болотной кочки, вразнобой топорщила жёсткие чёрные волосы. Её с трудом удерживала длинная и тонкая шея с выпирающим наружу кадыком. Подбородок беспомощно заваливался на грудь. Чтобы вернуть голову в нормальное положение, Яков Фастович приподнимал подбородок левой рукой.

Правая рука Грушельского сама требовала помощи. Не намного лучше было и с ногами. Они подкашивались при ходьбе. Удерживая равновесие, Яков Фастович, как по инерции, устремлялся вперёд. Казалось, что он всегда куда-то торопится, летит.

А тут спутник запустили в космос, да другой. Интересно! По радио говорили, в газетах про то писали. «Как они там летают без воздуха?» И ребятня, и взрослые выискивали на звёздном ковре среди неподвижно мерцающих узоров движущиеся огоньки.

– Во-он он спутник! Лётает! – возбуждённо-радостно говаривала Стахова жена – тётка Маня. – Навроде нашего Грушельского.

– Где? Где?! А-а-а, вижу! Ты гляди-кось, и взаправду лётает! Ишь ты! Как Хвастович по деревне! – поддакивала ей тётка Анисья.

И стал Яков Фастович для всех деревенских с лёгкой руки Кубецких Спутником. Да так прочно приклеилось к нему это прозвище – кабы не жена-учительница – и фамилию Грушельских, наверное, позабыли бы в Краснояре. Иначе, как Спутником, за глаза уже никто и не называл его, даже ребятня сопливая.

Лётал Спутник из конца в конец деревни. То к одним в избу заглянет, то возле ограды других остановится. В библиотеке – избёнке с ветряком – частым гостем бывал. Все книжки там перечитал уже. А чем ещё заняться в деревне зимой неработающему инвалиду-пенсионеру? Скотины своей нет, стирку-уборку в доме сделать – нанимают. Хлеб печёт Мишкина бабушка, она же и воду из колодца им носит. Баре да и только!

В избе, что купил им сельсовет, чисто, всё прибрано. Кровати в спальне всегда заправлены покрывалами красивыми, на подушках накидки с рюшами. На стене зеркало большое, рядом гитара висит с алым бантом на грифе, как на шее. Стол со скатертью в горнице, на окошках цветы герани и занавески выбитые. И много-много книг везде. И газет тоже полно. Читает их Спутник, когда по деревне не лётает. Только вот табаком всё пропахло: курит Спутник папироску за папироской во всех комнатах.

– Баб, – спрашивает Мишка, глядя в окошко и завидев в нём Якова Фастовича. – А чё это Спутник так ходит?

– Какой тебе Спутник? – одёргивает его баба Тася.

– Ну, этот, Яков Фастович...

– То-то же... Спутник... Штабы я больше не слыхала такого!

– Ну, скажи, почему он такой-то?

– Клёш ево укусил, так он говорит. С ево он и захворал.

– Клёш? – удивляется Мишка. – Дак он ведь такой маленький! И в меня впивался летом... Клёш ведь не собака! Разве можно от него так захворать?

– Я вот тоже сомневаюсь. Господь Бог это ево наказал! Согрешил Яков Хвастович шибко...

– А как это – согрешил? – допытывается внук.

– Люди сказывали: на иконах он плясал. Да ещё одна в руках – Пресвятая Богородица, будто в обнимку с ею кружился...

– А зачем это?

– Доказать хотел, что Бога нету. Будто ба, када церквы-то разоряли, Хвастович наш ахтивистом был. Иконы всякие со стен церквей срывали, ломали их, на костре жгли – прости меня Осподи! А он будто ба ещё и смеялся да приговаривал: «Пускай меня ваш Бог покарает, если он есть...» Грех-то какой! Избав, боже. Бог-то и наказал ево за то... Клёш... Как ба не клёш... Это, вить, отговорка у ево така, что клёш укусил...

Бог ли наказал, клещ ли укусил, а может, и в самом деле – Бог через клеща, только болезнь у Якова Фастовича Грушельского страшная приключилась, неизлечимая.

Рассудок остался рассудком, память – что у молодого, речь – каждый позавидует, а немощь плоти – не приведи Господи! И головой часто маялся, усугубляя непомерным куревом. А ещё Яков Фастович попивать стал. И напиваться. Тогда ноги его совсем отказывались влачить немощное тело. И голова никак от груди отделяться не хотела. И руки не слушались совсем.

В доме Штырбу Яков Фастович частый гость. И не потому, что дома их почти рядом стоят. И не только потому, что два раза в неделю он приходит за свежим хлебом, что печёт им баба Тася. А то и вовсе – молока, масла, яиц у них купит.

Раз Мишка припозорился с этими яйцами. Дружок Серёжка Димитров научил его, как можно выпить свежее яйцо, не ломая скорлупу. Не знаете? Вот и Мишка не знал. А тут всё просто оказывается. Надо взять яйцо, иголкой проколоть скорлупу с двух сторон и аккуратно всё высосать постепенно. Потом взять шприц и закачать в яйцо воду. Дырочки махонькие, что остались, после надо замазать свежим куриным помётом. Вот и всё – яичко целёхонько! Положил раз такое яичко Мишка обратно в корзинку, подшутить решил. А баба Тася с девятью другими его Якову Фастовичу продала... Пришлось менять и извиняться. Досталось тогда Мишке за такую шутку!

Так вот, ходит Спутник к Штырбу в дом ещё и потому, что приглянулись чем-то друг другу Мишкин отец и Яков Фастович. Может, потому, что выходцами оба были из Молдавии: и еврей Грушельский, и молдаван Штырбу. Правда, о том, что Яков Фастович еврей, Мишка не знает. И не догадывается даже. Спутник и «г» произносит твёрдо, не так, как пан Кумпанский, у которого вечно противно пахнет изо рта...

В Сибирь Грушельский угодил намного раньше Штырбу. Вроде как воевал-партизанил на Дальнем Востоке вместе с Сергеем Лазо. А оттуда уж в Нарым угораздило. Комсомольским активистом, вожаком там был. Курсы учительские в Томске закончил, ездил по области лектором-пропагандистом. Потом учительствовал, директорствовал в Васюгане в детском доме. Там и женился на учительнице. Дочь воспитали. Выросла – упорхнула пташкой теплолюбивой в Молдавию, на родину папаши. Каждое лето уезжают Грушельские к ней в гости. Поговаривают в деревне, что и вовсе переехать к ней собираются.

Придёт Грушельский к Штырбу, постучится в дверь по-культурному, ногу в большом высоком валенке перетащит через порог, очкастую голову в шапке-ушанке приподнимет левой рукой, поздоровается. Всех взрослых он по имени-отчеству называет. И не ругается никогда матом. Не то что Мишкин папка: тот и по-русски, и по-молдавански заворачивает в тригосподабогадушумать, когда рассердится. И родители Мишки его навеличивают: Яков Фастович да Яков Фастович. И за глаза редко совсем когда Спутником назовут.

– Что читаем, Роман Тодорович? – интересуется Грушельский.

– Это... как её... Река угрюмая, – отвечает, замявшись, Роман, откладывая в сторону толстенную книгу.

– Как-как? Может, «Угрюм-река»?

– Точно, – смущается старший Штырбу. – Интересная книжка, правдивая.

– Где ж ты её взял, Роман Тодорович?

– Сотников Иван дал почитать.

– Да-а, – возбуждается Яков Фастович, – я эту книжку лет пятнадцать искал! Надо же! Где встретились! Хочу перечитать. Широкое полотно сотворил Шишков! Такой масштаб! Генезис капитализма в России показал. Да как ловко всё, грамотно! Какая динамика, какая экспрессия! А характеры чего стоят! Каков Прохор Громов, а?! От наивного безусого юнца и до матёрого капиталиста-золотопромышленника вырос! А приказчик, Илья Сохатых?! А батька Пётр, дед Данила! Анфиса-то какова! Да-а-а, «Угрюм-река» – непременная классика! Придёт время – в школе проходить будут. А я ведь знавал Вячеслава Яковлевича, как же... Встречались с ним в Томске. Сильно Шишкова за эту книжку уважаю! Я бы его как писателя в один ряд с самим Горьким поставил, с Шолоховым. Да, пожалуй, ещё с Алексеем Толстым – за его трилогию «Хождение по мукам». Читали?

– Н-нет, – признается Мишкин отец. – Некогда всё. Зимой который раз и раскроешь каку книжку, а летом – когда?

– Надо, надо читать! – наставляет Грушельский. – Книги – большая сила! Никакое кино не сравнится с хорошей книгой. Нет! Не та мощь, не те средства выразительные! Хотя... как знать... Со временем, может быть, и дорастёт кино до литературы... Если вырвется из идеологического хомута.

Интересно Мишке слушать Спутника, век бы слушал! Не всё, правда, пока понятно, о чём это говорит он. Примолкли и отец с мамой. Баба Тася и подавно – неграмотная.

– Ну, как сегодня со временем, настроением? В картишки перекинемся? – спрашивает Грушельский.

– Придут Сашка с Жоржиком – сыграем. Может, в «тыщу», а может, и пульку распишем. Да вы раздевайтесь, присаживайтесь к столу. Орешки пока пощелкайте.

Мишке нравится, когда зимними вечерами у них собираются мужчины и играют в карты. Мишкин папка сердится, проигрывая, а Яков Фастович похохатывает. Про какие-то мизеры, пасы, марьяжи, взятки говорят – ничего не понять. То ли дело в «пьяницу» поиграть! Так-то папка не разрешает карты брать, прячет от Мишки с Костей. Но тут совсем другое дело! Шохи, семёрки и восьмёрки лишними оказываются – это, когда взрослые в «тыщу» играют или в «шестьдесят шесть». Отсортируют их из колоды, Мишке передадут. Тогда-то уж они с Костей наиграются в горнице на полу. Можно домики из них строить, можно раскладывать, как захочешь, а можно и в «пьяницу» резаться.

Не нравится Мишке, что курит у них в избе Яков Фастович, когда играют в карты. Папка-то не курит вовсе, а Спутник смолит папироску за папироской, да всё «Беломор». Так понадымит – всё синё. И пахнет после этого нехорошо.

А недавно маме плохо было от этого дыма, когда гости разошлись уже после игры. Испугался тогда Мишка. И папка его, и баба Тася, и Костя – все вокруг мамы. Двери открыли – проветрить, водой на неё брызгали, таблетки давали. А она лежит на кровати и что попало бормочет – бредит, про чертей каких-то несёт. Ох и испугался тогда Мишка, что мамка помрёт, как у его дружка-одноклассника Генки.

Пуще всего любит Мишка, когда отец в руки гармошку берёт! Не на гулянке где-нибудь, просто так – дома. Играет на ней и поёт. А ещё лучше, когда мама к нему присоединится. И так ладно, так складно у них выходит! Заслушаешься! Особенно эта:

Над волной голубой синяя прохлада,
Нам с тобой, дорогой, повстречаться надо...

Уж до того красиво, дух захватывает у Мишки. Или вот эта ещё:

Над широкой Обью бор шумит зелёный,
Над широкой Обью чайки в вышине...

Мама с отцом так поют – хоть на концерте их слушай, получше бабы Таси с её:

Ванька с нянькой поругались,
Нянька князю донесла...

И гармошка так голосисто выводит, басы поддыркивают, будто сама выговаривает. И как это только папка знает: куда нажимать надо, на какие кнопки? И даже не смотрит на них. А их столько много, с обеих сторон! Вот бы и ему, Мишке, так научиться играть!

Он просит отца показать ему: куда, на какие кнопки нажимать. Показал отец раз, другой – не выходит у Мишки, как у папки. Тогда с одних басов взялся Мишка.

Сидит Мишка в горнице на табуретке, играть на гармошке учится. Растягивает меха цветастые, ремень через плечо перекинул, как у деревянного автомата. Указательным и средним пальцами левой руки давит по очереди на кнопки, похожие на гильзочки от тозовки, только покрупнее малость.

«Ты-ра-та, ты-ра-та», – слышится ему, когда он не сбивается.

«Ту-ра-та, ту-ра-та» – хрипато выплёвывает гармошка.

Тыркает Мишка уже с полчаса. И вчера тоже туркал, разрешил ему папка гармошку взять.

Белобрысый Костя крутится вокруг Мишки, клянчит у него гармошку, нажимает на круглые пуговицы голосов. От радости и озорства поблёскивает у Кости в глазах и под носом. Ему тоже охота научиться играть на гармошке, хотя бы как Мишка...

– День добрый, Таисия Ивановна, – здоровается Грушельский, входя в избу. – А я гляжу, у вас весело! С музыкой живёте. Это хорошо...

Шаркая, на полусогнутых, он проходит к столу, ставит на него пустой трёхлитровый бидончик, смотрит в проём горницы, где сидит и пиликает Мишка.

– Похвально, молодой человек, похвально, – одобрительно отзывается Спутник.

– Он ещё только учится, – подсказывает Костя.

– Я это понял, – серьёзно отвечает Грушельский.

– И получается у него: мо-ло-ка, мо-ло-ка, – хихикает младший брат Мишки.

– Это ничего, что пока лишь «мо-ло-ка». Из молока иногда и масло выйти может...

Приятно такое слышать Мишке! «А что?! Вот выучится играть на гармошке! Получше папки! Нет, как слепой Максим Панфилович! Тогда, тогда...» – Мишка аж захлёбывается про себя от того, что может быть тогда...

10

В учительской собрались Анастасия Фоминична, Нина Степановна да Мишка с Фокой. Обе учительницы на стулья, за стол уселись, что находился между окон, напротив двери; школьники – стоя, в левом углу. Воцарилось тягостное молчание, которое нарушил Спутник. Грушельский перековылял через порожек, поздоровался, снял с головы чёрную кожаную шапку, протёр платочком подёрнутые изморозью толстые очки, причесался расчёской, дунул на неё и положил в карман.

– Пашу накормил? – обратилась к мужу Анастасия Фоминична, справляясь о пятилетнем внуке.

– Накормил, накормил. Яичницу пожарил, молока дал, хлеба с маслом. Конструктор оставил ему, пусть один поиграет, – отозвался Яков Фастович. – Сама-то обедать собираешься сегодня, нет?

– Вот, субчики, – кивнула недосказанно учительница на ребят.

– И по какому случаю сей почтенный консилиум? – умничал Спутник.

– А ты в своём амплуа, – отозвалась жена. – Пусть сами рассказывают.

– Ясненько, – произнёс Грушельский, грузно усаживаясь на свободный стул и доставая пачку папирос. – Что-нибудь набедокурили?

– Слушай, Яков, ты бы не курил хоть здесь, – раздраженно произнесла Анастасия Фоминична. – И без этого мигрень разыгралась. Чего пришел-то?

– Шёл в библиотеку. Думаю, дай загляну, спрошу, когда домой пойдёшь.

Яков Фастович послушно убрал пачку «Беломора», дрожащей рукой вынул из коробка спичку и зажал её в зубах, слегка покусывая. Вошли Мишкин отец и тётка Анисья. Поздоровались. Тесновато стало в учительской.

– Вот, Роман Тодорович, полюбуйтесь на сына, – без экивоков начала Грушельская.

Как и на линейке, Мишка по-прежнему пребывал в каком-то недоумённо-возбуждённом состоянии. Будто кино смотрел со стороны, не про себя. «Ну при чём тут я, Мишка?! Нелепость какая-то! Да не было меня в школе вчера с Кубецкими! Почему они не хотят поверить этому?!»

– Вчера после уроков эта парочка, – пояснила суть дела Грушельская, – открыла, нет – взломала замок. Залезли в шкаф и украли сахар с пилками для лобзика... Дело, разумеется, не в сахаре и пилках... Сам факт нас настораживает и возмущает. Хочу посоветоваться: как нам быть,

что будем делать с ними? Передавать нам это дело в милицию или как?

– Ну, так уж сразу и в милицию? – отозвался Спутник. – Может быть, своими силами справимся? – подмигнул он лупатыми глазами школьникам: дескать, я – за вас.

Зыркнул Роман Тодорович на своего сына. Желваки под скулами заиграли в гневе: «Докатились до воровства! Скорноу мэти!»

– Не крал я ничего! – как и перед линейкой, повторил Мишка.

– Ну, а ты что скажешь? – обратился Грушельский к Фоке.

– Вместе с Мишкой были, – отводя в сторону глаза, но настойчиво отозвался Фока.

– И когда это было, в котором часу?

– Уже под вечер... Темнять стало...

– Не было меня в школе с ним, – отрицал Мишка.

– Помолчи! – оборвал его отец. – Сумел натворить – имей смелость хоть признаться в том!

«Вот и отец не верит мне, – жгла Мишку обида. – Да что они, сговорились все, что ли?! Разыгрывают меня?»

– Нина Степановна, – обратилась Грушельская к коллеге, – у тебя таблетки от головной боли случайно нет?

– Нету, – ответила та.

– Придётся домой идти... Вы тут пока без меня поразбирайтесь. Схожу-ка я, внука посмотрю да и пообедаю заодно.

Анастасия Фоминична надела тёплое тёмно-синее драповое пальто с большим пушистым воротником из чернобурки, водрузила на голову такую же шапку и степенно покинула учительскую.

– Ну, так как же всё происходило? – перехватил инициативу жены Яков Фастович.

– Робятёшки, признавайтесь во всём, повинитесь, просите прощения, – тараторила тётка Анисья. – Вам же самим лучше будет...

Мишка и Фока стояли молча, опустив головы. Переглянулись. Своим взглядом Мишка пытался напрямую перехватить лисьи блуждающие глаза Фоки. Тот постоянно увиливал, как от жалящего мячика, когда играли в лапту.

– Ну-тес, молодые люди, с кого начнём? – спросил Яков Фастович. – С Кубецкого? Выкладывай нам всё, как было. Только честно!

– А чё говорить? – набычился Фока. – Я уже всё сказал...

– Это ты им говорил, а теперь нам расскажи, – настаивал Грушельский, достав папиросы и закурив.

– Ну, вчерась мы... это... сперва убирались. После уроков. Потом Мишка пришёл...

– Так, что дальше было? В этом я пока никакого криминала не вижу.

– Ну, потом шкаф открыли... – мямлил Фока.

– Что, вот так, ни с того ни с сего, взяли – и открыли? Кто предложил? Чья идея? Чем открывали? У вас ключ был?

– Нет, не было...

– Тогда чем открывали замок?

– Гвоздём...

– Гвоздём? И кто открывал? Кто предложил открыть шкаф? – наступал Спутник, входя в роль следователя.

– Он сказал, что там пилки лежат, – валил на Мишку Фока. – По очереди открывали. Сперва я, опосля он...

– Да врёт он всё! Не открывал я никаких замков, – негодовал Мишка.

– Так, Фока, продолжай, – не обращая внимания на реплики Мишки, произнёс Грушельский.

– А чё продолжать? Ну, открыли мы его, взяли сахар, пилки...

– Кто брал? Ты или Штырбу? – спросила молчавшая до того Нина Степановна.

– Обои, разом, – пёр напропалую Кубецкий-младший.

– Что, так вот – взяли, открыли и оба кинулись к одному мешочку? – допытывалась учительница.

Замолчал Фока. Насупился, раскраснелся. Искоса глянул на мать. И тётка Анисья тут же – с провинившимися рядом, тёплый платок развязан, на плечи спущен. Стоит озабоченная.

– Папка, – со слезами на глазах обратился Мишка к отцу. – Ну, не было всего этого, не верь ему!

– Зачем ему на тебя наговаривать, если не было этого? – засомневался Роман Тодорович.

И тут дошло до Мишки: «Мстят это они за выданный тайник с оружием! Только как всё это взрослым-то объяснишь?»

И Мишка, как Мальчиш-Кибальчиш, про которого им совсем недавно читала в классе учи-

тельница, решил: «Ни за что не сдамся! Не выдам им свою «военную тайну!».

Короткий зимний сибирский день уже давно перевалил через половину. Миновало и время обеда. А у Мишки с утра во рту ещё ничего не было, кроме ломтя хлеба и кружки молока. Даже чай в переменку не попили, и домой сбегать не успел, стояли на этой дурацкой линейке. Где-то внутри сосало от голода, как прошлым летом, когда они заблудились с Серёжкой в лесу, собирая колбу, и бродили весь день до самого захода солнца. И голова стала болеть. А ещё уроки на завтра надо делать... Костюм новогодний мама шить Мишке обещалась... Теперь, поди, и вовсе не сошьёт...

По тому, как подробно и уверенно выкладывал всё Фока Кубецкий, выходило, что всё-таки это они с Мишкой совершили кражу. Да ещё со взломом...

– Я думаю так. Раз Миша не признаётся, что был вместе с Кубецким, пусть они вдвоём ещё подумают, как следует, – предложил Грушельский. – Оставим-ка их одних.

– Вот-вот, без обеда! – поддержал его Роман Тодорович, – может, посговорчивей станут.

– Подсобное помещение свободно? – спросил Спутник у тётки Анисьи.

– Прохладно только там. Я ещё севодни не топила, – ответила мать Фоки.

– Ребята не простынут там? – засомневалась Нина Степановна.

– Ничего, на пользу пойдёт, – безжалостно ответил Мишкин отец.

Выпроводили из учительской Мишку с Фокой в подсобку, лязгнул замок снаружи. Мишка на Фоку с кулаками кинулся, молотил его в охватившей ярости.

– Ты чё, гад, на меня сваливаешь? – захлёбывался Мишка в негодовании. – Когда это я с тобой гвоздём замок открывал? Какие пилки я воровал?

Фока от Мишки отбивается, швабру схватил, что в углу стояла, машет ею. И скалится.

– А будешь знать, как наш тайник выдавать! Предатель!

– Сравнил тоже! То ведь – совсем другое... вроде как игра была... – оправдывается Мишка.

– Игра? – ехидничает Фока. – Какая игра?! Вот тогда и это тоже игра!

– Это игра? – возмущается Мишка. – Да нас же из школы исключат за воровство! – совсем по-взрослому рассуждал он.

– Не исключат, – лыбится Фока Кубецкий. – С тобой не исключат...

– Ах ты, сволочь! Выходит, ты это мною прикрываешься? – опять осеняет Мишку. – Я так и расскажу им тогда!

– Ну расскажи-расскажи, – подзуживал Фока. – Много они тебе верят? А мне верят!

Разошлись по разным углам – запыхавшиеся, возбуждённые. Уселись на расшатанные коричневые стулья. Замолчали надолго. Мишка в окошко смотреть начал...

Зябко в подсобке. Хоть бы фуфайки им сюда кинули, что ли. И есть хочется. В глазах у Мишки мурашки забегали, зайчики заплясали. И вот уже не видит он целиком ни Фоку, ни заснеженные деревья, что стоят на той стороне Чузика, ни печку холодную, ни доски с брусками, что пилят и строгают они на трудах. И в самой голове, приливами, тупая боль. Будто тисками лоб сдавливать начинают. «Когда же это кончится всё?»

И припоминаются Мишке рассказы мамы и бабы Таси, как посадил на цепь своего воровато-го сына Гошку один их деревенский мужик. К столу приковывал, когда из дома уходили все. И сидел этот Гошка на цепи один-одинёшенек целыми днями голодный. А мамка Мишкина – совсем девчонка ещё, с подружками, бегали смотреть на него в окошко. И бросали ему в форточку куски хлеба с варёной в мундирах картошкой, как собачонке какой. Помер, говорят, Гошка прямо на цепи. Уморил его отец. А всё – за воровство...

Часа через полтора, когда окошко потемнело, замок звякнул. Выпустили узников, да не домой. Опять в учительскую завели. И снова дымит папироской Спутник. Под хмельком, похоже. И обе учительницы тут же. И отец Мишкин с тёткой Анисьей.

– Ну как, надумали? – возобновил расспросы Спутник. – Давайте по-мужски поговорим. Миша, будь мужчиной, признайся! Признаешься – первым руку подам тебе. Вместе были с Фокой, так? Так ведь?

– Не был я с ними, – заплакал Мишка от обиды.

– Значит, нет? Ну что же, будем заканчивать. Тогда, Роман Тодорович, так и поступим, как до-

говорились: оставим их здесь до утра, а завтра вызываем Ламинова. Пусть везёт их в Пудино. Дело на них заводит... Уж он-то с ним разберётся, кто прав, кто виноват...

– Не надо Ла-ми-но-ва, – сломался, заревел Мишка. – Был я с Фокой...

Он захлёбывался слезами и горечью обиды, продолжал, заикаясь:

– Это мы ук-ра-ли... са-хар с... пил-ка-ми...

– Ну вот, видите! Это уже совсем другое дело! – торжествовал Грушельский. – Вот это – по-мужски! Вот это по-честному! Давай, давай мне свою руку...

Мишка, размазывая по лицу слёзы и сопли, вытер правую руку о штаны и вяло подал её Грушельскому – ему уже было всё равно. Только укоризненный взгляд дружка и командира Серёжки Димитрова почему-то виделся сейчас Мишке Штырбу...

11

Участковый милиционер Ламинов всё-таки приехал. Спустя два года. Вызвал его сам Роман Тодорович. Поводом тому была простреленная шапка Мишки. А проболтался Сидор.

Царапину на затылке Мишки заметила лишь баба Тася.

– Чё это у тебя? Вроде как кровь...

– Баб, это мы играли с ребятишками. По крыше на ферме бегали. Гвоздём зацепился, поцарапал... Заживёт!

– Заживёт, заживёт... – ворчала баба Тася. – Где вас токо черти носят? Пошто вам, как людям-то, не играется? Ой, Минька, бедовая твоя головушка! Не сносить тебе её до старости, ой не сносить...

На том вроде и успокоились. «Пронесло», – радовался Мишка. Шапку его они после охоты у Кубецких втихаря ото всех подлатали, замаскировали, насколько смогли. Снаружи и незаметно вовсе.

Сидор Кузе-лейтенанту рассказал, как по Мишкиной шапке Лёка на охоте стрелял. Кузя – Тольке Кичигину. Тот – своему дяде Саше. А дядя Саша к Мишкиному отцу в карты играть по вечерам захаживал.

– Похвались-ка своей новой шапкой! – интригующе попросил Мишку дядя Саша.

– А чё хвалиться? Шапка как шапка... Новая только, – отговаривался Мишка, почуяв подвох.

– Не скажи... Такой, как у тебя, у нашенских пацанов я ни у кого не видел.

Пришлось Мишке снимать шапку с вешалки и нахлобучивать её на голову.

– Хороша! Тёплая, должно быть? Себе, что ли, такую же купить, – нахваливал дядя Саша Мишкину шапку. – Подойди поближе. Дай померить.

Стащил шапку Мишка с головы, протянул гостю. Тот взял её в руки, сразу внутрь заглянул.

– А чего это у неё, вроде как дырка тут? Смотри, Роман, шапку ты с брачком купил сыну.

– Где, какой брак? – недоумевал Роман Тодорович. – Никакой дырки не было. Дай-ка мне посмотреть!

– Глянь-ка, и спереди – тоже дырка, вроде как навылет, – продолжал интриговать Романа карточный партнёр, передавая ему шапку.

– Где это ты так умудрился? – строго спросил Мишку отец. – Не напасёшься на вас, лечио мэти!

– Поди-ка сюда поближе, – подозвал Мишку дядя Саша. – Голову свою наклони. Та-ак, ясненько... Роман, посмотри сюда, что это у него?

– Поцарапал гвоздём, – запирался Мишка.

Настроение его разом упало, испортилось, как осенняя погода на ноябрьские праздники: с утра ещё вовсю морозец был, снег лежал кругом, а после обеда дождь пошёл, всё белое покрывало изъел...

– Выходит, и в самом деле, – раскрывал гость Роману тайну царапины на голове Мишки и дырок на шапке, – Лех это Кубецкий стрелял из тозовки...

– Как стрелял, кто стрелял? – вспылил Роман.

– А вот так – на спор по шапке, – продолжал дядя Саша. – А шапка-то на голове твоего парня была...

– Это правда? Правда, тебя спрашиваю! Чего молчишь как в рот воды набрал?! У тебя самого в башке-то мозги есть или одна мякина?

Молчал Мишка. А что ему было ответить взрослым? Разве они поверят, что это он сам себя в первую очередь испытывал, и Лёку Кубецкого? Тогда ведь, два года назад, не поверили, что не было его вместе с Фокой.

Это баба Тася одна: «Да штабы наш Минька без спросу в шкап забрался и сахар своровал – избав, Боже!»

А когда вечером он рассказал ей про всё: и про линейки, и про то, как их голодных заперли в подсобке, и про то, как тётка Анисья уводила своих огольцов, и про то, как было охота есть, болела голова и рябило в глазах – баба Тася одна пожалела его.

А отец ругался на маму с бабой Тасей за потакание Мишке... И баба Тася с укором выговаривала:

– Эх ты, отец! Сыну своему не веришь. Им веришь, а сыну – нет! Это она... Анисья... Её работа. Она, она научила их на Миньку показать... Штабы своим поменьше досталось... Она, небось, за своих заступилась, а ты... А этого Хвастовича я больше в избу, на порог не пущу. И калачей белых имя тоже напеку...

Забурлил, запенился Роман Тодорович молодым бордовым винцом каберне в дубовой бочке, бражкою в логушке, что на тёплой русской печи доходила, набирая крепость! Порывался тут же бежать – Лёку искать! Грозился самосудом, кумпол ему проломить, головёшку, как куренку, скрутить... Едва удержали, отговорили его напарники: Сашка с подошедшими расписать пульку пренеранса Жоржиком глухим и паралитиком Спутником. Посоветовали Роману это дело так не оставлять – вызвать участкового Ламинова из Пудина. Дескать, пусть хоть тозовку отберёт у хулигана.

Старший лейтенант Ламинов приехал на вороном жеребце, в запорошенной снегом кошеве. Возле конторы колхозной остановился, бросил охапку сена лошади, расслабил супонь хомута, к столбу привязал. Вызвал Лёку. Грозил ему колонией для несовершеннолетних. Лёка, как всегда, шлёпал губами и запирался. Мол, нет у него никакой тозовки – ищите, если хотите! И не стрелял он ни в кого!

Очную ставку с Мишкой и Сидором Лёке учинил милиционер. Ламинов – не Роман Тодорович с Яковом Фастовичем. У него не то что Фока, Лёка – и тот признается! Для страху – пистолет свой в кобуре положил перед собою на зелёное сукно председательского стола отца Сидора. Пришлось всем признаваться. И рассказывать всё, как было – это вам не шкаф открыть да пилки из него слямзить...

Тозовку-мелкашку Лёка сам принёс Ламинову, выложил рядышком с пистолетом милиционера.

Не забыл Ламинов и расспросить всех троих: откуда она у него взялась? Те и про дом уехавшей из Краснояра Тамарьяны-молдаванки рассказали... А ещё штраф выписал тётке Анисье участковый, небольшой: пожалел женщину – дед Вацлав при смерти лежал.

В третий класс Лёку так больше и не переводили. Выперли с незаконченным начальным образованием. Мишке с Фокой снизили оценки по поведению за четверть и за второй класс, за год.

Война деревенских с Кубецкими закончилась как-то сама собою, незаметно: притёрлись друг к дружке, повзрослели, новые забавы появились, на девок уже заглядываться стали

Еня с горем пополам до шестого дотянул, подался после куда-то в СПТУ, в Парабель, а оттуда – прямиком на зону для малолеток: в драке пырнул кого-то заточкой.

Фока с Мишкой восьмой заканчивали вместе, в вечно сборном Б-классе, в Пудине. Дружбы большой не было, хотя и в драки уже не ввязывались. Первые свидетельства об образовании получили.

– Ну, признайся, почему ты тогда на меня наговорил? – допытывался Мишка у Фоки. – Я-то знаю, что это вы всё тогда подстроили. И в шкаф вы залезли, и сахар с пилками стырили... Доказать я тогда этого не смог никому. Сломали вы меня...

Помалкивал Фока долго, а на выпускном признался:

– Мамка так нам тогда сказала. Помнишь, заводила она нас всех троих в подсобку к себе? Лешек ведь всё это тогда натворил. И в шкаф залез, и украл тоже он... А кабы выяснилось, что это не мы с тобой – его, балбеса, сходу бы из школы выперли! Вот мамка и надоумила, чтобы вину я на себя взял... Сам же знаешь – лучшим учеником был в классе. Меня бы выгнать за это не решились. А чтобы меньше мне досталось – уговорила нас на тебя показать...

Обиды на Кубецких после этого разговора с Фокой Мишка не таил. Простить – простил. А вот забыть – не забывалось. А пуще всего временами подтачивали его за себя червячки сомнения в смелости да позора – где-то там, глубоко внутри, никому не видимые...

После восьмилетки Мишка Штырбу в ПТУ подался учиться на механизатора. Выучился, до-

мой, в совхоз вернулся, получил новенький трактор ДТ-75. А тут – армия подоспела.

С Фокой больше не встречались, да и желания никакого не было, уж где того носило после школы, о том Мишка не интересовался. Попал Мишка на Дальний Восток, на загадочную речку Уссури – не окуней с чебаками ловить, прямехонько на погранзаставу, где командовал старший лейтенант Мельников.

12

Второй год уже служил на границе рядовой Михаил Штырбу. Освоился, попривык жить вроде постоянно сжатой пружины. Неспокойно стало на границе в последнее время. Что ни день, то сюрпризы со стороны китайцев. Так и нарываются на провокации. А с наступлением холодов лёд на Уссури в сплошной мост превратился – переходи, где хочешь. Одно хорошо: сопки прибрежные оголились – просматривается всё на километры. Вдоль берега Уссури торчат лишь голые ветки лимонника и колючего элеутерококка; треплет пронизывающий ветер повысохшие верёвочки лоз дикого виноградника. На сопках, по склонам вразнобой маячат дозорными пограничниками одни дубки-карлики.

Сидит Мишка в секрете с биноклем, по долине реки – обзор на несколько километров. И китаёзы совсем рядом, рукой подать, на том берегу Уссури, всё копошатся и копошатся чего-то, как муравьи. А то вдруг толпиться начинают. На груди у рядового Михаила Штырбу автомат АКМ, полный подсумок патронов на правом боку, коричневая телефонная трубка полевого аппарата рядом. В случае чего – сразу же сигнал на заставу, а там одно для всех: «Застава, в ружьё!».

Смотреть-то Мишка смотрит, наблюдает за происходящим, только в голове его всегда мысли-воспоминания крутятся, будто сами по себе, отдельно от рядового погранзаставы живут. И приказать им ни сержант Лабанов, ни старший лейтенант Мельников, ни замполит Торопов не смогут. Сам Мишка – и то не всегда им хозяином бывает. Или вдруг песня привяжется какая, крутится в голове нескончаемой пластинкой, одной-двумя строчками. Вот и теперь никакого покоя не даёт та, что пел в казарме вчера вечером под гитару годок Мишкин, сержант Юрка Лабанов из Кемерова:

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали...

Говорил Юрка, что стихи будто бы сам Есенин написал. Здорово! Душевно! Только вот никак у Мишки не вяжется: почему это вдруг позабылись родимые дали? Ему так – наоборот, вспоминаются, приоткрываются! Да так ярко, так отчётливо! Особенно, когда письмо от мамы из дома получит... В последнем написала, что баба Тася совсем расхворалась. Одними только надеждами и живёт – дождаться, увидеть своего Мишеньку. Опасается мама, что не дотянуть бабе Тасе до осени... И на похороны, поди, Мишку в таку даль к ней не отпустят... Ничего, не так уж и много осталось ему служить, чуть больше полугода: весна да лето, осень и в счёт брать не стоит.

Вспоминаются, открываются в памяти Мишке родимые дали: поляны, озёрца, овражки, кедрачи, покосная делянка на болоте, на Второй слани... Там он впервые в руки литовку взял после пятого класса, баба Тася и косить учила мягкое болотное разнотравье. И Чузик коричневый... Совсем не такой, как мутная своенравная Уссури. Посредине Уссури остров, наш остров, Даманский. Ничего, правда, особенного. Длиной – в километр-полтора. Позарос весь, как сопки, непроходимым кустарником с ивняком. Нет, определённо, что-то не так написал поэт Есенин: разве можно забыть родимые дали?

После Нового года стал рядовой Штырбу помаленьку, втихаря от дедов, дембельские вещички к осени готовить из золотистой рондоли. И альбом дембельский. С рисунками, вырезками из журналов и газет, с фотографиями: видами Уссури, острова, сопок, заставы, китайской стороны, корешей-годков. Мама ему и фотоаппарат «Смена-6» с бритвой электрической выслала из дома. Накапливаются помаленьку фотки к альбому. И домой высылает который раз. Будет что показать своим друзьям на гражданке, не только одни павильонные, в парадке. Да и где тут, на заставе, ателье взять?

А ещё после Нового года всё чаще стала раздаваться команда «Застава, в ружьё!» Весь личный состав заставы тогда в считанные секунды высыпает из казармы на плац-построение, и с него уже – по местам, на оборонные точки.

Тёмных фигурок китайцев, что ни день, всё больше и больше становится, контрастируют на

белом снегу вроде косачей. И окапываются, зарываются, как косачи, в свои норы. Лопочут что-то на своём, выкрикивают угрозы в адрес пограничников, размахивают над головами серыми листками дацзыбао, цитатниками Мао, советскими автоматами Калашникова. И полукилометра не отделяет их порой от наших пограничников. День ото дня всё наглее становятся, агрессивнее, буром прут на заснеженный лёд Уссури; на нейтралку выбегают, к нашему острову подбираются всё ближе и ближе.

На политзанятиях замполит лейтенант Торопов разъяснял: дескать, китайцы претензии на Даманский имеют, будто бы он – их исконный. Дался им этот остров! Он и нам-то столько же нужен: ни пахать, ни сеять на нём не будешь. Клочок суши посредине реки, затапливаемый почти полностью в половодье дикой Уссури.

Пару раз получал уже рядовой Штырбу приказ: открыть предупредительный огонь. И он стрелял из своего автомата поверх голов одичавших фанатов. Автомат гулко стрекотал, градом рассыпая стреляные гильзы и наполняя воздух пороховой гарью.

Приближалась весна. Днями на солнце подтаивать стали дозорные тропинки, асфальтовый плац. В затишье от ветров, в сопках, стали нагреваться чёрные бока каменюк. Оживились длиннохвостые пёстрые фазаны, готовясь к токовищам.

1 марта 1969 года казарменный дневальный подал команду «Подъём!». Дежурный сержант выстроил заставу в две шеренги, вывел перед строем молодого пограничника. Тот поздравил дедков с наступлением весны. Стало быть, и всем остальным до дембеля на одно время года меньше служить осталось. Хорошо как-то на душе сделалось у Мишки Штырбу с самого утра. И корешок, Юрка Лабанов, всегда серьёзный – тоже дурачится, над молодыми подтрунивает. Говорит, что на гражданке хулиганистым был.

2 марта после утреннего развода передал сержанту Лабанову Мишка свою «Смену», попросил пощёлкать его, если китаёзы опять на лёд сунутся, а он будет из своего «калаша» стрелять предупредительными.

«Застава, в ружьё!» – прозвучало около полудня, как-то даже уже привычно для пограничников. Высыпали на плац в белых маскхалатах. Автоматы с ручными пулемётами лишь чернеют спереди да подсумки с патронами на боках. Заняли поотделенно точки обороны.

На той стороне Уссури сотен пять хунвэйбинов собралось против тридцати наших погранцов. И яркое солнце вычерчивает на голубом снегу чёрные тени, отчего китайцев кажется ещё больше.

Весенними ручейками хлынули в Уссури хунвэйбины, к острову потекли. Хлёсткие щелчки автоматов и короткие очереди раздаются уже со стороны толпы. И в руках фанатов сегодня не только цитатники и дацзыбао – наши же автоматы через одного. И скандирование-тявканье на непонятном языке. Синхронно вверх вздымаются над фигурками китайцев сжатые в кулаках руки, совсем как у дикарей Полинезии или Центральной Африки – воинственно-ритуальные скачки с воплями...

Дрожь, мандраж у Мишки от такого психоза. И не только у него одного. Да только виду не подают пограничники, давят, как тараканов, внутри себя нарастающие страх и тревогу. Закурил Мишка сигарету «Шипка» – руки ходуном ходят, когда прикуривал от спички. В три затяжки сигарета кончилась. Поспокойней вроде стало.

Четверых солдат подозвал к себе старший лейтенант Мельников. Лабанову приказал прикрытием с материка командовать. В числе четверых – и рядовой Штырбу.

Двинулись в белых маскхалатах впятером, с командиром заставы во главе, с автоматами на груди к берегу Уссури, к китайцам, вроде парламентариев. На лёд вышли, развернулись цепью, как охотники на зайцев, в сажени друг от друга.

Командир расчёта прикрытия сержант Лабанов автомат свой в сторонку отложил. Быстренько достал фотоаппарат Мишки, взвёл его, поставил метраж на бесконечность, глянул в глазок видоискателя. Выхватил в кадре заснеженную Уссури, толпу китайцев и пятерых пограничников, со спины, шагающих к середине реки. Между толпой хунвэйбинов и пограничниками оставалось уже не более пятидесяти шагов. Нажал сержант Лабанов на кнопку фотоаппарата. Есть кадр! Классный! В альбом пойдёт. Дубль решил сделать. Перевел плёнку на следующий кадр, взвёл затвор, щёлкнул.

В ответ донеслись сухие автоматные очереди китайцев.

Рядовой Михаил Штырбу шагал навстречу бессмертию, проваливаясь неуклюжими валенками в рыхлый снег поверх льда Уссури.

Как и на берегу несколькими минутами раньше, его тело пронзал озноб, совсем как тогда, когда он шёл к Сидору, а позади него оставался Лёка с тозовкой в руках. Теперь перед ним была орущая толпа китайских фанатов, а в голове отдельными кадрами мелькали с невероятной быстротой и отчётливостью эпизоды его недолгой жизни. И всё почему-то из детства: то Лёка целится в него из мелкашки, то он стоит перед отцом и Спутником, как партизан на допросе, то его вытаскивает из ледяной воды дружок Серёга Димитров, то он падает с кедра...

Рядовой Штырбу шёл крайним слева, пересиливая себя и гася в себе тревогу и нахлынувший животный страх. Он всё ещё надеялся на то, что всё обойдётся, что так не бывает, чтобы по ним стали стрелять. А на него почти в упор смотрели, выцеливали десятки смертоносных зрачков автоматов китайцев. И они, узкоглазые, плосколицые, смуглые, казались ему все на одно лицо, вроде рыжиков дядьки Стаха.

«Сейчас выстрелят! – будто кто подсказывал ему изнутри. – Падай на снег, занимай боевую позицию!» Но он, как и четверо его спутников, шёл вперёд, не отставая ни на шаг. Шаг, ещё шаг...

Мгновенной фотовспышкой мелькнули огоньки из автоматов китайцев. И ещё он успел уловить автоматный треск.

Его ударило в грудь. Он повалился на сверкающий снег Уссури. И почему-то сразу стало трудно дышать. Как подкошенные упали и остальные четверо пограничников...

«Заметался пожар голубой», – померещился ему голос Юрки Лабанова.

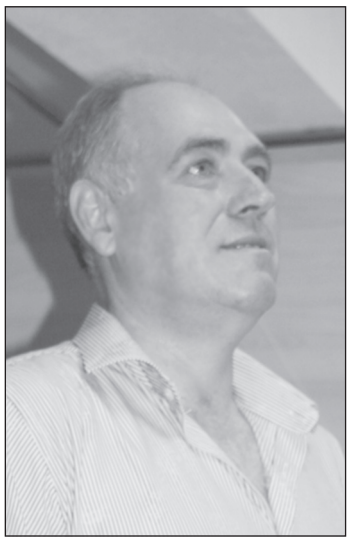
А Лабанов уже вёл прицельный огонь по китайцам, приняв на себя командование заставой.

...Приоткрылись ро-ди-мые да-ли... – застыли неподвижные голубые глаза рядового Михаила Штырбу на запрокинутом навзничь безусом лице.

Хлынули китайцы к пятерым поверженным пограничникам, лежащим на снегу в красных лужах. Озверело пинали, топтали их, кололи штыками, стреляли в упор в уже успокоившихся.

Но Мишка совершенно не чувствовал боли.

И ему уже было совсем не страшно...



Виталий МОЛЧАНОВ

И МУРОМЦЫ ВСТАВАЛИ В БОЙ С ПЕЧИ!

НАГОЙ[1]

1

Весна-дворняга солнечным оскалом
Зиме грозила: «Береги бока!»
Пригожий лик под ледяным забралом
Таить устала стольная река,

И лопнула морозная тесёмка.
Шлем по теченью сбросив за спиной,
Приподнялась Москва. С утра позёмка
Котлы проталин сдобрила крупой,

Над варевом холодным покружилась
И сникла у Варваринских ворот.
Сдаваться к воеводе шёл на милость
Стрелец помятый, выпятив живот

И вздёрнув к небу бородёнку злую,
Нещадно сабля била по бедру:
«Посеял берендейку, закукуют
Обратно в Тверь... Рассола бы нутру…»

Стряхнув с обувки ладной комья грязи,
Торговый люд растёкся по рядам.
Мостки скрипели: нёс корзины Власий,
Тюки – Емеля, осетров – Богдан.

Материя разложена по штукам,
Бери любую – не жадись, плати.
Моченья и соленья, связки лука,
Бочонки мёда, пирогов ломти…

Глаз маслится от снеди изобильной!
Весна-дворняга, изойдя слюной,
На жарких лапах кралась мимо мыльни
С окошками из плёнки слюдяной.

2

Дверь – нараспашку, ноздри дразнит запах
Замоченных в кадушке пряных трав.
Случайный разговор о тайных знаках
Подобен пару – сути не вобрав,

Легко клубится, проникает в сени,
На улицу с берёзовым теплом.
Ярыга лечит веничком колени
И ведает собрату о былом:

[1] Василий Блаженный.

МОЛЧАНОВ Виталий Митрофанович *родился в 1967 году в городе Баку. Поэт, председатель Оренбургского регионального отделения Союза российских писателей, директор Областного Дома литераторов им С. Т. Аксакова.*

Лауреат премии губернатора Оренбургской области «Оренбургская лира», Региональной премии им. П. И. Рычкова, премии им. С. Т. Аксакова, премии журнала «Дети Ра», лауреат международного фестиваля литературы и искусства «Славянские традиции», финалист премии «Золотой Дельвиг» 2015 года, лауреат малой международной литературной премии «Серебряный стрелец», победитель IV международного поэтического конкурса имени С. И. Петрова, призёр поэтического фестиваля «Эмигрантская лира». Живёт в Оренбурге.

«Как помню, прошлогоднего июля
Окрест стояли добрые деньки.
Паломники чрез мост перемахнули
И подались к иконе напрямки.

Всяк нёс с собой хворобину, болячку,
Моление за ближнего в нужде.
С ворот спустили Божью Матерь в качке
И вознесли в шалаш из трёх жердей.

Вокруг толпы природа благолепна:
Щебечут птахи, ясен Божий свет…
Как феникс, восстающий вновь из пепла,
Нагой Василий вышел, тощ и сед.

В глазах его горел нездешний пламень.
Взмахнул рукой – так бьёт одним из крыл
Орёл врагов – с коротким свистом камень
Икону чудотворную сразил!

Трепали кощуна Богдан и Власий,
Емеля помогал – ударь да пни.
Старик хрипел: «Помилуй, Христе Спасе…
С ея ты краски слой отколупни!..»

3

Не люди, а мятущееся стадо.
Ярились – кто ж им вставит удила:
– Нагого вусмерть измохратить надо,
Бить образа – бесовские дела!

Стрельцы ватагой мчались на подмогу.
Один, с козлиной, вострой бородой,
Икону подхватил и краски кроху
Поддел ногтём, открыв начальный слой.

Взлетело вороньё со всей округи –
Загнал их в небо заполошный крик:
«Нечистая икона, братцы, други,
Под матерью с младенцем – адский лик!

Молились Сатане мы…» Трижды битый,
Нагой был поднят сворой палачей:
Чернее смоли впалые ланиты,
Ручьями кровь текла с его плечей.

Меж верой и безверьем – мрак и пропасть.
Не тайный знак, а истина жила
В юродивом, невиданная кротость
Из глаз его на грешных снизошла
И осветила лаской Божьей лица». –
Ярыга смолк и ковш поднёс к устам.
Окликнула стрельца отроковица:
«Нашлась пропажа, сей же час отдам!»

На ледоход весна глядела с кручи –
Тяжёлый бег огромных белых плах.
Потом с небес хвостом смахнула тучи,
И вспыхнули кресты на куполах.

С ПОБЕДОЙ ШЛИ ДОМОЙ БОГАТЫРИ

С победой шли домой богатыри,
Воздав врагу сполна в кровавой сече.
Как верный пёс, лизало солнце плечи,
Чтоб раны чудотворно заросли,
Зарубцевавшись в памяти навечно.
И расстилалась степь рекою млечной,
И тучи мимо киселём текли.

С победой шли домой богатыри.
Седой Баян резные гладил гусли –
Звенели струны, струги жались в устье,
На пир горой купцы дары везли.
Котлы дымились, предлагая снеди.
И, на плетень закинув руки-плети,
Глядела мать на пыльный столб вдали.

С победой шли домой богатыри.
К хлебам солонки ладили невесты,
А на пригорке, что лежит одесно
У стен детинца, дети-снегири,
Разгладив кумачовые рубашки,
Толпились тесно. Пенные баклажки
Отцы из погребов на свет несли.

С победой шли домой богатыри.
Бренчали брони, заглушая топот.
«Ты жив ли, милый?» – уст горячий шёпот.
Баян завёл протяжно: «Гой-еси…»
…Раздался посвист ханский, соловьиный.
Разбойная взлетела в небо сила
И пала игом на хребет Руси…

С победой шли домой богатыри.
В свои степные дымные улусы,
Мир покорив, где храбрецы и трусы
Влачили гнёт века под свист камчи.
Но пел Баян – слепой и вдохновенный –
Свободным словом прожигая вены,
И Муромцы вставали в бой с печи!

ГДЕ ЛЕСА...

Где леса уходят в дали шагом раненых зверей,
Родники моей печали бьют в корнях останков-
пней,
Проливают слёзы горя, затуманив кольца
лет,
И – по гальке: «Воля, воля, – есть ли, нет ли,
есть ли, нет?».

Где соломенные крыши блекнут быстро
от дождей,
Чернозёма ноздри дышат паром потных
лошадей,
Плуг, не меч, вписал в анналы правду болью
в борозде:
«Дань, пузатые чувалы, князю вновь везти
орде».

Где вбирает лак иконы свеч горящих непокой,
Князь Донской порвать оковы клялся, крест
творя рукой,
Под которой сбились рати русских пахотных
земель.
Меч, не плуг, грозился: «Татей ждёт кровавая
купель!»

Где покрыты щёки поля первым пухом вешних
трав,
Пели стрелы: «Воля! Воля!», заглушая гром
булав,
Лязг клинков, треск ломких копий. Дмитрий-
князь поднял полки,
И хоругвь погнала в топи, в реку, в дебри
бунчуки.

Где леса уходят в дали шагом раненых зверей,
Родники моей печали плещут память славных
дней.
Как вопросы убиенных, струи бьют, ища
ответ,
Гальку точат: «Княже, верно, ныне воля... или
нет?».

Роман СЕНЧИН

ДВА РАССКАЗА

НАПРЯМИК

– Да, Валя, да… Не плачь, – кивала мама, отстраняя журчащую голосом трубку от уха. – Да поняла я всё… Поговорю… пришлю… – смотрела, сморщившись, на ковер на стене.

Положила трубку на рычажки старого розового телефона, перевела взгляд на Настю.

– Валентина звонила. Таблетки просила привезти. У неё кончились, а сама не может, плохо ей совсем… Отвезёшь?

Настя только вчера приехала домой после зимней сессии.

Радость от удачно сданных зачётов и экзаменов, родная комната, в которой не была почти пять месяцев, добрый и неспешный разговор с мамой после ужина, глубокий, здоровый сон наполнили Настю свежей силой и энергией, и она без былого канючинья согласилась.

Под настроение дорога до тёти Вали показалась ей быстрой и лёгкой, сама тётя Валя, давно болеющая, озлобленная этой болезнью, – милой и ласковой, как когда-то, когда Настя была маленькой девочкой…

– Я тогда соберу, а ты одевайся, – сказала мама. – У неё и переночуешь. Ладно? А утром – обратно. Ночью не надо, злых полно… Ладно?

– Да, мам, конечно.

Мама принялась хлопотать, Настя засмотрелась на неё… Старенькой стала. Не лицом, не фигурой, а движениями… Хотелось сказать: «Не торопись, мама, не волнуйся». Промолчала. Что ж…

Оделась потеплее под мамины советы – «кофту не забудь, колготки шерстяные», – взяла тяжёленький пакет.

– Там лекарства и еды кой-какой… Валентине-то и до магазина сходить… Ох… Ну, с богом, доченька.

– Пока, мам, – Настя приобняла её, поцеловала в мягкую щёку, – до завтра.

Открыла дверь, но мама удержала, засыпала скороговоркой вопросов:

– Сотовый не забыла?.. Деньги есть на нём?.. А у тебя?.. Дорогу помнишь до остановки?

И Настя почти механически отвечала:

– Да, мам, есть… помню… всё в порядке.

СЕНЧИН Роман Валерьевич *родился в 1971 году в Кызыле Тувинской АССР. После окончания школы обучался в Ленинграде, проходил действительную военную службу в Карелии. В начале 1990-х попеременно живёт в Абакане и Минусинске, работает монтажником сцены в Минусинском драмтеатре, дворником, грузчиком. В 1995–1996 годах в местных изданиях появляются первые рассказы Сенчина. Первые публикации в Москве — в журнале «Наш современник». Закончил Литературный институт. Печатался в «Октябре», «Дружбе народов», «Новом мире», «Знамени», «Урале», «Авроре» и других.*

Автор романов «Минус», «Нубук», «Ёлтышевы», «Информация», сборников рассказов «Иджим», «День без числа», «Абсолютное соло» и др.

В 2009 году роман «Ёлтышевы» входит в шорт-листы главных литературных премий России — «Большая книга», «Русский Букер», «Ясная Поляна», «Национальный бестселлер». В 2015 году роман «Зона затопления» получил третью премию «Большая книга». Живёт в Москве.

– И осторожней, пожалуйста. Не разговаривай с кем попало. Всякие лезут…

– Хорошо, конечно…

Сбежала по лестнице, вышла на улицу. Облегчённо выдохнула. Мамина забота, такая дотошная и навязчивая, не раздражала уже, как раньше, но утомляла. Да и смешила чуть-чуть. Ведь как-то же полтора года по пять месяцев она живет без пригляда мамы, нормально питается, одевается, но стоит ей вернуться, и мама следит за каждым шагом, даёт и даёт советы. А скажешь ей об этом хоть и с улыбкой – обидится… Ничего, пусть: в этом, наверное, и смысл жизни матерей – заботиться…

Их город совсем небольшой, но своего рода столица нескольких районов. Здесь и все важные учреждения, и межрайонная больница, театр, музей… Есть и автовокзал, откуда пазики уходят развозить и собирать пассажиров по ближним и дальним посёлкам, селам, деревушкам. Правда, пазики ездят редко – в основном по утрам и вечерам. Днём их заменяют «газели»-маршрутки. И Настя направилась к той остановке, куда причаливали «газели», что заворачивают в то сельцо, где живёт тётя Валя.

Тётя Валя, мамина сестра, была последней обитательницей громадного родового дома. Одни из этого рода разъехались, другие умерли, а тётя Валя вот остаётся. Ясно, что ей там одиноко – соседи не родня – тоже хочется в город, но дом в медленно гибнущем сельце стоит копейки, здесь и на развалюху на окраине не хватит, не говоря уж о квартире.

Как одинокая пенсионерка и инвалид тётя Валя подала документы на социальное жилье в городе – однокомнатную квартирку, которую нельзя ни продать, ни завещать и в которую после умершего пенсионера-инвалида вселится следующий, – но очередь была длинной, и в то, что ей удастся дожить до новоселья, тётя Валя не верила.

Настя догадывалась: сёстры тайком мечтали, что она выйдет замуж в том городе, где учится, поселится у мужа, конечно, хорошего, интеллигентного, обеспеченного, а тётя Валя переедет к Настиной маме. И они будут вместе. Пить чай, смотреть телевизор, беседовать, ждать, когда их навестит дочка и племянница.

Личная жизнь у обеих, что называется, не сложилась. Были мужчины, но они не стали мужьями. У мамы хоть появилась она, Настя, а тётя Валя совсем одна.

Прямо скажем, красавицами они не были. На старых фотографиях Настя видела коренастых, с какими-то испуганными глазами, жидковолосых, тонкогубых девушек. Одежда мешковатая, плечи опущенные… О таких всегда говорят: дурнушки.

Настя и у себя отмечала черты таких дурнушек и старалась поддерживать фигуру, осанку, быть обаятельной. Знала, что красоту можно восполнить симпатичностью, стильностью. Главное, не переборщить, – в общаге легко если и не стать, то прослыть шалавой. Навесят этот ярлык, и шагай с ним дальше по жизни.

Девушке нужно быть всегда настороже, опасаясь не только окружающих, но и себя саму. Многих, очень многих заносит, а потом уже ничего не исправишь. Или уезжай в другое место, где тебя никто не знает, или принимай предложение какого-нибудь удода, который, как говорится, ни туда-то, ни в Красную армию…

Так, вот и остановка. Под навесом из пластикового стекла и рядом с ним стояли-топтались – скамейка сломана – человек пятнадцать. Мужчины, женщины. Настя сразу без усилий определила, кто местный, а кто из деревень. Даже не скажешь, чем именно различаются: одежда вроде одинаковая, сумки тоже, да и лица похожи. Но всё же видно: вот эта из деревни приехала на два часа, а эта горожанка в первом или втором поколении.

Подошла «газель», но не та, что была нужна Насте, – эта петляла здесь, по улицам. И те, в ком угадывались жители города, забрались в неё. «Не обмануло чутьё», – похвалила себя Настя… Маршрутка тронулась, оставшиеся провожали её завистливыми и злыми глазами.

Было холодновато. Дым из выхлопных труб закручивался спиралью, пах черёмухой…

– Уже полчаса ждём, это ж надо! – вскрикнула высокая, большая женщина с большой клетчатой сумкой у ног. – Не могут расписание вывесить!

– Да какое тут расписание, – пританцовывая на утоптанном до каменной плотности снегу, отозвался дядечка в шубе из искусственного меха. – Это ж пираты.

Другой, помоложе, в тонкой куртке, буркнул:

– Какие, мля, пираты ещё?

Видимо, уловив в его голосе угрюмую угрозу, тот, в шубе, стал объяснять:

– Незаконно они возят. Проедут по остановкам, наберут, кто есть, – и погнали. Ни билетов,

ничего… Могут вообще сюда не завернуть… Автовокзальские сколько раз, слыхал, сулились поймать да поучить.

– Они поучат, – хмыкнула женщина в ярко-красном шерстяном берете. – Все они повязаны там… Вот второй месяц в аптеку мотаюсь и добиться не могу, будет моё лекарство или сняли его окончательно.

– А что за лекарство-то? – спросила большая женщина.

В красном берете сказала что-то тарабарское – Настя не разобрала, а большая испуганно-приглушённо, как по секрету, сообщила:

– Это ж гормональное!

– И что? – наоборот громко усмехнулась в красном берете. – Я уж своё отрожала. Трое олухов на шее. Жрут и спят.

«Бедная, – глядя на её сухое сероватое лицо, подумала Настя. – И все на лекарствах».

– А позвонить не легче? – спросил молодой симпатичный парень в чёрной шапочке.

– Куда позвонить?

– В аптеку. Узнать, есть в продаже, нет…

Женщина в красном берете отмахнулась:

– А, что толку…

На долгую минуту остановка замерла и замолчала. Как-то окаменело замерла и замолчала. Люди не двигались; Настя готова была испугаться и поводить перед лицом ближайшего рукой: эй, ты где… Но тут парень шевельнулся, кивнул:

– Ну да, толку мало.

– Да не мало, а нету. Нету! – в голосе женщины в берете послышались слёзы. – Последние нервы лопнут гудки их слушать.

– Ну да, ну да…

Настя наблюдала за людьми, ловила интонацию их голосов, их взгляды, и ей все сильнее становилось их жалко.

«Наверное, это после месяцев в большом городе, лекций, общения с умными и образованными людьми, – пыталась понять она. – Великие события истории, великие личности, кровавые бунты, гиль, реформы… И вот этот десяток человек на этой остановке, одной из тысяч подобных остановок по стране, где так же толкутся по десять, двадцать подобных, – они словно вне истории, вне времени. Кажется, могут так стоять и вяло жаловаться друг другу бесконечно. И морозец – не очень большая помеха. Привыкли…»

Но в дали улицы показалась пассажирская «газель», и люди мгновенно подобрались, стали скапливаться, прессоваться на том пятачке, возле которого обычно останавливались автобусы.

Даже слегка подпихивали друг друга локтями и бедрами.

И в Насте проснулось вроде бы надёжно забытое, вымывшееся полутора годами учёбы, и она тоже принялась пробираться ближе к бордюру, мягко, но решительно оставляя за спиной других. Очень не хотелось минут сорок стоять, скорчившись в проходе «газели», или вовсе не влезть…

Это была не та «газель». Городской маршрут. И Настя почувствовала что-то вроде злобы к городским; к тем, кто через несколько минут выскочит из этой «газели» возле своего дома и окажется в тепле и уюте… Эта пугающая её, но непреодолимая злоба не успела разрастись – подошла нужная маршрутка, с вывеской на лобовом стекле: «Большие Кныши». Значит, едет до этого села, по пути останавливаясь в десятке других: Ине, Шошине, Ойхе, Шалоболине… Заворачивает и в нужную Насте Новопокровку.

Настя забралась в «газель» одной из первых, и ей повезло – заняла сиденье. Однойное, над бугром колеса. Ногам неудобно, поэтому, видно, туда и не садились до последнего… Ничего… Кое-как устроилась, положила на ноги пакет. Рядом буквой «г» встал и сердито засопел дядечка в искусственной шубе.

«Газель» тронулась, проехала метров десять и остановилась.

– Деньги передаём, – сказал водитель.

Пассажиры зашуршали.

– Передайте…

– Докуда едете?

– До Шошина.

– А я до Ини.

– До Шошина ещё вот возьмите.

– До конечной…

Настя достала кошелёк. Спросила:

– А до Новопокровки сколько стоит билет?

И тут же – расстроенный и удивлённый вздох:

– Что, ещё и в Новопокровку завёртывать будем?

– С полчаса терять, – откликнулся кто-то ворчанием. – Там ещё и дорога такая – трясун.

– Да уж вечно что-нибудь…

Ещё не поняв, что значат и чем грозят ей эти вздохи и ворчание, Настя повторила:

– Сколько до Новопокровки?..

– Да нисколько! – выкрикнула большая женщина с крепкой, ударившей Настю, как камень, ненавистью. – Не заворачивает он туда.

Большую с готовностью поддержали:

– Напрямик он идёт, без Покровки этой…

– Как это не идёт?! – возмутилась Настя, теребя кошелёк. – Всегда заходил…

– Ещё есть кто до Новопокровки? – громко спросила большая; никто не ответил, и она торжествующе объявила: – Вот, нету никого. И ему ради одного крюк такой делать?

– Действительно, – хмыкнул стоявший над Настей дядечка в шубе. – Вылазь давай, на автовокзальском доедешь.

– Не задерживай! – сзади её ткнули в спину.

– Во… – Настя задыхалась от обиды и растерянности. – Водитель… вы заезжаете в Новопокровку?

Водитель не ответил. То ли не слышал за общим шумом, то ли не хотел услышать.

– Ну выходишь ты, нет? – досадливо простонала женщина в красном берете, и её стон особенно поразил Настю. От этой женщины, которую успела пожалеть на остановке, не ожидала…

– Сволочи! – вырвалось.

– Ишь ты! Она ещё и оскорблять тут будет!

– Ну-ка вылазь, хамка такая, а то как кошку лишайну вышвырнем!

– Вставай, чего… – дядечка в шубе больно потянул Настю за плечо. – Сколько можно…

– Не трогайте меня!

– Да кому ты сдалась, – хохотнула большая женщина, – трогать тебя ещё.

– Королевна, мля…

– Да пошли вы, уроды, блин!

Захлёбываясь слезами, текущими почему-то не из глаз, а по горлу, Настя стала выбираться. Зацепилась правой ногой за колёсный бугор, чуть не упала в проход.

Неуклюже, наклонившись вперёд, двигалась, переступая через сумки, к двери, которую ей открыли, и сквозь обиду и оглушённость произошедшим удивлялась наступившей тишине. Показалось, что на неё смотрят даже с сочувствием. Сейчас скажут: «Да ты чего, мы ж пошутили!»

Нет, не сказали… Она спрыгнула на снег на газоне; дверь с шумом задвинулась и щёлкнула, маршрутка сорвалась с места.

– Уроды… Сволочи…

Высоко поднимая ноги, Настя вышла на тротуар, достала из кармана сотовый, посмотрела время. На тот автобус, что отходил от автовокзала, она успевала.

ОБИДА

– Игорёнь, ты, чё ли?! – рубануло сзади Игоря Кочкарёва.

Он обернулся, увидел невысокого сухолицего мужичка. Лоб и нос словно покрыты тёмным лаком, а подносье, скулы – тусклые и бледные до синевы. Морщинистый пиджак, старомодная шляпа с дырочками… Мужичок улыбался, обнажив закопченные мелкие зубы, и по этим зубам Игорь узнал Коляна – Николая Вахрушина.

За долгую секунду перед глазами проплыл их уютный кордон в ущелье Узунчула, пасущиеся под водопадом лошади, карабины, прислонённые к поленнице, дымящаяся в котле уха из ленков…

– Колян, – проглотив взбухший в горле сладковатый комок, Игорь кинулся обнимать мужичка. При всех, на людной улице, не заботясь, что о них подумают. – Куда бороду дел?

– Да куда… Неловко с ей в Москве.

Кого-кого, а Коляна представить в большом городе он не мог. Тот и в крошечную Абазу выезжал нехотя, по самым неотложным делам.

– Да вот, – усмехнулся Колян, будто радуясь, что обхитрил Игоря, – дочку контролировал. В институт поступала.

– М-м! В лесной?

– Зачем в лесной – в социальный. Знаешь такую профессию – конфликтолог? Вот, конфликтологом будет. Перспективная, говорят, профессия.

– Молодцы-молодцы… – Игорь глянул туда-сюда, соображая, где можно поговорить с Коляном спокойно; не посреди же тротуара. – Слушай, тут хинкальная есть. Давай зайдём… Ты надолго вообще?

Колька снова показал в улыбке прокопченные зубы:

– Был надолго, но завтра уезжаю. Дочка поступила, пристроил её у хороших людей – комнату снял. Учёба бюджетная… Ритка у меня головастой оказалась, даже не ожидал. Вроде в тайге всё, а тут – только в Москве, говорит, буду учиться. И по этому ЕГЭ кучу баллов набрала. Откуда только понабралась…

Колька, конечно, лукавил. Дикарями они там никогда не жили. На крыше – телевизионная тарелка размером с локатор, в избе все стены спрятаны за стеллажами с книгами.

Да и не одна Колькина семья была там такой. В непролазной, казалось бы, глухомани,

в медвежьем углу, неподалёку от тех мест, где сорок лет пряталась от мира семья староверов Лыковых, жили почти сплошь люди с высшим образованием, читали литературные журналы, ловили радиостанции Европы и Америки, дискутировали о любых вопросах бытия.

Съезжались в горы, в тайгу разочаровавшиеся геологи, физики-ядерщики, архитекторы, уставшие инженеры, менеджеры, бросившие компьютеры программисты. Одни устраивались охотниками, лесниками, другие заводили своё хозяйство, потихоньку, бережно браконьерничали…

В девяносто восьмом году туда, в глубь Саян, приехал и Игорь Кочкарёв, москвич, выпускник Литературного института, молодой писатель. Понял, что в Москве ничего настоящего не создаст, и решил рвануть куда подальше.

Понравилось слово «Абаза», замеченное на карте России; рядом был Енисей, великая сибирская река, внизу – Монголия, которой тогда, после книг Пелевина и Юзефовича, бредила вся столичная интеллигенция.

Почти пять лет, с короткими наездами домой, к маме, Игорь прожил там. Там и сделался настоящим писателем, запасся материалом на многие годы вперёд, а главное – стал видеть мир шире, жить глубже. Нашёл свой стиль, героев своих повестей и рассказов… Нет, даже не столько героев, сколько типажи – когда писал совсем не о Сибири, не о таёжниках, всё равно проступала и Сибирь, и эти люди, сторонящиеся мегаполисной суеты, знающие другую правду, кроме правды зарабатывать денег, менять автомобили, обновлять по моде гардероб, покупать дорогие безделушки, пить кофе за тысячу рублей чашечка в пафосном ресторане…

Проникшись, пропитавшись этой другой, настоящей, правдой, Игорь вернулся в родную Москву, женился на скромной, без идиотских запросов девушке с Пресни; родили дочь, жили в двухкомнатной квартире с мамой Игоря. Жили дружно, размеренно, как-то со смыслом.

Игорь, насколько это возможно нынче в серьёзной литературе, прославился своими таёжными текстами; вещи на городскую тему укрепили его статус настоящего писателя. Не так давно вышел сборник рассказов на французском языке, и Игорь два раза подряд побывал в Европе – в Париже и Женеве.

С деньгами бывало туго, но не так беспросветно, как в студенческие годы – теперь Игорю, известному прозаику, часто предлагали написать то статью о том о сём, то колонку в какой-либо интернет-портал, то подкидывали халтурку – отрецензировать рукописи, принять участие в писательском десанте в провинцию, провести мастер-класс, естественно, не бесплатно…

– Пойдём посидим, – Игорь потянул Коляна за рукав, – вон хинкальная в двух шагах.

– Ну пойдём, – улыбался Колян смущённо и довольно.

Спустились в хинкальную. Сели. Официантка тут же раскрыла перед ними папочки с меню.

– Давай без церемоний, ладно? – предложил Игорь. – По порции хинкали и бутылку водки.

– А я не пью, – сказал Колян.

– Совсем?

– Совсем, Игорёк, совсем…

– М-да, – Игорь растерянно мялся. – А есть-то будем?

– Ну давай перекусим. Бери эти хинкали – хватит. Попробую хоть, чем от поз отличаются.

Игорь заказал хинкали и кувшин морса.

– Я тоже вообще-то не выпиваю почти, – сказал, когда официантка отошла, – ради встречи хотел… А ты что бросил так круто?

– Да так… Полтинник на носу – чего пить, время тратить? Да и… Помнишь Витальку Сысоева?

– Ещё б! Он же меня учил в седле держаться.

– Ага-ага… А Толика Малыгина?

– Колян, я всех помню. Все вы у меня накрепко в сердце.

Сказав эти неожиданные для самого себя высокопарные слова, Игорь кашлянул; Колян покривил рот в улыбке. Какой-то нехорошей улыбке.

– Ну так вот, – произнёс медленно. – В посёлке это было, позапрошлой зимой. В декабре. Такие морозы давили – даже соболятники раньше времени из тайги вышли – невозможно просто… Ну и собрались все в посёлке. И чего делать? Пили. Когда кучей, когда по двое-трое. Ну и Виталька с Толиком как-то вдвоём у Витальки засели. И чего-то у них там стряслось – Толик пошёл, калиткой хлопнул, а Виталька – шарах ему вслед из ружья. Ну и… – лицо Коляна собралось в сморщенный комок. – И отшиб ему челюсть. Верхние зубы торчат, а под ими – пусто. И язык тоже… Мы услыхали выстрел, повыбегали. Медведь опять, думали, а тут Толик по улице мечется, кровь хлещет, из глотки хрип такой… жут-

кий. Фельдшерша с тётками стали ему кровь останавливать, а мы ищем, откуда стрельнули. И тут второй выстрел. Из Виталькиной ограды. Вбегаем туда, пригибаемся так, боимся, что по нам тоже… Нашли его в стайке, короче. Сидит, на коленях ружьё, а башки нет… Ф-фу-ф… И у обоих полные избы ребятишек остались.

Колян замолчал, водил по скатерти толстым коричневым ногтем. Игорь не знал, как отозваться. Выдохнул сочувствующе:

– М-да…

В последние годы, живя в Москве, он стал идеализировать народ, жизнь в далёкой провинции. Его даже причислили к почвенному лагерю писателей; Игорь не протестовал. Полюбил свою такую народную фамилию – Кочкарёв. А сейчас, после Колькиного рассказа, вспомнилось, сколько раз он становился свидетелем диких и безобразных сцен, сколько раз ему грозила смерть или увечье от тех, кого он считал товарищами, а то и друзьями. Ещё минуту назад улыбался, а теперь уже скалится и готов порвать на куски.

Как всё-таки верны эти жестокие слова Виктора Астафьева: русский тебя чаем напоит, пригреет, но он же тебя и прирежет, если будешь ложечки тырить… И сколько за эти разнообразные ложечки людей ложится в могилы. А чаще всего кажется людям, что ложечки тырят. И режут…

– Ну и по-трезвому можно так же нелепо погибнуть, – сказал Игорь.

– Ясное дело. Но по-пьяни больше шансов. И не дай бог другого угробить… Нет, лучше не пить.

Принесли морс.

– Что ж, давай хоть этим чокнемся. – Игорь разлил морс по стаканам.

– Дава-ай… К нам-то не собираешься?

– Собираюсь. Уж сколько лет собираюсь. Но как – семья, дочка маленькая… Хотя в один прекрасный день не выдержу.

Колян снова покачал головой. Произнёс както через силу:

– Ты, Игорень, это… ты лучше не приезжай.

Игорь вздрогнул, как от удара.

– Почему это?

– Лямова дядь Юру помнишь?

– Ну, – от Коляновой просьбы стала бухнуть в груди злоба, даже дышать стало трудно. – Помню. И что?

– Обижен он на тебя здорово. Обещал, эт самое, яйца вырвать.

– Х-хо! И чем же я его так разобидел?

– Внучку его помнишь, Ольку?

Игорь резко, со стуком, поставил бокал на стол.

– Я тебе сказал уже – я всех помню… И что?

– Ты в рассказе одном нехорошо про неё написал. Что, мол, она какого-то поведенья такого… Помнишь?

– Про неё писал, да. А про её поведение… – Игорь задумался. – Нет, не помню.

– Ну, что-то было, если так получилось. – Покряхтев мучительно, Колян продолжил выдавливать из себя слово за словом: – В общем, прочитали тогда тот твой рассказ и стали к Ольке подкатывать. Типа, она гулящая. А она не выдержала и то с одним, то с другим… И так пошло… Ей уж лет двадцать пять теперь, и никто замуж не берёт. Дядь Юра тебя, в общем, винит.

– Хм! – Игорь усмехнулся и сам ощутил, что усмешка получилась, как тот страшный оскал у взбесившихся мужиков. – Странные вещи ты говоришь, Николай.

– Ну, извини. Передаю, что знаю. Дядь Юра сколько раз: «Встречу этого сочинителя хренова – яйца с корнями вырву». И серьёзно так… Он может.

– Он может, – машинально повторил Игорь, словно бы перелетая по какой-то пёстрой трубе на семь-восемь лет назад.

И вот увидел: маленький – дворов двадцать – посёлок Чехан; последний посёлок перед дикой тёмной тайгой, в которой лишь редкие заимки, кордоны, зимовья, трухлявые брёвна брошенных скитов сгинувших староверов.

У Лямовых – дяди Юры и его жены Сергевны – Игорь три года снимал времянку… Это она так называлась только – времянка, а на самом деле была маленькой избушкой с двумя окнами, одной комнатой, служившей Игорю и кухней, и спальней, и кабинетом… Положил на толстые высокие чурбаки обрезок широкой плахи и за этим подобием стола (настоящий стол был под посудой, да и расшатанный, скрипящий от любого прикосновения) писал. Учился писать настоящую прозу.

В общей сложности, если посчитать, он провёл в лямовской времянке месяцев пять-шесть из этих трёх лет, – подолгу жил на кордонах, кочевал с лесниками и геологами по горам и тайге, но, вспоминая свою жизнь в Сибири, чаще всего вспоминал вечера и ночи за самодельным

письменным столом, сидение на лавке во дворе в той приятной истоме, которая бывает у хорошо поработавшего, много сделавшего, что-то важное сотворившего человека.

Конечно, с тех пор Игорь стал писать много лучше. Профессиональнее. Но теперь, в Москве, этого ощущения приятной истомы, а может, и счастья после часов вдохновения, почти не случалось. Да и вдохновение приходило какое-то деловитое, без крыльев…

И так радостно было, когда во дворе оказывалась Олька. Девчонка лет шестнадцати. В Нижнем Артасе, где была школа, она окончила девятилетку, а после жила у деда и бабки. Помогала по хозяйству и скучала в этом крошечном посёлке. Отца у неё не было, а про мать – свою дочь – старики Лямовы говорили: «Непутёвая». Игорь расспрашивать не решался…

Сидя на лавке, он любовался Олькиной юностью, сочувствовал её скуке. Иногда они перешучивались, Игорь рассказывал Ольке о Москве, Чёрном море… Никогда между ними ничего не было, даже тех взглядов, какими самец обменивается с самкой. Но в одном своём рассказе Игорь дал себе волю пофантазировать. Казалось, не переборщил: Ольгу, переименованную в Ирку, посадил на колени герою рассказа. И вот, оказывается, узнали, потянули руки к якобы доступной Ольке, и она покатилась. А дядь Юра обиделся… Там, в тайге, обида другая, чем здесь…

– Ваши хинкали, пожалуйста. – Официантка поставила большие тарелки, на которых было по три хинкалины и по мисочке с соусом.

– Спасибо, – сказал Игорь.

Официантка неожиданно светло улыбнулась.

Это была молодая русская девушка – уже нечастое явление в заведениях такого рода. Русских продавщиц и официанток почти всюду заменили или кавказские, или узкоглазые – то ли калмычки, то ли киргизки…

– Как их есть-то? – примериваясь, шевеля пальцами, спросил Колян.

– Ну вот за эти пупырышки берись и ешь, – с усилием сказал Игорь. – А пупырышки сами – не надо. Там тесто одно... непроваренное, – и добавил: – Зачем ты, Коль, мне это всё рассказал? Про дядь Юру, Ольку… Я ведь… Я после этого, может, писать никогда не смогу. Подлость я, получается, сделал.

Колян с недоумением посмотрел на Игоря.

Алексей ПЕТРОВ

И НЕСЕРЬЁЗНО ТАК, ЧТО ВСЁ ВСЕРЬЁЗ

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Проснись и задержи дыхание,
Замри зародышем-козявочкой,
Понаблюдай, как расстояния
Со временем свернутся в трубочку.

И ты услышишь невозможное,
Как у тахты вздыхают тапочки,
Глухое шарканье прохожего,
Что первым побредёт по улочке,

Как воскресенье запоздалое
Наполнится осенней ленью и
Соседи ждут под одеялами,
Когда же включат отопление...

ТАК

Так, капля за каплей, летящей вниз
на чей-то пиджак, на асфальт, карниз,
за радугой, воткнутой в горизонт,
за тем, кто сейчас открывает зонт,
скрываются рваные ветры роз
и солнце, заплаканное до слёз...

СРЕДНЕВЕКОВОЕ

Раздавались ох да ах
По лихим окрестностям,
В фешенебельных домах
И на сельской местности.
По оврагам и кустам
Да вдали за речкою…
Обошлось не без костра
С юными сердечками.

Закипала дымом кровь,
Да в таких позициях...

Это я не про любовь,
Я – про инквизицию.

АФРИКА

Лоснилось солнце чёрным,
Вздымалось небо белым,
И рыжим отливали
Пружиночки волос,
Мы были ни при чём, но
Тянулось тело к телу
Свирелью сатурналий
И пением стрекоз.

А ты была рабыней,
Не знающей хозяев,
Сбегающей по коже
Счастливою слезой
От знания, что были
И слишком много знали,
Чтоб просто не тревожась
Уснуть перед грозой.

ПЕТРОВ Алексей Владимирович *родился в 1973 году в городе Черемхово Иркутской области. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «День и ночь», «После 12», в коллективном сборнике «Поэты университета», автор книг стихов «Кардиограмматика», «Танец алхимика». Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.*

Я бредил про однажды,
Шептал, что всё срастётся
И, что в Сибири, клялся,
Такая же жара,
Испытывая жажду,
Закатывалось солнце,
И вдалеке качался
Колодезный жираф.

* * *

Киру Ленникову

Течёт рекою за годом год, и тихо стучат часы,
То бодро ходят усами вверх, то вниз опустив усы.
И время капает, как вода, и сыплется, как песок.
Здесь проще некуда, господа, вот – палка, вот – колесо.

Но если правильно заглянуть под брови усталых крыш,
То сразу ясно, где видишь сон, а где бесполезно спишь.
И слышно чётко, как трётся фа о старый скрипичный ключ.
Кому-то плохо, кому – лафа, кому-то и пух колюч.

И коли поразмышлять всерьёз о времени, что идёт,
То можно просто сойти с ума, а можно – наоборот.
И время скачет, как детский мяч, и тянется, как резин…
А стих дописан. И через час. Откроется магазин.

* * *

Инке

Как будто дождь. И он, увы, прошёл.
Не разуваясь.
Здесь не безумно. Просто хорошо.
И не стараясь.

Ни темноты, ни смерти не боясь,
В глазу у кошки
Возможно жить и жить, не торопясь,
По чайной ложке.

Полцарства нет, но я ещё герой
И конь на троне,
И дворник с бородатою метлой
Твой сон не тронет.

Здесь кошка-ночь с подпалинами звёзд
Легла на крыши.
И несерьёзно так, что всё всерьёз,
Пока ты дышишь.

МЕЧТА ДЛЯ АБРАМОВИЧА

Засыпая, Ромка мечтал о разном. И о машине времени, и как бы здорово было полететь куда-нибудь на космическом корабле, или ещё того лучше – на Фиджи. И даже о волшебной палочке, бывало, хотя был Ромка, признаться, мечтателем далеко не малолетним. Правда, мечты от этого к реалиям приближались ненамного.

– А вот подарил бы мне, – подумал Ромка, – тёзка Абрамович или там «Какой-Нибудь Билл Гейтс» миллион долларов, а лучше два. Хотелось бы, конечно, миллиард или хотя бы четвертинку миллиарда, но, согласитесь, миллион долларов, он куда как реальнее миллиарда.

Да и не знал Ромка, что будет делать с миллиардом, а с миллионом знал. И, да… Подарили чтоб не просто так, а прочёл бы Абрамович или «Какой-Нибудь Билл Гейтс» Ромкины стихи или рассказики, поразился бы их талантливости, смахнул скупую мужскую со щеки и подарил.

О том, что Абрамович или «Какой-Нибудь Билл Гейтс» стихов не читают, Ромка предпочитал не думать. Просто вероятность того, что прочтут, мала. А так они совсем не жадные, как думают некоторые, а просто очень занятые. И им некогда искать в интернете Ромкины стихи, чтобы поразиться их талантливостью, а так бы обязательно. Обязательно подарили.

Ромка тут же купил бы коттедж где-нибудь в окрестностях своего не самого большого города. В месте, что принято сейчас называть «город-спутник». Ну типа Солнечной Опушки. С аккуратными улочками и чистым воздухом. И чтоб не до фига комнат, но обязательно гостевая спальня, камин, бильярд и два холодильника.

А ещё лучше сразу скопом, штук двадцать коттеджей купить, и чтоб все рядышком. Друзьям раздарить. О их планировке Роман думал ещё меньше чем о своей, ну тут оно и понятно. У друзей у самих голова на плечах, сами разберутся, где мангал поставить. Так и зажили бы большой улицей. И соседи незнакомые не беспокоят, и в гости друг к другу ходить не далеко.

А Ромка тем временем бросил бы работу, но не сразу, а подошёл бы к нравящейся ему девушке Даше из соседнего отдела и позвал жить к себе. Но без всяких задних мыслей, а просто потому, что друзья и ему нужна домработница, у которой была бы единственная обязанность. К примеру – готовить для собаки и кормить её вовремя. Потому, что у Ромы, конечно же, со свалившимся капиталом появится много неотложных дел и собаку он вовремя кормить не сможет. А Даша собак любит. А в остальное время, свободное от кормления, пусть делает всё что хочет, всё равно домоседка. Хочешь – в игры играй, хочешь – кино смотри. Хочешь – в бассейне купайся. (Ромка быстро достроил для Даши удобную комнату и бассейн.) А потом...

А потом можно будет отдыхать, перечитывать любимые книжки вслух, пересмотреть все любимые фильмы, и неожиданно Даша поймёт, что Рома тот самый-самый, и родит ему двоих пацанов...

Ромка долго думал, как они назовут близнецов, но так и не решился называть их без Даши. Но, чтобы облегчить ей поднятие только что вылупившегося поколения на ноги, он нанял десять квалифицированных нянь, поцеловал счастливую супругу и пошёл строить дельфинарий.

Дельфинарий должен быть обязательно крытым и просторным. А рядом ещё надо будет построить летний аквапарк. Впрочем, аквапарк – это раз плюнуть. Уже, считай, построили. А вот с дельфинами сложнее. Это же и специалисты нужны, и дельфинов как-то надо в Сибирь доставить, чтобы им было комфортно. И, самое главное, сколько брать? Ромка сошёлся на четырёх бутылконосах и четырёх чёрных афалинах. Чтобы им не было скучно.

Сыновья росли так и не названными, а Даша так вообще на некоторое время была забыта. Но дельфины – они же умные, как люди. Я бы даже сказал, умнее, поэтому дрессировка им не потребовалась, и уже спустя какое-то условное, а в мыслях и вовсе незначительное, время, потраченное на постройку и обустройство, состоялось открытие дельфинария. И все на него пришли. И было просто здорово. Дельфины прыгали из воды, а дети смеялись. И, да… Вход в дельфинарий и аквапарк детям бесплатный!

Поначалу Ромка хотел сделать бесплатным вход для всех, но прикинул, что денег, судя по всему, уже почти не остаётся, ибо постройка и содержание приличного дельфинария в Сибири – штука наверняка невероятно дорогая. Так что пусть худо-бедно отбивается хотя бы живая сельдь и прочая скумбрия. А мороженой Ромка своих дельфинов кормить не собирался.

Он уже собрался устыдиться своей мелочности, но тут в дельфинарии к нему подошла его бывшая жена. Она привела туда его дочь. Уже почти взрослую. Ей уже, должно быть, лет семь-восемь. Дельфинарий построить – это же год минимум...

И всё было бы... Естественно. И почти никому не больно. Ромка бы подружился с дочерью, а она с младшими братьями и с Дашей. И приезжала к отцу всё чаще и чаще, а может, и осталась на «Солнечной Опушке» жить с отцом и новой семьёй, потому что тут школа лучше, а на школу ну точно от миллиона или двух после дельфинария осталось.

А у бывшей... У бывшей пусть тоже будет всё хорошо. Но чтобы она всё увидела и поняла. И осознавая, что ошибалась, чуть-чуть кусала локти...

Уже засыпая, уставший после дельфинария и вернувшийся мысленно домой с Дашей и детьми, Ромка успел подумать о глупой невыполнимости своей мечты. А потом представил, что где-то там, далеко, Абрамович или «Какой-Нибудь Билл Гейтс» лежит и не может заснуть. И мечтает. Мечтает о том, чтобы у него была мечта. Эта мысль почему-то его успокоила, и их даже стало немножко жалко.

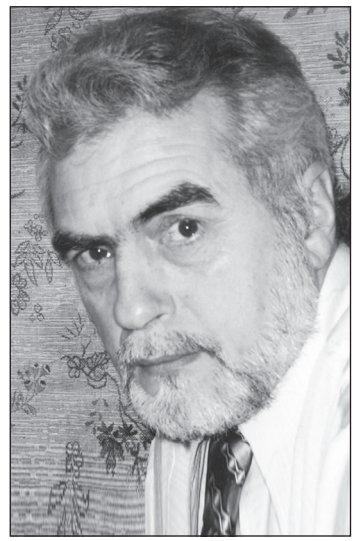
Ромка спал и улыбался во сне. Возможно, ему снились один или два миллиона долларов, девушка Даша с безымянными карапузами или дочь Аля. Никто не знает. Думаю, ему снились дельфины...

ПОКОЙНЫЙ МУЖ

Батя мой, работая уже в Кемерове на КЭМЗе, знаком был с одной замечательной тётенькой. Тётенька заведовала кандейкой с краской и прочим хозинвентарём. Как эта должность называется, я вспомнить затрудняюсь, но их обычно называли бабой Зиной или, там, бабой Валей, не в этом суть...

И был у бабы Зины перед кандейкой маленький кабинет и стол. И на столе стояла фотография. Батя каждый раз смотрел на неё и думал, какая баба начитанная, а с виду и не скажешь. А потом как-то не выдержал и спросил: «А кто это?» На что баба Зина с гордостью ответила: «Это мой покойный муж».

Батя мой – человек деликатный и сдержанный, поэтому ни один мускул не дрогнул на его лице. А Хемингуэй на фотографии, кажется, улыбнулся...



Сергей ЧИНЯЕВ

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ СТАРОГО ТАНКА

Рассказ

Досадно, что сам я немного успел,
Но пусть повезёт другому.
Выходит, и я напоследок спел:
«Мир вашему дому!»...

В. С. Высоцкий

Случилась эта история в серёдке прошлого века – после войны, в пятидесятом. Время тогда было, конечно, трудное, но интересное – дух оптимизма и уверенности в завтрашнем дне витал над страной Советов. Выстрадав и одержав Великую Победу, огромная страна возвращалась к мирному созидательному труду. Перестраивалась на новый лад тяжёлая промышленность, отстраивались города, и набирал рекордные обороты второй этап индустриализации страны. И уж, конечно, этот послевоенный трудовой ритм требовал огромных минеральных ресурсов. А посему геологи в те времена трудились, как говорится, с огоньком, ведь труд их был весьма востребован и почётен – искали они схороненные в недрах богатства, не считаясь ни с трудностями таёжного быта, ни со всякого рода лишениями. Случались тогда, конечно, перебои в снабжении экспедиций продуктами и снаряжением, но особо остро чувствовалась в геологоразведке недохватка гусеничной техники; выбить в тот трудный период лишний трактор в главке – дело было чрезвычайной сложности.

Но в то время с запада на сибирские сталеплавильные заводы, в том числе и на Кузнецкий металлургический комбинат в Сталинске, продолжала поступать на переплавку отвоевавшая уж своё, порой изувеченная на полях сражений, а нередко и до черни обгорелая военная техника. Эти отголоски войны прибывали на КМК целыми эшелонами, и мартеновские печи завода просто не успевали переработать такое количество металлолома. Возле копрового цеха и даже за его пределами росли груды искорёженной боевой техники. Этих трофеев было так много, что они занимали довольно обширную площадь, растянувшись от Куйбышевского моста до старого здания СМИ. Чего только не было на этом скопище: пушки, самоходки и, конечно, танки. Поникшими казались теперь грозные когда-то германские монстры: «тигры», «пантеры», «фердинанды»; печально выглядели и наши прославленные в боях бронемашины.

Зрелище, конечно, было шокирующим: молчаливые, израненные железные рыцари, прибывшие с полей сражений, где они насмерть противостояли друг другу, грудились теперь в одной свалке. Они, теперь ставшие никому не нужными, ждали своей незавидной доли – одной для всех. Зрелище это чем-то напоминало ожидающих казни фивейских легионеров на Марсовом поле.

А ведь над созданием этих танков работали лучшие конструкторы – ночей не спали, колдо-

---

ЧИНЯЕВ Сергей Викторович *родился 3 октября 1953 года в селе Терёхино Новокузнецкого района Кемеровской области. Служил в армии. В 1981 году окончил Томский государственный университет. Отработал в полевой геологии более тридцати лет. Прошёл путь от маршрутного рабочего до главного геолога. Работал в Монголии.*

Печатался в областной газете «Край», журнале «Огни Кузбасса». Живёт в Кемерове.

вали, душу вкладывали в эти машины. Но после «рождения» их сразу направили на нещадную бойню, – а они что, они лишь машины, они лишь выполняли волю человека. Теперь они ожидали от человека своей последней участи… Резали танки автогенами и кусками отгружали на переплавку – в мартены. И никого не интересовало, а была ли у этих машин душа?..

Но некоторые танки были ещё почти целёхоньки, и, учтя сложное положение в народном хозяйстве, в верхах сочли возможным не спешить с их уничтожением, а, так сказать, «амнистировать» и отправить на новую службу, – вот хотя бы в помощь геологоразведчикам. Перепало тогда военной техники и Усинской экспедиции, ведущей разведку марганцевых руд в горах Кузнецкого Алатау. Для отправки в экспедицию на базе готовился тяжёлый танк КВ-1С. Башню с него, конечно же, сняли и вместо неё приладили кабину от старенькой полуторки, отчего танк стал смотреться довольно миролюбиво. После ремонта танк должен был своим ходом через Хакасию прибыть в посёлок Верхняя Ивановка в распоряжение начальника экспедиции Трифонова.

В это же время в Кузнецкий геологоразведочный трест направлялись по распределению полные сил и задора молодые специалисты – в основном это были выпускники Томского политехнического института. Судьбе, наверное, так было угодно, что дипломированный специалист миловидная девушка Нина Бурова была направлена на работу в Усинскую экспедицию. Прибыв на основную базу, жаждущая деятельности девушка немного заскучала – уж который день маялась она в ожидании какой-нибудь оказии к приписанному месту работы. Вот тут-то ей весьма кстати и предложили «прокатиться» на военной технике, – на что она с великой радостью и согласилась.

В гараже экспедиции над недавно «обезбашенным» танком мараковал бывший танкист Николай Суслопаров: две недели уже бился он над машиной – старался оправдать оказанное ему доверие в реанимации и подготовке танка для дальнего похода. Долго танк не хотел заводиться: стонал, фыркал, чихал – казалось, что машина уж более не воспрянет. Но упрямства парню было не занимать, и он усердствовал, старался – будто вдыхал новую жизнь в давно умолкший дизель. И вот, благодаря его настойчивости, танк наконец-то всё же ожил, затарахтел – заработали клапана сердца-мотора, побежала по трубкам-артериям газойливая кровь, и машина «запела».

Погоняв мощный дизель по гаражу и убедившись в надёжности ходовой, довольный своей работой Суслопаров принялся любовно наводить последний марафет: вытер всю пыль, подкрасил стальные диски, катки – да что там говорить, – старался парень, словно к параду готовился. И вот когда он протирал ветошью моторное отделение, Нина подошла к машине и, звонко поздоровавшись, торжественно объявила, что поедет с ним в Ивановку.

– Вот это да! – изумился водитель. – Здорово! Не скучной, однако, будет дорога!.. – стерев с ладоней липкий мазут, парень, нагловато улыбаясь, протянул сильно пахнущую соляркой пятерню девушке. – Меня Николай зовут, а вас, извините, как величать?

– Я Нина Бурова, молодой специалист, – не без гордости объявила девушка.

– И, поди, ещё не замужем?..

Девушка, слегка покраснев, кротко ответила: «Нет», – и тихо спросила, когда же ей собираться.

– А что? Машина готова! Вот прям завтра и двинем, – уверенно заявил Суслопаров. – Ты не боись, техника военная, я ремонт ей хороший дал, пройдёт по тайге, где и лосю не пробраться.

– Да я понимаю. Вы, наверное, и на войне были?

– Да, был! Правда, меня только в сорок пятом призвали, но на машинах этих я походил по Европе, – с гонорком ответил молодой водитель танка. – Ну, дорога у нас длинная, я ещё тебе порасскажу потом о фронте. А пока готовься, – харчей собирай в дорогу, ну и всякое другое…

Наутро Суслопаров выглядел франтом: старательно выбрился, под военным кителем красовалась чистая рубаха «в петухах», на боку – офицерская сумка, а на ногах блестели новенькие яловые сапоги. Всё это, по его мнению, должно было произвести на девушку сильное впечатление; у него на молодуху созрели вполне определённые планы.

Нина пришла в гараж часам к девяти – руки ей оттягивал огромный чёрный чемодан, а плечи горбились под увесистым рюкзаком.

– Опаздываете, мадам! – игриво бросил Суслопаров. – А чего это вы с собой столько притащили? Весь гардероб, что ли, собрали?

– Да я ведь надолго еду, – ответила она, смутившись. – Здесь все мои вещи. Я ж буду жить и работать в Ивановке.

– А-а! Ну, тогда ладно – железный конь всё увезёт. Прошу вас в салон, мадам!

Нина опустила чемодан на землю и стала снимать рюкзак. Николай любезно помог ей освободиться от груза и, прилаживая вещи позади кабины, с некой издёвкой в голосе, спросил:

– Надеюсь, там хрусталя нет?

– Нет, – ответила она чуть взволнованно. – Там в основном книжки, одежда… две банки варенья и пластинки…

Суслопаров удивлённо покачал головой, но не стал более докучать; зрителей возле машины стало собираться всё больше и больше. «Пора «отчаливать», пока начальство не переиначило, – подумал Николай, – а то ведь могут зараз кого-нибудь ещё навязать». Он спрыгнул на землю, подошёл к мастеру и, выслушав последние наставления и напутствия в дорогу, вернулся к машине.

Нина уже сидела в кабине, восторженно рассматривая и ощупывая рычаги и датчики невиданной ранее военной техники. Суслопаров лихо, одним махом, заскочил в кабину и нажал на стартер. Взревел мотор, и Николай заметил, как глаза девушки засветились каким-то небывалым невероятным счастьем. А счастье Нины было в предстоящей дороге: она с новеньким дипломом, на боевой машине да ещё с военным водителем отправляется на работу в тайгу, и они преодолеют и высокие горы, и дремучую тайгу, и всё-всё на свете…

Поднимая пыль грунтовых дорог и вызывая изумление сельских жителей из расположенных на пути следования деревень, танк весело бежал на восток. Танку очень понравился его новый заботливый хозяин, его «доктор», подаривший ему вторую жизнь, и он, охотно подчиняясь его воле, словно воодушевлённый, нёсся вперёд, не жалея ни «лаптей», ни клапанов своего сердца-мотора. Обезбашенный, он впервые участвовал в мирном походе и был теперь похож на старого, демобилизованного солдата, уставшего от сражений, снявшего наконец-то погоны и отбросившего сеющее лишь смерть оружие.

До посёлка Коммунар, что расположился на верхнем притоке Белого Июса, Суслопаров увлечённо рассказывал Нине байки о своей фронтовой жизни; врал, конечно, больше чем наполовину, но врал уверенно. Из-за рёва мотора и лязга гусениц девушка мало что уловила из его рассказов, но отметила про себя, что человек он всё же геройский. Николай же время от времени украдкой поглядывал на девушку, на её стройную фигурку и соображал: «Как бы половчее «склеить» эту мадам?» Он долго не решался перейти к обхаживанию, но наконец насмелился, – не сбавляя хода, со словами: «Эх, Нинок», – обхватил правой рукой деву за плечи и попытался её прилобунить.

– Николай, что вы себе позволяете? – сбросив с плеча цепкую пятерню, строго осадила его Нина и тут же почувствовала, как запылало жаром её лицо.

– Да я что, я ничего… Я так, по-дружески я, – разочарованный своим неудавшимся «кобелянием», произнёс водитель танка и добавил газа.

– Смотрите лучше за дорогой, а то все кочки вон уже собрали, – бросила она, огладив рукой воспылавшее лицо.

Они долго потом молчали, но длинной была дорога, и «жаркий» инцидент потихоньку начал остывать, а через какое-то время и вовсе забылся. В принципе, Нина и не очень-то обиделась на выходку парня, ей даже где-то в глубине души польстило, что понравилась она ему и что она проявила характер и так строго осадила парня, сбив с него форс.

От Коммунара дорога резко пошла в горы. По нанесённой на карту схеме нужно было вывершивать речку Большую Сыю и через Шатайские гольцы спускаться в долину реки Усы. Машина пока уверенно шла по высокой траве, кроша кустарники, подминая деревца, легко преодолевая валёжины и буреломы. От ощущения мощи своей техники и собственной удали Суслопаров воодушевлённо запел любимую фронтовую песню, добавляя кое-что от себя:

Броня крепка, и танки наши быстры,
Пойдём с тобой в решительный поход…

Нина слушала популярную в те годы песню, и сердце её наполнялось гордостью – и за советскую военную технику, и за этого вот поющего лихого «танкиста», и за то, что она тоже участвует в этом походе. Она искоса поглядывала на молодого парня, уверенно дёргающего рычаги, и в ней стало просыпаться чувство уважения и даже интереса к нему. Нина представляла, как они

на полном ходу въедут на танке в посёлок и как все с интересом будут разглядывать боевую машину и восторгаться их небывалым преодолением главного горного перевала.

А дорога становилась всё труднее, всё круче – хотя дороги-то уже никакой и не было, шли по намеченному на карте, но не хоженому ещё никем маршруту. На пути стали попадаться непреодолимые скалы, и водителю приходилось постоянно искать объезды. Уже где-то там далеко внизу угадывалась долина Усы, когда путь преградила высокая каменная гряда. Ниже гряды склон был сплошь заполнен гранитными глыбами. Эта нескончаемая каменная река уходила далеко вниз, теряясь в зарослях чахлого пихтача. Преодолеть эту россыпь крупных камней или, как ещё её называют, курумник, было весьма непросто даже для танка. Николай в очередной раз стал искать объезд, но крутизна склонов, в сочетании с глубоко врезанными в скалы ручьями, не позволяла сделать манёвр – машина могла бы просто опрокинуться. Очевидно, водитель где-то отклонился от намеченного маршрута, а скорее всего, на весьма условной карте этот каменный покров и вовсе не был помечен. Николай остановил машину. Призадумался, – возвращаться и искать другую дорогу – далеко, да и не факт, что найдёшь лучше, а хотелось парню быстрее, и тогда Суслопаров со словами: «Была не была! Где наша не пропадала!» – решил «штурмовать» склон с каменной рекой.

– Держись крепче, – бросил он в пол-оборота своей спутнице, – идём на штурм!

Медленно со страшным скрежетом гусениц машина двинулась по курумнику. Нина до боли в пальцах вцепилась в железные поручни. Николай же сосредоточенно молчал, стараясь выбирать камни размером поменьше, но то и дело на пути попадались крупные глыбы, и тогда машина то приподнималась, так что в окошко видно было лишь голубое небо с плывущими облаками, то вновь опускалась, утыкаясь в замшелые камни. Водитель понимал, что для гусениц елозить по склону с разворотами ещё того хуже, и нужно было стараться двигаться по горизонтали. Танк терпел, скрежетал и лязгал стальными гусеницами, но упорно шёл, подчиняясь воле своего хозяина.

Половина каменистого склона уже была пройдена, и впереди виднелся спасительный лес, когда резкий звук лопнувшего железа оборвал все надежды рискованного штурма. Поношенные стальные пальцы на траках не выдержали нагрузки, лопнули, и правая гусеница со зловещим лязгом сползла на камни. Машину резко развернуло, стянуло вниз и со страшным скрежетом осадило стальными катками в расщелину гранитных глыб.

Суслопаров медленно молчком выбрался из танка, обошёл его кругом... Оценив ситуацию, он сорвал с головы шлем и, матюгнувшись, ударил им об землю. Потом вспомнил о пассажирке, поднял глаза – из кабины на него таращились округлённо-испуганные глаза Нины.

– Всё, приехали! – в сердцах объявил он.

Нина, понимая, что случилось что-то ужасное, выбралась из машины и, не зная, как ей себя вести, задала глупый вопрос:

– И что, нельзя ничего сделать?

– А что ты здесь сделаешь!? Как ты его обуешь? Гусеница-то вон где, – почти криком изрыгал свои мысли Николай. – А эту махину без двух тракторов не поднимешь…

Он ещё немного походил вокруг своего «стального коня» и затем, прислонившись к ещё тёплому мотору, которому совсем недавно так старательно «давал профилактику», молча закурил. Мысли его были под стать ситуации. Но он ещё пока надеялся, что потом как-нибудь вытащит машину из курума, что трактор в помощь ему обязательно дадут, а пока, по всей видимости, нужно было добираться до Ивановки пешим ходом.

– Ну что, Нинок, – обратился он к стоящей в полной растерянности девушке. – Надо нам дальше ножками топать.

– А танк здесь останется? – задала она снова глупый вопрос.

– Да, пока будет здесь стоять, – ответил он уже спокойно, понимая её состояние. – Ты вот что, давай доставай-ка варенье, – сейчас чай пить будем. Да заодно выбери из вещей только самое необходимое и сложи в рюкзак. Остальное придётся пока оставить, путь у нас длинный, – сказав это, он отправился собирать зажатый в курумниках хворост.

Пока Николай собирал дрова для костра, Нина торопливо перебирала аккуратно уложенные в чемодане платьица и кофточки. Жаль было ей расставаться с таким богатством, и она, как бы таясь, засунула всё же в рюкзак свои самые любимые вещицы. Но вот уж и Николай подошёл с охапкой сучьев, удобно приладил в камнях котелок и быстро развёл под ним костёр;

сухой валежник сразу же взялся пламенем. Окинув скептическим взглядом приготовленные Ниной пряники, парень достал из мешка старательно завёрнутый в тряпицу внушительный шмат белого сала. Аромат от хорошо сдобренного чесноком ломтя моментально разбередил аппетит. Суслопаров, хитро поглядывая на Нину, отрезал совсем не тонкий лоскут сальца, приложил его на добрый ломоть ржаного хлеба и протянул этакий бутербродец девушке.

– Давай-ка пробуй! – с аппетитной ноткой произнёс Николай. – Это батяня на дорожку солил. Он мастер у меня по соленьям…

И хотя Нина и не очень любила сало, но от такой любезности отказаться не могла. Тем более, что сало действительно оказалось очень вкусным.

За чаем с земляничным вареньем первый шок от пережитого стал понемногу проходить. Нине, конечно, было жалко оставлять и патефонные пластинки, и книжки, и статуэтку, и трёхлитровые банки с вареньем, не говоря уже о кофточках, и она с обречённостью в голосе заявила:

– Давай, Николай, хоть из второй банки попробуем. У меня там смородишное… мама варила!..

– Ты давай ешь, ешь, тебе нужно колориев набираться, – нарочито строго отреагировал на её предложение Николай. – На сальце вон налегай, а то не дотянешь до места, сомлеешь по дороге.

– Я на практике в маршруты ходила… и по тайге тоже…

– Ну, вот и хорошо, что не совсем городская фифа. Сейчас практика твоя ой как пригодится…

Они ещё посидели у догорающего костерка, собрали в рюкзаки кой-какие пожитки и стали спускаться по каменной реке к ближайшему водотоку, который непременно должен был вывести их к большой усинской воде. Книзу камни становились всё крупнее и далее терялись в зарослях кустарника и высокой травы. Пройдя сотню метров, они остановились и, словно прощаясь с машиной, не сговариваясь, обернулись. Непривычно притихший беспомощный танк, неуклюже накренившись на бок, производил впечатление раненого и брошенного в горах товарища. Они надеялись и словно обещали теперь, что обязательно за ним вернутся…

Продвигаться по заросшим травой каменным глыбам было очень неловко и опасно – ноги то и дело попадали в расщелины, отчего приходилось двигаться очень медленно и осторожно. Курумник каменным языком протянулся до самой реки. По карте выходило, что они сваливались в речку Шатай, и теперь нужно было выходить к её устью, а уж потом по самой Усе добираться до Верхней Ивановки.

Вскоре путники спустились в долину небольшой речушки, здесь шагалось гораздо легче и веселее; под ногами зашуршала мягкая лесная подстилка из травы и листьев. Но солнце уже пряталось за острые макушки пихт, и сумерки стали быстро сгущаться в узкой долине. День угасал, а ночи в тайге тёмные и прохладные – нужно было быстренько устраиваться на ночёвку. Суслопаров предусмотрительно захватил с собой из танка топор и, найдя сухое место в пихтаче, принялся рубить лапник, а заодно готовить дрова для ночного костра. Нина как могла, помогала ему: собирала хворост, выстилала пихтовыми лапами ночные лежанки, а под конец вызвалась и ужин приготовить. Николаю очень понравилось, что инженерша не сидела без дела, как барыня, а трудилась вместе с ним, а теперь вон ещё и кашу на костре варит. «Какая молодец, – подумалось ему, – такую деваху и в жёны взять можно…»

Таёжные комары почуяли пришлых людей и наполнили воздух тихим нудящим звоном. Их становилось всё больше, и Суслопаров запалил ещё один дымокурчик. Он, конечно, был очень расстроен из-за танка, но теперь успокаивал себя тем, что они благополучно спустились по куруму, не переломав себе ноги.

Ночь прошла в полудрёме; комарьё, слетевшись со всей округи, мало обращало внимание на дым от костра и всё кружило и кружило возле ночлежников, норовя прокусить брезентовую робу. Суслопаров в эту ночь почти не спал – брошенный танк не давал ему покоя, в голове его роились мысли о неоправданном риске, ведь мог он повернуть назад и найти другой путь… И зачем он полез в этот курум?.. Ну, что уж теперь – теперь как есть… и потом он же в ответе не только за вверенную ему машину, но и за эту вот молодую инженершу!.. – Николай приподнялся с пихтовой подстилки и на мгновение навис над сладко спящей молодушкой. Его так и подмывало подкатиться к ней под бочок, но, помня её реакцию на первую попытку, так боль-

ше и не решился к ней приблизиться. «Красивая всё же деваха», – насмотревшись, заключил он и, осторожно поправив на её плечах накидку, отвернулся спиной к костру в надежде хоть немного поспать.

Утром, лишь только солнце осветило вершины сопок, ночёвщики поднялись с лежанок, быстренько доели остатки каши, попили чайку с пряниками и, не мешкая, продолжили свой путь. Николая удивляло, но больше радовало, что молодая девчонка шустро шла по тайге и почти не отставала от него; ещё до полудня они вышли к большой воде.

Оказавшись с правой стороны от устья Шатая, Суслопаров понял, что они совершили ошибку, – перебрести речку здесь было невозможно – стремительный шумный Шатай вылетал из теснины скал, перерезая мощной струёй русло Усы. Пришлось им снова возвращаться вверх по реке и искать подходящий для переправы брод. После непродолжительных поисков путники нашли шумный каменистый перекат.

Камни на перекате были крупными и скользкими. Николаю было жаль мочить свои, хоть уже изрядно и обшарпанные об траву, но ещё новые яловые сапоги, и он, разувшись, стал засовывать их в рюкзак. Нина тем временем подошла к краю бурлящей воды, посмотрела на свои зашнурованные ботиночки и в нерешительности остановилась. Николай тут же упредил её намерение и повелел подождать. Она оценила его галантность, подчинилась и стала наблюдать за его пробным переходом. Закинув за спину оба рюкзака, Суслопаров, не спеша, прощупывая ногами каменистое дно, перенёс мешки на противоположный берег. Потом тем же проверенным путём вернулся за Ниной.

Тут Нина вдруг заволновалось, сердце её трепетно забилось, но она без каких-либо дополнительных уговоров, преодолев свою стеснительность, взгромоздилась на любезно предоставленную мужескую спину; парень даже слегка сомлел... Он уже нёс её на закорках по бурлящей воде и, чувствуя спиной теплоту и упругость горячих девичьих грудей, словно таял от приятной, разливающейся по всему телу неги. Очень уж ответственным и дорогим был сейчас этот груз для него, а оттого брёл он в этот раз, несмотря на стынущие от холодной воды ноги, очень осторожно. Ему даже хотелось, чтобы этот бурливый перекат не кончался как можно дольше. Спина его просто горела от женского тепла, и он понимал, что и она чувствует его сильную мускулистую спину. «Вот и есть наконец-то контакт», – озорно подумалось парню, но ведь это всего лишь стечение обстоятельств, и он обязан был, наверно, именно так сейчас поступать…

Стараясь как-то скрасить затянувшееся напряжённое, но чувственное молчание, Николай уже на подходе к берегу решил немного схохмить:

– Вот так, водитель танка Николай Суслопаров, не умеешь водить машину, вози пассажиров на себе.

– Да не казните вы себя так, Николай, – дружелюбно ответила Нина, уже оказавшись на берегу. – Там ведь другой дороги не было. Кто знал, что так получится? Вот спасибо вам огромное за перевоз!..

Она смотрела на него теперь с какой-то весёлой стеснительностью, и этот взгляд окончательно смутил парня.

– Да мне не трудно, – ответил он и, пряча глаза, полез в рюкзак за сапогами.

Они снова дошли до впадения речки в большую воду, и тут у Суслопарова родилась отличная идея – соорудить плот. Эта мысль понравилась и его спутнице. Николай свалил несколько пихт, очистил стволы от сучьев и затем, нарезав гибких молодых прутьев ивняка, что в изобилии рос вдоль берега, принялся увязывать лозой брёвна. Он уже имел в этом деле небольшой опыт – ещё до войны ему доводилось вязать салики и сплавляться по реке.

Вскоре сооружение было готово – получилось оно довольно шаткое и хлипкое, но хорошо держалось на плаву. Приладив к ивовым вязанкам рюкзаки и вырубив ещё пару берёзовых шестов, Суслопаров торжественно пригласил Нину:

– Прошу вас, мадам, на корабль!

Нина ступила на колышущийся плотик, и тот сразу же дал осадку, просочившись меж брёвен холодной водой. Вытолкав плот на стремнину, довольный своей придумкой Николай ликовал – теперь он ощущал себя капитаном корабля; но по этой горной реке парень сплавлялся впервые.

Судя по карте, серьёзных порогов на отрезке от Шатая до Верхней Ивановки не было, однако шиверы, перекаты да и просто торчащие из воды камни стали встречаться довольно часто, и это потребовало от шестовика немало усилий. Суслопаров приказал Нине прижиматься к брёв-

нам и как можно крепче держаться за ивняковые вязанки-вицы, особенно на опасных участках. Он пока ещё справлялся с сырым тяжёлым шестом, уходил от лобового удара о камни, но плот с каждым проходимым перекатом, с каждой каменистой шиверой становился всё более расхлябанным и всё менее управляемым. Они уже проплыли значительное расстояние, когда на одном стремительном сливе Николай не справился с течением и плот наскочил на гладкий выступающий лоб каменного «бойца». Нина, прижимаясь всем телом к смолистым брёвнам, не успев ничего понять, вдруг оказалась в воде. Мощная струя понесла её вниз, и она, хлебанув немного воды, пыталась судорожно грести по-собачьи к берегу. Где-то рядом, отчаянно работая руками, спешил на помощь Николай. Он вовремя подхватил её и помог добраться до спасительного берега. Мокрые и не успевшие ещё как следует испугаться, они лежали на галечнике; ниже от них по реке беспорядочно плыли брёвна разбитого плота.

Немного опомнившись от произошедшего, сплавщики принялись выжимать намокшую одежду. Вдруг Нина замерла – словно окаменела, и затем, протяжно вымолвив: «Дипло-о-м!» – судорожно расстегнула карман штормовки и извлекла из него разбухшую книжицу. Открыв её, она ужаснулась – все чернильные надписи, все отметки расплылись и теперь едва читались. Слёзы навернулись на глазах девушки – она вот-вот готова была безудержно возрыдать, когда Николай, молчаливо наблюдавший эту сцену, упредительно вставил:

– Ты радуйся, что диплом твой не в рюкзаке оказался!

Нина это услышала, немного успокоилась и, смахнув успевшую выкатиться одинокую слезу, подумала – действительно, как она правильно поступила, что из чемодана переложила документы в карман, а не в рюкзак. Потом вспомнила о содержимом рюкзака:

– Эх, платьишки, кофточки…

Всю их нехитрую поклажу вместе с рюкзаками поглотила коварная река. Не было у них теперь ни запасной одежды, ни топора, да и спички в кармане у Николая размокли, и разжечь костёр было нечем.

Ощупывая под собой галечник, Нина вдруг радостно заявила:

– А камни-то ведь почти горячие!.. На них и одежда, и документы наши как на печке подсохнут!

Солнце в ту пору ещё было жарким, и одёжка довольно быстро стала просыхать на тёплых камнях, да и сами сплавщики основательно прогрелись и даже стали подгорать под жгучими лучами.

Николай снова переживал свою очередную неудачу – теперь уже со своим наскоро слепленным «кораблём». Он снова искал себе оправдание, и снова ему было неловко перед спутницей. Но время ведь их поджимало, да и река уж больно норовистой оказалась… «Хорошо хоть, успел помочь девушке добраться до берега, – снова успокаивал свою совесть Николай. – Даже подумать страшно, что могло бы произойти!..» Он иногда украдкой посматривал на полуобнажённое тело Нины – она всё больше ему нравилась – и затаённо любовался её фигуркой. Но теперь он испытывал к ней совсем другие чувства, ему импонировала стойкость этой хрупкой девушки и, несмотря на постигшую их неудачу, её рассудительность и относительное спокойствие в непростой ситуации.

Они какое-то время отрешённо лежали на тёплых камнях и, разомлев от солнца, лениво соображали, сколько же им ещё предстоит пройти, прежде чем они доберутся до Ивановки? Нина время от времени вставала и заглядывала в сохнущий на камушках диплом, словно надеялась, что расплывшиеся буквы и отметки подсохнут и обретут былую чёткость.

По намокшей карте, что хранилась в кармане у Николая, выходило не так уж и далеко – чуть больше десяти километров до геологического посёлка. Бессмысленно было дожидаться, когда окончательно просохнет разложенная по берегу одежда, потому как полуденное солнце постепенно клонилось к западу. Облачившись в уже изрядно подвяленные на солнце, но ещё влажные рубашки, «освобождённые» коварной рекой от всякого груза, побрели они вниз по реке, – где лесистым берегом, а где по каменистому бечёвнику.

В посёлок геологов путники добрались лишь поздним вечером. Контору экспедиции, что разместилась в большом рубленом доме, нашли довольно быстро. На их счастье, начальник по обыкновению засиживался на работе допоздна.

Долго винился Суслопаров перед начальником экспедиции за оставленную в горах машину. Тот внимательно слушал, кивал головой, но постепенно удивление на его лице сменилось скорбным выражением. Он долго думал, много курил и наконец, пронзая взглядом Николая, изрёк:

– Ладно, танкист Суслопаров, выводы мы сделаем – подробную объяснительную напишешь!

Николай согласно кивнул головой.

Трифонов перевёл взгляд в потолок и, словно обращаясь к кому-то там наверху, добавил:

– Ну и маршрут же они выбрали! Мы уже по хребту с Чебаков дорогу наметили. Не посоветовалось трестовское начальство с нами… На карте-то всё гладко!.. А такой тягач нам бы ой как пригодился! Да!.. – Он снова перевёл взгляд на парня.

– Вот что, пока, я так думаю, поработаешь ты у нас, паря, помбуром. На буровом участке запарка – людей там не хватает.

Затушив о пепельницу очередную папиросу, Трифонов встал из-за стола, давая тем самым понять, что разговор с «танкистом» закончен и, направляясь к сидевшей в уголке девушке, добавил:

– А про трактор и не думай! Не дам! Он у меня рабочий один! И то через день на ремонте, его ещё не хватало угробить на твоих курумах.

По той властной интонации, с какой начальник произнёс свой «приговор», Суслопаров понял, что спорить и возражать ему бесполезно.

Нина всё это время тихонечко сидела в дальнем углу, зажав в руках испорченный диплом и направление на работу. Она очень устала, и ей было совсем не до разборок – единственным желанием сейчас у неё было поесть чего-нибудь и как следует выспаться.

– Что там у вас, девушка, в руках? – обратился наконец Трифонов к скромно сидящей полусонной даме.

Нина встрепенулась и протянула начальнику документы.

Трифонов внимательно рассмотрел диплом, направление на работу… И на лице его промелькнула ироническая усмешка.

– Славный диплом, – весело объявил он, – хорошо обмыли!

При этих словах даже сидевший с опущенной головой Суслопаров заулыбался.

– Да уж, ребятки!.. Спасибо, что хоть сами-то живёхоньки остались! – начальник снова закурил и уже намного веселее добавил: – Вот что, мои горе-путешественники, ступайте-ка вы сейчас к коменданту, пусть он вас накормит, устроит да выдаст всё необходимое хотя бы на первое время.

Трифонов вернулся к столу и, взяв чистый листок бумаги, зашуршал по нему карандашом.

– Вот ему от меня записка, – протянув листок Суслопарову, объявил малость подобревший начальник. – Всё, голуби мои. Ступайте! Остальные бумаги завтра напишете. Жду вас к восьми утра.

Уставшие, но довольные, что всё наконец-то как-то, более или менее, но благополучно разрешилось, молодые новоявленные спецы отправилась искать коменданта. Николай старался держаться бодрячком, а у Нины силы были почти на исходе. Не так, конечно, совсем недавно представляла она себе прибытие в экспедицию, но теперь была рада и тому, что всё же дошла до этого посёлка разведчиков в горах.

Коменданта они нашли довольно быстро – это было нетрудно, так как тот, зная привычки и обычаи начальника, уже ожидал молодых на складе; в небольшом посёлке всё про всех знали, и слухи о прибытии новых людей разносились мгновенно.

На следующий же день танкист Суслопаров, отписав Трифонову длинную объяснительную, был по приказу оформлен помощником бурильщика на левобережный разведочный участок. Нину начальник отправил в распоряжение главного геолога, который сразу же приспособил её на документацию керна буровых скважин.

Быстро день за днём полетели, замелькали, закружили напряжённые рабочие будни разведочной экспедиции. Николай с Ниной частенько встречались вечерами; зародившееся в том походе чувство не прошло бесследно и только разгоралось – и вскоре дело у них шло уже к свадебке. Они часто вспоминали свои приключения и, конечно, брошенный в горах танк, в чреве которого остались банки с маминым вареньем и пластинки с весёлыми вальсами – они непременно собирались к нему вернуться. Но особо по машине тосковал Николай. Ему, конечно, нагорело за его непродуманный риск, но он столько души вложил в этот танк, что готов был отправиться к нему на выручку в любую минуту, только дали бы трактор… Очевидно, та часть его души, которую он оставил в нём, как бы тянулась к его большой широкой душе – по крайней мере какая-то незримая связь между ними существовала, и потому, наверно, он каждодневно вспоминал о нём. А потом, ведь благодаря этому танку они и познакомились с Ниной, выходит, что

танк, вольно или невольно, но оказался их сводником.

Но время шло, одни заботы сменялись другими, экспедиция работала в чётко налаженном Трифоновым ритме, и свободного времени у геологов практически не было. А к концу лета зарядили дожди… Но вот уже с осени и снег повалил – быстро обелились и закрылись перевалы.

А танк, погребённый глубокими снегами, ждал теперь до весны. Вот уже и снега сошли, вновь оживилась природа. Но скоротечно пролетело и это новое лето, и опять задули северные ветры, неся с собой снова холодные дожди и снег. Похоже, это было его последнее пристанище…

Но хочется почему-то думать, что старый израненный железный воин вовсе не сожалел об этом своём последнем походе, об этом отчаянном рывке через перевал. Ведь, в конце концов, после всех ужасов фронта, после сеющего смерть огня батарей, ему всё же в конце своего пути довелось послужить людям на поприще мира. Пусть он и не дошёл до конца, не дотянул немного… зато так старался. И если всё же у машин есть душа, то душа нашего танка, наверное, нашла успокоение в тех скалистых горах и теперь радуется мирному голубому небу, а по ночам тихо млеет от мерцания ярких далёких звёзд. Может быть, он и теперь всё ещё ждёт…

P. S. К вопросу о душе.

А мы ведь их помним; да и памятники ставим не только людям, но и машинам. Посчитать, так по стране тысячи памятников танкам установлено – то память и уважение от совести и души нашей.

Но вот про душу-то знаем мы как раз и немного… Хотя порой вроде как открываем её друг другу, делимся ею; но очень уж тонкая и неуловимая это субстанция – всё здесь таинственно и непостижимо разумом человека. Верно лишь то, что душа в нас от Бога, – его это дыхание и промысел. По Священному Писанию – весь мир на земле сотворён Словом Божиим с участием животворящего Духа… Может, тогда не только человек, а и всё сущее на земле, созданное когда-то Творцом, априори в какой-то степени духовно. Нам, людям, наверно, непросто всё это осознать, мы порой и со своей-то душой толком разобраться не можем. Привыкли мы судить о душе человека больше по его поступкам. Об одном скажем – малодушный, другой и вовсе бездушный, а про иного рассудим, что он с большой широкой душой.

Но ежели человек, как сказано в Писании, венец творения Господня и создан «по образу Божию и по подобию», то и наделён он особой благодатью и, вероятно, самой большой душой. А потому, наверно, и способен человек делиться ею или вкладывать в свои земные творения какую-то её частицу. Ведь, создавая что-то от сердца, с душой – будь то картина живописца, стихи поэта, интересная книга, творение архитектора, а то и просто добротная машина, разве творящий человек не вкладывает в своё произведение душу?! И, наверно, тем добротней и лучше получается его творения, чем больше души в них вложено. Потому-то мы и помним творения рук человеческих, созданных с участием души. Помним – не забываем, а забудем – душа заболит и напомнит.

Фарида ГАБДРАУПОВА

ЭЙ, ВРЕМЯ!

КАПИТАНСКАЯ ЖЕНА

Ей сказали, что её мужа
Перевели служить в другой полк.
Там повсюду белые стены,
Облаков светлые лужи
И отсутствует пол.
– А что он там ест? И могу ли
Я ему принести еды?
– Нет, – ответили ей, –
Ни в Ростове, ни в Барнауле
Такую не продают
пищу,
ту, которую не жуют,
что гораздо полезней и чище.
А впрочем, можете принести вашу снедь,
Чтобы вам не носиться с ней.
Вот –
Оставьте тут, у ворот
Храма.
– Подождите!
Но как же так?
Я же мама
Его сына,
Ему два года,
Нашему малышу.
Можно, я хотя бы помашу
Мужу своему платочком?
Я ему не сказала, что беременна
Нашей дочкой!
И стояла она, красивая,
Одинокая, тяжкая.
И думала:
«Что же делать с его рубашкой,
ещё пахнувшей его потом,
с его кителем отсыревшим?»
Ей вернули товарищи по работе
его личные вещи.

* * *

Ты спишь, моя радость,
В подушку уткнувши нос.
Тебе посылаю
Я стаю
Смешных стрекоз.
Пускай полетают
И крыльями пошебуршат,
Стрекочут, лопочут,
Касаются и смешат…

В загадочных сферах
Их водянистых глаз
Немыслимо вверх
Увидишь открытый лаз.
Там в мягких берёзах
Округлый есть водоём.
Мы тоже стрекозы –
И солнечно нам вдвоём!

ГАБДРАУПОВА Фарида Анваровна *родилась в Барнауле. Окончила филологический факультет Алтайского государственного университета. Работала учителем русского языка и литературы в школе, методистом в кинотеатре, литературным редактором журнала для детей, преподавателем киноискусства в Алтайском техническом университете, педагогом дополнительного образования в гимназии и краевом центре детско-юношеского творчества. Автор пяти поэтических сборников. Печаталась в журналах «Встреча», «Бийск», «Алтай», «Барнаул литературный», «Голоса Сибири», «День и ночь». Основной вид деятельности – педагог. Член Союза российских писателей, председатель регионального представительства СРП. Живёт в Барнауле.*

ШАМАН

У меня за окном такой буран,
Словно на скалы летит океан,
Словно разбился на сотни частиц –
Белых, лохматых и острых птиц.
Словно твоя запоздалая страсть
Бьётся о стёкла, стараясь упасть.
Словно с ума сошедший шаман
Вырос до неба и небом пьян.
Было нам так горячо чересчур
От запредельности наших чувств –
В узел связалось могу и хочу.
Ветер срывает защиту окон,
Белый, крылатый, душевный дракон!
Падаю в космос, в сон, в океан,
Помнить тебя, мой летящий шаман!

* * *

Я плачу пламенем, плыву по облакам,
Снега и льды я разливаю в нивы.
Рекой бурлящей по моим рукам
Ты пробежал, свободный и красивый!
И стало солнце соками тоски,
Пустого русла, засухой рыданий.
Тебя не взять, не сохранить, не унести,
Как свет закатный и чужие дали…

* * *

Эй, время,
Поворачивай обратно!
Когда б ты знало, как избранник мой прекрасен,
Ты б точно позавидовало мне.
Твоя бесполая, бесчувственная сущность,
Твоя привычная работа разрушенья
Вмиг устыдилась бы незрячести своей!

Пока его влюблённые ладони
Всю охватили талию мою
И путаются в многослойных юбках,
Твой меч да обратится в гладиолус…
Эй, время! Повернись, любуйся нами,
Останься в сладком возрасте любви!

Ну, хочешь, я отдам тебе всю старость?
Не так уж много до неё осталось!
Отлей мне золота весеннего огня,
Пока он любит, сбереги меня!

Андрей ФЕДОТКИН

СВЕТ ДАЛЁКИХ ГОРОДОВ

НОЧНОЙ ПОЛЁТ

Срезая звёзд лучи,
С горючим на нуле,
Веду биплан в ночи
К немыслимой Земле.
Тих, пуст и звёзден мир
И над, и подо мной,
И радиоэфир
Заполнен тишиной.
И кажется, что нет
Далекой той Земли.
И я на звёздный свет,
Что твой Экзюпери,
Лечу, стремясь узреть
В дали огни портов,
Заводов дым и свет
Далёких городов.
Но нету ничего
Почти что тридцать лет.
Иссечено крыло
Ударами комет,
Зажёгся звёздный рой
В туманности винта,
И плещет подо мной
Созвездие Кита.
И все приборы врут,
К гадалке не ходи,
И долог мой маршрут
Вдоль Млечного Пути.
И звёзд беспечен свет,
Но холоден, как лёд.
И смерти больше нет:
Вся жизнь – один полёт.

ПРОЩАЙ, ИСПАНИЯ

Ты слышал звук? То бык упал в песок,
Ужаленный рапирой матадора,
И тёплой кровью вымаран висок,
И люд ревёт вдали нестройным хором.
Ты слышал звук? То грянул гром в горах,
Гляди, а небо, как и прежде, чисто.
Не бойся – это Бог развеял прах
Погибшего в пути контрабандиста.
Ты слышал звук? То грозный приговор,
То вскрикнула от страха донна Анна,
И каменный всевластный Командор
Унёс в объятьях призрак дон Гуана.
Ты слышал звук? То пробили часы,
Корабль уходит. Крикни на прощанье,
Глядя на бычью шерсть прибрежной полосы:
«Прощай, Испания! Adiós, España!»

ФЕДОТКИН Андрей *родился в 1987 году. Детство провёл в Ленинске-Кузнецком, считает Кузбасс своей малой родиной. Стихи начал писать рано, но осмысленные, серьёзные вещи, по мнению автора, написал на первых курсах Новосибирского Государственного архитектурно-строительного университета, когда посчастливилось попасть в студенческий творческий клуб «ТриДарИс». С тех пор поэзия перестала быть для него простым увлечением и стала непреодолимой потребностью. На данный момент Андрей Федоткин, работая инженером-технологом в строительстве, продолжает писать стихи. Был участником многих поэтических конкурсов, неоднократно печатался в студенческих газетах и альманахах, на его стихи группой «Новолуние» написано несколько песен. Живёт в Новосибирске.*

ПОКИДАЯ ЭЛЬСИНОР

Как только горизонт оплавит жар восхода,
Восславит новый день птенцов нестройный хор.
Подвыпивший сержант поднимет нам ворота,
И мы чудной толпой покинем Эльсинор.
Под шумные зевки осоловевшей стражи,
Слезливое враньё придворных брехунов
Мы песню запоём, что предки пели наши
В час тризны о родных среди ночных костров.
Но скорбный сей приют оставив за спиною,
Оставим и печаль средь этих серых скал.
Наш путь и так суров. Нельзя, чтоб за собою
Тоски тяжёлый груз театр наш таскал.
И снова смех звучит под пологом повозки.
Под мерный стук копыт поёт весёлый хор.
Но в старенькой корчме на стоптанных подмостках
Помянем снова мы печальный Эльсинор.
И, наспех подобрав щиты, мечи, короны
И правду обернув парчой красивых фраз,
Назначив кровью сок, стул хромоногий – троном,
Под музыку начнём кровавый наш рассказ.
И будет гром греметь, и будет кровь струиться,
И тень отца взойдёт средь ночи на балкон,
И вновь произойдёт всё, что должно случиться.
Но встанет принц в конце и выйдет на поклон.

МАРШ ЛОВЦОВ ТРОЛЛЕЙБУСОВ

Ловцов троллейбусов довольно легко опознать среди прочих,
Глядят задумчиво и будто грезят они наяву
О том, как поймать за стальные рога безумною ночью
Бегущего в стойло красивого зверя породы ЗиУ.
Прохожие смотрят на них свысока, пожимают плечами,
Цинично присвоив им званье простых городских дурачков.
Но день не их время – их нужно увидеть ночами,
Бегущих с ковбойским лассо для отлова стальных жеребцов.
И, если ты мечен, тебе не уйти, не испив этой чаши,
Не скрыться от этой судьбы ни в каких иноземных краях,
Реле разомкнётся, и ты в этот миг станешь нашим,
Ещё одним воином в этих холодных бетонных степях.
Ведь можно прикинуться бюргером, жить серой жизнью до срока,
Но как-нибудь ночью, когда разойдётся народ по домам,
Ты вскочишь с постели, разбужен ударом трёхфазного тока,
Так схожего с тем, что бежит от турбины ГЭС по проводам.
Пока холода, не тают снега на сердцах и на почве,
Душа взаперти, словно узник Дантес из романа Дюма,
Но будет весна, растают сугробы, и нас будет больше,
Ведь каждый весной, хотя бы немного, но сходит с ума.

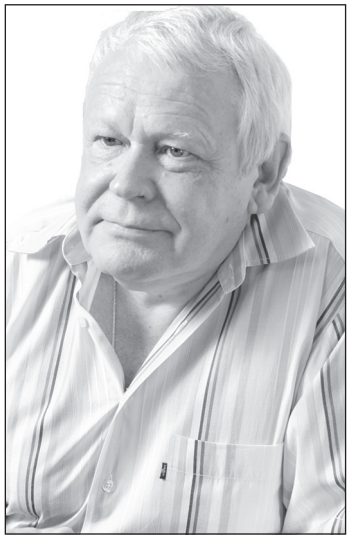
ЛЮБОВЬ

Когда срываешь кожу, как рубаху,
Но из огня выходишь невредим,
Или, как феникс, восстаешь из праха
И вновь живёшь, поскольку ты любим.
Когда ты, преданный и проданный своими,
Распят средь пустоты и черноты,
Но повторяешь в муках её имя
И вновь живёшь, поскольку любишь ты.
Когда всё то, чем нынче дышишь,
Всё, что ваял не покладая рук,
Отдать готов за то, что вновь услышишь
Шагов её к тебе неверный звук.
Когда твоя душа поёт, как птица,
И песня её внятна и чиста,
И хочется по-новому родиться
И плыть по жизни с чистого листа.
Когда ты, ею раненный смертельно,
Идёшь к ней, обжигаясь вновь и вновь,
И для себя не ищешь лучшей цели –
Вот это называю я – любовь.

Виктор КОРОЛЕВ

ТОКИ ВЫСОКОЙ ЧАСТОТЫ

Рассказ



Вечером в ту последнюю пятницу, уже вся собранная, баб Шура наставляла:

– Ты хоть парень и городской, но руки у тебя из правильного места растут. Не пропадёшь. В воскресенье вернусь ужо. А заплот не поправишь ли? Да про курей не забудь. Ой, постоялец, избу тока не спали мне!

– Да не волнуйтесь вы, баб Шура! Поезжайте на здоровье. Всё будет нормально.

Пока она увязывала свой узел с гостинцами, я вышел из хаты глянуть, что там с заплотом. Это по-местному – забор. Из двора калитка на огород. А там с трёх сторон – заборчик. С одной вообще завалился, столбы сгнили напрочь, и два пролета упали. Словно танк прошёл от баб-Шуриных грядок к соседям, к их меньшему домику.

У баб Шуры – изба, а у соседей – большой дом, подальше маленький домик, а посредине хозблок, тоже большой, там баня у них и ещё, наверное, стайка и всё такое. Точно не знаю, я их, соседей, ни разу за это время не видел.

Ага, баня там у них! Да какая! Я стою как истукан и вижу: выходит из хозблока дива дивная, распаренная, светлые волосы до плеч, в одной короткой комбинашке и безрукавке. Глянула на меня, остановилась, руки скрестила под грудью, смотрит лукаво, глаза – озёра. Всё показала – бёдрами посветила насквозь, глазами прям объела со всех боков. Меня словно током ударило, трясет, колотит. А она постояла так, потом молча повернулась и ушла к себе в домик.

– Ну ты где, постоялец?

Баб Шура уже потеряла меня, в избу кличет. А ко мне только-только речь вернулась, с другой планеты прибыл.

– Соседка-то молодая, кто такая?

– А-а, глянулась те Людка? Так это Коли Устюгова дочь, отдельно с мужем живёт. Но мужа ейного посадили зимой. А Николай-то сам электриком. Справно живут, по-честному, всё есть у их. Ну, пошла я. Хату надолго не оставляй, хоть у нас и не балуют…

И она ушла на станцию, не согласилась, чтоб проводил, – «близко же». Я дождался, когда тепловоз свистнул, это слышно было – и завалился с книжкой в кровать. Не заметил, как уснул. Очнулся ночью, свет горит. Пошёл на двор – звёзды как яблоки. Тишина. Красота. Даже жалко, что у меня практика такая короткая! Городок небольшой, зелёный, так и жил бы здесь всю жизнь без забот и суеты столичной. И люди совсем не такие, как у нас, – добрые, светлые, как… Как волосы у этой соседки…

* * *

Утром первым делом вспомнил про заплот и про курей. Включил плитку – а не работает. Нигде света нет. Полез к счётчику, поменял пробки.

КОРОЛЕВ Виктор Владимирович *родился в 1949 году в Кемерове. Окончил Уральский госуниверситет (1971), Новосибирскую высшую партшколу (1980), Академию общественных наук при ЦК КПСС (1987), Московскую школу экономики (1994). Член Союза журналистов с 1974 года. Кандидат исторических наук. Работал в городских газетах Дальнего Востока и Западной Сибири, в столичных журналах, различных государственных и коммерческих структурах. Автор нескольких книг. В 2010 году принят в Союз писателей России. Живёт в Екатеринбурге.*

Не горит. Если это надолго, вечером не почитать, а я ещё хотел к диплому хоть что-то написать. Беда.

Нашёл топор, пошёл забор чинить. А сам нет-нет да и подниму лишний раз голову – не стоит ли у порога соседского домика дива вчерашняя по имени Людка. Нет, не стоит. Хотя явно в домике она. До него рукой подать, слышно: музыка тихонько играет.

Уже заканчивал с забором, последний гвоздь колотил, когда на дорожке показался сам хозяин. И тут я вспомнил, что звать его Николай и он электрик.

– Здравствуйте, сосед! – говорю. – А я на практике здесь, у баб Шуры на постое. Заплот вот чинил.

Мужик остановился, улыбнулся расклабисто.

– Здорово, практикант! Откуда сам-то будешь?

Не сразу я и понял-то – слова говорит врастяжку, губы кривит, смотрит насмешливо – датый Николай, с утра принял, и, похоже, немало.

– Из Москвы. А у вас свет есть?

– Из Моаа-сквы?! – брови у Николая полезли вверх, весь как-то развернулся в мою сторону, улыбка сошла, словно решает что-то. – У нас всё есть… И у тебя будет – не проблема.

– Так, может, зайдёте, посмотрите?

– Щас приду! – он словно даже обрадовался.

И точно – через пять минут появился, уже в белой рубашке и безукоризненно выглаженных брюках. Да уж, дело мастера боится – через пять минут свет был.

– Ой, спасибо! Сколько я вам должен?

– Ты, парень, про это и не заикайся. Тут тебе не Москва, у нас люди честные, высокой пробы. Живём как родные. Не всё за деньги покупается и не всё продается, понял?

Он говорил теперь чётко, рублеными короткими фразами, явно старался не показать, что выпил.

– Я у тебя погостил, теперь давай-ка ты к нам!

И, не слушая возражений, меня за плечо крепко так зацепил и повёл.

Клянусь, я сопротивлялся только для приличия. Просто до рези в животе захотелось горячего супа, малосольных огурчиков, нормального мужицкого общения, разговора и шуточек застольных. Была ещё одна причина, почему я пошёл, но это понятно…

Первым делом Николай показал свой огромный дом, познакомил с женой – женщина такая пухленькая, скромная, с серо-голубыми глазами, что маленькие озёра. Потом повёл в маленький домик. Уходя, приказал жене:

– Ну-ка, накрой нам в баньке – видишь, человек по домашнему соскучился! Да икру не забудь!

Мы с ним шли по дорожке, что вела мимо хозблока прямо к домику, где жила светловолосая дива, скучающая без мужа, и её отец держал меня за плечо, вцепившись так крепко, словно я с рождения склонен к побегу. У дверей чуть пропустил вперёд, без стука открыл дверь.

– Дочур, а у нас гость! Он из Москвы!

И вытолкнул меня на середину комнаты.

Люда подняла на меня свои бездонные глаза и не сказала ни слова. Она сидела на диване в шёлковом халатике и в толстых вязаных носках. Она просто вперилась в меня и молчала – то ли оценивала, то ли показывала, что онемела от счастья. Принц приехал. А какой я принц тебе, красавица с маленькой узловой станции?

– Ну, вы тут поворкуйте, а я пойду проверю. Ты, дочур, в баню-то приходи, мать там накроет.

И вышел. Люда всё смотрела на меня не мигая. Потом легко усмехнулась, но не зло, не презрительно, а как-то счастливо, встала и протянула ладошку:

– А меня Людой зовут.

Голосок чистый-чистый, утренний, по-домашнему тёплый. Улыбается по-доброму, как родному.

– Вот и славно, что познакомились. А я вас сразу приметила, ещё на огороде вчера. А вы правда из Москвы? Как интересно! Расскажите, а?

И мне стало с ней так легко, так весело, так уютно, что я начал чему-то смеяться и рассказывать что-то интересное, и через минуту мы уже оба смеялись взахлёб, и она махала на меня рукой: «Ой, не могу! Ой, умора!». И пару раз коснулась, словно невзначай, моей руки. И снова – током пробило меня. А потом вдруг Люда на миг задумалась о чём-то, словно вспоминая, встала с дивана и, повернувшись всем телом, спросила в упор:

– А хочешь, я тебе что-то покажу? Наш выпускной. Хочешь?

Терпеть не могу в гостях листать семейные альбомы, но тут согласился:

– Конечно покажи!

Она пошла к шкафу, как-то странно оглядываясь, потом взяла стул, ещё раз оглянулась через плечо, медленно забралась на стул и потянулась руками кверху, высоко заголив крепкие белые ноги.

– Где-то он здесь, на шкафу, альбомчик мой заветный, – тянула она нараспев. И обернулась посмотреть, смотрю ли на ноги её. Я делал вид, что не смотрю, а она делала вид, что ищет альбом. Может, поддержать? Подойти – не подойти?

Дверь стукнула. У порога стоял ухмыляющийся Николай. Похоже, он ещё добавил за это время.

– Не всё ещё? Чего-то вы долго… Ладно, пошли, мать уже накрыла.

* * *

Стол в баньке был шикарный. Да и сама банька – тоже. Никогда такой не видел. Огромная комната, обитая белым деревом. Печка уходит в парилку. Мягкие, ужасно дорогие стулья с высокой спинкой, картины на стенах. Прямо дворец.

– Давай-давай, не тушуйся, садись ближе! Не, рюмки мы эти уберем, будем по-простому, из стаканов, как деды наши пили…

Пришла жена, села с нами. Она расположилась напротив меня, глядя тёплыми, влажными глазами с любовью, как на сына.

– Да вы ешьте, ешьте. Вот икорки берите.

Николай посунулся тоже:

– Давай закусывай! Ложкой бери. Никогда не ел икру ложкой? Самое то. Во-от та-ак! А то другие намажут одним слоем на хлеб, да не дай бог икринка упадёт, под диван закатится, все искать кинутся!

И он долго ржал, довольный собой и жизнью.

– Люблю шутковать! – тут же налил по второму стакану. – Давай! За всё доброе!

Разговор пошёл скоротечнее, оживлённее. Расспрашивали меня, где, с кем живу, кем буду после окончания института, кто родители. Охали, смеялись, восхищались, переспрашивали.

Когда пришла Люда – в белом платье, красиво причёсанная – все засуетились, задвигались. Она села рядом со мной. Отец налил дочери полный стакан:

– А это тебе – штрафная! Не воронь, сказано!

Чего она не должна делать, я не понял. Смотрел, как Люда мужественно выпила стакан водки, прикрыла ладошкой рот, отчего остались на лице одни глаза – смеющиеся, счастливые, смотрел, как мило и аккуратно она ела. Комната уже плыла у меня, стены смешно качались…

Как она ушла, когда исчезла жена Николая, я не заметил. Мы сидели с ним вдвоём за столом, и он все говорил, говорил. Уже был без рубашки, голый по пояс, руки волосатые, на мощной груди наколка – Сталин.

– Ты что, воевал, дядь Коль? За Родину, за Сталина?

– Ты чего меня навеличиваешь?! Какой я тебе дядя Коль? – почему-то взбычился он. – Ну, не воевал – и что? У меня броня была, понял? Бро-ня! Я электрик, такие специалисты на вес золота. Потому и не призвали, потому и на пенсию в пятьдесят пошёл!

– Я что-то не слышал, чтобы электрики в пятьдесят лет на пенсию уходили…

– Ты многое ещё чего не знаешь, сынок! Я ж не простой электрик. Простых много! А я – специалист по токам высокой частоты, понял? Мне двести двадцать – тьфу! Даже не бьёт, голыми руками могу провода держать. А там десять тыщ вольт, понял?

– По токам высокой чи-сто-ты? – переспросил я, трезвея и стараясь казаться остроумным.

– Ча! Ча-стоты! Вот за то мне и льготы такие! Да ты не о том! Подвинь стакан-то… Ты мне другое скажи, москвич, дочка моя глянулась тебе, а? Э-э-э, ты не юли, не юли! Вижу всё! Такая красотуля! Люблю кровинушку мою единственную! Что хошь дам за ней, лишь бы счастлива была!

– Так она же замужем…

– Была замужем! Ведь как родного его встретили, свадьбу сыграли, на внуков надеялись – куда это я всё теперь, кому передам? Мудак этот в тюрьму загремел…

– За что?

– Да ни за что! За глупость свою и за жадность. Прохожего зимой ограбил. Четыре года впаяли. Я и на суд не ходил. Зачем нам такой зять? Не было в нашем роду никогда такого… Ладно, за дело бы – а то шапку снял… Эх! У меня этих шапок, знаешь сколько… Хошь, подарю?

– А зачем лишние-то покупаете?

– Я? Покупаю? Я не покупаю. Я сам делаю. Шапки-то…

– Так вы ещё и скорняк?

– Не вы, а ты! Нечего мне выкать, а то потом отвыкать сложно будет… Не, сам не шью. Зачем? Шкурки отдаю, а люди шьют.

– А какие шкурки? С охоты?

Николай как-то странно сощурился, и стало не понять, совсем он пьяный или притворяется только.

– Шапки из собачек. Ружьишко есть – хочешь глянуть? Но охотиться не люблю. Грешно живность порохом изничтожать, у нее же нет ружья, ответить не может.

– А собачки?

– Так я ж только бродячих деру! Польза обществу! Тебе правда интересно? Так я научу! Дело не сложное. Главное – не бойся. Они, собачки-то, вёрткие, лучше всего за шею сзади ухватить… И от себя, на вытянутых руках, иначе весь живот тебе лапами исполосует… Минута делов – и готова шапка… Эх, мало ему, мудаку, моих шапок было, ондатровую захотел. Вот пусть посидит, подумает, как на чужое зариться…

– Так ведь Люда ждёт его?

– Тут вопрос не в том, ждёт или не ждёт. Тут вопрос – нужен он нам такой или нет. Давай пей! С богом! И жуй, жуй… Икра вот, сейчас ещё подложу…

Тут зашли обе: мать и дочь. Похожие друг на друга. Светлые, чистые. Улыбаются:

– Ну как вы тут, мужички? Всё гутарите?

Мать – словно королева. Статная, важная. Люда – принцесска маленькая. Стройная, красивая, смотрит зазывно. Платье сменила на миниюбку, губы накрасила. Прямо московская студентка-первокурсница. Ох, хороша!

– Вы, девоньки, тащите ещё бутылку, – привстал со стула хозяин. – И дров подбросьте, сейчас париться пойдём с гостюнёчком нашим дорогим! И икорки, икорки – большую банку давай, ишь, по вкусу ему!

– Сначала вы с маманей парьтесь, а потом молодёжь! – вдруг чистый, утренний голосочек выдал тираду, словно горнист в атаку армию поднял. Разом притихли все.

– Ну, это ты брось! – властно сказала королева-мать. – Ты вчера в баню ходила…

Люда бросила на меня томный взгляд и вышла.

* * *

В парной было так жарко, что у меня сразу заболела голова. Столько выпить – и на полок? А Николаю хоть бы что. Плеснул пару ковшиков на каменку, а когда затуманилось всё и дыханье стало перехватывать, похлопал рядом с собой.

– Садись, договорим… Так вот, о чём я… Людка-то, может, и ждёт. Понятно, дело молодое. Как на духу тебе скажу, потом всё равно узнаешь… Она у меня честная, в масть пошла, таиться не будет. Случилось тут по весне. Телевизор у неё сломался, ну я и пригласил специалиста, знакомого своего. Он за час всё починил. Денег у нас не принято давать или брать, а бутылку, как водится, я поставил. Сидим, а гляжу – дочура моя разрумянилась да всё на приятеля посматривает. А как бутылку допили, шепнула мне: «Папа, иди к себе». Утром я проснулся, тень за окошком мелькнула, глядь на часы – шести нет ещё. А больше – не, больше ни разу ничего себе такого она не позволяла, это я тебе как отец говорю… У нас всё по-честному…

Он долго молчал, прежде чем спросить главное. Потом выдохнул быстро:

– Ну что? Женишься?!

Я смотрел на него, прямо в глаза его ждущие, прямо в лицо его мокрое, красное, неподвижное – и он почему-то показался мне роднее после этих откровений и совсем не старым, а добрым, близким, доступным. Но я молчал, и он закинул мне на шею свою волосатую руку, больно сжав ключицу толстыми пальцами.

– Да я тебя не тороплю, понимаю, что всё с налёту получилось! Но – думай! И ещё скажу тебе: заладится – век меня будешь благодарить. В золоте с Людочкой купаться станете, осыплю с головы до ног…

Тут он наклонился вплотную ко мне и, почти касаясь лица мокрым и дурно пахнувшим ртом, прошептал:

– Я, знаешь, какой богатый! Тебе и не снилось! У меня миллионы, мил-ли-оны!

– С шапок, что ли?

– Э-э-э, шапки – это что… Это пустяки. Я ведь… Всю войну… И до войны ещё…

Я сидел не шелохнувшись, словно чувствовал: то, что сейчас услышу, не знает никто. И Николаю не просто хочется высказать наболевшее, запрятанное глубоко в душе, но почему-то ему очень важно пооткровенничать со мной, раз уж начал.

– Только ни-ко-му! Узнаю – убью, не посмотрю, что зять. Я ж подписку давал.

– О неразглашении?

– Ну! О том, что на службе состою. Секретной. Ни жена не знает, никто. Думает, я в командировки ездил. А на самом деле…

– А на самом деле?

– И на самом деле ездил. Только не начальство меня посылало. К директору вызовут, а там человек сидит, каждый раз новый. Даст мне билет на поезд, скажет: «Ваше место пятое, а его – седьмое. Больше никого в купе не будет. Всё остальное вы знаете».

– А его – это кого? – выдохнул в его глаза, чувствуя, как странным холодом обдало спину, живот и ноги, и всё тело вдруг пошло мурашками.

– Кого-кого? Врага народа, вот кого! – пальцы сдавили ключицу так, что я чуть не заорал от боли. Синяк останется.

– И что с ним? Тоже… как собачку?!

– А чего с ним чикаться! Это же враг – ты что, не понимаешь? Ты не понимаешь, что мы потому и победили фашистов, что избавились от этой мрази внутри страны?

– А сами-то как?

Мне невозможно было назвать Николая на «ты», никак невозможно, потому что колотило меня и трясло. Он не замечал. Он словно не чувствовал, все жался ко мне плотнее и только давил мою шею и плечи. И был такой мокрый, скользкий, вонючий.

– А сам схожу на следующей станции – и всё. Сажусь на обратный поезд, и утром уже дома…

– Платили хорошо?

Вопрос ему очень понравился. Он хмыкнул, отсел довольный.

– Вот это ты правильно интересуешься! У меня, как ты видишь, секретов теперь нету – родные уже, считай. Платили, да, хорошо. И деньгами, и карточками. Тогда ведь карточки были, до сорок седьмого года. Только я карточки в городе менял на облигации. На займ государственный всех подписывали, попробуй откажись, а людям жрать нечего было, вот они и меняли эти бумажки на карточки – считай, сотни человек я спас от голодной смерти. Вот так-то…

– А с облигациями что потом?

– Чудак ты! Они ж потом погашаться стали! У меня их тыщи, с каждого тиража две-три выигрывают.

– И крупные выигрыши были?

Он ещё дальше отодвинулся, глядел одобрительно, как смотрит отец на сына, подающего большие надежды и готового в будущем приумножить семейное дело.

– А то как же! Три раза по десять тысяч – это тебе не шутка. Если б захотел, сто машин купил бы уже. Вот родите внука мне с Людкой – всё будет! И квартиру вам сделаю в Москве, на всю жизнь обеспечу…

– А если откажусь – врагом народа стану? И тогда что? Как собачку? – спросил я и тут же понял, что мне конец.

– Ну-ка, пойдём выйдем, – прошипел Николай и полез с полка.

* * *

Женщины успели поменять посуду и немного прибрать. На столе стояли новая запотевшая бутылка, тарелки с салом и огурцами, огромная чаша с икрой, дымились пельмени.

Николай пихнул меня на ближний стул, одной рукой ухватил за спинку другой стул, перевернул его и сел, как на коня. Теперь его лицо напротив моего, и теперь он не был пьян. Глаза его сверлили, буравили меня и медленно наливались кровью.

– Ты что ж думаешь – самый умный здесь? Пожрал и соскочил? Провести меня хочешь, а, сучонок? Не, не выйдет! Мы и не таких видали. Ещё в ногах валяться будешь…

Он говорил тихо, чётко проговаривая слова, словно выплевывая их мне в лицо:

– Да куда ты теперь денешься? Чего молчишь? Отвечай!

Я молчал. Мне было очень страшно.

– Страшно тебе? Чего молчишь? Отвечай!

Я молчал.

– Ну, в общем так… Или ты сейчас соглашаешься, или…

И тут мне стало совсем плохо. Голова горела и раскалывалась. Но внутри, где-то в желудке, появился какой-то ком, твёрдый камень, и весь я стал как камень, вмиг осознав нереальность, запредельность ситуации. Это не со мной происходит, это вообще не должно происходить ни с кем! Я попытался встать со стула, но Николай хлопнул меня ручищами по плечам и намертво припечатал к сиденью.

– Я тут откровенничаю с ним, понимаешь, как с сыном! Приняли как родного, а он нос воротит! Соскочить захотел? Да ты только вякни тут – в порошок сотру! И душить тебя не стану, сучонок! Клеммы приставлю от трансформатора, ток пущу – соловьём запоешь! Ты хоть знаешь, что такое токи высокой частоты?..

Ком в животе стал подниматься к горлу, камень вытягивался, становился мягче, быстро заполнял все пустоты внутри моего тела, заставляя выпрямить спину и поднять безвольно

упавшую голову. Я снова увидел глаза соседа – красные, вылезающие из орбит.

– Убийца! – прохрипел я из последних сил. И впервые назвал его на «ты»: – Ты – фашист!

Дальше помню плохо. Помню, меня стошнило прямо на Николая. Как он меня душил и что орал при этом – помню смутно. Как прибежали на крик его жена и дочь – это вообще в тумане. Помню визг белокурой принцессы и истошный вопль королевы: «Вали отсюда!».

Помню, что вбежал в избу баб Шуры, закрылся на крючок и рухнул на кровать. Всё…

* * *

Назавтра я не смог встать, провалялся весь день. У соседей было тихо. Вечером вернулась из гостей баб Шура. Я ничего не стал ей рассказывать. Вообще никого не хотелось видеть, ни с кем разговаривать. В понедельник закончилась моя практика, и я вернулся в Москву.

Здесь можно было бы поставить точку. Но спустя несколько лет я случайно оказался в командировке в том самом маленьком городе. Знакомый облупленный вокзал и улицы с цветущими палисадниками. Страшное давно забылось. Да и было ли оно, не пригрезилось ли?

Дошёл до баб-Шуриного дома, постучал в дверь, вошёл. Она нисколько не изменилась, разве что морщин побольше да росточком ниже стала. Узнала сразу, рада была очень, называла уже не постояльцем, а сыночком.

– А заплот-то, что ты мне тодысь чинил, стоиит! – радостно сообщила.

Мы пили чай с московскими конфетами, я спросил её про соседей.

– Устюговы-то? Так они ж уехали. Как Николай помер, так дом продали и уехали. Ой, сыночек, там такая история была – не поверишь старухе! Новый-то хозяин стал в бане полы перестилать и отрыл целый бидон с-под молока, набитый сотенными! Вот те крест – доверху набитый сторублёвками старыми. Сейчас такие не в ходу, бумажки ненужные, а по-старому, говорят, там мильоны были… А может, и врут люди, сейчас ведь нельзя никому верить, да ведь, сыночек?

Дорогой Геннадий Мартович, от души поздравляем Вас, известного российского писателя, с 75-летним юбилеем! Здоровья Вам творческого и физического и новых задуманных книг!

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

ЕВРОПА, КОТОРОЙ УЖЕ НЕТ…

(переводы с сербохорватского и болгарского)

Десанка МАКСИМОВИЧ

ПРОВИНЦИАЛЫ

В детстве
мы не видели
ни зверинца, ни ботанического сада,
никогда не любовались жёлтыми мимозами,
не слыхали о попугаях, –
козы и овцы окружали нас,
лилии цвели на озёрах,
на полях волновались моря пшеницы.

Какие музеи?
Если мы что-то видели,
то всего лишь иконы святого Саввы
и любительскую мазню герцеговинских ребят.
Что же до статуй, они не могли нам даже
присниться,
потому что кладбища наши были простыми.

До самой юности,
до совершеннолетия
мы не бывали ни в каких столицах
и знали о мире только то,
что в нём родились.

И всё равно,
не зная языков, политики, книг,
не представляя, что там лежит за следующим
поворотом дороги,
никому не известные, ни с кем не знакомые,
именно мы меняли судьбы империй,
потому что провинция всегда поставляет
миру
именно нас –
думающих и мечтающих.

Андрей ГЕРМАНОВ

* * *

Ты, незнакомец,
сидящий сейчас на скале над вечным Тырново,
не удивляйся, почувствовав рядом
незримое присутствие,
тайное движение.

Это я.

Уже целую вечность я лежу
поверх белых камней и колючих трав,
раскинув руки под белыми облаками заката
поздней весной одна тысяча девятьсот
семьдесят шестого года,
в день моего сорокачетырёхлетия.

ПРАШКЕВИЧ Геннадий Мартович *– прозаик, поэт, переводчик. Родился в 1941 году в селе Пировское Красноярского края, в 11 лет переехал с родителями на станцию Тайга, где окончил школу. Автор известных романов «Кормчая книга», «Золотой миллиард», «Секретный дьяк», «Пёс Господень», «Носорукий», «Теория прогресса», «Русский хор», книг исторических и биографических. Член Союза писателей СССР (1982), России (1992), Союза журналистов России (1974), ПЕН-клуба (2002), заслуженный работник культуры РФ (2007), лауреат многих российских и международных литературных премий. Произведения Геннадия Прашкевича переводились в США, Англии, Германии, Франции, Болгарии, Польше, на Украине, в Литве, в других странах. Живёт в новосибирском Академгородке.*

Я не один.
На расстоянии прыжка цикады
сидит тоненькая девочка.
Согнув колени, опершись на них подбородком,
она карими задумчивыми глазами
разглядывает лежащий внизу город.

Вся чистота.
Вся прелесть.
Вся моя.
Вся – из другого мира.

Мы молчим,
нам достаточно одного взгляда,
чтобы понять тёмную невозможность,
бездну долга, тоску предрассудков,
необратимость лет, протекающих
меж нами…

Опускаются сумерки,
и мы медленно спускаемся вниз, –
в беспредельность ночного Космоса.
Но, оборачиваясь, я вижу
смятую траву и наши тени, оставшиеся
на склоне.

Вени, види, вици.
Вени, види, но не вици.

Нет меня давно.
Но что с той девочкой?
Что с нею? Легко ли ей?
Встретила ли она своего человека?
Незнакомец, шепни мне,
видны ли ещё на склоне горы наши смутные
тени?
Ведь, если всё было по-настоящему,
они должны там остаться.

Внимательнее всмотрись,
ты должен увидеть:
девочка тоненькая и смуглая,
она сидит, согнув колени, опираясь на них
подбородком,
и карими задумчивыми глазами
внимательно смотрит вниз
на прекрасный
и вечный город.

Давид ОВАДИЯ

МОЯ ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Моя первая любовь –
смущающаяся девчонка,
с чёрной длинной косой,
с нежными мечтательными глазами.

Каждое утро
я спешил в школу,
преисполненный великой радости
от того, что где-то у «Джумаята»,
или у «Халите», или у аптеки «Марица»
непременно встречу свою любовь.

Она была застенчива.
С простенькой сумкой в руке
торопливо бежала в школу, перепрыгивая
через рытвины,
и никогда не смотрела по сторонам.
На уроках алгебры и даже истории, которые
мне нравились,
я не столько решал задачи или запоминал даты,
сколько неумело рисовал в тетрадке
её чудесное смущающееся лицо.

Каждое утро
я почти решался
остановить её, пригласить в кино,
но всё откладывал, откладывал, откладывал,
пока однажды она не исчезла,
и уже никогда больше не появлялась
ни у «Джумаята», ни у «Халите»,
ни у аптеки «Марица».

И только через много лет я узнал,
что она была одной из самых опытных
и страшных агентов полицейского управления
и не раз раскрывала самые тайные ученические
кружки.

Какой странный союз красоты и жестокости!
Мой бедный ограниченный ум не в силах
представить,
как она могла обнимать своего любимого,
шептать ему: «Милый»,
после того как совсем недавно её чудесные
небесные кулачки
проходились по лицам её же сверстниц.
Ведь она не могла не видеть,
что по их лицам течёт
самая настоящая
липкая
кровь.

Иван ЦАНЕВ

ПЧЕЛА

Вбирает мир твоё жужжанье, когда ты
медленно взлетаешь
к цветку – мохнатый рыжий слиток, пыльца,
прилипшая к губам.
Соединяю звук и образ, тянусь к немеркнущим
вещам,
а ты, не думая о счастье, цветок душистый
выбираешь.

Привязанная нежной нитью, не можешь взять
и улететь.
Мой взгляд пустить тебя не может. С цветка
к цветку, как по ступеням
взбираешься, то пропадая в густой
колышущейся тени,
то останавливаясь, чтобы жужжаньем
праздник свой воспеть.

А может, это жадность – прятать весь
урожай в свой тесный улей?
нет, знаю, пиршество – не праздник, оно –
великая работа.
Трудись, мохнатая сестрица, пускай ведёт
тебя забота,
лети над жёлтыми цветами, как солнцем
пущенная пуля.

Дыханье мёда, боль усилий – ты б всё мне
сразу отдала,
сестра усердия, ты знаешь, как достигают
перевала.
Но только потянусь погладить, как ты в меня
вонзаешь жало,
и это как начало песни, о падающая пчела!

Дорогой Сергей Викторович! Поздравляем тебя с 55-летним юбилеем! Желаем многая и благая лета! Здоровья и сил для работы на благо журнала и русской литературы!

Сергей ФИЛАТОВ

В ШКОЛЕ У НАС БЫЛ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ…

Вопрос о возможности компромисса между служением, с одной стороны, идеям укрепления государственности, что всегда подразумевает под собой некий элемент личной несвободы, подчинённости чему-то большему; с другой – нашим стремлением к творчеству или, другими словами, желанием обрести большее число степеней личностной свободы, – один из вечных вопросов, кои для любого думающего человека стоят в ряду – «что первично: материальное или духовное» в Мiре, в нас, для наполненности смыслом нашего бытия…

Если обратиться к синодальному переводу Священного Писания, читаем: «В начале было Слово…» (От Иоанна, 1:1), и далее: «Все чрез Него начало быть…» (От Иоанна, 1:3). В оригинальном тексте Нового Завета на месте русского «Слово» стоит древнегреческое «ὁΛόγος», которое имеет десятки значений, в том числе «разум», «мысль», «основа»… Не здесь ли кроется ключ к ответу?

Именно разумное восприятие действительности и способность мыслить логически подводит к тому, что для существования любого социума необходимы некие правила, законы, по которым этот социум существует. Которым следует подчиняться, чтобы не противопоставить себя этому социуму. И любое творчество только тогда созидательно, когда оно работает, прежде всего, на соблюдение этих законов и правил, будь то Библейские заветы или Моральный кодекс строителя коммунизма.

И в мировой, да и в нашей российской истории есть множество примеров людей, которым удалось совместить в своей биографии и служение российской государственности и собственно творчество: это и Василий Андреевич Жуковский, и Александр Сергеевич Грибоедов, и Фёдор Иванович Тютчев, и многие другие…

На такие вот размышления навело меня общение с нашим земляком, родившимся на Алтае, в городе Бийске, Александром Бессмертных, который в начале 90-х был министром иностранных дел Советского Союза.

Честно говоря, после того как Александр Александрович, несмотря на свою занятость, согласился на интервью, с некоторой тревогой ждал от него ответов на мои вопросы, отправленные по электронной почте. Но когда получил эти ответы, то от тревоги и следа не осталось, поразили живость его языка и чёткость изложения мысли. Человек точно знает, о чём он хочет сказать, и умеет сказать об этом так, чтобы это стало понятно и интересно собеседнику. И ещё, как оказалось, Александр Александрович не только в юности мечтал писателем стать, но и сейчас ему не чуждо эмоциональное видение мира через рифмованные строки.

Безусловно, не только об этом мне подумалось, когда читал его ответы. К примеру, что мы знаем обыкновенно о своих известных земляках? Имя… максимум – краткие биографические данные. А вот, как человек шёл к своим высотам, чем он живет сейчас, что думает… Разве это менее интересно и познавательно?

– Александр Александрович, наверное, что-то из детства, связанное с Бийском, с Алтаем, вспоминается наиболее ярко?

– Бийск как место моего рождения отпечатался не только в паспорте, но и навсегда в памяти и душе. На том, чтобы я появился на свет именно в этом городе, а не в Ойрот-Туре (так именовался тогда Горно-Алтайск, где проживала наша семья) настоял мой отец Александр Иванович. В Бийске жили его родители, и он полагался на их доброту и опыт в обеспечении достойного приёма на этом свете его первенца. У мамы тогда в живых родителей не было, и она радовалась этому варианту. Вот так я и стал бийчанином – в доме своего деда на Почтовой улице, где и потом я неоднократно гостил.

Когда меня назначили министром иностранных дел СССР, поздравления пришли и от жителей Бийска, чему я был чрезвычайно рад. В некоторых городских газетах по этому случаю появились сообщения, в частности и о моих школьных годах в этом городе. К сожалению, речь, видимо, шла не обо мне, а о моих весьма многочисленных родственниках-бийчанах.

Школу я окончил в Ойрот-Туре, чем поразил экзаменаторов в Институте международных отношений (МГИМО), куда прибыл поступать. У них закружилась голова: «Это что и где такое? Какая еще Ойрот-Тура? Откуда такой беглый немецкий язык?..» Но деваться было некуда – приняли.

В моей долгой дипломатической карьере (только в США я проработал в общей сложности, в том числе послом, около двадцати лет) меня неоднократно спрашивали: «Вот вы из далёкого от Москвы Бийска. Что это за город?» Рассказывал, что помнил, в частности о том, что меня всегда интересовало. Город, возникший сначала в виде крепости в самом конце XVII – начале XVIII века, развивал активные международные торговые связи, понятно,

прежде всего с Востоком: Китаем и Монголией. Это была ещё одна дверь России во внешний мир... Ну и, конечно, это ворота в Горный Алтай... В общем, испытываемое мной чувство малой родины навсегда затаилось в моём сердце.

– Отец и мама… какие воспоминания связаны с родителями, с семьёй?

– Моя мать Мария Васильевна принадлежала к типу необыкновенно активных людей. Рано оставшись без родителей, она сумела, тем не менее, получить образование, в том числе финансовое, участвовать в политической жизни Алтая. Во время войны возглавляла городское отделение Сбербанка. В городе тогда скопилось немало преступных элементов, и ей пришлось несколько раз отстреливаться от бандитов, когда тёмными ночами возвращалась с работы.

Отец Александр Иванович (как инженер он возглавлял одно из предприятий города) ушёл добровольцем на фронт в 1941 году. Мать поддержала его порыв, хотя осталась с четырьмя детьми. Отец погиб в 1943 году в рукопашном бою под Старой Руссой, где на военном кладбище стоит памятник и с его именем.

Мне было семь лет, когда началась война. Я стал «старшим» мужчиной в семье. За мной следовали две сестры (привилегию дать имя которым мать предоставила отцу) – Долорес (Лора) и Нелли, и брат Эрнст, родившийся в апреле 1941 года. Я счастлив, что мы близки и дружны до сих пор. Лора стала врачом, а сейчас возглавляет большое семейство во Владимире, Нелли – в Темрюке, что на Кубани. Обе окружены детьми и внуками. Брат Эрик – издатель и писатель. Одним из его достижений была подготовка и издание уникальной «Шолоховской энциклопедии», которой он отдал несколько лет жизни.

– Годы Великой Отечественной войны, чем они стали для вас и ваших сверстников?

– Несмотря на голод 1942 года (страна была не готова к катастрофе), на тревогу («почему мы всё отступаем и отступаем?..»), военные годы всё равно были для нас полны приключений и впечатлений. Но главное – своеобразным воспитательным полигоном. Мы все быстро взрослели – подноготная жизни с её сложностями и трудностями, которые в другие времена прикрыты родительской заботой, широко открылась для нас. Особую значимость обрела мальчишеская дружба с непременными законами взаимовыручки и честности. Среди моих друзей был Коля Данилов, чуваш, единственный сын у матери, больной, безграмотной и нищей. Он пропадал у нас днями, а вечерами убегал к матери, пряча за пазухой бутерброд, которым мы с ним делились. Во всех ситуациях он был рядом. Был главным (после меня) защитником моих сестёр. Когда я уехал в

А. А. Бессмертных

Москву, связь наша не оборвалась ни разу в течение десятилетий. Он был единственным из друзей, кто не покинул Горный Алтай до своей смерти. С остальными друзьями у меня, фактически со всеми, десятилетиями сохраняются связи.

С тех времён осваивалось непростое искусство дружить и умение распознавать ложь в отношениях. Так, «на взлёт» можно сказать, что лжи было немного, скажем, процентов пять – семь из ста. Товарищество ценилось очень высоко.

Когда война началась, нам было по семь – восемь лет. Когда окончилась – по одиннадцать – двенадцать. Но мы были взрослее, сильнее, чем, скажем, наши дети в этом возрасте. И это, уверен, помогло нам не потеряться в перипетиях последующей жизни.

– Почему МГИМО? Было ли это решение спонтанным или всё же была какая-то целенаправленность, продуманность вашего выбора?

– Решение поступить в МГИМО было, по сути, случайным. Ему не предшествовали какие-то раздумья или расчёты. На него подействовали странно сложившиеся обстоятельства.

На выпускных экзаменах в школе я получил пятёрки по всем предметам, хотя на это особенно не рассчитывал. Документы на присуждение золотой медали ушли в Барнаул. Моя одноклассница Вера Олейник сдала на серебряную медаль. Мы с ней были первыми за всю историю города медалистами.

Пока у краевых властей гуляло моё дело, я переживал внутреннюю борьбу, решая вопрос о том, куда пойти учиться. Раньше были две мечты. Первая на глазах умирала, я взрослел и уже смотрел на вещи более реально. Мои рассказы и небольшая повесть «Туман и ветер», которые я посылал в журнал «Смена», не публиковались. Значит, решил я, в Литературный институт поступать не буду – не дорос. Вторая мечта – стать журналистом – представлялась вполне достижимой. Решил настроиться на журналистский факультет МГУ. Собирал написанное – вдруг пригодится. Литература и русский язык – мои любимые предметы. В школе у нас был замечательный учитель Красновский Иван Яковлевич, который всё пытался пробудить в нас «божью искру», убеждал, что русская натура «словоприимчива», что русские лучше воспринимают бытие через слово, чем через факты.

Время шло, а Барнаул молчал. Почти все одноклассники разъехались. Как-то на улице встретил директора нашей школы Коваленко Ивана Ивановича. Он стал успокаивать: «подожди, в институт успеешь...». Он знал, что я мечтаю о журналистике, но вдруг сказал, что недавно видел в «Комсомольской правде» объявление о любопытном вузе – Институте международных отношений. Я заинтересовался и подумал: чем чёрт не шутит. Наконец из Барнаула поступили документы: мне присудили не золотую, а серебряную медаль за неверный по тем временам перенос слова «огромный» (ог-ромный). Школьные учителя побунтовали против несправедливости, но напрасно.

Я быстро собрался. Сел на автобус до Бийска, там – на поезд до Новосибирска. На пятые сутки – в Москве. На следующий день помчался в Институт. Там потрясли сообщением, что и медалистам предстоит сдавать экзамен по иностранному языку. Сдав на отлично немецкий, с трудом «перебрался» на английский, тем самым открыл калитку в свою дальнейшую профессиональную жизнь.

– Знаю, что на работу в МИД вас взяли ещё до окончания института. Случай беспрецедентный…

– Действительно, до этого ничего подобного в истории не было, и это спасло моё будущее. Потому что одним из почти непреодолимых препятствий на этом пути было отсутствие московской прописки. Новая работа сняла проблему. Но был ещё один барьер. О нём – запись в личном дневнике, который я вёл с десятого класса: *«26 июня 1956 г. Экзамен сдал. Несколько дней назад узнал новость: за границу посылают только коммунистов. Молодежь зажимают. Среди тех, кто поедет, много людей, едва сдавших на «тройки». Считается, что наличие партбилета дает право стать безгрешным. Как это неверно! Партийная принципиальность должна проверяться только делом!»*

С М. Тэтчер

Приём на постоянную работу в МИД ещё не окончившего институт студента до сих пор остаётся делом беспрецедентным. А разгадка в том, что свою преддипломную практику я проходил в отделе печати министерства, которым руководил тогда известный партийный деятель, бывший редактор газеты «Правда» Л. Ф. Ильичёв. В те времена это был один из ведущих отделов министерства. Там, помимо прочего, писались речи для руководителей страны. Мне сразу пришлось переводить его беседы с иностранными деятелями, а потом их сжато записывать, давая анализ замысла собеседника. Кроме того, в отдел поступали газеты и журналы из Вашингтона и Лондона. Там их редко кто читал. Меня они крайне заинтересовали, и я стал делать аналитические обзоры для шефа. Он удивился, стал читать и даже рассылать их «наверх».

Однажды он попросил меня попробовать написать речь для Хрущёва, выезжавшего с визитом в Европу. Сибирский характер позволил мне не толь-

ко не испугаться, а наоборот, ничего не спрашивая, «накатать» большую речугу. Отдал и забыл о ней. Но, как оказалось, текст понравился Хрущёву, и он произнёс его в Париже. А я получил премию в сто сорок рублей. Когда наступил срок моего возвращения в институт, Ильичёв заявил, что оставляет меня в МИД, хотя это стоило ему «больших кровей». Диплом и выпускные экзамены я сдавал, получая двух-трёхдневные отгулы. Пройдут годы, и наступит момент, когда мы с Ильичёвым будем одновременно заместителями министра иностранных дел, и всегда – добрыми друзьями.

Сделаю отступление. По моему глубокому убеждению, судьба имеет своих агентов, я их называю «люди-вехи», с помощью которых она осуществляет повороты в нашей жизни. Сами агенты не ведают, что творят. Подскажут что-то, порекомендуют, случайно подтолкнут, а то подставят плечо и забудут об этом. А чья-то жизнь после этого помчалась по новому руслу.

– Работая в различных дипломатических миссиях за пределами страны, вы принимали участие в решении многих вопросов, связанных в том числе и с советско-американскими отношениями…

– Мой первый неформальный интерес к США как цивилизации появился ещё в студенческие годы, когда я перевёл с английского и опубликовал в институтской газете ироничную поддельную поэму «Возвращение Гайаваты». Оригинал – это гениальная поэма Лонгфелло «Песнь о Гайавате» на основе сказаний и мифов индейских племён. Оттуда, думаю, и вырос мой интерес к Америке, переросший в профессию. Через год после института я защитил кандидатскую диссертацию о дипломатии и дипломатической службе США.

Дальше всё пошло-поехало. Набирание опыта во многих ипостасях: политике, экономике, культуре, военной стратегии, дипломатии этого государства, ставшего одним из ведущих наших партнёров-оппонентов на протяжении десятилетий. Моя профессиональная стезя упрямо прокладывалась в сторону США: Нью-Йорк (помощник заместителя Генсекретаря ООН по делам Совета Безопасности); аппарат министра иностранных дел СССР (помощник с поручением отслеживать военно-политические настроения в США); Посольство СССР в Вашингтоне – в должности советника, затем советника-посланника с задачей анализировать вопросы политических и военно-стратегических отношений с США. Послом тогда был выдающийся дипломат А. Ф. Добрынин, с которым я проработал в Вашингтоне тринадцать лет. Через какое-то время я сам оказался в кресле посла.

С Дж. Бушем-старшим

– По сути дела, вы были последним министром иностранных дел СССР (если не считать Бориса Дмитриевича Панкина, который занимал этот пост, когда механизм развала СССР был уже запущен безвозвратно) и, как отметил В. А. Кузьмин (Превратности профессиональной дипломатии А. А. Бессмертных. Екатеринбург, 1999), первым руководителем этого ведомства, у которого были соответствующее профессиональное дипломатическое образование и опыт работы. До этого ваши предшественники приходили на это место в основном «по партийной линии»…

– Действительно, в то время потребовались опытные профессионалы. Партийцы, чиновники уже не годились. Появились новые по своему масштабу и качеству проблемы в мировой политике, особенно во взаимоотношениях СССР и США. Растущая роль иных ведущих держав – Китая, Индии, Японии, Ирана требовали от дипломатии мощного интеллектуального вброса, новых подходов в стратегических расчётах, конкретных знаний структуры военных балансов, возросшей важности конфиденциальных прямых (с глазу на глаз) контактов, зачастую без переводчиков, потребовали повышенной профессионализации руководителей дипломатических ведомств. Полагаю, эти соображения потребовали на высшие дипломатические посты профессионалов, с необходимым, понятно, опытом.

После моего ухода в 1991 году до назначения министром С. В. Лаврова руководство нашей дипломатией находилось в полупрофессиональном поле.

– За сравнительно недолгое время вашего руководства МИДом был достигнут ряд важных международных соглашений, в том числе и в

области советско-американского сотрудничества… и воплощения концепции «пояса дружбы». Почему же всё-таки именно в это время, несмотря на итоги референдума, стал возможен развал СССР, чем это обусловлено?

– Это было крайне интенсивное время, наполненное серьёзными переменами в самых разных областях. Они требовали либо корректировки некоторых наших подходов, либо даже отказов от них. С другой стороны, время подбрасывало новые, порой неожиданные задачи. До того как я стал министром, я несколько лет был заместителем и первым заместителем министра. При Шеварднадзе это означало достаточную степень самостоятельности. Будучи глубоко вовлечённым в переговоры по ограничению и сокращению вооружений, я одновременно уделял внимание серьёзным региональным проблемам. В том числе нерешённым. Особенно – Ближнему Востоку.

К примеру, считал исключительно важным укреплять отношения по периметру наших границ. Тогда и зародилась заявленная мной концепция «пояса дружбы» вокруг нашего государства. Началось с развития связей с Ираном и Турцией, странами с давними антироссийскими традициями. Встретился с их лидерами, и дело постепенно пошло. Был первым министром нашей страны, посетившим Израиль, нанёсшим официальный визит (впервые в истории) в Грецию. Мной был подписан исторический договор с Китаем о прохождении границы, над которым трудились несколько десятилетий наши дипломаты. Велись активные переговоры с Японией, ведущими странами Ближнего Востока, Восточной Европы. Кольцо постепенно формировалось, обрастая дружественными договорённостями и практическим сотрудничеством.

Сейчас этот пояс разрушается, к сожалению, в критических местах (Украина, страны Балтики).

Потом мы подошли к 1989, 1990 и 1991 годам, которые серьёзно изменили историческую картину века. Причины накапливались незаметно и потом «рванули». Отчётливо проявилась экономическая слабость СССР, хотя он был высокоразвитой индустриальной державой, но с преобладанием закрытого оборонного сектора. Нефтяное богатство обедняло нас. Мы слишком зависели от нефти. Когда цены на неё возрастали, наша власть, как Илья Ильич Обломов, ложилась на диван и, забыв о реформах, посапывала до очередного кризиса. Нефть всегда (и сегодня) коррумпировала наши реформы.

У нас вообще склонность к импровизационным вариантам реформ. Мы не были готовы к выживанию в условиях сильного экономического кризиса девяностых годов. Стали просить помощи у Запада, особенно у «семёрки» западных стран. Но это был просчёт. Потом (после развала СССР) пошли даже на привлечение американских советников в правительство (в ряде министерств сидели американские советники). Это и была «техническая помощь» Запада. И мы развалились.

В это время я уже не был в правительстве.

– Не могу не поинтересоваться вашим мнением о работе МИД РФ сегодня.

– Российская дипломатия унаследовала многое из опыта советских времён. Советский же опыт воспринял всё лучшее из практики Российской империи. Надо понимать, что дипломатия, как и оборона, стоит над идеологией, хотя на практике то и дело это фундаментальное правило нарушается. Но всё-таки стержень остаётся.

Фактически все нынешние руководители основных подразделений МИД РФ прошли (на разных уровнях) через участие в советской дипломатии, о которой фактически даже американские исследователи говорят с завистью и восхищением. Казалось бы, почему? Потому что дипломатия – это отточенный инструмент внешней политики. Он «внепартийный» и «внеидеологичный». Он воплощает в себе искусство, опыт и интеллект.

Конечно, российской дипломатии приходится работать в более сложных условиях. Россия остаётся великой державой, но она уже не супердержава. И потому наши национальные интересы приходится защищать с удвоенным напряжением сил. И это в целом получается. Я в постоянном контакте с МИД и министром С. В. Лавровым (в моё время он был начальником одного из управлений). Это способный, трудолюбивый и высокопрофессиональный дипломат, успешно работающий в нашу сложную эпоху.

– Александр Александрович, что бы сегодня хотели пожелать своим землякам?

– Я испытываю какое-то сыновье томление, когда речь заходит о Бийске. Меня обдаёт странным теплом – ведь это моё малое отечество. Возможно, мне удастся вырваться из рабочей загруженности и посетить свою малую родину.

Счастья и успехов моим землякам!

– Спасибо вам за беседу.

Стихотворения Александра БЕССМЕРТНЫХ

ПОИСК

Смысл я в тебе ищу...

А. Пушкин

В людском потоке пыль,
В людском потоке явь.
Но застилает быль
Мятежность бытия.

Здесь кто оставил след –
Палач или святой?
Нам отвечают:
Нет, то был пастух простой.
А где нам смысл найти,
Христос и Моисей?
В пещерах, чтоб спасти,
Его зарыл ессей...

А к истине тропа –
Скребки на бересте.
К познанию врата –
Морщины на песке.

СТРОКА

Я гнался за строкой,
Счастливой, как роса,
Несущей, словно молвь в порывах ветра,
Неоглашённость дерзостных идей.
И в то же время
Ясной, как дыханье.
Я близок был и, руку протянув,
Почти коснулся
Шёлка оперенья.
Но, поскользнувшись, дикая строка
Слетела вдруг
В подвальное сознанье
И, задыхаясь в сжатосерой тьме,
Сверкнула на мгновенье
И погасла.
Но, затухая, бросила на стол
Рассыпчатую тень,
Как обещанье,
Что словно стрекозиный род,
Она вспорхнёт когда-нибудь опять
Над омутом бессмысленных страстей
И в радужном сиянье
Обновления
Сыграет вновь со мной
В перегонки.

СТРОКА-2

Задохнувшаяся строчка,
Как нелопнувшая почка, –
Галактическая боль,
Дээнковые сплетенья,
Кварков дикие смятенья,
Ломка стойких воль...
Отрешённости свеченье,
Душ ушедших излученье
Не воспрянут вновь,
Потускнеет смысл Слова,
И всполохом суперновым
Не придёт любовь.
В недрах чёрных дыр без света
Всё застынет без ответа,
Как умерший луч.
Не раскрыть тенёта тайны –
В строчке, скомканной случайно,
Замурован ключ.

* * *

Я не славлю Россию –
Она не нуждается в этом.
Она – мировая стихия,
Потому не подвластна поэтам.

Она не нуждается в тостах,
В заклинаньях, что веришь и любишь.

Шепчу ей я тихо и просто:
Спасибо, что есть
И что будешь.

БЕССМЕРТНЫХ Александр Александрович *родился 10 ноября 1933 года в Бийске. До поступления в вуз жил в Горно-Алтайске. Окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР. Работал референтом, переводчиком, сотрудником Секретариата ООН, заведующим отделом США МИД СССР, заместителем и первым заместителем министра иностранных дел СССР. Был Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в США. В январе – августе 1991 года А. А. Бессмертных – министр иностранных дел СССР, член Совета безопасности СССР. Участвовал в подготовке международной мирной конференции по Ближнему Востоку (Мадрид, 1991), в подписании советско-американского Договора по СНВ-1 (Москва, 1991), первых соглашений СССР с Советом Европы.*

Автор многих статей и исследований на темы дипломатии, внешней политики, военно-политической стратегии, переговоров по ядерным вооружениям. Кандидат юридических наук. Действительный член Российской академии социальных наук, член-корреспондент Чилийской академии социальных, политических и гуманитарных наук. Награждён орденами Дружбы народов, Почёта, медалями, другими знаками отличия, в том числе Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. В настоящий момент возглавляет Международную Внешнеполитическую Ассоциацию, а также Всемирный совет бывших министров иностранных дел и Ассамблею международных деловых и культурных связей. Живёт и работает в Москве.

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН НЕ ПРИЗЫВАЛ К РАСПАДУ СССР

(Письмо из Иркутска)

Двадцатипятилетняя дата обрушения Советского Союза в недавние мартовские дни стала предметом телепередачи под названием «Вечера с Владимиром Соловьёвым». Мы уже привыкли к тому, что любую тему можно уложить в развлекательный жанр токшоу, и если тема задевает, терпим выплески несдержанных эмоций, шум и одновременный крик семи ораторов – но какое без этого было бы шоу? Хотя важен и смысл. Особенно если гости передачи – известные политики, деятели культуры, писатели.

Вот и на этот раз разговор проистекал бурно. Ещё бы! Речь шла о событиях, перевернувших жизнь огромной страны, собравшимся выпало в той или иной мере оказаться их участниками, и каждый был искренне убеждён, что помнит лучше других перипетии разломной эпохи.

К сожалению, в спорах рождались новые неточности и заблуждения – вместо прояснения истины трагедии страны, исчезнувшей с карты мира. В том, что случилась именно трагедия, были едины все, и это уже шаг вперёд, однако пришла пора отказаться от тех расхожих клише, что сложились ещё с 1990-х годов не без усилий победившей либеральной части российского общества.

Одно из таких клише – якобы причастность Валентина Распутина к развалу Союза. Вот и 17 марта, как раз в дни годовщины ухода из жизни писателя, имевшего помимо официальных званий и наград неофициальное звание «Совесть России», рядом с именами правителей Горбачёва и Ельцина, не удержавших страну на крутом историческом повороте, прозвучало его имя. На Распутина сослался Борис Славин, помощник президента Горбачёв-фонда, желая обосновать неизбежность происшедшего: «Историю делают люди… Были многие сторонники освобождения России от Союза. Среди них был такой гениальный, я считаю, писатель Распутин, который рассуждал о том, что вот мы освободимся от этой периферии, освободимся, так сказать, от всех республик, и мы заживём лучше, потому что основной потенциал есть в России. Это было? Было. Мало того, депутаты поднялись с места и аплодировали, устроили ему овации…».

Было, но по-другому, и аплодировали другому. В утверждении Б. Славина сближены две мысли, принадлежащие двум разным писателям. Не случайно с большим трудом, но всё-таки можно было расслышать реплику, кажется, А. Ципко: «Это Солженицын…». Однако на ней не остановились даже присутствовавшие на передаче писатели, заторопились дальше. И стало совершенно очевидно: выступление Распутина на Первом съезде народных депутатов СССР 1 июня 1989 года, а именно тогда он высказался о судьбе России на переломе эпох, не было по-настоящему осмыслено. Ведь подобные упрёки повторяются вновь и вновь.

Лучше всего было бы сегодня, в год 25-летия распада СССР, повторить публикацию этой речи писателя полностью в каком-то известном издании. Она передаёт не только точку зрения самого Распутина, в ней запечатлена общая атмосфера съезда накануне распада державы, – таков, что называется, исторический контекст.

Распутин говорит о необходимости сдерживать «безумство храбрых», о «необъявленной войне против нравственности», о незащищённости от клеветы даже представителей «самого верхнего эшелона власти», задаёт прямой вопрос М. Горбачёву об угрозе государственного переворота, остро ставит вопросы экологии.

Особенно пронзительна его речь предчувствием близкой катастрофы – крушения СССР и желанием её предотвратить. Напомним. «Не мною сказано, – говорил писатель, – но кстати повторить здесь в небольшой редакции знаменитые слова: «Вам, господа, нужны великие потрясения – нам нужна великая страна»». Уместен короткий комментарий. «Небольшая редакция» известного высказывания П. Столыпина заключается, в том числе, в замене слова «Россия» на слово «страна», что подтверждает: Распутин имел в виду не одну Россию, а весь Союз. Затем он пытается переубедить представителей союзных республик, точно указывая на то, как сеется раздор. Призывает не поддаваться ему, объясняет, силится достучаться. Выделим некоторые фразы.

«О стране. Никогда ещё со времён войны её державная прочность не подвергалась таким испытаниям и потрясениям, как сегодня… **Шовинизм и слепая гордыня русских – это выдумки тех, кто играет на ваших национальных чувствах, уважаемые братья…** Но играет, надо сказать, очень умело. Русофобия распространилась в Прибалтике, Грузии, проникает она и в другие республики… **Антисоветские лозунги соединяются с антирусскими…** Здесь, на Съезде, хорошо заметна активность прибалтийских депутатов, парламентским путём добивающихся внесения в Конституцию поправок, которые позволили бы им распрощаться с этой страной. **Не мне давать в таких случаях советы.** Вы, разумеется, согласно закону и совести распорядитесь сами своей судьбой. **Но по русской привычке бросаться на помощь я размышляю: а может быть, России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете её и если её слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления? Мо-**

жет, так лучше? Это, кстати, помогло бы и нам решить многие проблемы, как настоящие, так и будущие. Кое-какие ресурсы, природные и человеческие, у нас ещё остались, руки не отсохли...

Поверьте, надоело быть козлом отпущения и сносить издевательства и плевки. Нам говорят: это ваш крест. Однако крест этот становится всё больше неподъёмен. **Мы очень благодарны Борису Олейнику, Иону Друцэ и другим депутатам из республик, кто сказал здесь добрые слова о русском языке и России. Им это позволяется, нам – не прощается».**

Далее Распутин говорит о том, что не Россия виновата, «а тот общий гнёт административно-промышленной машины...», и единственно, о чём просит: «...жить нам вместе или не жить, но не ведите по отношению к нам себя высокомерно, не держите зла на того, кто его, право же, не заслужил».

И где здесь желание «освободиться от периферии, от всех республик»? Вовсе другое – «по русской привычке бросаться на помощь» писатель не предлагает, а всего лишь размышляет, обращаясь к тем, кого называет братьями: коли мы вам мешаем жить хорошо, так не лучше ли нам уйти, освободить вас от себя (а не себя от вас!). И чем заканчивает свои размышления? Словами, которые почему-то никогда не цитируются: **«А лучше всего вместе бы нам поправлять положение. Для этого сейчас, кажется, есть все возможности».**

И как после этого поворачивается язык причислять Распутина к «сторонникам освобождения России от Союза»?..

Что касается высказанной надежды, «глядишь, и России станет легче, и она сосредоточится на себе», то в этих словах прорвалась давняя боль русского человека. В 1980-е годы многие граждане Российской Федерации пришли к выводу, что их республика по самым важным показателям находится в худшем положении по сравнению с другими республиками Союза. Было даже принято обращение к правительству СССР с убедительными доводами и предложением мер по выправлению такого перекоса. Это и отразилось в чаянии писателя открыто говорить о российских бедах, преодолевать их. Но и тогда, в том обращении (увы, запоздавшем!) не было призыва выделить РСФСР из других республик, речь шла только о справедливости.

К сожалению, во время перестройки Россия не поднялась, хуже того – часть её населения оказалась в заложниках у бывших братских республик и подверглась гонениям.

Совсем иное говорил Александр Солженицын в своей статье «Как нам обустроить Россию» (1990). У него были конкретные предложения, как «распрямиться от давящего груза»: надо избавиться от «среднеазиатского подбрюшья» при сохранении союза трёх славянских республик. (Правда в 1994 году он отказался от радикальных взглядов в отношении Средней Азии.) Уж и впрямь, не перепутали ли двух писателей в горячке ток-шоу?

Почему-то не берётся во внимание ответ Распутина на обвинения в призыве к распаду Союза, которые сразу же посыпались на него со стороны либерального лагеря. Доходило до улюлюканья – дескать, атаман Краснов бы накинулся с шашкой на такого патриота! Распутин, почти никогда не вступавший в полемику, здесь высказался резко.

«Речь идёт о словах: «А может, России выйти из состава Союза?» ...Понять их так, как понято А. Стреляным, значит ухватить, что называется, меня руками за язык и придержать, чтобы после вопроса ничего, кроме мычания, не последовало, и вопрос прозвучал как утверждение, сопровождённое угрозой. Истина тут и близко не ночевала...

Жаль, не дано расслышать А. Стреляному в моих словах великую боль и обиду за Россию, на чью голову... выливались поношения и брань как на главного и единственного виновника всех несчастий шестой части суши...» (Интеллигенция и патриотизм // Лит. Иркутск. Нояб. 1990 – янв. 1991).

Возражения оппоненту постепенно переходят в глубокое осмысление судьбы СССР и места в нём России, даются прогнозы последствий будущих «разводов» республик, которые сбываются на наших глазах.

И в дальнейшем, в очерке «Что же дальше, братья-славяне?..» 1992 года, во всей публицистике последующего двадцатилетия Распутин остаётся верен себе как консерватор и государственник-патриот и неизменно выступает против всякого рода разрушений и разрушителей.

Весьма прискорбно, что при всём признании его гениальности, он остаётся по сию пору не прочитан и не понят. Более того, те, кто не сумели или не захотели остановить крушения страны, теперь пытаются переложить на него часть своей ответственности.

Непрочтение и непонимание Распутина, ставившего точный диагноз Отечеству в самые провальные годы конца XX века, ныне является одной из главных причин нашего затянувшегося топтания на месте. В этом нет никакого сомнения.

Константин ЖИТОВ,
член Союза журналистов России,
Василий ЗАБЕЛЛО,
член Союза писателей России,
Василий КОЗЛОВ,
член Союза писателей России,
Валентина СЕМЁНОВА,
член Союза писателей России,
Валентина СИДОРЕНКО,
член Союза писателей России,
Владимир СКИФ,
член Союза писателей России

НАЗНАЧЕНИЕ ВО «ВРАГИ»

Известный литературный (и не только) провокатор Александр Байгушев в двух номерах «Литературной газеты» опубликовал запредельно злобную статью «Гришка Отрепьев нашего времени». Возможности восьми газетных полос «Литературной России», № 12, 13 за текущий год им использованы для дискредитации и уничтожения своего оппонента, заместителя редактора журнала «Наш современник» Александра Казинцева.

Что явилось толчком к размахиванию увесистой словесной кувалдой, которой автор лупит почем зря по репутации вызывающего у него ненависть человека? Без ознакомления с публикацией в «Нашем современнике», № 11 за 2015 год, озаглавленной достаточно полемически: «Патриоты и бюрократы», построенной на основе лекции Александра Казинцева, не понять неадекватной ответной реакции. Так что же там сказал Казинцев, вызвавшее ярость своего тезки? Процитируем: «Те, кто работал в литературе в 80-е годы, знают, какое скромное место занимал в ней – и в патриотическом движении – Александр Байгушев. Чиновник средней руки. Годы спустя он решил взять реванш и в книге воспоминаний создал миф – о русской партии». И далее говорится о «русских клубах», патриотах-идеологах, писателях патриотического лагеря, русском движении. Говорится уважительно, с документами на руках, ясное дело, полемические приемы также используются. Где в вышесказанном грубые оскорбления в адрес Байгушева?

И воспоследовала «скандальная» (это из словаря самого Байгушева) реакция, сильно напоминающая визг. Автор не находит ни единой нормальной черточки у оппонента, оскорбляя его, прибегает к обидной кличке, которую мы здесь не будем воспроизводить. Читать такое, сочащееся гноем и грязью, вредно для души да и для тела: хочется сразу после мучительного процесса чтения вымыть руки.

Байгушев подает себя руководителем «партийной разведки», коим он стал после Ильи Эренбурга, и действующей при секретаре ЦК КПСС Михаиле Суслове. Известно, «сам себя не похвалишь», так вот, он еще, с его слов, влиятельный член «русской партии». Правда, подтвердить его утверждения об этом некому, его ссылки на знаменитых покойников и несуществующие документы, якобы сожженные в сейфе Суслова, рассчитаны на легковерных.

А еще Байгушев вываливает перед публикой огромную кучу занятных фактов, среди которых и дурнопахнущие. Занятно цитировать хвалебные рецензии читателей о «себе любимом» из Интернета, где есть, конечно, и совсем иные, но о них ни гу-гу.

Размышляя над текстом, постоянно ловишь автора на неточностях, передержках, лжи. Ну вот, например, он утверждает, что при Брежневе (это самое благословенное время в жизни страны, по мнению монархиста, координатора личной стратегической разведки и контрразведки генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, как он себя аттестует, Байгушева) страна не вела внешних войн. Окститесь, автор, СССР тогда как раз крепко завяз с военными действиями в Афганистане. А вот еще: автор совершенно верно утверждает, что католическая церковь сжигала своих врагов – реальных и выдуманных, а русская православная церковь этого не допускала. Не хочу говорить о сжигании ведьм по селам темным людом – это никак не задокументировано, но как же быть с Аввакумом и сотоварищи – здесь-то документы налицо?.. Ведь, как известно, солгавши раз, кто тебе поверит.

Байгушев входит в раж, крушит с упоением направо и налево, мажет Проханова, Станислава Куняева, прикладывает и других, легко, с огнем в груди и жаждой мести, как какой-нибудь потерявший остатки совести блогер из Интернета.

Он прозревает (никак обитатели ада его информируют?), что Казинцев состоит на службе каких-то нехороших сил, будто бы тот – этакий засланный агент (используется термин «засланный казачок»), с намеками на службу самым гадким заокеанским силам. Ну бред сивой кобылы, да и только. И ведь прекрасно знает, что писать, вдохновляясь не светом и добром, а злом, – это как легкая с блеском в глазах и всенепременными последствиями служба Фауста известно кому.

Начитаешься такой одомашненной конспирологии и задаешься самым наивным вопросом: «А зачем это делает Байгушев? Зачем вносит разлад в патриотическую среду, которая бурлит, рождая самое разное, в том числе и многих, желающих стать вождями»?

И приходишь к простому, как мычание, выводу: «Так это же Байгушев – засланный казачок! Это он зачем-то (может, самостийно, может, с чьей-то подачи) гвоздит по известным патриотам».

Вообще-то дискуссии, соблюдая правила приличий, у нас не умеют вести. Совсем неслучайно русский народ зафиксировал в фольклоре: хоть горшком назови, но в печь не сажай. Здесь же, в «Гришке Отрепьеве нашего времени», просто запредельный уровень злобы и самолюбования автора.

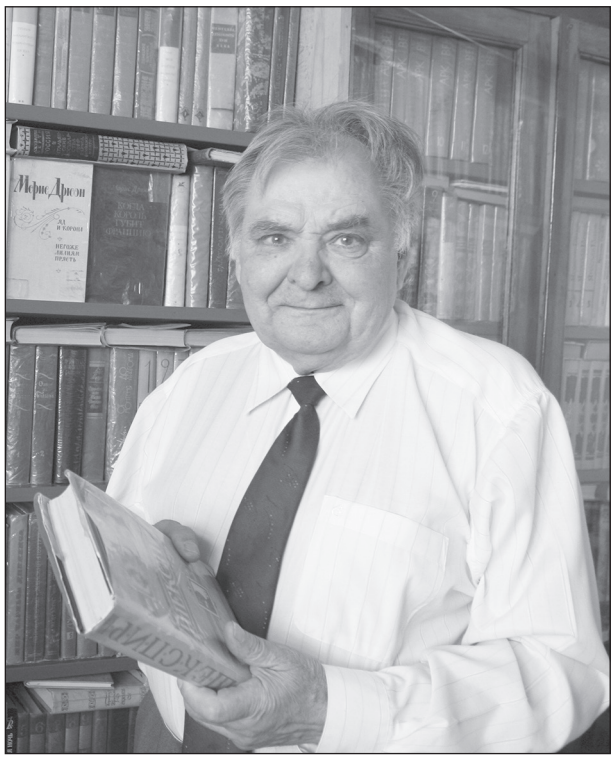
Уж никак не на пользу стране, ее успокоению написанное Байгушевым, скорее для упокоения оппонентов.

Нужна ли нам рождаемая с ожесточением, хиханьками и хаханьками сфера пропагандистской гражданской войны внутри пока еще гражданского мира с назначением во «враги»?..

Валерий ПЛЮЩЕВ

УЧИТЕЛЬ

К 90-летию В. Н. Данкова



С фотографии десятилетней давности на нас смотрит пожилой человек с доброй и чуть озорной улыбкой, а умные, не по возрасту живые глаза его как бы спрашивают нас, сегодняшних: «Ну как вы тут, ребята?..»

И мы, «его ребята», каждый по-своему, но одинаково тепло и с ноткой грусти вспоминаем этого замечательного человека, всю жизнь посвятившего, наверное, самому благородному делу – воспитанию воспитателей детей, будущего нашей страны.

Василий Николаевич ДАНКОВ. Сегодня ему исполнилось бы девяносто лет, восемь лет не дожил он до этого славного юбилея. Но те неполные восемьдесят два, что были отпущены ему Всевышним, вместили многое: трудное детство без отца (его, сельского священника, арестовали в 1929-м), учёбу в тамбовском училище и работу учителем в прифронтовой области; долгую, на полжизни, дорогу к кандидатской диссертации, позволившей ему на рубеже своего пятидесятилетия вновь возглавить любимый филфак, но уже не в пединституте, а в Кемеровском государственном университете (в общей сложности Василий Николаевич руководил факультетом более двадцати лет). Наконец, то огромное количество студентов, обучавшихся на факультете в эпоху Данкова, учеников, глубоко уважавших, беззаветно любивших его и называвших меж собой не иначе, как НАШ ДЕКАН или ОТЕЦ ВАСИЛИЙ.

В когорте учеников Данкова есть учёные, политики, писатели, ответственные чиновники, священнослужители, офицеры. Он гордился ими, живо интересовался судьбой каждого, но более всего ценил труд простых сельских учителей. Как не вспомнить классика: он к ним «...милел людскою лаской». Не раз приходилось слышать его слова в их защиту и поддержку: «Они там, где они нужнее всего. Им трудно, потому что они готовят наше будущее...»

А тем, кто разошёлся с НАШИМ ДЕКАНОМ во времени, сегодняшним студентам факультета филологии и журналистики (так теперь называется филфак), имя этого человека помогают сохранять именная стипендия имени В. Н. Данкова и кабинет имени В. Н. Данкова, до недавнего времени существовавший на факультете. Но главное, что позволяет нам сохранить образ этого удивительного человека и педагога, – память, простая человеческая память. Она неизбывна, а грусть наша светла...

И пусть сегодня, в день, когда Учителю исполнилось бы девяносто лет, свое слово скажут его благодарные ученики, которые с гордостью называют себя «птенцы гнезда Данкова»...

Наталья ГЕРАСИМОВА (ВОЛОШИНА) ***(выпуск 1974 г.), старший преподаватель кафедры литературы Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова, дочь писателя А. Н. Волошина, лауреата Государственной (Сталинской) премии, г. Кострома:***

– Мне по-настоящему повезло учиться на филологическом факультете Кемеровского педагогического института в 1970–1974 годах. Нас учили и опытные педагоги, такие как В. М. Потявин, А. М. Микешин, и молодые, влюблённые в науку – Т. В. Артемьева, Н. П. Трофимова, Д. А. Сокольникова, И. Л. Днепрова. Благодаря нашему декану на факультете царила атмосфера доброжелательности, какого-то духовного подъёма...

И тогда, когда я была студенткой, и позже, когда уже работала после аспирантуры на кафедре литературы, я не раз убеждалась, что «отец родной» – очень точное именование людей, подобных Василию Николаевичу. И иронический оттенок ничуть не

меняет его существа. Он был заботливым опекуном своих студенческих чад, щедро отдавал им знания, время и силы. Те воспоминания, которыми я хочу поделиться, как раз об этом. А назову свой рассказ так: «Старославянский язык и новогодняя курочка»...

В зимнюю сессию 1971 года среди прочих трудных и обширных дисциплин, которые предстояло нам осилить, был настоящий монблан премудрости: старославянский язык. И ведал этим монбланом, как и порядком на всём факультете, Василий Николаевич Данков. К моменту сдачи экзамена мы были уже хорошо знакомы с его отеческой заботой о каждом студенте. Но и о строгости, а порой и гневливости по отношению к ленивым и бестолковым, тоже знали. Готовились к экзамену серьёзно, благо лекции Василия Николаевича были отличными: всё в них было кратко, ясно, чётко. Но запомнить, выучить наизусть предстояло огромный материал...

...Уже давно идёт экзамен, а мы с подругой, Людочкой Зленко, всё не можем оторваться от тетрадок с лекциями. Ещё и ещё раз перечитываем: первая палатализация, вторая палатализация, падение редуцированных, аорист... Проходит час за часом. Всё! Мы заходим в числе последних...

Сам экзамен помню плохо. Кажется, мне достался текст про тёщу Петра, лежащую в горячке. Почему она лежит в горячке и кто её исцеляет? – смысл Евангелия откроется мне много позже. А тогда главными для меня были формы слов и времена глаголов. Я и сама тогда, как евангельская тёща Петра, была в горячке. Но хорошо помню, как менялось выражение лица Василия Николаевича. Он смотрел то хмуро-удивлённо, чуть откидываясь на спинку стула, когда я заикалась и путалась, то улыбался и ободряюще кивал: «Да не бойся! Всё правильно!». Наконец мы с Людой выходим из кабинета. Сдали!.. За окнами давно темно. В просторном коридоре нашего заискитимского индивидуально-филфаковского корпуса пусто и тихо. На часах девять вечера. Не помню зачем, но перед уходом мы заглянули в деканат. Там на шкафу лежала сетка-авоська с сырой курочкой и стояла бутылка шампанского. До Нового 1972 года оставалось часа три...

Увы! Если вспомнить особенности работы тогдашнего кемеровского транспорта, у бедной птицы было мало шансов попасть к новогоднему столу в приличном, то есть хорошо прожаренном виде! Тогда мне показалось это подвижничество декана (в предновогоднюю ночь принимать зачёты почти до звона курантов!) своеобразным чудачеством и чрезмерной требовательностью к бедным школярам. Много позже я поняла, что такова была натура нашего учителя: высочайшая ответственность за порученное дело, удивительная увлечённость им, безжалостная требовательность к себе и студентам. Видимо, он сильно хотел, чтобы его студентки с хорошим настроением и чувством исполненного долга сели в эту ночь за праздничный стол. В итоге так оно и случилось...

...Уже потом я представляла, как по ночным заснеженным кемеровским улицам спешит наш Василий Николаевич к своей семье, невероятно уставший, с сырой курочкой в авоське и бутылкой шампанского. А домочадцы терпеливо ждут его у новогоднего стола, давно привыкшие к тому, что главным в жизни их отца и мужа всегда оставались его работа и ученики, его долг и призвание Учителя.

Ольга ЕВДОКИМОВА (ПОЛЯКОВА) ***(1974 г.), сельский учитель, директор школы, глава сельского поселения, Гурьевский район, село Малая Салаирка:***

– Требовательный, строгий, он по-отечески относился к своим студентам, но терпеть не мог лодырей и приспособленцев. Им было трудно на факультете... Многие девчата на первом курсе его просто боялись, на втором – начинали понимать, а уж потом, поняв, влюблялись безоглядно. Говорю так, потому что коллектив-то у нас был девический, влюбчивый, а свои эмоции девушки прятать не умели. Потому и говорят до сих пор о нашем декане с такой теплотой и нежностью. Женское сердце не обманешь, оно всегда доброту чует.

Сергей ЕВДОКИМОВ ***(1974 г.), сельский учитель, директор школы, краевед, Гурьевский район, село Малая Салаирка:***

– Более сорока лет прошло, а всё помнится, как на выпускном вечере мы, парни курса (а всего-то нас было четверо!), попросили Василия Николаевича сказать, что же нас ждёт впереди. Он говорил, а мы, молодые, горячие, верили и не верили своему декану. Но жизнь показала, что он был прав в своих прогнозах. А прозорливость эта объяснялась тем, что он каждого своего студента хорошо знал, чувствовал и всегда мог поддержать в трудную минуту. Он заботился не только о нашем быте, наших стипендиях, но и о духовной жизни. Только на филфаке был женский хор, которым руководил известный дирижёр Зданевич. А инициатором этого был наш декан! Какие смотры художественной

самодеятельности проходили в университете! И чаще всех там побеждал филфак. А наша стенгазета была длиною более десяти метров… Нет, нам не скучно было с нашим деканом!

…Мне он тогда сказал: «Ты, Серёжа, в деревне родился, там твои корни. Будешь со своей Олей жить дружно, учить сельских ребятишек, а друзья будут приезжать к вам, чтобы отдохнуть от суеты городской. У вас будет всё хорошо, не пожалеешь…»

Так оно и случилось. С женой Ольгой (в девичестве – Поляковой), однокурсницей, мы уже сорок три года вместе. Двое взрослых детей. Всё это время мы работали в сельских школах: учителями, директорами… Я увлёкся краеведением, музей при школе создал, брошюры пишу, редактировал книгу о Гурьевском районе. А всё это – от любви к родному языку, что привил мне, да и не только мне, Василий Николаевич. И друзья нас часто навещают…

Лет десять назад я был у Василия Николаевича в гостях. Узнал меня, обнял… Уже позднее в разговоре только одной фразой и напомнил тот наш давний разговор: «Не пожалел, что в селе живёшь и работаешь? То-то же…»

Светлана ЖИЛКИНА *(1971 г.), директор школы, г. Кемерово:*

– Мы – счастливое поколение студентов: филологии нас учил Василий Николаевич Данков…

Надежда КОСТРОМИНА (ПОДЧЕЗЕРЦЕВА) *(1976 г.), сельская учительница, с. Березово, Кемеровский район:*

– Это был удивительный человек, профессионал высочайшего класса. Он был для меня и остаётся образцом человеческой мудрости. Как он мог чувствовать человека!.. Он был титаном, хранителем науки, щедро раскрывающим её тайны тем, кто этого хотел, кто тянулся к свету, к знаниям…

Светлана АНТОНОВА (КУРНОСОВА) *(1974 г.), доцент кафедры Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, кандидат филологических наук, Белоруссия:*

– Ипостась этого человека, наверное, можно выразить по-разному: Профессионал, Мастер, Маэстро, Гуру, Гроссмейстер, Мэтр… А он был просто хорошим и добрым человеком, замечательным лингвистом, той незаурядной личностью, рядом с которой нам посчастливилось быть в годы обучения на филфаке в Кемеровском пединституте, а позднее – университете… Как-то в разговоре, что состоялся на 1-м курсе, он так сказал о том, что ждёт нас в вузе: «Учиться на филфаке трудно. Надо очень много читать, понимать, трудиться каждый день: над книгой, над собой. Если это не любишь – не иди сюда, незачем, выгод здесь никаких… Любишь? Твоё это? Тогда будет очень интересно, тогда это твоё и на всю жизнь!»

Наверное, не все и не сразу мы смогли понять глубину и справедливость его слов, но жизнь подтвердила их правоту, и сейчас я сама порой говорю это своим студентам, не опасаясь плагиата…

…Бывший в курсе всех событий на факультете, знавший каждого студента, он, казалось, был одинок и среди коллег, и в кругу студентов: его внешняя суровость, неулыбчивость, категоричность в суждениях порой озадачивали и пугали нас. Лишь на старших курсах мы начинали понимать, что за всем этим в его душе таилась неиссякаемая доброта, неравнодушное отношение к жизни, к людям, и это понимание вызывало огромное уважение и благодарность к этому человеку, нашему Учителю, которые мы храним по сей день…

Александр МАРКИДОНОВ, *студент филфака КемГУ (1972–1976 гг.), доцент Санкт-Петербургской духовной академии, г. Санкт-Петербург:*

– Василий Николаевич – человек сердечной, страстной, почти мучительной заинтересованности в людях, его окружающих. Мог быть олицетворением «бури и натиска». Он излучал тепло отеческой нежности и доверительной открытости… Дивный лектор с живейшим чувством и знанием стихии и строя древнерусской речи. Светлая Вам память, дорогой Учитель!

Тамара НАУМОВА *(1976 г.), сельская учительница, Топкинский район:*

– Мне уже тогда было много лет, и потому я училась на заочном отделении филфака, одновременно работая в сельской школе. Василий Николаевич так вдохновенно, так убедительно давал нам свой предмет (старославянский язык и историческую грамматику), что вернёшься домой с сессии, а в голове вертятся парадигмы древних глаголов и существительных… Трудно было на его занятиях, но интересно…

…А в общении Василий Николаевич был удивительно обаятельным человеком. Это мы в полной мере поняли, когда он ходил с нами по грибы в деревне Пинигино. Слава Богу, что он был в нашей жизни!..

Студентки 2-го курса **Инна Баумтрок, Анна Марко, Виктория Матяж, Ольга Подолякина** и **Светлана Стебунова** получают именную стипендию им. В. Н. Данкова, которая была учреждена по инициативе администрации Кемеровской области в 2004 году.

Инна БАУМТРОК, Виктория МАТЯЖ:

– Нам не довелось учиться у Василия Николаевича Данкова, но уже на 1-м курсе нам полно и душевно рассказали о нём, водили на экскурсию в лингвометодический кабинет, названный его именем, где хранится его личная библиотека, фотографии и воспоминания его выпускников и коллег. Мы поняли, что это был строгий, но справедливый преподаватель и декан, что он воспитал не одно поколение кузбасских учителей русского языка и литературы, учёных-филологов, журналистов. Василия Николаевича любили, уважали и коллеги, и студенты, а корпус, где когда-то находился факультет, студенты до сих пор называют не иначе, как Данковка.

Как в политехе студенты говорят: «Сдал сопромат – можешь жениться!», так и у нас на факультете многие годы живёт поговорка: «Сдала старославянский и историческую грамматику – можешь выходить замуж». А появилась она в эпоху Данкова. Мы гордимся, что являемся обладателями стипендии им. Василия Николаевича Данкова и бережно храним память об этом замечательном человеке и мудром учителе.

Ирина ФЕДОРОВА (ВИДЯКИНА) ***(1974 г.), зам. главы Кемеровской области (1993–1997 гг.) зам. главы г. Кемерова (1998–2012 гг.), г. Кемерово:***

– До сих пор множество ярких впечатлений и воспоминаний остаётся в памяти о нашем декане, Данкове Василии Николаевиче...

...Как интересно, как заразительно он читал свои лекции по старославянскому и древнерусскому языкам!.. Он, наш декан, казалось, насквозь видел каждого из нас, но иногда был так доверчив, что попадался на наши маленькие студенческие хитрости. Понимая, что многие из нас нуждаются в простом человеческом участии, сочувствовал и помогал по-отечески. Хотя и строг бывал! А всё потому, что хотел видеть в нас настоящих УЧИТЕЛЕЙ. И спасибо Вам, Василий Николаевич, за те уроки мудрости и доверия, за школу становления.

Ирина ФРОЛОВА (БАРЫШНИКОВА) ***(1975 г.), преподаватель Кемеровского колледжа культуры и искусства, заслуженный учитель Российской Федерации, поэт, член Союза писателей России:***

– А в имени его таился знак,
И царственность в глаза бросалась сразу:
И внешность (словно это Бог и Маг),
И мощные, отточенные фразы!

Василий Николаевич Данков... Мы боялись его и боготворили; трепетно слушали, что он говорил, а делали по-своему: так всегда бывает в семьях, где дети любят родителей, но побаиваются их в гневе. И у нас было всё как в настоящей семье! А мудрость, требовательность и справедливость нашего декана-отца мы оценили в полной мере уже потом... Мои подруги-однокурсницы достойно работали, а многие и сейчас продолжают свою деятельность в учебных заведениях области и за её пределами, «сея разумное, доброе, вечное», как этого хотел Василий Николаевич. Очень надеюсь, что мы его не подвели и не разочаровали...

Людмила ХОДАНЕН ***(1970 г.), доктор филологических наук, профессор кафедры истории и теории литературы и фольклора КемГУ, г. Кемерово:***

– Василий Николаевич Данков был деканом филологического факультета в период его «золотого века». Будучи яркой, сильной личностью и блестящим филологом, он в высшей степени соответствовал той должности, которую занимал многие годы в пединституте и университете – декана факультета. Он был настоящим лидером, которому безоглядно верили и студенты, и его коллеги-преподаватели.

Замечательный лингвист, он так упоённо читал свои лекции по старославянскому и древнерусскому языкам, что смог подавляющее число своих студентов влюбить в наш родной русский язык. Он любил, знал и воспринимал русскую литературу как духовное наследие великого народа и высшую форму национального языка, считал, что только великий язык может дать миру великую литературу.

Вечная ему память от благодарных учеников!

Подготовил С. ПАВЛОВ,
(выпуск 1974 г.), член Союза писателей России,
член Союза журналистов России,
подполковник милиции в отставке,
г. Кемерово

Иван ЛИТВИНОВ

«МИЛОСТИВЫЙ МУЖ»

Почти всё время царствования Алексея Михайловича (Тишайшего) неотлучно находился при нём, служа по дворцовому ведомству, его ближний постельничий, а потом дворецкий и воспитатель (дядька) старшего царевича Алексея Фёдор Михайлович Ртищев. Он был почти сверстник царя Алексея, родился годами четырьмя раньше его и умер года за три до его смерти (1673 г.). Сторонним наблюдателям он был мало заметен: не выступать вперёд, оставаться в тени было его житейской привычкой. Хорошо ещё, что какой-то современник оставил нам небольшое житие Ртищева, похожее скорее на похвальное слово, чем на биографию, но с несколькими любопытными чертами жизни и характера этого «милостивого мужа», как его называет биограф.

Из «Русской истории» Василия Ключевского

16 апреля 1626 года, 290 лет назад, в семье лихвинского городового дворянина Михаила Алексеевича Ртищева родился славный продолжатель старинного русского рода, ведущего свою историю со времён Димитрия Донского, – Фёдор Ртищев.

Вот как описывает удивительный характер Фёдора Ртищева наш известный историк: «Наперекор природным инстинктам и исконным привычкам людей Ртищев в заповеди Христа любить ближнего, как самого себя, исполнял только первую часть: он и самого себя не любил ради ближнего – совершенно евангельский человек, правая щека которого просто, без хвастовства и расчета, подставлялась ударившему по левой, как будто это было требованием физического закона, а не подвигом смирения. Ртищев не понимал обиды и мести, как иные не знают вкуса в вине и не понимают, как это можно пить такую неприятную вещь».

В лекции, посвящённой жизнеописанию этого «редкого благоразумия и непоколебимой нравственной твёрдости» человека, Василий Осипович Ключевский рассказывает поучительную историю непростых взаимоотношений Фёдора Ртищева и его подчиненного: «Некто Иван Озеров, некогда облагодетельствованный Ртищевым и при его содействии получивший образование в Киевской академии, потом стал его врагом. Ртищев был его начальником, но не хотел пользоваться своей властью, а пытался утолить его вражду упорным смирением и доброжелательством; он приходил к его жилищу, тихо стучался в дверь, получал отказ и опять приходил. Выведенный из терпения такой настойчивой и досадной кротостью, хозяин впускал его к себе, бранился и кричал на него. Не отвечая на брань, Ртищев молча уходил от него и опять приходил с приветом, как будто ничего не бывало. Так продолжалось до смерти упрямого недруга, которого Ртищев и похоронил, как хоронят добрых друзей».

По свидетельствам современников, «Ртищев, еще не имея сорока лет от роду, благоразумием превосходил многих стариков», был «миротворцем при дворе», человеком, способным «устранять вражды и столкновения, сдерживать сильных и заносчивых или неуступчивых людей».

Он участвовал в самых разнообразных делах, управлял приказами, «чуть где проявлялась попытка исправить, улучшить положение дел, Ртищев был тут со своим содействием, ходатайством, советом, шел навстречу всякой обновительной потребности, нередко сам возбуждал ее и тотчас сторонился, отходил на второй план, чтобы не стеснять дельцов, ни у кого не перебивал дороги. Миролюбивый и доброжелательный, он не выносил вражды, злобы, ладил со всеми выдающимися дельцами своего времени...»

Автор «Русской истории», не скрывая преклонения перед истинным смиренномудрием героя своего повествования, отмечает:

«Впрочем, не государственная деятельность в точном смысле слова была настоящим делом жизни Ртищева, которым он оставил по себе память: он избрал себе не менее трудное, но менее видимое и более самоотверженное поприще – служение страждущему и нуждающемуся человечеству».

Составитель «Жития милостивого мужа Федора, званием Ртищева» передаёт нам несколько трогательных черт этого служения.

«Сопровождая царя в польском походе 1654 года, Ртищев по дороге подбирал в свой экипаж нищих, больных и увечных, так что от тесноты сам должен был пересаживаться на коня, несмотря на многолетнюю болезнь ног. В попутных городах и селах устраивал для этих людей временные госпитали, где содержал и лечил их за свой счет и на деньги, данные ему на это дело царицей. Точно так же и в Москве он велел собирать по улицам валявшихся пьяных и больных в особый приют, где содержал их до вытрезвления и излечения, а для неизлечимых больных, престарелых и убогих устроил богадельню, которую также содержал за свой счет. Он тратил большие деньги, выкупая русских пленных у татар, помогал иноземным пленникам, жившим в России, и узникам, сидевшим в тюрьме за долги. На выкуп пленных из Крыма и Турции Ртищев пожертвовал 1000 рублей серебром.

Его человеколюбие вытекало не из одного только сострадания к беспомощным людям, но и из чувства общественной справедливости. Ртищев подарил городу Арзамасу свою подгородную землю, в которой горожане крайне нуждались. В 1671 году, прослышав о голоде в Вологде, Ртищев отправил туда обоз с хлебом для раздачи нищим и убогим, а затем 900 рублей серебром и 100 золотом, вырученных главным образом от продажи своего имущества, включая одежду и утварь».

Ртищев заботился и о своих дворовых людях, особенно о крестьянах: старался соразмерить работы и оброки крестьян с их средствами, поддерживал их хозяйства ссудами. При продаже одного своего села уменьшил его цену, заставив покупателя поклясться, что он не усилит барщинных работ и оброков.

Перед своей смертью Фёдор Михайлович отпустил на волю всех дворовых и умолял своих наследников, дочь и зятя, только об одном: на помин его души как можно лучше обращаться с завещанными им крестьянами, «ибо, – говорил он, – они нам суть братья».

1 июля 1673 года приближённый царя Алексея Михайловича Романова, окольничий, глава приказов, просветитель, благотворитель, основатель Андреевского монастыря, больниц, богаделен и школ, прозванный современниками «милостивым мужем», Фёдор Михайлович Ртищев отошёл ко Господу, оставив о себе добрую память, явив собой пример, достойный подражания для всех жаждущих спасения.

«Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7) – Сам Господь говорит нам, что таковые будут Им помилованы. Так что же значит быть милостивым? Быть милостивым – значит быть неравнодушным, быть готовым откликнуться на чужую боль и страдание, быть терпимым, кротким и добрым. Быть таким, как Фёдор Ртищев.

г. Бийск

18 декабря 2015 года были подведены итоги областного конкурса стихов и прозы «Новая книга», организатором которого был Дом литераторов Кузбасса. Первые места в номинациях «Поэт», «Прозаик» и «Начинающий прозаик» соответственно заняли Ольга Хапилова, Евгения Борисова и Никита Тимошенко. У этих авторов будут изданы собственные книги в издательстве «ДЛК». Участников, занявших вторые и третьи места во всех номинациях, ожидали публикации на страницах журнала «Огни Кузбасса». Итак, знакомьтесь: лауреаты конкурса «Новая книга»!

Ольга КОМАРОВА,
2-е место в номинации «Поэт»

* * *

Незваным гостем
дождь пришёл в сады,
он разговорчив был,
и ласков, и упрям.
Он целовал кресты тепличных рам,
былых обид зализывал следы…

Холодных пальцев
трепет по листве –
по нежной плоти,
солнцем опалённой…
сад отзывался, –
с женщиной влюблённой
он уличён был в сходстве
и родстве…

Дождь ликовал, и вторил сад,
смеясь
над страхом прежним –
зацвести не в пору.
И не было конца их разговору…
И удивительна была
меж ними связь…

* * *

Чёрные талии тополей
белый облапил снег…
Чёрные в белом, и вдоль аллей –
лунной тропою – след…

И, погружаясь в тихую грусть,
в снежно-живую муть,
знаю наверно, что не вернусь,
но продолжаю путь…

Тени за мной, впереди, вокруг, –
может быть, я – они…
В сложном сплетении веток и рук
память свою храним…

Саваном снежным… – но не жалей,
не напророчь беды…
Чёрные в белом, и вдоль аллей
только мои следы…

* * *

Бывает лишь один ночной
час безмятежный, –
сон младенца…
И душно пахнет летом – в сенцах,
и петухи – на полотенцах,
и ноздреватый хлеб – печной.

Бывает час, – ах! – мало, мало…
когда из городских сует
сорвёшься за город,
но нет –
назад не отмотаешь лет,
и не тебя покличет мама.

И не твоей рукою гвоздь –
рукой сноровистой –
в заборе…
Пока тебя носило в море
житейском,
дом на косогоре –
твой дом –
уже и вкривь и вкось.

И мальчуган – макушка-рожь,
и у сестрёнки – две косички… –
чужое детство, быт, привычки.
За час – всю жизнь переживёшь.
Проснувшись,
нервно ищешь спички…
И маму жалобно зовёшь…

* * *

А писем ненаписанных – тома,
за ежедневным варевом сует.
И я схожу… – нет, не скажу…
Сама
свожу письмо – вечернее – на нет.

Не ради жалобы, а так – поговорить,
брести сквозь день – бесцельно, не спеша;
раскручивая разговора нить,
так в руки и не взяв карандаша.

Что напишу? За осенью – зима?
За расставаньем… – нет, увы, не встреча…
И писем ненаписанных – тома…
И собеседник – далеко-далече…

* * *

Забавы ради тополиный дым
гонял без устали он по дорогам пыльным.
Он был моим поверенным, посыльным,
но ветреным и просто молодым.

Дышал в лицо мне клевером и мятой,
и в жар бросало от таких забав.
А он крепчал, гоняя волны трав
по вспугнутой степи, тоской объятой.

Теперь делить уж нечего мне с ним, –
он, возмужав, порывист стал, прохладен,
до золота – листвы – ужасно жаден,
непредсказуем и необъясним.
То из озябших пальцев вырвет зонт,
а то в попутчики навяжется, играя.
Он был поверенным…
Но удержи у края
того, кому неведом горизонт.

* * *

Бросаешь в воду камушки…
Круги
расходятся и малы, и велики;
то лунные серебряные блики,
то по судьбе покорные шаги…

Бросаешь в воду камушки…
Пора
ночей бессонных над строкой звенящей
прошла… Рука по вечерам всё чаще
без спиц тоскует, а не без пера…

Бросаешь в воду камушки…
Дрожит
на тёмной ряби лист осенний жалкий,
а присмотрись, и вот он – пламень жаркий.
Зачем бросаешь камушки, скажи…

Анастасия КОНДРИНА,
2-е место в номинации
«Начинающий поэт»

* * *

Дышится сладко, нелепо истошно.
Первый-единственный раз – живая.
Вот меня время в тоску одевает,
Вот мне дороги шлифуют подошвы.

Страшно глаза закрывать, потерплю я.
Ярко проступят под веками звёзды.
Смерть – это небо в алмазах после
Самого долгого поцелуя.

* * *

Доведи себя до ума. Доведи,
Как ребенка, бережно за ладошку.
Задохнёшься на середине пути –
Посиди на дорожку.

А пойдёте – ему расскажи, как жить,
И как всё, что желается – очень важно.
И что нужно любить, не чая души.
Пусть не смеет так же.

Доведи его, он не дойдёт один.
Сбереги его там, где страшно.
Вот она, дверь, куда не войти
Одинаковым дважды.

В эту дверь ты так долго стучал, просил.
А теперь и не видно замков, но
Ты останешься перед ней без сил.
А ребёнок войдёт, за собой захлопнув.

* * *

Послевкусие непрочитанных книжек.
Интересно, кто из нас ближе
Друг к другу:
Летящие к югу
Или я, не взлетавшая дальше пятиэтажек?
Интересно, кто из нас выше?
На случайной странице,
Как всегда, есть ответ
«Как жить дальше?».
И если птицы умеют через океаны даже,
То я хочу быть такой птицей.

* * *

В моём сердце играет самый дешёвый оркестр,
Пропуская то сильную долю, то меццо-форте.
Я на собственный лад разбросала по стану ноты
(Забавы вместо),
Чьи-то стройные партитуры переиначив.
Моё сердце звучит, как я ему предписала,
Исполняя тоску и муку дурным вокалом.
Любовь тем паче.

Наталья МОНАСТЫРЁВА,
3-е место в номинации «Поэт»

* * *

Как быстро деревья меняют окраску,
Короткое время чудес –
Так луковою шелухою на Пасху
Осень покрасила лес.

Покроет холмы первым инеем утро,
От солнца закрою глаза –
Вот так куличи, побелённые пудрой,
Ставят на свет к образам.

Холодной воды зачерпну из колодца,
Шагну... и застыну на миг,
И в лужице, взявшейся первым морозцем,
Прочту Богородицы лик.

ХВОЙНО-ЯГОДНЫЕ СТИХИ

Эти дни были чудно хорошими,
Лето пятками – наутёк,
Из сапог, что давно припорожены,
До сих пор кто-то сыпет песок.

До сих пор ещё пахнет озером
Каждый волос плетёной сети.
И зачем я писать забросила
Хвойно-ягодные стихи?

Не поверите. Стало совестно.
Без меня зацветёт кипрей.
Убежать бы тропинкой по лесу
К озерцу, наловить окуней.

Пошептаться с красой-рябиною,
Отыскать свой тайник в камнях,
А потом развлекать былинами
Всех, кто ждёт у калитки меня.

* * *

Звёзды-родинки неба родного,
Светотени веков…
Проливной звездопад, а мы снова
В ночь ушли без зонтов.

От меня до тебя лишь три слова
В паутине лучей…
Звёзды-родинки неба родного
У меня на плече.

* * *

В любимом блокноте без спроса
Я часто меняю слова,
Не зная, что лист в нём – берёза,
А мой карандаш – сосна.

Когда-то на поле диком,
Где ветер мешает спать,
К шершавой коре земляника
Свою прижимала прядь.

И брёл на закат тоскливо
От жизни сбежавший аскет,
И конь его трогал гривой
Сквозь сосны процеженный свет.

Дышали по-чёрному печи,
Корзины искусно плелись,
И родинкой лунной отмечен
Был каждый берёзовый лист.

Я помню всё это, знаю,
Но снова мараю лист,
И меркнет моё сознанье
За гранью, где сны сбылись.

Ответьте, июньские грозы!
Простят ли меня сполна
Не цветшая летом берёза,
Не знавшая ветра сосна?

Ирина РОЗЕНБЕРГ,
3-е место в номинации «Поэт»

11 января 2015 года после тяжёлой и продолжительной болезни ушла из жизни молодая талантливая поэтесса, коренная кемеровчанка Ирина Розенберг. У Ирины осталась 9-летняя дочка, которая воспитывается родителями Ирины.

* * *

Накатив водою чистой, вешней,
Стало быть, по Божьему веленью,
У меня к тебе такая нежность –
Без отчёта и определенья!

Так легко, что я почти летаю! –
Это не вина, не долг, не ревность…
Ты, скорей всего, не представляешь,
Как бы заглянуть в глаза хотелось!

Тихо, словно кот, крадётся вечер,
И настанет ночь, и день был шумным…
Постоянно, страстно, бесконечно! –
Все мои стихи – тебе! – пишу я.

Ты возьми себе – из каждой строчки –
Всё мое тепло, чтоб лёд растаял…
Знаю, что нужна тебе я очень,
А потом что будет, я не знаю…

Но – пока что в утро ночь не канет,
Всей душой – от края и до края! –
Словно звёздный мост к тебе протянут –
Нежность у меня к тебе такая...

* * *

Осознанья, сил, Святая Троица!
Света бы ещё на душу грешную…
Просто надо сесть и успокоиться,
Слёзы с чаем пополам не смешивать.

С некой непривычной раньше грубостью
Видятся дела под призмой новой:
Господи, какие всё же глупости –
Ревности, несчастные любови…

Все пути кругом покрыты пятнами
Ровных, как дробины, многоточий.
Помоги родным не потерять меня,
Потому что это больно очень.

О. Сергий (АДОДИН),
2-е место в номинации «Прозаик»

СЕМИНАРИСТ

Матушка Лидия Бородина была младше своего мужа на два года. Познакомились они случайно, как сказал бы неверующий. Но для Лиды давно уже не существовало случайностей.

Отмечали последний звонок. После официальной части в Управлении культуры решили пойти в городской сад – на аттракционы. Все были нарядно одеты: некоторые девочки красовались в настоящей школьной форме, с белыми бантами, другие просто оделись по принципу «белый верх, чёрный низ», парни носили пиджачные пары с галстуками. Весёлой гурьбой спускаясь по Советской, громко распевая то «Катюшу», то «Взвейтесь кострами», одиннадцатиклассники не могли не вызывать весёлых улыбок прохожих.

– Какие красивые! – растрогалась одна старушка.

– Красивые-красивые, а вот подрастут, так натворят делов! Тоже мне! – фыркнула её соседка, отворачиваясь.

Когда ребятам надоело распевать старые песни, они перешли на современные хиты.

– Забирай меня скорей, увози за сто морей! – разносилось по улице.

Когда они наконец достигли горсада, многие уже охрипли от шлягеров. Некоторые ребята куда-то делись по дороге. Вроде бы у Паши Костецкого намечался какой-то междусобойчик для особо посвящённых. Остальные мальчишки по дороге набрали импортного баночного пива и теперь бесились на каруселях в ещё более весёлом настроении, чем раньше. Потом они стали катать девочек на автодроме, разбившись по парам. Неподалёку от автодрома, прислонившись к неработающему фонтану, стояли двое парней чуть постарше. Несмотря на жару, они были одеты в одинаковые чёрные кители со стоячими воротничками, белыми изнутри, судя по окантовкам. Ребята пили пиво, вероятно, не самой престижной марки, за что были вознаграждены беззлобными насмешками от Лёши и Витали:

– Бросайте пить кислятину, мужики!

– Э, пейте нормальное пиво, как мы с Лёхой!

Один из парней, светленький, с битловской стрижкой, приветственно помахал им свободной рукой:

– Не боись, всё равно с одной бочки разливали!

У него оказался довольно звучный баритон. Лида окончила хоровую школу с отличием и в голосах разбиралась очень даже неплохо. Она тут же окрестила его Хворостовским. Второй был тёмненький, с короткой стрижкой. Узковатые глаза делали его похожим на китайца. Разве что кожа была обычная, светлая.

– Э, стой, так вам же нельзя пиво пить! – это вмешался Толик Жмак из параллельного. – Это же грех! Бог накажет!

Раздался дружный хохот. Те двое, однако, нисколько не обиделись. Усмехнувшись, они продолжили свою беседу.

– А что такое, пацаны, в смысле? – спросил Юра, который всегда отставал от курса событий. – Не понял прикола.

– Да это же семинаристы, ну семинария, ты что, не знаешь, что ли? – ответили ему.

– Попы, что ли?

– Да нет ещё. Учатся.

– А-а-а.

– Кто, семинаристы? – это уже девочки заинтересовались.

– Пошли, познакомимся, – прошипела Лариска Звягина.

– Да ты что, им же жениться нельзя, – возразила Наташка Неупокоева.

– Дура, это монахам нельзя.

– Так, мож, они монахи.

– Ага, и пиво пьют у всех на виду! Монахи с бородой, а у этих нету. У них ещё платья такие длинные должны быть.

– Блин, Волкова, пойдём скорей знакомиться, пока эти кикиморы нас не опередили! – зашептала в ухо Верка Могушкова.

Лида уже была настолько заинтригована тем, что её Хворостовский учится в духовной семинарии на священника, что решила поступиться своим принципом не знакомиться первой. К тому же она была не одна. Да и с Веркой не страшно – та такая бойкая, что могла дыру на месте провертеть. Пожалуй, пора действовать – вон уже Лариса дёргает Неупокоеву за рукав.

– Пошли, только разговор начинай сама.

Вера отмахнулась и решительно направилась в сторону семинаристов. Лида поспешила за ней.

– Привет, мальчишки! А это правда, что вам жениться нельзя? – Верка, похоже, подслушала разговор девчонок и теперь использовала полученные знания прямо на ходу. Чёрненький смутился:

– Да нет, ну почему? Мы это…

Хворостовский положил ему руку на плечо, останавливая. И добавил с серьёзным видом:

– Нет, жениться-то нам можно, а вот замуж выходить – ну никак нельзя!

Лида, не выдержав, прыснула от смеха. Похоже, они ещё и шутить умеют. Разговор завязался легко. Выяснилось, что Хворостовского зовут Павлом, а «китайца» – Ильёй.

– Он японский самурай, – поделился секретом Павел, заговорщицки подмигивая. Лида была уверена, что он подмигнул именно ей, а не Верке.

– Сам ты самурай! Не слушайте его, девчонки. Он самый настоящий наркоман. Обкурился камыша, в башке ни шиша. У меня дед кореец.

– Кто-кто? Индеец? – развеселился Павел. – Нет, ну где правда? Индейский шаман в городе, куда смотрит миграционная служба? Дай бубен, Косой Глаз!

– Только в бубен могу!

Тут их внимание привлекли крики. Пока они разговаривали, к автодрому подошли восемь мальчишек не из их школы. Они уже успели отбиться от своих одноклассниц и, судя по поведению, тоже были навеселе. Но, видимо, пивом дело не обошлось. Видимо, они не поделили с Максимом Голуновым скамейку.

– Ты чё, не понял, ботаник? Место резче освободил! – кричали они.

Максим все девять лет учился вместе с ними, но после перешёл к «бэшкам», так как тем дали гуманитарный уклон. «Вэшки» стали физико-математиками. А прежний класс был химико-биологический. К ним прибыло несколько человек, кое-кто ушёл. В одиннадцатом Голунов снова вернулся, так как у него не сложились отношения с одноклассниками. Максим являл собой типичный образец «ботаника» – нескладный отличник в неизменных очках. Он был высокого роста, худой и довольно слабый. На физкультуре Максим только злил физрука – маленького плотного дядьку с красным лицом и алкоголическими прожилками на носу. Однако, несмотря на физическую слабость, трусом Максима никто не мог назвать. В начальных классах его часто били, но никогда не добивались слёз и просьб о пощаде. Вырос Максим колючим и неуступчивым.

Вот и сейчас он не желал слезать со скамейки просто потому, что на ней захотели посидеть новоприбывшие пацаны. Те, разгорячённые таким неповиновением, а также выпитой баночной водкой, стали его оскорблять и стаскивать силой.

– Я тут сижу раньше вас, почему я должен слезть? – упирался Максим, оглядываясь на своих одноклассников. Но те скромно молчали, предпочитая не вмешиваться. Ободрённые таким поворотом событий, задиры удвоили усилия, схватив его за шкирку. Максим закашлялся, но только крепче вцепился в скамейку. Тогда один из нападавших, самый низкорослый из всех, разбежался и изо всех сил пнул Максима в грудь.

Лида пронзительно закричала. Максим медленно, как во сне, стал заваливаться вбок. Там его встретило колено другого парня, разбив очки. Из его носа хлынула кровь. Упавшего тут же стали пинать.

– Твою ять! – выдохнул Павел и, швырнув бутылку в сторону, кинулся к скамейке. Илья тут же бросился за ним.

Некоторые из нападавших озирались по сторонам и поэтому заметили движение в свою сторону. С разбега Павел пугнул одного, а атаковал совсем другого. Тот рухнул как подкошенный, получив прямой удар в подбородок. Ещё один отправился за ним, пропустив хук слева. Уже позднее, в травмпункте, он узнал, что заработал трещину в нижней челюсти. Подоспевший Илья уже воспользовался некоторым замешательством и сшиб с ног того парня, который по-гестаповски бил Максима коленом. Упав, тот получил хороший пинок в живот, отчего на полминуты потерял способность дышать. Потом Илье уже не везло так. В отличие от друга-боксёра, он специально никакими единоборствами не занимался. Да и опыта уличных драк не имел. Пропустив зуботычину, он замешкался и упал, потеряв сознание от удара бутылкой по голове.

Павел остался один против пятерых. Те быстро поняли, что соваться под кулак не стоит, и предприняли попытку его окружить. Этого Павел им не давал сделать. Каждый раз, когда полукольцо начинало смыкаться за его спиной, он бросался на крайнего. Тот отскакивал назад, размыкая цепь. Через минуту в ход пошли палки и камни. На испуганные крики девочек о помощи мальчишки никак не среагировали. Павлу удалось увернуться от двух камней, но третий больно попал ему в грудь, а четвёртый разбил бровь над правым глазом, отчего в голове как-то нехорошо зазвенело. Кровь тут же залила глаз, и Павел едва не получил палкой по голове. Подставив левое предплечье, он подался всем корпусом вперёд, резко двинув нападавшего правой рукой в лицо. Тот заорал – видимо, сломал нос. Остальные, подскочив, свалили его на землю и стали пинать. Павел прижал колени к груди и закрыл голову руками. Прежде чем потерять сознание, он успел почувствовать два крепких удара в бок и один по уху.

Очнулся он, когда вокруг уже было полно омоновцев, заталкивающих в машину всех подряд. Один из них слегка похлопал Павла по щекам.

– Живой вроде. Давай его тоже в скорую.

Дышать было больно, правый глаз не видел, тошнило, всё тело болело, как будто его пинали ногами. Ах да, его ведь и вправду пинали…

Лида с Верой сразу вызвались свидетелями. С ними в отделение милиции отправились ещё Лена Жданюк и Оля Сникер – те из немногих, кто относился к Максиму хорошо. Они подробно всё рассказали, расписались. Их мальчишек сразу же отпустили, как только выяснили, что те в драке участия не принимали. Максима, Павла и одного из нападавших увезли в больницу. Илья пришёл в сознание ещё до приезда милиции, кости черепа у него оказались крепкие, но он не смог прийти на помощь другу – некоторое время ноги просто отказывались его держать. Ещё двое отделались лёгким сотрясением мозга и синяками. Одному из нападавших – тому, кто ударил Максима ногой в грудь, удалось сбежать. Он первый заметил приближение милицейских машин и кинулся наутёк, через кусты в сторону стадиона, пока его друзья были ещё увлечены расправой над Павлом. Те заметили омоновцев слишком поздно. Один из них сразу улёгся на траву, положив руки на голову. Хоть это и выглядело смешно, он всё же стал единственным, кто вообще никак не пострадал. Двум беглецам крепко досталось резиновыми дубинками – бегать омоновцы не любили.

Выяснив дома по телефону 03, какая больница дежурит, Лида на следующий день отправилась навестить Максима и своего героя.

* * *

Максим пребывал в ещё более скверном настроении, чем обычно. Он и так никого не любил, а тут и вовсе взъелся на весь мир. У него были сломаны два ребра и переносица, из-за чего парень теперь имел сходство с очковым медведем – гипсовая повязка закрывала только нос и лоб, и чёрные круги вокруг глаз отчётливо виднелись. Весть о том, что за него заступились два семинариста, которым тоже досталось, Максим воспринял совершенно равнодушно.

– А я не просил ничьей помощи! Благодетели нашлись. Да они просто перед вами выделывались. Вот и получили. Такие же ничтожества, как и все остальные.

Лида ушла от него опечаленная.

– О, э-э, здравствуй, Лида! – произнёс ошеломлённый Павел, пытаясь привстать на постели. Он покосился на спящего соседа (остальные койки пустовали). – Как там тот парень?

– Да всё нормально, жить будет, – ей очень не хотелось, чтобы Павел узнал, какая всё-таки свинья этот Голунов. – Как ты-то себя чувствуешь?

Вопрос оказался явно риторическим – вид у героя был тот ещё: левое ухо распухло, правый

глаз заплыл, бровь, вся зелёная, зашита, грудь перебинтована, руки – тоже.

– Да ничего страшного, просто койко-место занимаю. Сильно напугалась тогда?

– Просто кошмар какой-то: сначала я испугалась, что они убьют Максима, потом они ударили Илью бутылкой, а потом напугалась за тебя, когда ты упал. Билетёрша позвонила в милицию. Слава Богу, что они приехали так быстро, обычно не дождёшься…

Лида осеклась и смутилась: Павел как-то странно на неё смотрел, задумчиво, словно не слышал.

– Сегодня приходил следователь. Организовывает мировую. Дескать, повреждения средней тяжести, встречные заявления и всё такое. Илья приходил. Говорит, что в семинарии, когда узнали обо всём этом, решили нас отчислить. Мол, пьяная драка, привод в милицию, будущим священнослужителям не к лицу и прочее. Илюха завтра домой едет, а я – как выпишусь… А ты завтра придёшь?

Лида опешила:

– А как же так? Вы же защищали человека от пьяных хулиганов! Да его эти… уроды… запросто убить могли. Да вы ему жизнь спасли, разве не этому Христос учил?! Я тоже Евангелие читала, помню, что там написано. Да как они могли?!

Павел молчал, опустив глаза.

Немного помедлив, она добавила:

– А ты, значит, не здесь живёшь и скоро уедешь… А где, в каком городе? – не дожидаясь ответа, девушка вскочила со стула, на краешке которого сидела. Сосед по палате заворочался и начал сквозь зубы материться.

– Я завтра приду! – перебила она Павла, покраснев, и умчалась, забыв вручить больному пакет с апельсинами.

Целый вечер Лида была сама не своя. На вопросы отвечала невпопад, за ужином пыталась насыпать сахар в молочник. Родители, будучи уже в курсе событий, оценивали их каждый по-своему. Отец слегка подпил и всецело пребывал на стороне Паши и Ильи, считая, что мальчишки поступили достойно. Он даже поинтересовался Пашиным состоянием здоровья и дал денег на передачку.

– На, купи ему соку там или ещё чего-нибудь. Хороший пацан, молодец. Привет ему от меня. Так и скажи, мол, батя передаёт привет. А я Осипова лично попрошу, чтобы отнеслись к нему в больнице как надо. Мне не откажет. А как там этот ваш Головнов? У него, кажется, чисто случайно травматический пневмоторакс не случился – дежурный говорил.

– Голунов.

Лида пересказала содержание разговора с Максимом. Отец поставил рюмку на место, помрачнел и издал досадливый звук. Скривился.

– Не Голунов он, а Го… – тут отец поймал строгий взгляд жены и осёкся.

– Гольюнов он, ваш Максим. Сказал бы, что мало ему дали, да вроде по полной отхватил, – он ещё хотел что-то добавить, но вместо этого хлопнул залпом рюмку финской водки, поставил её на скатерть и закусил солёным белым груздём.

Мама много не распространялась, но по её реакции Лида поняла, что большой разницы между теми хулиганами и семинаристами она не видела. К тому же, молодые люди, поступившие в духовную семинарию, вызывали у неё большие подозрения. В храм она никогда не ходила, считая верующих, как минимум, инопланетянами, а самих служителей Церкви – хитрыми аферистами. «Набивают брюхо себе за счёт дураков», – говорила она. А свекровку всегда осуждала за то, что та под старость лет не только стала ездить в Петропавловский собор молиться, но и Лиду таскала с собой. А сейчас мама сильно переживала из-за знакомства старшей дочери с этими людьми. Характер у Лиды был романтический, и теперь стоило бояться, что молодая девчонка влюбится в этого проходимца. Тем более что тот сейчас находился в положении пострадавшего героя.

Увидев, что Миля, младшая дочка, наелась и уже балуется с чаем, отпивая его, а потом выпуская обратно в чашку, мама отправила её умываться и повторять заданного в музыкальной школе «Сурка». Миля скорчила недовольную рожицу, но перечить матери не решилась. Уже выходя из-за стола, она тайком показала Лиде язык. Та либо не заметила, либо просто никак не отреагировала. Миля оскорбилась и, проходя мимо, наступила сестре на ногу. С тем же результатом.

Всю ночь Лида проворочалась в постели. Первую половину ночи её просто распирало от желания, как минимум, подпалить всю семинарию. Она уже представляла себе, как бородатые преподаватели в чёрных мантиях во главе с ректором (или кто там у них главный?) лезут в окна, спасаясь от огня. Внутри рос протест. Девушка

никак не могла взять в толк, что человека, исполнившего Божью заповедь истинной любви, как раз за это Церковь и наказала. Лида вспомнила, как в детстве ходила с бабушкой (пока та не умерла) в воскресную школу. Там батюшка однажды пересказывал притчу о том, как на одного человека напали разбойники. Мимо прошёл священник, торопясь на службу: посмотрел и ничем не помог, а простой человек, который ни у кого не пользовался уважением и любовью, не только оказал ему первую помощь, но и потом в беде не оставил. Добрый самарянин. Да они там – просто вертеп разбойников! Будь её воля, всех бы поразогнала!

Оставшуюся часть ночи Лида прислушивалась к своим чувствам. Да, так и есть. Она влюбилась в Пашу. Как горько, что он теперь уедет! Будь у неё Веркин темперамент, она легко заставила бы Пашу влюбиться в себя. Или сама могла признаться первой. Верку вообще трудно чем-либо смутить. Но Лида была стеснительной. И сейчас она кляла себя за это. В сказки о толпах прекрасных принцев, разъезжающих по горам и долам в поисках принцесс, она никогда не верила. Вокруг сплошь одни только самовлюблённые, никогда не взрослеющие дураки, крепко держащиеся за мамины юбки. Все нормальные парни давным-давно заняты более успешными девушками. Лида довольно часто влюблялась раньше, но очень быстро разочаровывалась в очередном избраннике. И теперь она долго ворочалась под покрывалом, мучая себя вопросом: а вдруг это тоже всего лишь глупая влюблённость? Уже под утро Лида решительно отказалась терзать себя вопросами.

– Всё ему сегодня скажу! – пробормотала она, засыпая. – Вот и узнаю, как он ко мне относится. А если это ошибка – ну и пусть катится в свой Белогорск… Белозёрск… Белорецк или как он там…

* * *

Когда Лида проснулась, от прежней решительности не осталась и следа. Кое-как позавтракав, она отправилась на занятия.

На физике Фролов с Костецким опять хихикали весь урок и скоморошили над Ириной Александровной. Прервались на объяснения об отсутствующем на уроке Голунове. Кстати, к чести Костецкого, тот, когда ему пересказали инцидент, возмутился:

– Я в шоке! Да как так, никто не встал за Максимку! Да вы мужики или кто?

– Я горжусь вами, братья! Своя шкура ближе к телу! Всё правильно сделали! – поддержал его Фролов. Мальчишки тогда чуть не подрались из-за этого.

Больше в тот день в средней общеобразовательной школе № 19 ничего интересного не произошло. Хотя нет. На уроке литературы Миша Фролов снова довёл пожилую учительницу до белого каления, заявив на опросе, что у Горького он читал «Буревестника». И это вместо заданных «На дне», «Мать» и многого другого. У них была вражда с десятого класса. В начале учебного года сменился преподаватель. Новая учительница Вера Константиновна имела неосторожность озвучить своё мнение, что ученики никогда не смогут преодолеть барьера «Курочки Рябы» и «Теремка». Все промолчали, решив не спорить, кроме, разумеется, Миши. Тот возмутился:

– Простите, а почему это вы так думаете, ведь вы ещё не знакомы ни с кем из нашего класса, а уже такие высказывания!

– А что, разве не так? Ну, скажи нам, каких авторов ты читаешь? – ласково улыбнувшись, ответила Вера Константиновна. – А мы послушаем.

– Почему мы? Мои одноклассники давно в курсе, – парировал Фролов и огласил довольно солидный список писателей, из которых Лида читала только Акутагаву, Хемингуэя и Маркеса. В тот момент всех охватила большая гордость за Мишу и вообще за весь класс, так как учительница, слушая его, медленно бледнела, поджав губы. С той минуты они стали вежливыми врагами. Их стычки забавляли всех.

Когда наконец кончился последний урок, Лида в потоке класса устремилась вниз по лестнице к выходу из школы, обдумывая предстоящий разговор с Пашей.

Спустившись на первый этаж, увидела, что возле расписания собралась небольшая толпа.

* * *

Восьмиклассники обступили кого-то плотным кольцом и галдели, выкрикивая угрозы. Паша Костецкий тут же взял курс на толпу и резко вклинился в нее. Фролов, оторвавшись от хихикающей Альбины Паньшиной, которой он что-то шептал на ухо, моментально рванул за другом. Альбина тут же надулась.

– Пшли вон, салаги, – беззлобно ругался Костецкий, бесцеремонно расталкивая всех вокруг.

– Цыц, муха! – отрезал Фролов, надвинув на глаза бейсболку запротестовавшему было восьмикласснику.

– Да это же тот поп, который за Голунова впрягался! – послышалось справа над ухом. Это воскликнул Юрка Снытко, который ростом превосходил всех в школе.

Лида вздрогнула и устремилась к толпе, но пробиться к расписанию ей уже не удалось.

– Да тихо, я сказал! – рявкнул Паша на толпу. Мальчишки предпочли успокоиться.

– Слышь, мужик, а ты кто вообще? – Лида теперь могла только слышать. Даже встав на цыпочки, она ничего не видела из-за рослых восьмиклассников.

– Человек, – это был голос её Паши. Но как он мог быть здесь, ведь он должен был быть в больнице, да и номера школы она ему не говорила!

– Сам вижу. А чего за демонстрация тут?

– Спроси вон у них, я сюда не ссориться пришёл.

– Жека, иди сюда. Докладывай! – Костецкий обращался к здоровому мальчишке – тот был у всех восьмиклассников кем-то вроде главаря.

– А чё он наехал на Лёху?

– Враньё, – Пашин голос был спокойным и уверенным.

Тут Снытко, которому надоело стоять сзади, стал проталкиваться сквозь толпу. Лида воспользовалась моментом и, ухватившись обеими руками за его олимпийку, нырнула за ним.

– Паша! – воскликнула она, увидев своего героя. На восклицание обернулся и Костецкий.

– Чего? – спросил он, но, увидев, что она смотрит вовсе не на него, обернулся к собеседнику.

– А ты что, к Лиде, что ли, пришёл? Так бы и сказал сразу, а то мы чуть тебя не прессанули.

– Всё, цирк окончен, давайте быстро по горшкам и спать! – эти слова Костецкий адресовал уже восьмиклассникам. Те связываться не стали, так как Пашка, который однозначно был у всех в авторитете, имел к тому же тяжёлую руку. Только их главарь запротестовал:

– Не, Пахан, так дела не делаются! Что за ерунда?

– Да иди давай, иди! – это Миша оттеснил его от греха подальше, так как Костецкий моментально покраснел от злости.

– Пошли, Жека, – друзья увлекли его вверх по лестнице.

– Слышь, Паш, это тот, который позавчера бился с кировскими, – доложил Костецкому Юрка.

– Опа! – Костецкий уважительно посмотрел на разукрашенного побоями Бородина, который был уже одет не в китель, а в чёрную джинсовку с надписью «Metallica». На плече у него красовалась потрёпанная спортивная сумка.

– Мужик, да ты крут! Будем знакомы, – сказал он, протягивая руку.

– Похоже, тёзки мы.

– Да, – усмехнулся Паша, – точно.

Юрка Снытко и другие мальчишки, бывшие тогда в горсаду, уже куда-то пропали. Остались девчонки и те, кто тогда отсутствовал.

– Михаил, – это тянул руку Фролов. – Весьма разочарован, что нас с Пашей тогда не было в парке, вот бы мы тем подонкам наваляли от души! А ты что, каратист?

– Не, боксёр, – покачал головой Паша.

– Круто. А разряд какой?

– Камээс.

– Слушай, Мигель, так это не мы его от молодых спасли, а как раз наоборот.

– Ага, Пабло, да он бы их просто поубивал! – обрадовался Фролов.

– Ладно, мужики, извините, я к Лиде пришёл…

– Да не вопрос, о чём речь? Держи краба. Только давай-ка мы с Мигелем вас проводим немножко, мало ли что, у нас тут некоторые совсем без башни. Камрад, ты не против?

– Как можно? Пошли, как раз прогуляемся до ларька на Герцена.

Костецкий и Фролов, как всегда, остря на каждом шагу, довели их до перекрёстка и распрощались.

Лида с Пашей остались вдвоём.

Какое-то время они молча шли по проспекту. Лида боялась даже голову повернуть в сторону Паши, хотя чувствовала, что время уходит. Вся её ночная решимость расставить точки над «и» бесследно испарилась. Тишину нарушил Павел:

– Лида, я сегодня уезжаю домой, последний автобус в четыре часа… в общем, ну… я хотел сказать, ты мне нравишься… очень. Можно, я тебе буду писать, ну, если ты не против, конечно, и… если ты уже не дружишь с кем-нибудь… – Павел смешался и замолчал.

Лида остановилась, резко повернулась на каблуках и, откинув со лба непослушную прядь, сказала, глядя то на Павла, то на фонарный столб с вороной на верхушке:

– Ты знаешь, Паша, а я ведь то же самое тебе хотела сказать, но не знала, как начать.

К щекам Павла прилил слабый румянец, правая рука метнулась к пластырю над глазом. Но уже через пару секунд ему удалось справиться со смущением, и он, напустив на себя непринуждённый вид, деловито изрёк:

– Ну вот, обе стороны пришли к неизбежному консенсусу. Когда будем играть свадьбу?

Лида улыбнулась и, стараясь не обращать внимания на ворону, которая уже слетела с фонаря на асфальт и теперь почему-то подбиралась к Павлу, сказала:

– Ну, если у тебя нет жены и троих детей, то осенью обязательно поженимся.

Она ещё хотела добавить, что свадебного путешествия не предвидится – ей предстоит поступать в медицинский университет, тот, что слева от них, через дорогу, но тут заметила, что ворона вплотную подобралась к ним. Павел стоял к ней спиной и не мог видеть наглую птицу.

– У меня пока что нет жены и детей, но я надеюсь, что это… э-э-э! – Павел от неожиданности шарахнулся в сторону, чуть не уронив сумку с плеча. Не менее напуганная ворона, чья попытка сорвать блестящую бляшку с ковбойского ботинка Павла провалилась, тоже рванула в сторону, едва не врезавшись в витую ножку скамейки. Сориентировавшись, она проскакала под скамейкой к газону, вызывающе каркнула и взлетела на аккуратную голубую ёлку, откуда продолжила своё наблюдение за Павлом.

Лида, закрыв лицо руками, заливалась смехом, глядя на эту сцену. Сообразив, что к чему, Павел и сам развеселился.

– А я-то думал, что блестящее привлекает только сорок, а тут смотри-ка…

Они смеялись, а прохожие шли мимо, иногда недоумённо оглядываясь на странную парочку – хрупкую девушку в белоснежной блузке и неформала со зловещей надписью «Kill ‘Em All» во всю спину. Недостаток знания английского языка у прохожих с лихвой восполнялся недвусмысленным изображением выпавшего из чьей-то руки молота на фоне кровавого пятна. Явное несоответствие друг другу Паши и Лиды бросалось в глаза, словно делая молчаливый вызов всему миру. Да, в принципе, так оно и было – утончённая девушка из приличной семьи и воспитанный одной лишь матерью дворовый парень.

Что было у Лиды? Мама – директор Дома детства и юношества, заслуженный музыкальный работник области, папа – главный врач центральной станции скорой помощи. Счастливое детство, летние поездки на Золотые Пески, Диккенс и Чехов после вечернего семейного чаепития, хоровая школа с отличием, серебряная медаль в школе, перспективы.

А что у Павла? Мама – инвалид второй группы, которая смогла подарить сыну свою любовь и заботу, но не сумела обеспечить материально. Вместо уютного дворика с песочницей – гаражи и стройка, на которой он не раз прятался от больших пацанов ещё до того, как записался на бокс. Школа, в которой ему никак не давалась алгебра – приходилось каждый год оставаться на осень. Уличные стычки с гопниками, ножевое ранение в грудь, летняя подработка в «Зеленстрое», чтобы купить себе ботинки.

Однако сейчас всё это не имело никакого значения. Павел видел перед собой ту единственную, ради которой стоило побороться и со всем миром. Лиде же было абсолютно наплевать на всякие условности – она была готова следовать за своим избранником хоть куда. Её даже не смущало то, что она не знала о Паше почти ничего. Но, вероятно, краешком сердца она чувствовала, что за этой смущающей обывателей внешностью скрывается нежная, чуткая душа. Они смеялись, болтали о пустяках, гуляли по зелёным улицам, взявшись за руки, как дети. Каждый понимал, что их встреча просто не могла не состояться. И радость этой встречи так и не проходила. Ни в тот день, ни в последующие дни, месяцы и годы.

Ксения ПАЛЬЯНОВА,
2-е место в номинации
«Начинающий прозаик»

ПЕРВЫЙ СНЕГ

I

Первый снег – это всегда волшебно. Не когда утром просыпаешься, а весь двор уже укрыт белым воздушным покрывалом, а когда идёшь по улице и замечаешь, как с неба начали спускаться снежинки. Одна за другой. И вот уже осенняя серость сменилась светлой белизной. Даже как-то теплее и уютнее становится.

И именно этот момент он всегда пропускал. Хотя нет. Однажды, когда он был ещё совсем маленьким мальчиком и не приходилось сидеть на уроках, в то время как за окном происходит та-

кое волшебство, мама взяла его с собой в магазин. Да, он был мал, но уже мужчина. Он должен был помочь маме донести покупки до дома, и тогда она наградит его, приготовив любимые блинчики с малиновым вареньем. Это варенье мама тоже готовила сама из ягоды, которая росла у бабушки в деревне. Но бабушки больше не было, как и того дома, поэтому варенье расходовалось очень экономно. Доставалось из запасов только в самые лучшие дни. И мальчик мечтал, чтобы сегодняшний день оказался именно таким. Мама накупила кучу ненужных продуктов, таких, как перловая, гречневая и овсяная крупа, хлеб, с которым приходилось всё это есть, цветная капуста. С ней он любил только одно блюдо – запеканку, которую так вкусно готовила бабушка по совершенно секретному рецепту. Жаль, что бабуля не успела его передать маме, потому что у неё ни разу не получилось сделать запеканку такой же. Видимо, сегодня будет очередная попытка. «Лучше бы не трудилась над тем, что не выходит, а сделала блинчики», – с обидой думал мальчик, пока они шли домой. Уже и так было ясно, что варенья он сегодня не поест. И тут ему на нос опустилась снежинка. А потом ещё. И ещё. И не только на нос, но и на плечи, шапку, мамины волосы, дорогу, деревья. На всё кругом. Такие большие белые хлопья. Их хотелось ловить ртом. Да, возможно, этот день будет лучшим, несмотря на отсутствие любимого варенья на обеденном столе.

Через пару часов уже всё было белым. Он наблюдал за этим, сначала стоя на улице, потом его позвала домой мама оценить новый рецепт. Но он всё равно не отходил от окна. Ему нравились те изменения, которые происходили с природой. Тогда он очень хотел вырасти и стать метеорологом, чтобы знать, когда пойдёт первый снег, и быть готовым. Чтобы больше никогда не пропустить эту первую снежинку. Но до того времени было ещё слишком много лет, и сколько ещё раз он не застанет этот момент, можно было только догадываться. Единственным желанием мальчика было, чтобы так получалось как можно реже.

В комнату вошла воспитательница и громким скрипучим голосом оповестила всех, что пора вставать. Скоро начнутся уроки. У них было тридцать минут, чтобы собраться: отстоять очередь в душевой, почистить зубы, надеть форму и спуститься в столовую на первом этаже. Потом их ждал быстрый завтрак, состоящий из манной каши с комочками, куска хлеба с сыром и тёплого чая. За девять месяцев здесь он привык есть то, что не хочется, и делать то, что не нравится. Например, никак нельзя было прогулять уроки. Если ты не в классе, ты всё равно где-то в здании и тебя можно найти. Тогда ждёт наказание. Он пробовал, и его заставили помогать на кухне, и, кроме того, пришлось самому разбираться с пропущенным материалом. Поэтому лучше отсидеть шесть уроков и дальше заниматься чем угодно.

Но этот ноябрьский день тянулся особенно долго. Антонина Петровна рассказывала что-то о животных из Красной книги, но мальчик её совсем не слушал. Если честно, он давно уже знает о важности сбережения планеты и редких животных. А также об их видах и местах обитания. В детстве мама рассказывала сыну об этом и показывала картинки из толстой книги. Здесь же половине класса было совсем не интересно. Каждый занят своим делом, и учительница, не обращая на это внимания, говорила в пустоту. Поэтому он просто смотрел в окно. Дворник подметал листья, которые каждое утро откуда-то появлялись, несмотря на то, что деревья давно стояли голые. На стадионе старшие ребята играли в футбол, а за высокой оградой, которая отделяла этот дом от других, ходили люди. Каждый торопился по своим делам, кто-то уткнулся в экран телефона, кто-то просто смотрел под ноги. И никому не было дела до окружающего мира.

Из раздумий его вывел звонок, который означал окончание последнего урока. Все подорвались со своих мест, и Антонина Петровна зря старалась перекричать галдящий класс. В конце концов, все домашние задания есть у воспитателя, которая придёт в комнату чуть позже и напишет их на доске. Так что оправдание: «Я не знал» – не сработает здесь.

У мальчика был друг. Он учился на класс старше и был полной противоположностью.

– Послушай, мне кажется, Нового года не будет, – доверительно прошептал его друг, когда они встретились после уроков. – Сам подумай, уже конец ноября, а снега не было. Какой же Новый год без снега? Ни горок, ни снеговиков, ни тоннелей… Куда мы будем втыкать петарды? – всё больше сокрушался Рома.

Так звали этого мальчика. Он с рождения жил в этом доме, и никто его не хотел забирать с

собой. Люди приходили, уходили вместе с другими детьми, а он оставался. Не было ни одного ребёнка, который находился здесь столько, сколько он. Наверное, поэтому младшие считали его своим лидером. Старшие же просто его не трогали.

Рома любил говорить. Он мог часами рассуждать о чём-либо, и неважно, поддерживают ли с ним беседу. Часто они сидели в игровой комнате, Рома рассказывал какие-то небылицы, а Паша занимался своими делами. Это могло продолжаться бесконечно, и ни разу Паша не пожаловался на надоедливого паренька. Видимо, поэтому они подружились.

– Сегодня, кстати, за письмами придут. Знаешь, что я написал? Хочешь, прочту? – по взгляду мальчика было видно, как сильно он жаждет поделиться этим с Пашей. И тот согласился. – «Привет, Дед Мороз, – начал Рома. – Я пишу тебе каждый год, но ты почему-то даришь мне совсем не то, что я прошу. Возможно, я недостаточно хорошо себя вёл всё это время, поэтому ты не выполняешь желания на все сто, но знай, в этом году я отличился! Я выполняю домашние задания и не получил ещё ни одной двойки…»

– Но ведь…

– Т-с-с! Те три не считаются!

– Их было больше, – уточнил Паша.

– Неважно! Ты слушаешь или нет? Так… «Ни одной двойки. Ещё я всегда заправлял за собой кровать, тщательно чистил зубы, доедал по утрам кашу и не грубил старшим, – последнюю фразу он выделил, грозно посмотрев на друга, чтобы тот не перебил его снова. – В общем, в этот раз у меня куча заслуг, поэтому я достоин получить ту машину на радиоуправлении, которую я прошу уже второй год!» Конец. Как думаешь, он не узнает о том, что я немного приврал?

– Деда Мороза не существует, – вместо этого ответил Паша.

– Глупости, с чего ты взял?

– В прошлом году я попросил у него съездить с мамой на море, а вместо этого оказался здесь.

– Ну так, может, он исполнит это в другой раз?

– Нет, мама не сможет больше никуда поехать со мной! – начал злиться мальчик.

– С другой мамой…

– Я просил со своей!

– А ты уточнил это в письме?

Паша посмотрел на Рому взглядом, полным недоумения. Как он мог так спокойно рассуждать об этом? Как он мог подумать, что Паше всё равно, с кем отправиться на море? Ему нужна была только его мама. Никогда ещё мальчик не был так зол на своего друга. Прошло уже больше полугода, как мальчик оказался здесь, но ему до сих пор иногда снился тот день, который всё изменил. Правда, сейчас он уже научился реагировать на кошмары менее эмоционально. И даже иногда радовался им, потому что только так он мог встретиться с мамой. Он очень скучал. И если бы существовала возможность исполнить только одно желание, то он бы загадал вернуть её.

Паша не стал больше спорить, а просто собрал свои тетради, в которых он собирался делать домашние задания, и вышел из комнаты.

II

На улице было довольно зябко, но мальчик сидел на скамье. Это продолжалось уже больше часа, и он не собирался уходить. Ему нравилось наблюдать за другими людьми. Со своего места Паша мог видеть почти все окна дома, большую часть двора и улицу за оградой. А сам он будто находился в вакууме. Было очень спокойно, и шум доходил как сквозь вату. Поэтому, когда Ирина Викторовна коснулась его плеча, мальчик вздрогнул.

– Павел, ты единственный не отдал письмо, – она всегда обращалась к мальчику полным именем. И он не понимал, то ли это для того, чтобы сохранить дистанцию, то ли потому, что считала Пашу взрослее его сверстников.

– Даже если бы Дед Мороз существовал, он бы не смог исполнить мою просьбу, – снова говорить об этом ему не хотелось. Кроме того, они с Ромой до сих пор были в ссоре. Но идти первым на примирение Паша не собирался. Рома должен понять, что был не прав и слишком жесток в своих словах.

– Почему же? – поинтересовалась воспитательница, но мальчик предпочёл не отвечать. Тогда она села с ним рядом и заговорила. – Когда я была маленькая, мой дедушка рассказал мне один секрет, хочешь узнать? – Мальчик продолжал молча смотреть вперёд. – Во время первого снега нужно поймать снежинку и успеть загадать желание до того, как она растает. И если получится, то оно обязательно исполнится до следующего первого снега. Если не веришь, что Деду Морозу под силу исполнить твоё желание на Новый год, то ты ещё можешь успеть загадать на первый снег.

Это показалось мальчику абсурдом. Сколько люди могут придумать разных примет, только чтобы оставить себе надежду на то, что их мечты могут исполниться. Падающая звезда, счастливый билетик, выпавшая ресничка. Так много способов, и все продолжают ими пользоваться, хотя утверждать, что они действенны, никто не может.

– Ну что ж, не сиди долго – простудишься, – сказала Ирина Викторовна и зашла в дом.

Когда Пашу привели в этот дом, был март. Мальчика проводили в его новую комнату, в которой уже жили девять детей. Воспитательница показала, где он будет спать, представила остальным ребятам и ушла. Они окружили Пашу и начали задавать вопросы, осматривать со всех сторон и трогать. Наверное, тут не часто появлялись новенькие. Такое внимание испугало Пашу, и он сбежал от своих новых друзей. Мальчик спрятался в комнате, где стоял инвентарь для уборки. Там было темно, и он думал, что никому не придёт в голову прийти сюда. Поэтому, впервые с того дня, он дал волю эмоциям. Паша заплакал. Всё накопившееся за эти бесконечные часы ожидания, пока решалась его судьба, выплеснулось сейчас. Он не понимал, что происходит, но знал точно, что больше никогда не увидит свою маму. Женщина, которая привела его сюда, сказала, что она умерла. Да и Паша сам всё видел, но не хотел верить, что теперь остался один. Он всё прокручивал воспоминания того момента раз за разом, и слёзы только усиливались.

– Вообще-то я тебя сюда не звал, – услышал мальчик голос. – Я ждал, когда ты прекратишь реветь, но ты, похоже, не собираешься этого делать.

– Прости, – только и смог выдавить Паша.

– Ладно, можешь побыть тут ещё немного. Я, кстати, не видел тебя ни разу. Ты новенький?

– Я сегодня приехал.

– Я знаю здесь всех. Кажется, будто живу тут всю свою жизнь, – улыбнулся его собеседник. – Меня Рома зовут. Если к тебе будут приставать здешние, то можешь жаловаться мне. Но не ной только, это же по-девчачьи. Они живут в другом крыле, и если продолжишь, то тебя переселят, и тогда тебе придётся играть с ними в куклы и заплетать косички. Хотя волосы у тебя короткие, но ведь они отрастут. А пока на их потренируешься. Был я там однажды, ничего интересного, – казалось, потоку его слов не было конца. Он всё говорил и говорил. Паша считал всё это чепухой, но стоило отметить, мальчик уже не плакал.

Дверь распахнулась, и в проёме появилась фигура какой-то женщины.

– Вот ты где! Я же просила не прятаться здесь больше! – ругалась женщина на Рому. – Вижу, вы уже познакомились. А теперь марш на обед, руки помыть не забудьте.

Так Паша познакомился со своим единственным здесь другом. Из-за него они постоянно попадали в какие-то передряги, их постоянно отчитывали, но мальчик был даже рад. С Ромой пребывание в этом доме было гораздо веселее.

– Опять эта рисовая каша, – скривился Рома, поставив свою тарелку рядом с тарелкой Паши. – Терпеть её не могу, неужели нельзя кормить чем-нибудь нормальным?

Сказать, что мальчик был удивлён, увидев своего друга, это ничего не сказать. Мало того, что они ни разу за неделю не пересеклись в доме, так ещё тот как ни в чём не бывало начинает жаловаться на еду. Впрочем, Паша уже не обижался на Рому. Он скучал по нему, поэтому очень обрадовался, когда тот сел рядом.

– Где ты был? – задал мальчик мучающий его вопрос.

– Болел, – ответил друг, уплетая за обе щёки ненавистную кашу. – Кстати, мне сегодня приснился такой странный сон. Уже зима была, снегу по колено, и ветер такой сильный-сильный. Иду я по лесу и встречаю тебя. Ты, кстати, почему-то был в летней одежде и совсем не мёрз. В общем, я спрашиваю, что ты тут делаешь, а ты молча смотришь на меня. У меня аж мороз по коже прошёл, учитывая, что и без того было холодно. Стоишь ты и смотришь мне прямо в глаза, и тут шум такой раздался, я оборачиваюсь туда, откуда пришёл, а там нет никого, только звук этот. Поворачиваюсь к тебе – тебя тоже нет. Знаешь, как я перепугался?

Но Паша уже перестал его слушать, потому что за окном он увидел снег. Первые снежинки медленно кружились по воздуху, опускались на промёрзлую землю и тут же таяли. Он подскочил с места и что было сил рванул к выходу, только успевая огибать других детей. В спину ему кричали воспитатели что-то о том, чтобы не носился по коридорам и куда он вообще направился во время завтрака. Охраннику почти удалось его

задержать, схватив за рукав, но мальчик вывернулся и выбежал на улицу в чём был. Он подставил лицо небу, открыл ладони и приготовился ловить снежинки, прокручивая желание у себя в голове как заклинание. И вот наконец одна опустилась ему на руку. Он зажмурил глаза и скороговоркой выпалил, что так желал:

– Хочу снова быть с мамой! – открыл глаза, чтобы посмотреть, успел ли. Не растаяла ли снежинка раньше? И его счастью не было предела, потому что она всё ещё лежала на его ладошке. Он улыбнулся. Теперь, если верить Ирине Викторовне, желание сбудется до следующей зимы. Паша так бы и продолжал стоять на улице, не замечая холода, но за ним вышла Татьяна Олеговна. Он схватила и больно сжала его ухо своими крючковатыми пальцами.

– Паша! – казалось, от возмущения у женщины дым пойдёт из ушей. – Куда ты выскочил в такой мороз без куртки и шапки?! Заболеть хочешь? И кто бросает свою тарелку с недоеденной кашей на столе? Непослушный мальчишка! Марш убирать за собой! – она буквально втащила его за ухо снова в столовую.

Рома всё ещё сидел за столом, в его тарелке еды не убавилось. Он встретил мальчика очень внимательным взглядом.

– Куда ты так сорвался? – шёпотом поинтересовался мальчик.

– Желание! – продолжал источать радость Паша. – Я успел загадать желание!

Теперь дни мальчика пролетали незаметно. Ожидание какого-то чуда окрыляло. Уроки становились проще, делались быстрее, еда казалась вкуснее, погода приятнее, а настроение было на высоте. Многие заметили эту перемену в ребёнке. Паша больше не хмурился и не уходил в себя, охотнее разговаривал с другими детьми и даже с учителями и воспитателями. Надежда на исполнение желания сделала его больше похожим на мальчика восьми лет. Пусть чудо произойдёт не на Новый год, как обычно люди привыкли считать, а в течение года, он всё равно был уверен, что это случится.

– А вы знали, что в подвале есть комната, в которую никто не заходит? – все дети дружно покачали головами. – А знаете почему? – ответ мальчиков был такой же. В комнате Паши собралось, по меньшей мере, тринадцать детей. В основном те, кто жили тут же, но были и из других комнат. Как, например, Рома, который и рассказывал им историю. Они занавесили окна покрывалами с кроватей, выключили свет и оставили гореть только фонарик. – Говорят, в той комнате наказывали непослушных детей. Было это давным-давно, когда здание только построили. И вот однажды сюда привели двойняшек: мальчика и девочку. Они были примерно нашего возраста. К счастью для девочки, через неделю ее забрали в другую семью, а мальчик остался здесь, хотя тогдашний директор очень упрашивал забрать их вместе. Дети были очень дружны. Но новые родители были непреклонны и своего решения не изменили. С тех пор всё пошло не так. Говорят, он каждый день дрался с остальными детьми и грубил воспитателям. Его будто подменили: лёг спать одним, а проснулся уже другим. Многие подмечали, что даже цвет глаз стал не такой, как раньше, – дети ёжились, за окном бушевала вьюга, окна дрожали от порывов ветра. – И однажды, чтобы как-то усмирить мальчика, воспитатели придумали, что будут его запирать в той комнате в подвале. После очередной драки они отвели его туда. Там не было света и окон, только матрас и ведро в углу комнаты. Для начала они закрыли его там на сутки. Как бы мальчик ни кричал, наверху ничего не было слышно. Когда его выпустили, голос был хриплым, волосы – взъерошенными, будто он и там умудрился с кем-то подраться. Но это не остановило его. Через неделю мальчика снова заперли, на этот раз на три дня. Через день одной молоденькой воспитательнице стало его жалко, и она вызвалась отнести ему обед, чтобы поговорить с мальчиком, попытаться убедить не драться больше с ребятами. Она спустилась в подвал и услышала душераздирающие вопли, доносившиеся из комнаты. Мальчик кричал: «Уходи! Уходи!» Сначала она подумала, что это он ей. Но потом ребёнок замолчал… – и все в комнате замерли, даже дыхание затаили, а Рома продолжал почти шёпотом: – Она подошла к двери и прислушалась. За ней были всхлипы: «Я не пойду с тобой. Я не хочу. Уходи». Она достала ключ, чтобы открыть дверь, но выронила его из рук, потому что такого громкого крика она ещё никогда не слышала. Воспитательница бросилась скорее открывать дверь, но не могла попасть в замок, так тряслись её руки. И когда ей это удалось, она увидела мальчика, лежащего на полу без сознания. Он был мёртв, – в комнате стояла полнейшая тишина. – С тех пор ту дверь не открывают. Хотя я один раз спустился вниз и, когда

подошёл к двери, услышал за ней шаги и повторяющееся «Уходи».

– А откуда ты это всё знаешь? – спросил один особо недоверчивый мальчик.

– Так эта молоденькая воспитка до сих пор тут работает.

– Да? И кто же?

– Видели женщину, которая ходит в платке? Говорят, она поседела в тот день.

– Надежда Анатольевна, что ли? Хочешь сказать, она тебе рассказала эту историю?

– Конечно! А кто же ещё? Других свидетелей не было. Остальные уже на пенсии или давно уволились.

– Не верю, что она могла тебе это рассказать.

– Да что… – но не успел мальчик закончить, как в комнату вошла Ирина Викторовна.

– Так, что вы тут устроили? Марш по кроватям! А ты, Рома, пойдёшь со мной. Чтобы, когда я вернусь, все уже спали. И снимите покрывала с окон.

III

Мальчики ждали начала репетиций концерта к Новому году. У Паши было очень важное задание в постановке: выключить свет, когда придёт время. И чтобы он точно запомнил, когда именно это время наступит, ему следовало присутствовать на всех репетициях. На самом деле Паша давно запомнил, после каких слов надо выключить, а после каких – включить. Он уже весь спектакль мог наизусть рассказать, но воспитательницы всё равно продолжали настаивать, чтобы он приходил.

Сегодня вместе с ним пришёл Рома. Сначала он честно наблюдал за происходящим, но вскоре ему наскучило, и он всячески пытался себя хоть чем-то занять. В конце концов Павел сжалился над другом и решил начать разговор:

– А расскажи про своих родителей? – Паша никогда не задавал такие вопросы другим детям в Доме, но ему задал. Рому он считал, пожалуй, своим единственным другом здесь, поэтому хотел узнать о нём больше.

– Ну… – задумался мальчик. – Папа у меня работает на вахте. Знаешь, что такое? Это когда он на работе несколько месяцев, потом приезжает ненадолго и снова уезжает. Мама – важный директор и тоже постоянно на работе. Может, лучше ты расскажешь о своей семье? – видно было, что Роме не хотелось говорить, и он поспешил перевести тему на Пашу. – Какой была твоя мама?

– Доброй, – сказал мальчик и замолчал.

– Доброй. И всё?

– Ещё красивой, – на самом деле Паше часто задавал эти вопросы детский психолог, к которому его водили, когда только привезли сюда.

– Когда я был маленький, очень не хотел ходить в детский сад. Однажды мы с группой пошли гулять, а я хотел пойти домой. Когда все пошли во двор, я незаметно взял ключ от нашей комнаты, который лежал на столе у воспитательницы, и тоже вышел. Дверь захлопывалась автоматически. Я думал, что если мы не сможем попасть обратно после прогулки, то всех отпустят домой. Когда пропажу заметили, я выбросил ключ в траву. Побоялся, что они обязательно узнают и будут меня искать. А потом решил покаяться и отдать им ключ, но не смог его найти. У них всё равно были запасные, так что никто домой не пошёл. У тебя случалось что-то подобное?

– Хм, нет, – подумал немного Паша.

– Скучно… – подвёл итог Рома.

Но Павел так не считал. Да, может, он не делал ничего подобного, но у него было спокойное счастливое детство, и, несмотря на это, ему было не скучно. Он читал книги, ходил с мамой на выставки, концерты, в цирк. А вместо садика была бабушка, у которой всегда было много историй о Великой Отечественной войне и о своей молодости.

– Паша! Свет! – мальчик настолько погрузился в свои мысли, что пропустил момент, когда нужно было сделать на сцене темноту. И судя по строгому взгляду воспитателя, ответственного за постановку, звала она его не в первый раз. Рома же сидел на стуле рядом и хихикал над невнимательным мальчиком.

IV

Время премьеры новогоднего спектакля неминуемо приближалось. Все суетились, бегая из одной комнаты в другую, перетаскивая какой-то реквизит, сотый раз проверяя, всё ли готово. И наконец большая стрелка часов дошла до цифры шесть. Дети расселись по своим местам, в зале погас свет, и Ирина Викторовна начала историю.

Всё прошло лучше, чем можно было ожидать. В конце дети встали со своих мест и хлопали артистам, которые радостно улыбались на сцене. Среди них был и Паша, его тоже позвали

и даже наградили шоколадкой за работу. Теперь их ждал праздничный ужин, а вручение подарков будет только завтра утром, ведь Дед Мороз приходит в ночь с 31 декабря на 1 января. Рома в ожидании этого события сразу после ужина попрощался с Пашей и ушёл. Вероятно, лёг спать пораньше. Всё для того, чтобы утро наступило как можно скорее. Мальчик тоже не стал тянуть с этим и сразу пошёл к себе в комнату. Там никого не было. Спать не хотелось, и он решил почитать книгу, которую недавно взял в библиотеке. Это был «Волшебник Изумрудного города». Он давно хотел прочитать эту книгу, но почему-то откладывал. А сейчас было самое время. Но то ли плотный ужин, то ли накопившаяся общая усталость – через сорок минут мальчик уснул.

Проснулся он глубокой ночью. В комнате уже было темно и тихо, только рядом посапывал мальчик, уже неделю страдающий насморком. Паша убрал книгу, которая покоилась на его груди, в тумбочку у кровати. Причина его пробуждения была проста: ребёнку захотелось в туалет. Но, дойдя до заветной комнаты на своём этаже, мальчик обнаружил, что она закрыта на ремонт. Казалось, мальчик проспал вечность и пропустил что-то интересное, потому что, когда он ложился спать, с туалетом всё было в порядке. Теперь ему пришлось спускаться на первый этаж. Вообще правилами запрещалось ходить по Дому в ночное время, но ситуация требовала. Так что мальчик спускался и составлял в голове диалог, который непременно произойдёт с охранником, как только тот увидит его на экранах камер слежения. Но, как ни странно, мальчик не встретил никого на всём своём пути. Он даже постоял напротив одной из камер несколько минут и помахал рукой в неё. Тишина. Не было слышно шагов, доносящихся из коридора, не было слышно причитаний охранника о дерзости мальчишки. Ничего. Возможно, тот просто уснул на дежурстве, либо решил самостоятельно отметить Новый год и потерял бдительность. Паша решил долго не размышлять на эту тему и поднялся к себе в комнату. Пока он шёл по лестнице, его не отпускало чувство тревоги, которое нагнетала абсолютная тишина вокруг. Даже звука его шагов не было слышно. Он распахнул дверь комнаты и прошёл к своей кровати, но её не было. Как не было и тумбы с книгой, и других детей, мирно спящих по соседству. Паша подумал, что спросонья зашёл не туда, поэтому двинулся обратно к выходу, но и его не обнаружил. Вместо двери там теперь была стена. Он прошёл несколько шагов вправо и влево, но так ничего и не нащупал. Продолжая двигаться в одном направлении, вскоре Паша нашёл выключатель и сразу почувствовал облегчение: теперь-то он включит свет и сразу поймёт, где находится. Тихий щелчок кнопкой, и на него со всех сторон обрушилась громкая музыка. Она звучала везде, казалось, что зарождается прямо в голове у Паши. Обычно успокаивающая классика, теперь пугала его ещё больше, потому что в комнате всё ещё не было света. Тогда он снова попытался нажать на выключатель, но кнопка не поддавалась. Мальчик сел на пол и уткнулся в колени. Нужно было успокоиться, взять себя в руки. Скорее всего, он просто спит, и это всё ему снится. Паша повторил несколько раз про себя: «Проснись, проснись», даже постучал маленькими кулачками себе по голове, но музыка не прекращалась. Единственное, что изменилось, когда он открыл глаза, – стало светло. Теперь он мог оглядеть комнату. Это был большой зал с высокими потолками. Такой он видел на картинке, когда был совсем маленьким. Мама обещала его свозить когда-нибудь туда, но теперь он и сам оказался тут. Один. Огромные окна во всю высоту стены с тяжёлыми гобеленовыми шторами, расшитые золотом. Расписной потолок с красивейшей люстрой, которая была больше мальчика в несколько раз. И само помещение будто увеличилось во множество раз. Теперь мальчик был точно уверен, что спит. В Доме просто не могло быть такой комнаты. Он подошёл к ближайшему окну и отодвинул шторку, но за ней была лишь непроглядная темнота, которая царила и внутри несколько мгновений назад. Странно, но, несмотря на большое помещение, звук его шагов не отражался от стен, его вообще не было. Ничего, кроме пугающего хора и звука оркестра в голове. И даже со светом мальчику не стало спокойнее. По спине бежали мурашки, а в горле образовался ком. Он снова оглядел помещение, но двери не было. Возможно, она замаскирована под одно из окон. Паша бросился проверять каждое, и удача ему улыбнулась. Одно окно и правда было дверью из зала. Он надавил на массивную ручку что было сил, дверь поддалась, и он оказался в цветущем саду. Какая бы погода ни была в реальности, здесь было лето. Зелёные кусты, аккуратно подстриженные, возвышались по обе стороны от мальчика, каменная дорожка. Пройдя

немного, он оказался у фонтана, от которого шли три другие дорожки в разные стороны, и тогда Паша понял: это лабиринт. Нужно найти выход, но куда он его приведёт? Снова в какую-то комнату, или ещё один сад, или что похуже? Ему нельзя заблудиться, поэтому нужно найти что-то, что можно будет оставлять по дороге, чтобы найти путь к началу или не ходить кругами. Мальчик огляделся, но кроме кустов и фонтана ничего не было. Тогда он придумал на каждом повороте ломать ветку у куста. Это будет не так заметно, но хоть какие-то знаки. Собравшись с духом, он двинулся вперёд, вглубь лабиринта. Дорога была запутанной, поворот за поворотом, и мальчик уже расцарапал все руки, ломая ветки, а конца всё не было. Здесь почему-то все звуки, наоборот, казались преувеличенными. Звук своего дыхания, биение сердца, шорох листьев, треск веток – всё это было таким громким! Блуждая около получаса по лабиринту, он ни разу не наткнулся на то место, где уже был. Каким же гигантским должен быть сад? В конце концов, мальчик устал, ему надоело бесцельно идти, и он побежал, всё равно куда, просто вперёд, не разбирая знаков. Дыхание и биение сердца заглушили все звуки. Он бежал и бежал и на очередном повороте врезался во что-то. Столкнувшись с препятствием, мальчик упал на спину. Приподнявшись, он увидел причину столкновения. Рома. Это был его друг, который так же ошарашенно глядел на Пашу. Казалось, мальчик ещё не был никогда настолько счастлив увидеть друга. Он вскочил на ноги и подбежал к Роме, который всё ещё удивлённо пялился на Пашу.

– Это ты? Как ты тут оказался? – были первые слова, произнесённые Пашей в этом мире.

– А ты? – спросил его Рома.

– Я не знаю. Я зашёл в комнату, а оказался в большом зале, а потом здесь.

– Мне опять это снится. Опять странный сон, в котором есть ты. Интересно, почему в этот раз ты говоришь?

– Я думаю, что тоже сплю, но каким-то образом мы оказались во сне друг друга, – Паша присел рядом с другом. – Надо выбираться, мне этот лабиринт уже надоел. Как ты это делал раньше?

– Раньше я просто просыпался, но сейчас у меня не получается. Мне кажется, я здесь уже очень долго, а этот сад просто бесконечный, и всё одинаковое, никаких различий между кустами и камнями.

– Я, пока шёл, оставлял сломанные ветки, но так ни разу и не наткнулся на них.

– Это уж слишком затянутый страшный сон. Я хочу назад, проснуться в своей кровати! – начал паниковать Рома.

– Так, давай думать, если мы будем здесь сидеть, ничего не изменится.

Это было справедливое замечание, и мальчики двинулись дальше по дорожке. К их удивлению, выход нашёлся довольно быстро, буквально через три поворота они уткнулись в дверь. Они толкнули её.

Ребята вообще не понимали, где они находятся. Сон был чересчур реальным. Они могли чувствовать перепады температур, лёгкий ветерок, усталость. Паша даже заскучал по своей кровати в Доме. Ему не хотелось приключений, а вот Рома их любил. Но и тот был уже совсем не радостным.

Дверь, через которую они прошли, вела в зимний лес. Как только переступили порог – сразу провалились в снег до середины голени. Хорошо, что Паша уснул за чтением книги, потому что на мальчике были джинсы и футболка, в которых он был на ужине. Это, конечно, не сильно его грело, но в пижаме было бы холоднее. А Рома весь трясся от холода. Он стоял в домашних тапочках и шортах. Мальчишка обхватил себя руками, но его продолжала бить сильная дрожь.

– Нуж-ж-жно ск-к-корее выб-браться отс-ссюда… – у него зуб на зуб не попадал.

Но как это сделать? Лес казался необъятным. Высокие деревья, верхушки которых, казалось, уходили в облака, обступили мальчиков со всех сторон. Всё было белым, будто новая раскраска, которая ждёт, когда картинке предадут цвет. Паша подумал, что из одного лабиринта они попали в другой. Рома уже двинулся вперёд, огибая стволы деревьев один за другим. Он шёл торопясь, почти бежал. И уже потерял в сугробах один тапок. Но, похоже, его это не сильно волновало. Павел побежал вслед за другом.

– Ты хоть знаешь, куда идти? – спросил мальчик, когда догнал.

– Прямо, – уверено ответил Рома.

– Почему ты так уверен?

– Значит, ты думаешь, лучше стоять и мёрзнуть? Если будем двигаться, в конце концов куда-нибудь придём.

Паше ничего не оставалось, кроме как промолчать и поспевать за другом. Так они и шли в тишине, сопровождаемые только хрустом снега.

Паша даже успевал любоваться природой. Снег казался таким мягким и пушистым, словно белая шаль, которая была у его бабушки. В неё хотелось укутаться. Но была одна существенная разница между шалью и этим снегом. Он был холодный.

– Ты слышал? – Рома так неожиданно остановился, что Паша наткнулся на друга.

– Ай! Что?

– Тс-с-с… – прижал мальчик указательный пальчик к своим губам.

Павел прислушался, но так и не понял, о чём говорил встревоженный Рома.

– Я ничего не слы… – уж было произнёс ребёнок, но тут раздался оглушительный вой. Он не был похож на звук, издаваемый животным, скорее на сирену, которая предупреждает о надвигающейся катастрофе. И тут же лес на горизонте из белоснежного начал становиться алым.

– Бежим! – крикнул Рома, и они пустились сквозь лес, спотыкаясь о коряги и падая. Алый лес надвигался со скоростью явно большей, чем перемещались ребята.

– Скорее, скорее, скорее! – торопил Рома Пашу, когда тот очередной раз зацепился за упавшую ветку. Он никогда не был особенно спортивным, и сейчас это не играло ему на руку. – Вставай же! – крикнул друг и схватил его за руку. Но у Павла застряла нога в этой коряге. На миг мальчик подумал, что Рома мог бы бежать дальше и не пытаться освободить его, но тому, казалось, такой вариант даже в голову не пришёл. Поэтому Паша пытался выбраться с ещё большими усилиями. Красный лес был уже в паре метров от них, и, когда оставалось совсем чуть-чуть, мальчики крепко обнялись и зажмурились. Они думали, что-то страшное произойдёт, но просидев так с минуту и не почувствовав изменений, они нерешительно открыли глаза.

И зря они боялись, мальчишки оказались будто в сказке. Весь двор был заснежен и украшен огоньками, которые светили ровным золотым светом, создавая уют и праздничное настроение. Впервые Паша почувствовал, что Новый год наступил. В центре стояла избушка, маленькая, наполовину в снегу, она была похожа на пряничный домик. Именно так он должен был выглядеть зимой.

Мальчики робко поднялись на ноги, отряхнулись. Ветки, которая помешала им сбежать, уже не было, как и не было холода, пробирающего до костей. Мягкие огромные снежинки спускались с неба, устилая одним ровным слоем землю. Каждый шаг отдавался громким хрустом. Они подошли к домику и тихонько постучали. Но ответа не последовало, и мальчики решили зайти без приглашения.

– Я давно вас жду, – услышали они из кресла, которое было повёрнуто к камину так, что сидящего в нём нельзя было разглядеть.

– Мы не знали, что здесь кто-то есть, – поспешили оправдать свой бесцеремонный поступок ребята.

– Пустяки, я никогда не закрываю дверь. Иногда ко мне приходят очень интересные ребята, такие, как вы, например.

– Кто вы?

– О, по-разному меня называют, и я привык к тому, что все думают, будто нас несколько, – тихо усмехнулся незнакомец.

– Вас несколько? Как такое возможно?

– Люди могут поверить во что угодно. В конце концов им кажется более логичным такой вариант, нежели если бы я был один на всю планету.

– И кто вы?

Незнакомец встал с кресла и повернулся к гостям. Взору мальчишек предстал крепкий пожилой мужчина с короткой белой бородой.

– Вы?..

– Да, Дед Мороз, – ответил мужчина улыбаясь.

– Но у Деда Мороза длинная борода и шуба… и… и посох!

– Вот об этом я и говорил, – продолжал улыбаться мужчина. – Люди верят, что есть Дед Мороз, Санта-Клаус, Йоулупукки, но на самом деле всё это я.

– Но почему тогда тебя описывают иначе? – не унимались ребята.

– Потому что меня никто не видел. Всё просто. Мне помогают те, кого вы привыкли считать мной. Я же нахожусь в основании всего этого. Я раздаю команды, я решаю, кто получит свой подарок, а кто будет ждать лучших времен.

– Зачем же ты ждал нас?

– Потому что я думаю, что вы достойны исполнения ваших желаний, но то, что вы хотите, очень серьёзно и требует больших усилий. Поэтому, прежде чем даровать вам исполнение мечты, я решил проверить вас ещё раз. Чтобы снова убедиться, что моё решение правильное.

– То есть всё, что мы видели до этого: лабиринт, лес, зал без дверей – всё твоих рук дело?

– Совершенно верно, – подтвердил мужчина.

– Но почему я должен был это проходить снова и снова, в то время как Паше понадобился всего один раз, чтобы попасть сюда? – разозлился данной несправедливостью Рома.

– Вспомни, что ты делал раньше? Ведь в этот раз всё иначе, – ничуть не смутившись, ответил Дед Мороз. Мальчик понял, что тот имел в виду, и не стал продолжать спор. Сейчас, и правда, всё иначе. Его решения в каждой ситуации отличались от прежних. И, скорее всего, это благодаря тому, что Паша, его лучший друг, был рядом.

– Значит, ты исполнишь наши желания? – с надеждой спросил Павел.

– Ты прав. Я сделаю так, что, проснувшись утром, вы будете иметь то, чего так долго хотели.

– А мы будем помнить эту встречу?

– Конечно нет, – снова улыбнулся мужчина. – Если бы каждый ребёнок запоминал встречу со мной, то меня давно бы раскрыли.

– Но почему ты не хочешь, чтобы тебя раскрыли?

– Довольно вопросов. Скажите-ка мне лучше, не хотите ли вы изменить своё желание? Вы точно уверены, что это то, что вам нужно? Что это сделает вас счастливыми?

– Да! – в один голос с уверенностью сказали мальчики.

– Я не сомневался. Да будет исполнено!

После этих слов всё растворилось в дымке. И этот домик, и нарядный двор, и вопросы, на которые мальчики так и не получили ответа. Всё исчезло. Они вернулись в Дом.

V

– Паша, просыпайся, опоздаешь в школу.

– Ну ещё пару минуточек… – жалобно сквозь сон протянул мальчик. Он зарылся поглубже в подушку лицом, чувствуя на себе вес тяжёлого тёплого одеяла.

– В таком случае кто-то не успеет поесть эти прекрасные блинчики, которые я приготовила специально.

Стоило ли упоминать, что не могло быть лучшей мотивации, чем эта. Сон сняло как рукой. Откинув подальше одеяло, Паша быстро натянул шерстяные носки, лежавшие подле кровати, и поскакал на кухню. Запах был божествен. Он обнял маму, поцеловал её в румяную щёчку и уселся за стол.

Он не знал, как такое возможно. Иначе, как чудо, это не назовёшь. Мальчик снова жил в своей небольшой квартирке на окраине города вместе с любящей мамой, которая будила его по утрам в школу, журила за плохие оценки и готовила вкуснейшие блюда. Единственное, что мальчик знал наверняка, это то, что отныне он будет ценить каждый момент, проведённый рядом с самым дорогим человеком на планете. Он больше не будет капризничать и обижаться по пустякам, ведь теперь мальчик знал: в любой момент этого может не стать, и ещё одного шанса не будет.

Паша смотрел и не мог налюбоваться своей красивой мамой. Он так по ней скучал! По её маленьким морщинкам в уголках глаз и седой прядке волос на виске. По тяжёлому вздоху, когда её что-то не устраивало, и лёгкой улыбке, когда ей вспоминалось что-то приятное. Мальчик был готов мыть посуду каждый день, убираться у себя в комнате и приносить домой одни пятёрки, лишь бы мама была рада.

– О чём ты задумался? Ешь скорее, время идёт.

– Мам?

– М-м?

– Ма-а-ам!

– Ну что? – оторвалась от своего занятия женщина и посмотрела на сына.

– Я люблю тебя.

Роман КУПРИЯНОВ,
3-е место в номинации «Прозаик»

НАСТОЯЩАЯ СКАЗКА

(отрывок)

Глава первая

Волшебник был кот. Ничего нет удивительно в том, что волшебник не носил расписанной звёздами мантии и не сотворял пассов волшебной палочкой. Волшебник в далёкой юности (а волшебники живут долго – они никогда не помнят своего возраста) любил превращаться в разных животных. Особенно он любил превращаться в котов, хрипло мурлыкать и тереться о ноги своих друзей. Друзья в то время нередко заходили в гости к волшебнику и очень удивлялись, когда вместо добродушного и весёлого юноши встречали пёстрого кота с загадочным шкодливым взглядом.

Прошли годы, очень долгие годы, и волшебник сделался рассеянным, взбалмошным и ворчливым стариком. Собственно рассеянность и

подвела волшебника: однажды он, глубоко задумавшись, сам и не заметил, как превратился в непричёсанного серого кота с табаком в косматой бороде. Волшебник почти никогда не смотрелся в зеркало, его очень удивляли люди, смотрящиеся в зеркало. «В этом глупом стекле можно увидеть только себя самого, и то наоборот», – возмущался волшебник. Однажды, когда он уже стал огромным серым котом, волшебник навестил своего друга, тоже старого волшебника. Друг, в отличие от нашего героя, зеркала обожал, поскольку считал себя неотразимым – он носил густые бакенбарды и пышные усы, и глаза его имели чистый голубой цвет. Несмотря на неотразимую внешность, волшебник-красавец всё же отражался в многочисленных зеркалах, тут и там расставленных по его квартире. Наш герой, придя к другу за старым учебником по прикладному чародейству, лишь мельком взглянул в зеркало, увидел вместо себя странного кота в обвисшей шляпе, полинялых брюках, с дымящей трубкой во рту, проворчал что-то о глупых стёклах и ничуть не задумался о странной метаморфозе в своей внешности. Разве можно серьёзно относиться к зеркалам, которые вместо вас показывают толстых серых котов? А если не глядеть в зеркала, а, наоборот, заниматься прикладным чародейством, то не всё ли равно, как вы выглядите.

Впрочем, достаточно предисловий. Давно пора начинаться чудесам.

1. МАЛЬЧИК

Мальчик жил в большом доме на берегу озера. Озеро называлось Лужей. Оно и в самом деле было скорее лужей, чем озером, но любой мальчик имеет право называть лужи озёрами и озёра лужами. Детям ничто не мешает называть окружающее так, как им заблагорассудится. Только взрослые вынуждены пользоваться уже готовыми названиями, придуманными чаще всего детьми.

Однажды ранней весной, в один из первых тёплых деньков, после того как окончился бурный ливень, Мальчик гулял по берегу Лужи и усердно думал. Думал он вот что: «Если поймать тысячу мух и рассадить их по стеклянным банкам, то можно прикармливать птиц и ловить их. Птиц можно садить в клетки, обучать их говорить и доставлять почту. Можно отправить очень много писем в разные стороны света и получить в ответ ещё больше писем, и не только писем, но и посылок с разными удивительными предметами: коробочками с потайными отделениями, длинными кусками гибкой проволоки, из которой можно сделать всё что угодно, игрушечными очками. Игрушечные очки можно использовать так: надел очки и видишь сквозь стены. А если ты видишь сквозь стены, то и проходить сквозь стены для тебя – совершенно простое дело». Конечно, такие очки не просто игрушечные, они уже волшебные, но Мальчик отлично знал, что он достоин иметь волшебные очки. С их помощью Мальчик смог бы не только удивлять своих друзей, но и попадать туда, куда мальчиков обычно не пускают. Например, в дом Генералиссимуса, который выращивал в саду большие красные яблоки и держал в кладовке настоящего динозавра, только маленького. Все соседские дети знали об этой удивительной тайне Генералиссимуса, но никто ещё не видел маленького динозавра, думал Мальчик. А он мог бы не только увидеть, но и подружиться с маленьким динозавром, если бы только кто-нибудь прислал ему волшебные очки. «Но для этого, – вздохнул мальчик, – для этого просто необходимо поймать тысячу мух…»

Здесь мысли мальчика прервались, потому что он увидел Девочку.

2. ДЕВОЧКА

Девочка была очень красивой. Она была ослепительно красивой, эта девочка, она гордо несла две свои косички, слегка задирала нос и украдкой поправляла новое белое платье. Это платье она надела впервые, как только наступил тёплый день после зимы и после начала весны, которая тоже как зима, хоть и называется весной.

Девочка подошла к Луже и в ожидании посмотрела на Мальчика.

Мальчик хотел прыгнуть в Лужу, чтобы разукрасить новое белое платье Девочки разноцветными красками. Над Лужей часто останавливались большие автомобили, из них капали тяжёлые радужные капли, поэтому Лужа славилась своим многоцветием.

Но Мальчик почему-то не стал прыгать в Лужу и вместо этого спросил:

– У тебя есть свой динозавр?

– Нет, – тонким голосом ответила Девочка, – а у тебя разве есть?

– Пока нет, – ответил Мальчик, но больше про динозавра ничего объяснять не стал. Он

с интересом смотрел на Девочку и неожиданно перестал думать. Только смотрел на Девочку и ждал.

– Ты хотел бы жить в стеклянном доме? – спросила Девочка.

– Нет, – уверенно ответил Мальчик.

– А я бы хотела. Чтобы и дом стеклянный, и мебель в нём, и посуда – всё стеклянное.

– Если на твой дом упадёт метеорит – он всё расколотит, – авторитетно заявил Мальчик.

– А если не упадёт?

Мальчик не стал отвечать. Ему понравилась идея о стеклянном доме. Эта идея чем-то походила на размышления Мальчика о волшебных очках.

– Я знаю, где живёт волшебник, – вдруг сообщила Девочка.

– Ты веришь в волшебников?

– А ты?

Оба немного помолчали. Мальчик не выдержал:

– И где он живёт?

– Кто?

– Твой волшебник.

Девочка хотела сказать что-то обидное, и тогда Мальчик, конечно, не задумываясь прыгнул бы в Лужу и окатил Девочку холодной цветной водой. Рассуждать просто так о волшебниках нельзя – Мальчик отлично знал об этом.

Но Девочка только усмехнулась и сказала:

– Пойдём.

Ничего увлекательного в их коротком путешествии к дому волшебника не было. По крайней мере для читателей это путешествие показалось бы самым обыденным. Но Мальчик, послушно шагая за Девочкой и размышляя о всяких глупостях, о которых раньше никогда не размышлял, прогулкой был очень доволен. Ему нравилось идти за Девочкой и слушать про цветы и про еловые шишки. И сам он, удивляясь своей глупости, с улыбкой думал о цветах и еловых шишках, как будто ничего другого на свете не существовало.

Через несколько минут или несколько часов они подошли к маленькому дому волшебника, окружённому заброшенным садом. В саду росли рябиновые деревья, и ещё в саду стояла высокая густая трава, слегка пожелтевшая и напоминавшая осень.

– Мы попросимся в гости? – осторожно спросил Мальчик.

– Этот волшебник никого к себе не пускает, – объяснила Девочка. – У него в доме живёт громадный серый кот, он шипит и царапается.

– Откуда ты знаешь?

– Подружки рассказывали.

– Ерунда. – Мальчик уверенно подошёл к калитке и с трудом отворил её. Ржавые петли завыли, как десяток котов.

– Ты не боишься? – удивилась Девочка.

– У меня тоже есть кот, – важно объяснил Мальчик, – он тоже серый, громадный и кусается. – Мальчик хитро улыбнулся, – Но я не боюсь серых котов.

3. ВОЛШЕБНИК

Больше трёхсот лет никто не заходил к волшебнику. Он понуро сидел в кресле-качалке у камина, вспоминал молодость и перечитывал книги, которые давно знал наизусть. Иногда волшебник гулял по своему саду и однажды даже решил было перекинуться парой слов с соседкой – приличной на вид старушкой. Но старушка подозрительно посмотрела на волшебника, пробормотала что-то вроде «кис-кис», ушла ненадолго и вернулась с блюдечком молока, которое с глупой улыбкой поставила перед озадаченным волшебником.

Тогда волшебник обиделся и прочитал редкое заклинание. Заклинание было очень сложным, но волшебник справился блестяще: теперь в его дом никто не мог зайти. Взрослые люди вообще не замечали его маленького покосившегося жилища, а дети, на которых колдовство действует гораздо слабее, видели домик, но боялись к нему подойти.

– Здравствуйте! – прозвучал над головой волшебника звонкий голос. Волшебник медленно повернулся вместе с креслом и увидел на пороге двоих детей: мальчика с хитрым бойким взглядом и бледную девочку, от испуга закусившую нижнюю губу.

– И в самом деле кот, – весело сказал Мальчик, – ну и где твой волшебник?

Девочка ничего не ответила. Кот с косматой бородой в кресле-качалке, греющий лапы у камина, произвёл на Девочку немного странное впечатление.

– Я – волшебник, – сердито произнёс кот, – что вам нужно?

Он уже понял, что в его дом пришли непростые дети – простых остановило бы заклятье. А все волшебники знают, что непростые дети –

большая редкость. Вот и нашему волшебнику стало жутко любопытно.

– Ты не волшебник, – неуверенно сказал Мальчик, – ты кот.

– Я волшебник, – наставительно произнёс волшебник, – разница между мной и котом в том, что я – не кот.

– Но вы очень похожи на кота, – робко пропищала Девочка.

– Если тебе кажется, что я похож на кота, это ещё не значит, что я кот. Например, у табурета четыре ноги. У кота четыре ноги. Значит, табурет – это кот?

– Нет.

– Но табурет похож на кота?

– Нет. У табурета нет хвоста, – Девочка задумалась. – И табурет не кажется мне котом.

– А я кажусь?

– Да. Очень. Но… Вы разговариваете. А коты – нет.

– Ты знаешь очень мало котов, – проворчал волшебник, – и ты знаешь очень мало волшебников. Разговариваю… Вдруг тебе только кажется, что я разговариваю?

– Может быть…

– Значит, я всё-таки кот? Или табурет? – Волшебник основательно разозлился, и непонятно было, то ли он говорил, то ли как-то членораздельно мяукал.

– Скажите, – неожиданно снова заговорил Мальчик, – волшебник может превратиться в кота?

– Вне всяких сомнений. Волшебник может превратиться во всё что угодно. Если нужно.

– Выходит, вы превратились в кота. Превратитесь обратно в волшебника!

– Но я и так волшебник! Зачем мне превращаться в самого себя?

– Простите, но сейчас вы скорее… кот, – Мальчик виновато опустил глаза. Ему вовсе не хотелось обижать волшебника, даже кота-волшебника.

– Волшебник – всегда волшебник! Совершенно не важно, кот он при этом или не кот.

И Мальчику, и Девочке одновременно расхотелось спорить с котом о волшебниках или с волшебником о котах. Даже если они встретили всего лишь кота, всё равно интересно было разговаривать с таким удивительным котом.

– Вы умеете творить чудеса? – напрямую спросил Мальчик.

– Я могу творить много всего разного, – всё ещё сердито ответил волшебник.

4. НАЧИНАЮТСЯ ЧУДЕСА

– А у вас есть свой домашний динозавр? – неожиданно выпалил Мальчик.

– Мне он не нужен, – ответил волшебник.

– Почему?

– Динозавры вообще никогда никому не были нужны. Поэтому они вымерли.

Ни Мальчику, ни Девочке не понравилась такая грустная трактовка истории гибели динозавров. Но они опять не стали спорить. Когда ты находишься рядом с настоящим волшебником, не стоит тратить время на споры.

– Скажите, бывают такие специальные очки… – начал было Мальчик.

– Бывают, – отрезал волшебник и вытащил из шерсти саквояж, а из саквояжа – две пары очков. Совершенно необычных очков: всё в них – и оправы, и дужки, и даже соединительные болтики – были стеклянными. Однако очки вовсе не казались такими уж хрупкими. Напротив, они выглядели так, словно прослужили много-много лет, и ничего им при этом не сделалось.

– Берите, – протянул волшебник, – завтра вернёте.

Мальчик и Девочка послушно взяли очки, но не стали их надевать. Просто стояли и вертели диковинные стеклянные предметы в руках.

– Наденете, когда захотите проникнуть, – пояснил волшебник.

– Куда проникнуть?

– Куда угодно. Когда я не был ещё никаким волшебником, а был всего лишь глупым мальчишкой, таким, как ты, – волшебник указал когтистой лапой на Мальчика, – я любил отправляться в путешествие. Кто-нибудь из вас хоть однажды отправлялся в путешествие?

– Мы с мамой прошлым летом ездили в Сочи, – робко ответила Девочка.

– В Сочи! С мамой! Ха! Если ты собираешься в путешествие, нужно прежде всего забыть о Сочи и о маме.

– Я не хочу забывать о маме.

– Тогда сиди дома. Или сиди в Сочи и лопай растаявшее мороженое. Впрочем, конечно, о маме ты не забудешь. Наоборот, после путешествия ты будешь помнить о маме как никогда раньше!

И волшебник расхохотался глухим звериным смехом…

ОБСУЖДЕНИЕ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» ЗА 2015 ГОД

ГОД 70-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ

Как вы знаете, уходящий год был объявлен президентом Годом литературы. В этом же году исполнилось 70 лет Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Ответы на эти два важных события для журнала «Огни Кузбасса» стали основным направлением года.

Кому, как не писателям, чувствовать, что происходит в мире. Наши ветераны войны, наши отцы и деды усилием своей крови, своей исторической правоты 70 лет назад завоевали Победу. Теперь западные страны не хотят её не только делить с нами – основными победителями – но и даже не упоминают о нас в своих учебниках, по которым их дети узнают историю. На нашу долю выпало защитить нашу Победу от таких посягательств!

Начну с поэзии журнала. Ушли из жизни поэты – участники Великой Отечественной. Но достоверное слово их остаётся в строю. Это подборки стихотворений Евгения Буравлёва «Из фронтовой тетради», Михаила Небогатова «Стихи военных лет». О войне, о новых угрозах её в мире, о поломанных ею судьбах говорит в своих стихотворениях послевоенное поколение поэтов: Б. Бурмистров, Л. Гержидович, С. Донбай, Г. Иванов, А. Кердан, В. Кирюшин, В. Молчанов, Т. Николаева, В. Переводчиков, А. Раевский, С. Побокин, В. Скиф, Л. Щипахина, Е. Юшин.

Продолжу прозой журнала. Её авторы: В. Чурилов (повесть «413-ю повернуть на юг»), В. Крупин, Ю. Тотыш, Г. Каюров и др.

Традиционно материалы о войне мы даём в основном во втором номере журнала. В этом же году они были практически во всех номерах (со второго по четвёртый). Например, в рубриках «Публицистика» (Е. Титков. «Историю мы выбрасывать не можем» (К вопросу о сталинском повороте к Церкви), «Лики земляков» (Е. Тюшина. «Михаил Борисов – личный враг Гитлера»), «Книга Памяти», особенно популярная в этом году рубрика (с благодарностью отмечу её авторов: Д. Балибалову, Е. Елистратову, Г. Кузнецова, Г. Немченко, Л. Островую, А. Парпару, В. Чикильдик, О. Яценко). И в других рубриках, и во вклейке журнала военная тема постоянно присутствовала. Мы старались дать слово всем, кто прислал нам материалы о войне. Эти материалы выделены специально на страницах журнала юбилейным значком, который нарисовал А. Торощин.

Таким было основное направление журнала «Огни Кузбасса» в этом году.

Сергей ДОНБАЙ

ДВЕ РУБРИКИ

Для того чтобы со знанием дела судить об издании, необходимо познакомиться с его содержанием от года создания до настоящего времени. К сожалению, во владении предметом у меня большие пробелы.

Но всё же постараюсь изложить свой взгляд на рубрики «Критика. Литературоведение» и «Литературная жизнь» в достаточной полноте.

Для меня самый большой интерес в журнале представляет не только проза и поэзия, но и разделы критики, литературоведения и литературной жизни.

В «Литературной жизни» самое любопытное – подборка мнений о журнале «Огни Кузбасса» (№ 3). Спектр оценок от доброжелательных (Виктор Арнаутов, Вера Лаврина, Ирина Фролова) до критически резких Виктора Кальсина, который поднимает художественную планку слишком высоко, находя недостатки как в прозе, так и в поэзии. Виктор Кальсин считает неуместным публикацию «записок инженера путей сообщения» в журнале, полагая, что их следует напечатать в ведомственных изданиях. Но дело в том, что упомянутые издания вряд ли возьмут эти тексты в номер, ведь у них есть цензурные ограничения. А для «Огней Кузбасса» это – тематическое расширение, которое может привлечь к изданию новую аудиторию.

Один из ярких текстов «Литературной жизни» – «Перевод: мосты и скрепы» Нины Ягодинцевой, посвящённый 15-й конференции Ассоциации писателей Урала, Западной Сибири и Поволжья. Автор подчёркивает важность межкультурного диалога, определяющего будущее страны. Нина Ягодинцева пишет, что на встречах АсПУр постоянно звучат стихи на удмуртском, башкирском, грузинском, айзербайджанском, башкирском и других языках, и это делает содружество писателей Урала и Сибири мощным инструментом противостояния агрессивному сепаратизму. И продолжает: «…духовная природа культуры такова, что живые связи возникают сами по себе, из потребности добрососедства и живого человеческого сочувствия». Действительно, сейчас насущным является сотрудничество региональных литератур, повышение профессионализма, творческий обмен областей для общего дела – возвращения к словесности широких масс, которым она может стать спасением в продолжающуюся эпоху перемен.

Интересно наблюдать за увеличением объёма «Литературной хроники» в журнале. Событий становится больше, они требуют развёрнутой оценки и реакции.

Хочется отметить положительный отзыв Нины Инякиной на книгу Виктора Арнаутова «Песнь моя колыбельная… Рассказы о рыбалке» (№ 6). Это рецензия из тех, которые вызывают желание немедленно найти издание и взяться за чтение.

Хорошая рецензия Юрия Михайлова (№ 1) о творчестве поэта Леонида Гержидовича к его восьмидесятилетию.

Стихи юбиляра сопоставляются с изделиями шестидесятников, которые выплёскивали гражданские эмоции, пафос «разоблачения культа личности» на стадионах и эстрадах. В противовес им – философская, пейзажная лирика Гержидовича представляет большую ценность. В ней – разговор с природой, прикосновение к истокам, романтика и красота тайги. Это приобщает к историческим корням. А в помощь – великий и могучий русский язык, которым Леонид Гержидович владеет мастерски, перемежая стихи редкими и подзабытыми словами («В тальнике за увалом», «Забилась копалуха в тень. По дуплам белка цокот прячет», «От мира на отколе», «Под пичужье колготьё» и т. д.). Словесный арсенал народного языка противостоит новоязу компьютерной сети, которая зачищает целые пласты русской речи...

Интересно пишет о судьбе русского писателя Леонида Андреева литературный критик Валерий Плющев (№ 6), рецензируя книгу Натальи Скороход, выпущенную в серии «ЖЗЛ». Говорится, что место автора «Красного смеха» в русской литературе ещё не определилось из-за недостаточной мифологизации его творчества и биографии. Заметный эпизод – преодоление пьянства писателем, победившим тягу к запоям. Запоминается и резкая оценка его поздних произведений Максимом Горьким: «рвота». Эти нюансы могут стать заметными в переосмыслении роли Леонида Андреева в русской литературе.

Порадовала доброжелательная и тёплая рецензия тайгинской писательницы Людмилы Яковлевой (№ 6) на книгу стихов Анатолия Иленко «Рассудит время». Это текст прямого действия, он, как и рецензии Нины Инякиной на книгу Виктора Арнаутова и Юрия Михайлова на творчество Леонида Гержидовича, вызывает сильное желание скорей взять почитать отрецензированное издание.

В русле доброжелательной критики выступает и Елена Елистратова, которая опубликовала в журнале серию материалов – от обзора книжек «молодых поэтов Кузбасса» – Агаты Рыжовой, Виктора Бровикова, Сцино Арисавы и Татьяны Кравченко, вышедших в малом формате и на картонной бумаге (№ 1), до разборов региональных «толстых» изданий «Балтика» (Калининград) и «Гостиный двор» (Оренбург).

В разборе молодых Елена отыскивает лейтмотивы, один из них – вечность. Поэты не разменяются на быстрые перемены общества, но метят сразу на нетленный уровень. В конце каждого отзыва Елена Елистратова пишет, что стала духовно богаче от прочтения книг и журналов. Цитаты подкрепляют это суждение.

Интересно будет прочесть сопоставление толстых изданий с критическими замечаниями, но, видимо, Елена Елистратова не хочет тратить время на поиск недостатков, а желает показать читателю лучшие стороны литературного процесса.

Прокопьевский журналист и литератор Михаил Анохин отзывается о творчестве Бориса Васильевича Бурмистрова (№ 2) и Геннадия Евлампиевича Юрова (№ 3), но привносит эмоциональный субъективизм. По жанру это не критика и литературоведение, а ближе к публицистическому эссе, когда стихи интерпретируются с морально-гражданской позиции. В этом больше журналистики, чем филологического разбора. Впрочем изыскания М. Анохина достигают цели – появляется интерес к творчеству кузбасских поэтов.

Александр МУХАРЕВ

«ЖЕНСКАЯ ПРОЗА» В «ОГНЯХ КУЗБАССА» – 2015: О ЛЮБВИ, КЕМЕРОВЕ И НЕ ТОЛЬКО…

О «женской прозе» написано много и в разных ракурсах: и в контексте развития отечественной беллетристики, и в контексте гендерной проблематики. Присутствие женщины-писателя в серьёзной литературе давно не вызывает иронии или насмешки. Хотя можно найти в современной критике выражения «женский детектив», «женский почерк», «розовый любовный роман» и так далее, которые если не ироничны, то уж точно имеют явную гендерную направленность. Так или иначе, но «женская проза» существует, и это факт современной литературной действительности. Журнал «Огни Кузбасса» данный факт признаёт и не проходит мимо интересных художественных проявлений женского творчества. Достаточно часто «толстые» литературные журналы в начале нового календарного года задаются вопросами: «Каковы литературные итоги прошедшего года? Какое произведение удивило больше всего? Что запомнилось? Что стало открытием?» Я хочу включиться в подобного рода подведение итогов на примере обсуждения «Огней Кузбасса» за 2015 год. Какими открытиями порадовал нас главный журнал Кузбасса в Год литературы?

В первом номере сразу же обращает на себя внимание новый роман Юлии Лавряшиной «Серебряный ключ». Привлекает пространство романа, хорошо знакомое и вдруг оказывающееся незнакомым вовсе. Именно из-за места действия я увидела в этом романе совершенно другой текст, который увлёк меня, заставил посмотреть на свой родной город другими глазами.

Я коренная кемеровчанка, родилась и провела детство на Правом берегу Томи, на Красной Горке, которая на сегодняшний момент позиционируется как исторический центр города. А школу я оканчивала уже на Левом берегу, поэтому хорошо знаю как один берег, так и другой. Город наш относительно молодой, история его связана, в основном, с индустриализацией России и Сибири в XX веке. Но Кемерово уже имеет своё лицо, свой «текст» в контексте других провинциальных текстов России: пермский, уральский, архангельский и... кемеровский.

Удивительно то, что начав год романом о Кемерове, журнал и закончил его тем же. В последнем № 6 напечатан первый роман Л. Чидилян «Лида в поисках любви», это первая часть романа. Откровенно признаюсь, сюжет не слишком заинтересовал меня как читателя. «Крепкая» беллетристика о поисках любви, об ошибках, метаниях, надеждах молодой девушки Лиды.

Для меня оказался интересен сюжет города, на фоне которого развивается история Лиды, и это вновь – Кемерово.

Я размышляла о крупных художественных формах – романах. Но невозможно обойти и рассказы. Моё внимание привлекли два небольших рассказа: «Метель» Елены Воробьевой (№ 3) и «За стеной» Анастасии Черновой (№ 4). Я бы обозначила проблематику этих рассказов как социальную. В первом – страдающая от бессонницы немолодая женщина размышляет о своей не слишком радостной и счастливой жизни, ожидая загулявшую внучку Ксюшу. Во втором – соседка помогает оставшимся без присмотра маленьким детям, ругая беспутную мать. Но не всё так явно, как кажется.

Метель становится тем случайным, нежданным моментом, который как бы отражает душевное состояние женщины, забывающей свои беды днём, за работой. Метель как природное явление заботит героиню, она подрабатывает на пенсии дворником в детском садике, и ей предстоит назавтра убирать массу снега, её ждёт тяжелый труд. Метель как состояние души обнажает заботы героини о беспутном сыне Стасе, беспутной внучке Ксюхе, кроме неё о них некому по-настоящему позаботиться. Но героине и в голову не приходит, что можно разом избавиться от забот и тяжёлых мыслей, прогнав сына, заставить его работать, перестать надеяться на неё. Она мать, бабушка, и как бы не болела, не мучилась, она встанет навстречу пришедшей в четыре утра внучке и разогреет поесть. Это рассказ не столько о бедах, сколько о безграничной любви, всепрощении, жалости и смирении перед судьбой.

И во втором рассказе «За стеной» обнаруживается не «казнь» непутёвой матери, ушедшей на свидание и бросившей детей, но случайность, несчастный случай, позволивший сдержанной, неприветливой Маргарите Фёдоровне проявить сострадание, пожалеть совершенно чужих детей. Красота цветов на балконе, которые разводит Маргарита Фёдоровна, как бы отражается в её душе, её поступке, проявляется в ней самой. Дети спасены и спасена сама героиня от лицемерия и лжи внешнего поведения, лжи подруги Агнессы.

В заключение я хочу ещё раз сказать спасибо журналу «Огни Кузбасса» за интересную прозу и большую работу по отбору качественных произведений.

Ирина АЩЕУЛОВА,
доцент кафедры журналистики
и русской литературы XX века

ЗАМЕТКИ ПАРОДИСТА

«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...», – писал Ф. И. Тютчев.

А вот поэтическое слово подчас может отозваться и пародией...

Журнал «Огни Кузбасса» традиционно печатает хорошие стихи, но и они порой дают повод для ироничной улыбки.

В первом номере журнала опубликованы стихи Дмитрия Мурзина. Его поэтический талант многогранен, в стихах Дмитрия что-то для себя может найти каждый, в том числе и пародист.

Вот, например, такие строки:

...Услышав в шелестании берёзы:
«Чего ты ждёшь? Давно пора валить!
Пародия называется «Коверкование»

Я в тихий лес осуществлю своё вбегание
и там устрою шумовство и трескотание,
сухой валежник наподдав сто раз ногой,
прыгутчивость усилю топотанием,

галдежничество – диким хохотанием,
при этом стих выкрикивая свой,
и тут берёзы с гневным шелестанием
мне шепотнут: «А ну, вали домой!»

Во втором номере журнала развеселил автор стихов Владимир Скиф, узревший в лицах старушек не только няню великого классика, но и его самого:

...Старушки, старушки пестры, как кукушки,
На рынке у крынок сидят с молоком,
Их лица узришь, и привидится Пушкин
И няня Арина с кудрявым клубком...

Пародия на видения Владимира Скифа такова:

Идя по рынку, узрел старушку:
при бакенбардах, с пером в руке,
арабской крови – ну чисто Пушкин
свой бизнес строит на молоке.

А рядом няня – его подружка,
её не встретишь ты без клубка,
она ответит: «И где же кружка?» –
и выпьет с горя (не молока!).

Пестрели рядом ещё старушки,
кого-то ликом изобразив,
я пригляделся: вновь няня, Пушкин...
а где же бабка – Владимир Скиф?

Третий номер журнала оказался самым урожайным и на стихи молодых авторов, и на идеи для пародий.

Например, вот каким весьма «неожиданным» наблюдением поделилась Татьяна Кравченко:

...пахнет сеном в сеновале...

Это «удивительное открытие» повлекло такую пародию:

Я подмечаю очень тонко,
что пахнет маслицем маслёнка,
и хлебом, аж не верится,
благоухает хлебница.

Вы угадаете едва ли
извечный запах в сеновале,
я ж удивлю вас непременно,
сказав, что сеном (!) пахнет сено!

А серьёзнейшая поэтесса Ирина Тюнина просто уморила всего одной строчкой:

По аллее ступаю. Асфальт под ногами стонет...
На что последовала короткая пародия:

О хрупкости своей стихи слагаю,
ведь даме мощью хвастаться не стоит...
Пишу, мол, не иду я, а ступаю,
а вот поди ж: асфальт под ножкой стонет!

Также в третьем номере журнала повеселили стихи Сергея Логинова. Вот, например, такие строчки:

...планета кругла.
Если бежать, можно встретиться с собственным задом...

А это пародия:

Такая круглая, но мелкая планета,
бегу по ней и сам себе не рад, –
ни горизонта впереди, ни просто света,
всё время тычусь в свой бегущий зад!

Мне встречи с задом крайне неприятны,
в том всякий меня правильно поймёт,
...а всё же остаётся непонятным:
зад убежал вперёд иль сильно отстаёт?

В шестом номере журнала опубликованы стихи Б. В. Бурмистрова, которые практически неуязвимы для пародиста, если бы не пристрастие Бориса Васильевича к тавтологии.

Сразу припомнились его строчки из подборки стихов «Огней Кузбасса» за 2010 год:

...Успокоиться не успокоюсь,
Потому, что спокойствия нет...

А в журнальной подборке 2015 года встретились такие строки:

...Не распутать спутанные дни,
С прошлым перепутаны они...

На это есть небольшая пародия:

За завтраком позавтракать пытался,
но перезавтракал, – с едой переобщался
в общительном общении, и ясно:
в маслёнке было слишком масленое масло!

Ольга ЯКОВЛЕВА

ЧТЕНИЕ В 3D-ФОРМАТЕ

Продолжая разговор о публицистике, представленной в журнале «Огни Кузбасса» в 2015 году, хочу отметить рубрику «Дальние страны», в которой опубликованы два материала Виктора Арнаутова: «Десять дней январского лета» (Из тайской записной книжки) в первом номере и «Гоа – тоже Индия» в шестом.

Автор путевых заметок так подробно и последовательно рассказывает о своей поездке сначала в Таиланд, а затем в Индию, в Гоа, что возникает эффект полного присутствия и погружения – начинаешь слышать звуки, ощущать запахи и осязать предметы далёких и незнакомых тебе стран («Индия, о высокочтимый мой учитель, находится на самом краю земного диска...», – при слове «Индия» мне почему-то всегда вспоминается эта цитата из сказки про старика Хоттабыча). И как такое удаётся писателю? Загадка. Или магия. Или мастерство. Но, так или иначе, читая его отчёты о дальних странствиях, я – закоренелая и убеждённая домоседка – чувствую себя туристкой, в очередной раз побывавшей в каком-нибудь экзотическом местечке нашей планеты. Вот спасибо Виктору Степановичу!

Елена ЕЛИСТРАТОВА

СОХРАНИТЬ ИММУНИТЕТ ДУШИ

(Письмо нашему читателю Ю. Малышеву
от его учительницы, живущей в Москве)

Здравствуй, дорогой Юра!

Давно бы надо написать, да грустных писем не хочется посылать близким людям. Ты и так всегда со мной, начиная с утренней молитвы. <...>

Полюбила часы, когда я могу сосредоточиться на каких-то воспоминаниях, чтении того, что близко душе. Память сохранила многое. Эти воспоминания помогают сохранить иммунитет ко многому непонятному, тревожному, порою пошлому, что видишь сегодня.

О глобальных событиях думаю, так как о них пишут и говорят много. Очень хочется, чтобы окрепла и выстояла Россия. Расклад такой, что трудного будет ещё немало.

Удручает состояние средств массовой информации: радио и телевидения. <...>

В журнале «Огни Кузбасса» (№ 6 за 2014 г.) на первой странице стихотворение Новеллы Матвеевой об этом. Резкое, но очень точное. <...>

Остаётся только одно: поскольку Господь дал мне эти годы, всё-таки отличать чёрное от белого.

Журнал «Огни Кузбасса» прочитываю весь. Уже прочитала и первый, и второй номера за 2015 год.

Некоторых авторов прослеживаю по публикациям в журналах за разные годы. Много талантливых, интересных людей в Кузбассе. О них доброе слово и благодарность им. О нескольких авторах хочу написать в этом письме. Номер 2 журнала: о каждом авторе можно сказать только то, что всё, написанное ими, дошло до сердца.

Подборка стихов Геннадия Иванова «Це не Европа, Фёдор, не Европа».

Публицистика. Зоя Естамонова «Но пасаран!» Прекрасная статья. Краткая, но охватившая столько! О ветеранах, о глубочайшем уважении к ним за всё, о сегодняшних проблемах, ничего не ускользнуло от внимания автора. Это имя запомнила раньше, в № 3 журнала 2013 год. Трудная повесть. Памяти писателя и дорогого мужа.

Поняла, что автор – родной мне по душевному складу человек, написавший о любимом талантливом человеке такую тёплую повесть-воспоминания. Мы – люди одного поколения. <...> И какие трудности пережили дети в войну, я знаю. В жизнь вступил ребёнок, оставшийся без матери, без помощи и поддержки отца, мальчик Гена. Но с «правильно поставленной душой» (душа есть у каждого), какой Господь награждает от рождения некоторых. Это я прочла в одной христианской книге. В подтверждение этому я видела людей, которые несмотря на трудную жизнь сохранили прежде всего любовь к жизни, к людям, способность видеть в них хорошее, отсюда и вырастает всё остальное: и стремление к справедливости, и доброта, и сила, которая проявится в любом труде, в преодолении трудностей, казалось бы, невозможных.

Геннадий Апексимович необычайно привлекательный своим характером человек. В любом деле, в любой профессии он мог быть талантлив, потому что, понимая и тех, кто трудится, и сам умел трудиться. Разносторонни его интересы, и неудивительно, что есть что рассказать людям, чем поделиться с ними.

Хочу сказать, что меня ещё особенно привлекает к ним. Это любовь к природе, ко всему живому, доброе чувство юмора, которое при особых обстоятельствах может замениться беспощадной иронией. Понимаю невозможность принятия дикого отечественного капитализма со всеми его особенностями, позицию либералов. <...>

Однако достаточно о них. Прошу тебя передать мой сердечный привет Зое Естамоновой, пожелания сил в жизни и труде, здоровья прежде всего. Воспоминания её о Геннадии Апексимовиче всегда будут согревать её, помогать сохранять иммунитет души. Живём в сложное время. Мне запомнились и повесть о детдомовском детстве, и рассказ о сержанте Хайрулине Азате Газизовиче, эпизод из которого приведён в тексте повести о муже Зои Е. <...>

Юра, здоровья тебе и сил. Жду весточки от тебя. Н. А. 2.10.2015.

Нина Александровна БАРАНОВА

«ПОХОЖИ ВСТРЕЧИ НА ПОДАРКИ»

(О творчестве Любови Никоновой)

Сборник «Похожи встречи на подарки» издан Кемеровским издательством «Летопись» и представляет собой своеобразное подведение итога творчества поэта. Он содержит восемь тематических разделов и в каждом – стихотворения, соответствующие заявленной тематике, созданные на протяжении всего творческого пути Любови Алексеевны от 1966 по 2003 год. Это разделы: «Глаза жизни», «Как пчела в цветах», «Распорядилась так судьба», «Горящая музыка», «Не споря с высшей силой притяженья», «Ветер добирается до души моей», «Дыхание смутных времён», «Сокровенной России свеченье».

Названия разделов достаточно свободны, продиктованы лишь внутренним авторским чувством и никаких ограничений на содержание стихотворений каждого из разделов не налагают. Очевидно только, что от раздела к разделу стихи всё более зрелы, выношены, выражают всё более глубокие раздумья и переживания автора.

I

Стихотворения первого раздела сборника – «Глаза жизни» – выражают идею, которая вообще-то пронизывает всё творчество Л. А. Никоновой – идею вечной, всеобщей органической связи всего сущего на земле и в небесах, всего божьего творения. Идея эта сквозная для её творчества, стихотворения этого раздела (подчеркну ещё раз: созданные в разные годы её творческой жизни) лишь наиболее полно и последовательно её воплощают.

Ощущение единства всего живого и своей причастности к нему пронизывает все стихотворения этого раздела и роднит их с натурфилософскими стихами Н. А. Заболоцкого. Достаточно вспомнить хотя бы такие его строки:

...и в этот миг
Всё, всё услышал я – и трав вечерних пенье,
И речь воды, и камня мёртвый крик,
И я, живой, скитался над полями,
Входил без страха в лес,
И мысли мертвецов прозрачными столбами
Вокруг меня вставали до небес...

У Любови Алексеевны:

И будет вечно в свете звёзд и дня
феномен жизни изумлять меня.
То проплывёт чудесный трилобит,
то в раковину доброе чудовище трубит.
То пылкий жук, красивый, как амур,
слагает песнь любви, как трубадур…
То под лазурный свод небесных сфер
вдруг выплывают утки из пещер…
Мелькает бабочка, как маскарадный маг.

Бесспорно, можно говорить о воздействии великого поэта. Но нужно не забывать и другое. Монтень говорил: «Не в писаниях Гомера, а во мне самом содержится то, что написал Гомер». То есть воздействие предшественника на последователя невозможно без их внутренней духовной взаимосвязи и единства. Именно такую взаимосвязь мы слышим, когда в стихотворениях Никоновой звучат такие строки в стихотворении «Лесные звуки»:

…И кто-то пел прозрачно и минорно,
притягивая душу, как магнит.
Но кто-то жил без песен, жил безмолвно –
и ясно было слышно, как молчит.

В стихотворении «Ночная река»:

Ах, эта ночь с луною рыжей!
С веками сплетены века.
Забито небо всякой рыбой.
Забита звёздами река.

В стихотворении «Зелёный свет»:

…И, выставив задорный гребешок,
гриб полуголый пел, как петушок.

В стихотворении «Лежу в степи, шумит трава»:

Я с конским щавелем одно
и с заячьей капустою.
И если в этот миг умру,
я смерти не почувствую.

II

Основная тема второго раздела сборника «Как пчела в цветах» – это тема любви как вечного и главного закона бытия, любви в смысле божеском и природном, любви как всеобщего животворящего начала.

В стихотворениях этого раздела нет выражения чувственных восторгов, ни слова о радостях плотской любви, но есть другое:

И счастье есть. И музыка кругом.
Слились в один два потемневших взора.
И кажется, колеблется наш дом,
качается, – должно быть, рухнет скоро.
И рухнет он в цветущие кусты,
в их белые душистые объятья.
А я с тобою.
А со мною ты.
Все люди сёстры и все люди братья.

Но не сводимо содержание этого раздела лишь к этой благостной картине и радостному чувству. Впервые в сборнике появляется начало мотива боли душевной, одиночества и сомнения. В финале стихотворения «Сосновый бор» зазвучит эта мысль о драме разобщённости в природе и среди людей:

Я слушала, не радуясь ночлегу.
И нестерпимо было слышать мне,
Как человек взывает к человеку,
Сосна к сосне,
Сосна к сосне.

В другом стихотворении пять молодцов и героиня, натянув тугие луки, пускают стрелы на поиски счастья. У других стрелы попали в цель, ***«взяли в жёны купчих и дворянок и царевну-лягушку, вестимо» –***
«А моя стрела – все летит.
Ни намёка на приземленье.

И уже в 1993 году будет написано стихотворение:

Вольная птица – да негде присесть:
занято, занято, занято здесь.
Вот и летай, пока крылышки держат.
Вот и живи, беспрестанно летя.
Крыльев в полёте тебе не подрежут.
Только надолго ли хватит тебя?

Это глубокое, полное острого драматизма осознание невозможности жизни без любви вступает в сознании лирической героини в напряжённую схватку между подлинной, пусть мучительной и трудной, божеской любовью и теми многочисленными и такими распространёнными антиподами любви, до которых часто так падок и слаб человек.

Вот одна из таких строк:

Всё ненависть лезет, и нечисть, и нежить:
земля, мол, лишь нами полна.
Возьми нас в друзья, а не то пожалеешь,
прими нас – иль будешь одна!

Но что за судьба – с ненавидящим сердцем?
И, веру спасая свою,
с усталым лицом, от страдания серым,
стою на своём я: люблю!

III

Начатые здесь светлые и горькие раздумья получают интересное развитие в третьем разделе сборника, названном «Распорядилась так судьба». Первое, что обращает на себя внимание в стихотворениях этого раздела, – при всей слитности лирической героини с миром, с природой и людьми – это ощущение своей отдельности, инакости своей личности и судьбы, чуть ли не гостьей с иной планеты.

Опустись, светоносец, загадочный диск,
опустись ещё раз. Это даже не риск.
Я верчу и верчу марсианский волчок,
я гляжу и гляжу в твой зелёный зрачок.

Под твоей оболочкой из тонкой слюды –
зеленеющий рой идеальной среды.
Заселён этот рай, светозарный, большой,
совершенной, одной, коллективной душой.
Это братья мои. Мы в разлуке давно.
И вернуться туда мне уже не дано.
За какой-то проступок (не помню, какой)
отлучили меня – и закрыли за мной.

Второе – это абсолютное неприятие всего, что в жизни лишь вполовину, не в полной мере и не до конца: полуправды, полудружбы и полувражды:

Полулюбовь – двусмысленна, двулична.
Наполовину тёмен её свет.
И полувера – двойственна обычно.
Двуручной полувере – веры нет.

Полунадежда тоже двоедушна
и не надёжна пред лицом беды.
Но самое плохое – полудружба,
предательский двойник полувражды.

Прозвучит в стихотворениях этого раздела и голос страсти, острое, почти мучительное переживание роковой подчас несовпадаемости в судьбах людей мужского и женского начал, ян и инь по восточной философии, отталкивания и притяжения не по каким-то рациональном поводам и обстоятельствам.

Стихотворение «Всё, что стон вырывало из уст» завершается такой строфой:

Иль прониклась безудержом я
и энергией первопричиною?
Или это звезда и земля?
Или женщина это с мужчиною?

Всего острее это выскажется в стихотворении, очень своеобразном по форме. Это не традиционное стихотворение, не верлибр, не стихотворение в прозе и не фольклорное причитание, а нечто среднее между ними, с многократными повторами и усилениями, призванными выразить крик тела и души – «Иду любовью долгою своей...» Композиционно в нём два полюса. Один – состояние холодной безлюбости. А другой –

Но лишь тебя увижу – обомру,
потерянно застыну на юру,
сразу всеми огнями обжигаема,
всеми пламенями палима,
всеми водами окатываема,
всеми морозами прохватываема,
всеми ветрами обдуваема,
с помрачённым взором,
с душой перевёрнутой,
с судьбой кровоточащей.

Это состояние выведено за пределы индивидуальной судьбы, оно почти иррационально, и потому это один из законов бытия.

IV

Следующему, четвёртому разделу сборника Любовь Никонова дала очень глубокое и точное название: «Горящая музыка». В стихотворениях этого раздела нашла отражение ещё одна – ярчайшая – сторона личности и творчества поэта – способность слышать и воспринимать музыку жизни. Способность эта далеко не каждому дана, и её наличие открывает человеку такие глубины и смыслы бытия, такую красоту и гармонию жизни, какие дают существованию человеческому оправдание перед Богом.

Поэт в душе своей соединяет внутреннее звучание жизни и мелодию, созданную композитором. Естественно, что и здесь у Л. А. Никоновой есть великие предшественники, достаточно вспомнить Блока, а самый ближайший – тот же Н. А. Заболоцкий. В 1957 году, вспоминая героическую гражданскую войну с фашизмом в Испании, он написал своё знаменитое стихотворение «Болеро», завершающееся такими словами:

Танцуй, Равель, свой исполинский танец,
Танцуй, Равель! Не унывай, испанец!
Вращай, История, литые жернова,
Будь мельничихой в грозный час прибоя!
О, болеро, священный танец боя!

У Никоновой звучит именно это: созвучие Истории и души художника, «посетившего сей мир в его минуты роковые» (Ф. Тютчев). Она пишет стихотворение «Мусоргский», в котором не просто поразительно коротко и сильно сказала о кровной связи творчества композитора со «смутной» русской историей, но и нашла слова, которые, на мой взгляд, гениально передали суть его личной и общественной трагедии:

…Россию и сердцем, и духом
То гневно, то скорбно любя,
О, удаль! О, горечь! О, жалость!
Сожги, изведи, сокруши!
И тело его разрушалось,
Уже не вмещая души. (! – *А. С.*)

Есть в этом разделе и великолепное стихотворение «Берлиоз. Сцена охоты», в котором она коротко и точно, а оттого и красиво выражает воздействие музыки на душу:

…Охотничий рог, затруби!
Звук долгий, морозный и чистый
прожжёт нас до самой крови
своей чистотой серебристой.
……
Но слышишь, как звук роговой
в крови всё ещё догорает?

Но даже когда и не звучит мелодия, душа поэта причастна к музыке бытия, она способна уловить её в шуме ветра, рокоте волн, завывании бури и просто в молчании. Считаю в этом смысле маленьким шедевром стихотворение «Горящая музыка», по названию которого назван и весь раздел.

Сгорает лес, мелодий полный
цветных, как радужный туман.
Гудит огонь в печи покорной,
огонь, похожий на орган.
До корня музыка сгорает,
до угля чёрного, дотла.
А всё играет, всё играет…
И в поддувале дотлевает
ещё звучащая зола…
И вот – щепоть немого пепла.
Ты как до этого дошла,
мелодия небес и пекла,
а может, и сама душа?

Когда же звучит обыкновенный романс, давно уже у всех на слуху, никаких открытий и новизны в себе не содержащий, чуткая душа поэта слышит за этим текстом старую, но вечную для каждого новую историю любви и страдания и откликается на неё… Как, например, в стихотворении «Жалобно стонет…» (первые слова известного сентиментального романса). Финал стихотворения:

Так дайте же мне
посидеть у огня без движенья,
опять пережить красоту
этой острой разлуки,
опять осознать, помертвев,
глубину пораженья –
и с жалобным стоном
уткнуться лицом в свои руки.

Ещё один мотив, вовсе не странный у русской поэтессы и очень характерный, значимый для Любови Алексеевны, зазвучал в этом разделе. Целая группа стихотворений объединена общим названием – «Цыганские напевы». Если мы вспомним, какое место занимала цыганская тематика в творчестве А. С. Пушкина, Аполлона Григорьева, Сергея Есенина, Александра Блока и других русских писателей и поэтов, то согласимся, что дело вовсе не только в экзотике цыганских странствий, быта, обрядов и самобытной культуры, хотя и это тоже имеет значение. Для Любови Никоновой, женщины и поэта абсолютно русского, без всякой цыганщины в судьбе, цыганская тема – это символ воли, удали, широты души, всего того, что так характерно для русской души и русских просторов.

В стихотворении «В самарской степи…» она скажет:

Одною рождённые общею далью
цыганские песни и русские слёзы.

Совершенно поразительно её провидческое проникновение в поэтическую душу Пушкина, а через неё и в русскую душу в стихотворении «Пушкин у цыган». Вот его заключительные строки:

В ней (в песне цыганки. – *А. С.*) ***зов свободы***
и плененье,
покой – и тонкое волненье,
живой огонь – и ветер снежный,
и край земли – и мир безбрежный…
Цыганка, вопреки столетьям,
распоряжается всем этим…
И, восхищенья не тая,
он крикнет: «Радость ты моя!»
Ах, эта радость, прелесть эта –
вот утешение поэта.
Цыганки пенье,
свист метели…
Шесть лет осталось до дуэли.

V

Пятый раздел сборника озаглавлен «Не споря с силой притяженья». Он вобрал в себя стихотворения, развивающие и углубляющие начатую во втором разделе тему любви как главнейшего, универсального жизненного начала. Там же, во втором разделе, появились и стихи, выражающие чувство одиночества, горькие сами по себе и требующие углубленной душевной проработки. Здесь, в пятом разделе, не просто идёт эта глубокая проработка, а настоящий спор лирической героини с самой собой и с общепринятой трактовкой темы любви.

Не наше дело, да и вообще недопустимо лезть в обстоятельства личной жизни, судьбы поэта, как сейчас это стало модно, мы должны только поглубже всмотреться в творческий феномен раскрытия этой темы. Во втором разделе преобладало всё-таки переживание любви как страсти. Здесь зазвучали строки, выражающие всю глубину, даже трагизм нелюбви, «не-встречи», как говорила Цветаева, обречённости на одиночество.

Вот заключительные строфы стихотворения «Любовь странника»:

Душа уже встречалась с тьмой –
и видит тьму на расстоянии.
Никто не станет жить со мной.
И я – ни с кем не в состоянии.
Но, «каплю жалости храня»,
явитесь на пути мучительном –
и заступитесь за меня
пред всемогущим Вседержителем.

Стихотворение «Не нравьтесь мне. Я вас люблю» завершается такими строками:

И там, где явится она (любовь блистающая. – *А. С.*)***,***
в раю, в глубинах милосердия,
одна, как скрытая струна,
звучит звенящая трагедия.

В этом плане очень интересно, как Любовь Алексеевна переосмысливает известнейший романс, ставший буквально народной песней, – «Когда б имел златые горы». Отталкиваясь от канонической строки «…с пустой котомкой за плечами стучится странник у окна», она начинает стихотворение строкой: «Я всё с той же сумою стою под окном». Только «с пустой котомкой», «с сумой» стоит не отомщённый «злой изменник», а сама отвергнутая героиня «полжизни в опорках отмерив пешком», возвратилась под заветное окно былого возлюбленного и умоляет хотя бы на минуту дать посмотреть на счастье тех двоих, кого должна ненавидеть, но она их любит: «…пусть прольётся ко мне вашей жизни вино».

И стояла я сутки, и месяц, и век,
Мне терпение было любовью дано.
И раскрылось окно – и сказал человек:
«В церкви надо стоять» – и захлопнул окно.

Стихотворение вызывает непростые размышления, и размышления авторские идут в стихотворениях всего этого раздела. Центральное из них – это, без сомнения, стихотворение «Особая форма жизни». И название не поэтическое, и написано оно в прозе. Это совсем не случайно. Плотность мысли в высказывании может быть так велика, что стихотворная форма сковывает ее выражение мерной стихотворной строкой с необходимым количеством ударений, пауз, соблюдением ритма, рифмы и т. п. Отсюда допустимость и необходимость выражения сложной и насыщенной мысли более свободным языком прозы.

Объём стихотворения не позволяет цитировать его здесь полностью, но основные суждения таковы: «Любовь – это какая-то особая форма жизни, нами совершенно не изученная. Она не любит шуму. С ней не надо своевольничать, но можно незаметно радовать её, помогать ей в трудные минуты. Она крепка и хрупка одновременно. Нужно научиться ощущать её присутствие – и не пугать её, не беспокоить, не навязывать ей своей воли, не угнетать, не подстёгивать, не мучить… Она не задерживается долго с теми, кто не щадит её. Если бы в данный момент у меня спросили: «А где она сейчас?» Я бы ответила: «Она недалеко. Она рядом. Она со мной».

Я не настаиваю на абсолютности своего объяснения причины обращения автора к стихотворению в прозе. Достаточно вспомнить слова великого Пушкина:

Из наслаждений жизни
Лишь любви музы́ка уступает.
Но и любовь мелодия.

Здесь же нет мелодии, волшебства, тайны в выражении чувства, есть глубокое, мудрое, но рациональное рассуждение о чувстве радостном и мучительном, есть попытка его преодоления при всём признании.

В стихах этого раздела мелодия любви будет звучать и дальше, очаровывая радостью, болью, великолепной самоиронией:

Я легко возвращаюсь.
Сама не пойму,
Для чего, почему, интересно?
Если прямо сказать, если всё по уму,
Несвободно мне с Вами, мне тесно.

Но у Вас на ладони – скворец да снегирь…
Вы любовный романс мне поёте…
Подведёте меня!
Где же тот монастырь,
Под который меня подведёте?

Так в этой диалектике, в единстве противоречий умной, страстной, чуткой женской души и будет звучать эта тема, «перепетая», по Маяковскому, «не раз и не пять», во всём творчестве Любови Алексеевны. Завершит она этот раздел стихотворением в высшей степени для неё знаменательным, знаковым.

Прости, Владычица. Я виновата вновь.
Мне тяжко от грехов, от сложной боли.
Я чувствую, как потемнела кровь,
в чистейших жилах певшая дотоле.

Неправильно, чадяще, тяжело
она горит, объятая страстями.
Я погасить в душе пытаюсь зло –
и воду черпаю из родников горстями.

Но всё-таки вернее путь простой:
начать элементарно возрожденье –
явиться в храм, упасть перед Тобой,
и плакать, и молить о снисхожденье.

VI

Хочется обратить внимание ещё на одну особенность творческой манеры Л. А. Никоновой, проявляющуюся на протяжении её творческого пути всё более плодотворно. Это её склонность, потребность даже, прибегать к цитированию произведений великой русской классики, черпать из этого чистейшего неисчерпаемого источника мудрости и красоты.

Сошлюсь на мысль А. А. Ахматовой:

Но, может быть, поэзия сама –
Одна великолепная цитата.

Она имела в виду, конечно, что поэзия – это великолепная цитата из Книги Бытия. У Никоновой, человека прекрасно образованного, цитирование, ссылки на русскую литературную классику – эффективнейший способ показать, круг каких культурных ассоциаций, какой сюжет, какой миф втягивается выбранной цитатой в стихи. Самый распространённый способ обращения к классике в её стихах – это использование строк в эпиграфах. Наиболее приоритетны здесь строки из Достоевского, далее Гоголь, Пушкин, Блок, высказывания святых отцов, строки из широко распространённых романсов и песен. Но об эпиграфах подробнее скажу чуть позже, сначала об использовании строк, которые создают огромное подтекстовое ассоциативное поле, таящее в себе очень глубокие смыслы, при невнимательном чтении могущие остаться вообще закрытыми.

Вот первый пример из стихотворения «Любовь странника». Оно в высшей степени драматично по переживанию чувства одиночества, неверия в любовь, какой-то обречённости. Я уже приводил эти последние строки стихотворения:

Душа уже встречалась с тьмой –
и видит тьму на расстоянии.
Никто не станет жить со мной.
И я – ни с кем не в состоянии.

Но, «каплю жалости храня»,
явитесь на пути мучительном –
и заступитесь за меня
пред всемогущим Вседержителем.

Включение в него строчки из письма Татьяны к Онегину *«но вы к моей несчастной доле / Хоть каплю жалости храня, / Вы не оставите меня»* придаёт стихотворению огромный подтекстовый смысл. Татьяна, по Пушкину, – это не просто наивная сельская девочка, безответно влюбившаяся в столичного соблазнителя. Это цельный и самобытный характер женщины, которая потом скажет Онегину и «я вас люблю, к чему лукавить?», но скажет и другое: *«Зачем у вас я на примете? Не потому ль, что в высшем свете теперь являться я должна? Что я богата и знатна? <…> не потому ль, что мой позор теперь бы всеми был замечен и мог бы в обществе принесть вам соблазнительную честь? <…> Как с вашим сердцем и умом быть чувства мелкого рабом?»* Это не тривиальное «отмщение». Для Онегина это открывание ума и душевной глубины женщины и даже открывание себя самого. Недаром он стоит, «как будто громом поражён». Вот этот подтекст образа лирической героини Любови Никоновой не может не крыться за этой строкой.

Вот ещё более характерный пример. Одно из стихотворений нашего автора впрямую навеяно известным пушкинским шедевром «Брожу ли я вдоль улиц шумных». Первые две строки этого стихотворения она взяла эпиграфом к своему и своеобразным парафразом этих строк свое стихотворение открывает.

Брожу ли я вдоль улиц шумных
и захожу нередко в храм –
и вижу отклик бурь безумных,
и слышу отголоски драм…

У Пушкина, как известно, это стихотворение содержит великолепное художественное выражение одного из основных законов бытия: неизбежность гибели и разрушения всего живого и сущего и такую же неизбежность возрождения и торжества всего нового и молодого, торжества вечной жизни. В стихотворении Никоновой духовный взор поэта направлен на схватки человеческих страстей и совести, греха и покаяния, на крушение человеческих надежд и тупики отчаяния, «приливы счастья и тоски», терзающие душу.

Сознавать это и нести в душе, не надломившись, позволяет пушкинская поэзия.

Горячим воском пол закапан.
И Пушкин в странной красоте
неузнаваемо-заплакан
и близок к огненной черте.

В этом же ряду и великолепное стихотворение «Мусоргский», в котором трагедия русского музыкального гения порождена «затмением душ и ума» в окружающем мире и более всего в горячо любимой России.

В 1990-х годах, когда в стране фактически произошла криминальная революция, приведшая к власти чиновную и финансовую верхушку, поэт, не владея, как все мы, конкретными фактами и цифрами, чуткой душой улавливает воздух эпохи и тревогу свою выражает в бессмертных гоголевских образах. В стихотворении «Мне говорят, что это верный признак...» воскресает образ-символ угнетения и страдания бедного человека – гоголевский Акакий Акакиевич Башмачкин.

...тот, кого звали канцелярской молью,
кто жался с краю со своею болью,
вдруг вымахнул из мысленной могилы
с сознаньем правоты своей и силы –
и показал особое величье
в ином метафизическом обличье.

И с ним рядом встает другой символ – попрания достоинства человеческого, ведущего в полную тьму души и рассудка и взывающего к человеческому состраданию.

Какая тень... Какая птица мрачная.
Вглядитесь: это же шинель!
Шинель Акакия Башмачкина,
душ оскорблённых колыбель.

Меж тем дорога их прочищена.
Расписан каждый шаг и миг.
Да это же дневник Поприщина,
сверхчеловеческий дневник!

О, Мир! Скрывать не стоит истину.
Ее бесправные найдут.
И от Башмачкина к Поприщину
Они идут, идут, идут.

Но более всего в стихотворениях Любови Никоновой обращений к памяти Фёдора Михайловича Достоевского. Думаю, что это связано не только с фактом кратковременного пребывания ссыльного гения у нас в Кузнецке и судьбоносным для него событием – венчанием с Марией Дмитриевной Исаевой. Полагаю, что это сопряжено ещё с чувствованием какой-то близости, родственности мятущейся, вечно неспокойной, страдающей души писателя, нашедшей отклик в душе поэта через столько лет. Наиболее полным выражением этой духовной связи и близости является, конечно, широко известное стихотворение «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857 год». Известно, сколько душевных мук и страданий стоило писателю и обретённой им жене впоследствии это радостное событие, о котором он так мечтал и к которому так стремился. Драматический, провиденциальный смысл этого события, содержащий в себе, как в зародыше, будущие испытания и свершения, замечательно передан в этом стихотворении. Твёрдое сознавание Любовью Алексеевной, какой дорогой цены сто́ит творчество, и рождает эту внутреннюю близость.

В этой связи я вообще должен сказать, что Л. А. Никонова относится к малому числу тех поэтов, в чьих стихах преобладает острая конфликтность бытия, идёт ли речь о социальных, творческих или чисто личных проблемах. У большинства же, к сожалению, – описательность, мелкотемье, бытовщина, копание в личных переживаниях или надуманный пафос.

VII

Седьмой раздел сборника, названный автором «Дыхание смутных времён», открывает такую сторону духовного и творческого облика Л. А. Никоновой, которая, конечно же, предполагалась и предчувствовалась, но не казалась очевидной в творчестве этой предельно скромной женщины. Я имею в виду философскую глубину и силу постановки острых и вечных вопросов именно русской, российской социальной общественной жизни. И вовсе не в форме острых критических инвектив с называемыми или угадываемыми адресами и проявлениями, а в форме художественно опосредованной через образы, как я уже говорил, русского искусства, литературы, и через образы, отсылающие нас к божественным заповедям.

Одним из ярчайших проявлений такой глубины и силы является стихотворение, которое я бы соотнёс с шекспировским монологом Гамлета, ставящим вопрос: «Быть или не быть?». У него нет названия, но ему предпосланы два эпиграфа из пушкинского «Бориса Годунова»: «Народ безмолвствует» и «Народ завыл». Эпиграфы эти и обозначают два полюса бытия, между которыми, по сути, и протекает историческое существование русского народа.

Первая фраза, как хорошо помнят многие читатели, завершает пушкинскую трагедию и выражает собою абсолютное неприятие народом попытки подменить убиенного царём Борисом царевича Димитрия и возвести на русский престол польского ставленника Лжедмитрия. «Народ безмолвствует» в ответ на требование, как бы сейчас сказали, «властей» кричать здравицу ставленнику царя Бориса.

Второй эпиграф – «народ завыл» – это пушкинская ремарка из середины трагедии, она подытоживает то состояние бесправной угнетённости, что испытывает простой люд не только в то смутное время. Трудно назвать такую эпоху нашей истории, в которую, как выразится позже другой великий поэт, «где бы русский мужик не стонал». Будь то революции, войны, хоть Гражданская, хоть Отечественная, хоть перестройки и реформы, до ко-

торых так охочи радетели о народном благе. А народное безмолвствование так заманчиво толковать как одобрение, а еще лучше – не придавать ему никакого значения.

Открывает стихотворение вопрос, который затем рефреном – трижды – прозвучит в стихотворении:

Между «безмолвствовать» и «выть»
как жить, родимые, как быть?

Два события-символа, воплощающих народную судьбу, встают в стихотворении. Первое – взрыв Чернобыльской АЭС.

Щепоть землицы разорённой,
к небытию приговорённой,
легко ли на груди носить?
……
Дешёвою давиться жвачкой,
мириться с лучевой болячкой,
не зная даже, болен чем?
А может, и не жить совсем?

Второе событие – символ физического и духовного попрания народа – это явление нашей истории, отражённое в повести выдающегося русского писателя-провидца Андрея Платонова «Котлован».

Отсылка к нему выражена в стихотворении прямым словом:

Иль среди леса, среди гор
искать сокрытый там собор,
хранящий в заповедных дебрях
обличия аскетов древних, –
но обнаружить котлован
со множеством крестов нательных,
с костями русских христиан
и их младенчиков недельных.

Герои повести, превозмогая нечеловеческие трудности и лишения, роют котлован под будущее светлое здание добра, справедливости и счастья и, ослеплённые этой идеей, не замечают даже гибели детей, во имя счастья которых они это делают. Это порочный замкнутый круг, дурная бесконечность, за которую и спросить не с кого.

Кого винить? С кого спросить?
И узнавать на гребне бедствий
стыда не ведающих бестий,
что топят в лаве речевой
звон колокольный вечевой.

Безысходность и побуждает автора стихотворения ставить вопрос перед Вседержителем, творцом всего сущего:

Ты на кого оставил нас,
Небесный царь, пресветлый Спас?
Взывая к высшей правоте,
сто лет мы плачем в темноте…

Любовь Алексеевна была человеком, глубоко и искренно верующим. Вопросом этим она выражает не ропот против Божией воли. Мысль её гораздо глубже. В бесконечной цепи времени, в Бытии каждому поколению выпадает свой миг «на то, чтоб жить, на то, чтоб быть». И чем этот миг бытия наполнить – это вечная задача, стоящая перед сменяющими друг друга поколениями.

Большинство стихотворений этого раздела полны точными наблюдениями над жизнью и окружающими людьми, горькими раздумьями, глубокими обобщениями. Таково стихотворение «Общий вагон», сразу рождающее ассоциацию с великолепным рассказом В. Г. Распутина «Не могу-у-у!». Только в стихотворении обобщающий смысл его полнее выражен, как и положено поэтическому произведению.

Это, конечно, поэтическая метафора нашего простонародного, то есть преобладающего, бытия и быта, в котором трудно найти ответы на вопросы:

…чем проймёт компанию прожжённую
высокое, как небо, божество?
Зачем на землю, смрадом заражённую,
нести ему святое торжество?

Только и надежды на то, что

…едут среди шулеров и нехристей
ещё и те, кто не туда попал.

Очень острое и печальное обобщение звучит и в стихотворении, отражающем и общие духовные черты времени, и отдельные характерные детали:

Ниоткуда – ни вздоха, ни ропота.
Не пройдёт ветерок по траве.
Равнодушная речь биоробота
днём и ночью звучит по ТВ.

Мир надёжно свободен от рыцарей.
Решка выглядит сущим орлом.
Зомбинёнок, не помня родителей,
пьёт из горлышка яд за углом.

Здесь не видят цветущей черёмухи.
Не востребуют светлой красы.
Не заметят, как в наши Чернобыли
входит Спас Золотые Власы.

Авторское неприятие распространённейших типов современников, утративших в себе всякое божественное начало, до потери себя увлечённых всяческими псевдоинновациями, экуменическими теориями и модными зазеркальями, находит выражение даже в такой вот, непривычной для автора, остро гротескной форме:

Член некой секты зазеркальной –
дитя причуды интегральной,
прошедшей путь от коммунизма
до развитого плюрализма.

Из зазеркалья человечек
Имеет несколько сердечек,
Три глаза, полтора желудка,
Два разномыслящих рассудка,
Тринадцать психик со смещеньем,
Привыкших к перевоплощеньям…
А что ещё многоразлично –
О том и молвить неприлично.

Высочайшей степени обобщения, глубины поэтические оценки и характеристики современной жизни достигаются у Никоновой и путём использования прототипов и параллелей из русской классики, как, например, в стихотворениях о Башмачкине и Поприщине из этого же раздела, о которых я уже упоминал. Горькие впечатления от жизни, горькие раздумья не оставляют душу в покое, ищут и находят излияние в стихотворениях этого раздела.

Здесь и спорить как будто бы не о чем.
Пошлость, пошлость – наверно, навек.
Но за шторами тусклыми вечером
Где-то плачет ещё человек.
……
Жизнь почти безвозвратно утоплена
В пьянь, и брань, и повальную грязь…
Что ж ты, в белых одеждах утопия,
Не меняешься, тонко светясь?

Совершенно закономерно, что в полном соответствии с русской духовной и литературной традицией в творчестве поэта не может не встать вопрос о его предназначении, о его месте и миссии в сложной, полной противоречий реальности. Не стану приводить, в общем-то, всем известные суждения на эту тему титанов русской поэзии. Хочу только подчеркнуть, что и здесь она, оставаясь собой, духовно близка великому Пушкину. «Веленью божьему, о Муза, будь послушна!» – призывал поэт. Любовь Алексеевна этой же высшей мерой судит о своём поэтическом призвании.

Я бы хотела всего лишь весны,
чтобы черёмуха, ветви, волненье…
Господи! Райские, райские сны…
Что Ты взвалил на меня? Для чего?
С крестною ношей я не справляюсь…
……
Будто сквозь чёрную вижу слюду
зелень, черёмуху в нежных соцветьях,
всю дорогую живую среду,
ту, что прозрачно слагалась в столетьях…
Мне ли из этого рая идти
в «социум», в пекло – с чернеющим прахом?
В этот котёл, начинённый раздором?
Господи…
Ты подтверждаешь: «Иди».

VIII

Последний, восьмой раздел сборника, как явствует из его названия «Сокровенное России свеченье», выражает всё более крепнувшую в душе поэта уверенность, что Божья милость довлеет над людьми, несмотря на жизненные трудности и невзгоды. И основой этой уверенности стала всё более крепнущая в душах людей Вера, всё более прорывающаяся сквозь наслоения бытовой нечистоты, равнодушия, тщеславия – всего, что в поэтической системе Л. А. Никоновой получает ёмкое название «смог». Этим словом она обозначает и неотъемлемую часть нашей городской атмосферы, и тот морок душевный, который присущ внутреннему миру людей, лишённых света Веры. На эту тему у нее в шестом разделе было уже очень хлёсткое стихотворение «Из признаний знахарки» в адрес всяких антихристианских сект. В предыдущем, седьмом разделе было уже упомянутое очень жёсткое в адрес человеческой порочности стихотворение «Общий вагон», непривычно для неё язвительное стихотворение «Победитель». В этом разделе она, как это уже стало её творческим принципом, сталкивает в остром нравственном конфликте жизнь без Бога, без Веры и поиск человеческой душой духовной опоры и спасения. Поиск трудный, через преодоление слабостей, соблазнов и тины повседневности. Очень дорогого стоит то мастерство, с каким она выстраивает этот конфликт.

Вот стихотворение, первая строчка которого звучит так:

Шумел камыш. Шумит и ныне.

Эта полустрочка «шумел камыш» – не просто начало известнейшей песни, которую непременно, рано или поздно, запоёт любая пьяная компания и исполнит, пожалуй, не раз. Эти два слова ассоциируются с таким количеством пьяного веселья, слёз, драк, что рассказывать об этом в русском простонародном, и не только, быту можно очень долго. Это не песня, это символ.

Вторая полустрочка – «шумит и ныне» – картину завершает. Всего одна строчка – и теза уже готова. Антитеза – всё остальное стихотворение, где речь идёт о душах чистых и преданных Богу. Нравственный конфликт, которым живо стихотворение, разрешается, как и положено, в финале:

Их грубый шум не поколеблет.
Ничто не помешает им
безмолвно преклонить колени
пред чистым Образом Твоим.

Теза может быть задана и эпиграфом стихотворения, взятым, как правило, из произведений русской классики. А в самом стихотворении разворачивается нравственный конфликт, который, кстати, может и не содержать однозначного вывода, а толкать к размышлению. Так построен лирический сюжет, например, в стихотворении «Расстаньтесь с подвигами, доблестями, славой…» (эпиграф:

«О доблестях, о подвигах, о славе»... А. А. Блок) или в стихотворении «Неужели наше сердце остыло?..» (эпиграф: «Красота спасёт мир...» Ф. М. Достоевский) и в целом ряде других.

Важно то, что в стихотворениях этого раздела на первый план выдвигается мысль, что в жизненных бурях и конфликтах решающее значение приобретают не только и не столько конфликты между людьми и схватки людей с обстоятельствами. Не менее значима и духовная жизнь, внутренние борения в человеке, не столь очевидно влияющие на его судьбу внешне, но ведущие непременно к нашему главному покровителю и единственному защитнику. В этом было главное, выстраданное убеждение русского поэта Любови Алексеевны Никоновой. Если попытаться коротко выразить динамику её творчества – это будет путь к Богу.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

Суета, отголоски ненужных речей –
Всё осталось за неким порогом.
Погружается сердце в море свечей,
Расцветающих ночью пред богом.

Храм, охваченный славой. Поёт.
Он объят ликованьем великим.
Здесь стоит небезгрешный народ
С удивительно праведным ликом.

Всё отпало, чем был обольщён,
Чем пленялся он снова и снова…
Нет ни лучших, ни худших времён –
Есть одно Воскресенье Христово.

Стихотворением, выразившим сущность её поэтической души, своеобразным завещанием считаю это, открывающее последний раздел сборника:

Была бы цыганкой, когда б не Россия,
ей-богу.
Легко находить наугад в бесконечность дорогу…
Легко без пожитков, без шмуток слоняться
по шару,
по шару земному, готовому вечно к пожару.
Легко проходить под изменчивым сводом небесным,
земель не считая,
по странам просторным и тесным,
не ждать ни приветов, ни писем, ни бедной открытки –
и так умереть на ходу иль в убогой кибитке.
Но где зимовать мне, кочевнице?
Ясно, в России,
в которой сугробы огромны,
огромны и сини.
Но где проводить мне, кочевнице, жаркое лето?
В России оттаявшей, полной прозрачного света.
Что класть в изголовье мне
ночью прохладной и тусклой? –
Должно быть, поляны
с цветами земли этой русской.
Где сном засыпать мне
последним, глухим, незнакомым?
В земле этой русской,
на кладбище русском зелёном.

Творчество Любови Алексеевны Никоновой – это явление не только, как говорится, региональной литературы, не кузбасской только и уж, тем более, не нашего только города. Это достояние всей литературы российской, русской. И слава Богу, что она своей поэзией осветила и освятила наш сумрачный город, весь угольный Кузбасс. Она жила с нами, она радовала и будет радовать наш край, «где сугробы огромны и сини», «с цветами земли этой русской».

Анатолий САЗЫКИН,
кандидат педагогических наук, доцент

САЗЫКИН Анатолий Семёнович *всю свою жизнь посвятил литературе. Школьный учитель и преподаватель НГПИ (позднее – КузГПА, НФИ КемГУ), кандидат педагогических наук, доцент, более 11 лет заведовавший кафедрой литературы, он привил любовь к языку тысячам своих учеников и студентов. И сегодня, будучи на заслуженном отдыхе, Анатолий Семёнович не сидит без дела. На его публичные лекции собирается обычно вся литературная общественность Новокузнецка.*

Тонкий ценитель и активный пропагандист творчества Любови Никоновой, он посвятил поэтессе ряд статей.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

3 марта, во Всемирный день писателя, в музее Достоевского прошла презентация последних номеров общероссийских журналов «Наш современник» и «Огни Кузбасса». В мероприятии приняли участие представители Новокузнецкого филиала Союза писателей России и различных литературных творческих объединений. Заместитель директора по научной работе Елена Дмитриевна Трухан поздравила всех присутствующих с профессиональным праздником, рассказала о его содержательной сущности и подробностях появления.

3–4 марта в библиотеки им. Игоря Киселёва прошли VI Киселёвские чтения. Конкурсы чтецов, литературные вечера, турниры, доклады и, наконец, литературные чтения, в которых приняли участие вдова поэта Ирина Анатольевна, поэты Сергей Донбай, Ирина Фролова, Татьяна Кравченко, Дмитрий Мурзин, филолог Галина Карпова.

5 марта в Ленинске-Кузнецком, в ЦГБ им. Н. К. Крупской, состоялась творческая встреча с поэтами из г. Новосибирска Антоном Метельковым и Сергеем Шуба. Поэты познакомили собравшихся со своим творчеством и представили литературный альманах «Между». Пригласил и представил гостей Дмитрий Филиппенко.

6 марта творческая встреча с поэтами из Новосибирска Антоном Метельковым и Сергеем Шуба и представление литературного альманаха «Между» прошла в библиотеке им. В. Д. Фёдорова. Вёл встречу А. Мухарев.

10 марта в музее шахтерской славы кольчугинского рудника прошла встреча учащихся школы № 2 с участниками литературного цеха «Образ». Его основатель Дмитрий Филиппенко рассказал об истории создания этого творческого объединения и прочёл несколько своих стихотворений. Перед девятиклассниками также выступили Ирина Надирова, Ая Реин, Олеся Шмакович и Владислав Попов.

11 марта в Доме литераторов Кузбасса прошло представление журнала «Огни Кузбасса» № 1 за текущий год. Своими стихами поделились поэты Александр Ибрагимов, Виктор Киселёв, Владимир Каганов. О своей прозе поведали Людмила Чидилян и Татьяна Ильдимирова. О своих материалах рассказали Валерий Плющев, Зоя Естамонова, Олег Кухарев, Юлия Сычова, Виктор Чурилов, Елена Елистратова и другие авторы номера.

12 марта в Новокузнецке в библиотеке железнодорожного вокзала литератор Виктор Коняев провёл встречу с читателями.

15 марта писатель Александр Ярощук провёл встречу с учениками 10-го класса в школе № 14. Беседа состоялась в библиотеке школы. Школьников интересовало, как начинается творческий путь писателя, обязательно ли иметь специальное образование или достаточно таланта, который оценят по публикациям, где можно опубликовать стихи. Особый интерес вызвали книги «Дневник с того света» и «Великие тайны пирамиды Хеопса. Заблуждения и реальность. Исследование инженера».

17 марта на конкурсе короткого рассказа, объявленном журналом «Фантастическая среда» (Барнаул), победителем в теме «И весна непременно настанет!» стала кемеровчанка Юлия Сычёва – участник областной литературной студии «Притомье».

19 марта в Каминном зале ЦГБ им. Н. К. Крупской прошёл ежегодный турнир «Поэтическая дуэль», в котором участвовало восемь авторов из Полысаево и Ленинска-Кузнецкого. Пары для выступлений выбирались путём жеребьёвки. А весь пьедестал почёта на этот раз заняли ленинск-кузнечане: Ольга Шилькова, Ирина Надирова и Олеся Шмакович, занявшие первое, второе и третье места соответственно.

21 марта состоялась встреча студентов-дизайнеров КемГИК – учеников известного и именитого графика Василия Кравчука – с редакцией и авторами журнала поэзии «После 12». На встрече выступили кемеровские поэты: Александр Ибрагимов – литературный редактор журнала, Виктор Бровиков – автор поэтической книги «Слова и очетания», Ирина Тюнина – автор двух поэтических книг и постоянный автор «После 12».

21 марта поэт Дмитрий Мурзин получил вторую премию «Поэт года». Конкурсный отбор проводился на протяжении всего 2015 года, объявленного в России Годом литературы. За это время жюри оценило произведения более 10 тыс. авторов из разных уголков России от Калининграда до Камчатки, других стран СНГ, а также из Германии, Израиля, Великобритании и США. В число финалистов вошли свыше 400 поэтов и прозаиков. Все лауреаты премии получают контракт на издание собственной книги, финансируемый Российским союзом писателей, а также символ премии – статуэтку, выполненную в форме пера.

23 марта в Кемеровской областной научной библиотеке им. В. Д. Фёдорова состоялось масштабное поэтическое событие под необычным названием «Мартовские коты в Фёдоровке». Автор идеи «Мартовских котов» – Борис Бурмистров. Известные кузбасские поэты Борис Бурмистров, Александр Катков, Александр Ибрагимов и Андрей Правда прочитали свои лучшие стихотворения о весне и любви. Прозвучали песни на стихи Василия Дмитриевича Фёдорова в исполнении Виктора Егорова.

26 марта в Каминном зале ЦГБ им. Н. К. Крупской прошло представление нового номера журнала поэзии «После 12». Перед студентами политехнического техникума и учащимися школы № 37 выступила целая плеяда профессиональных поэтов: Александр Ибрагимов, Татьяна Николаева, Анастасия Куприк, Владимир Угрюмов. Вела мероприятие главный редактор журнала Наталья Ибрагимова. Гостей пришли послушать и представители литературных объединений Полысаева и Ленинска-Кузнецкого.

27 марта С. Донбай и Ю. Лаврина побывали на фестивале детской книги Ленинск-Кузнецкого района.

2 апреля в Каминном зале ЦГБ им. Н. К. Крупской прошло представление второго номера альманаха «Образ» за 2016 год. На мероприятии присутствовали представители литературных групп Ленинска-Кузнецкого и Полысаево. В новый номер вошли участники Межрегионального семинара-совещания «Мы выросли в России», который прошёл осенью 2015 года в Бугуруслане: А. Синица,

П. Загаринский, Д. Домарёв, А. Чистяков. Также в альманахе стихи А. Асеевой (Иркутск) и М. Жукова (Евпатория). В отделе прозы было опубликовано продолжение повести Юлии Лавряшиной и новый рассказ Татьяны Ильдимировой «Нежность». Нашлось место и для местных авторов: В. Ухандеева и Д. Филиппенко.

5 апреля в Москве (Комсомольский пр., 13) состоялся пленум правления Союза писателей России. Писатели обсудили вопросы, связанные с созданием Общества русской словесности и ролью писателей в решении задач, стоящих перед этим обществом.

С докладом выступил председатель Союза писателей России В. Ганичев. Выступили также писатели Л. Баранова-Гонченко, О. Шейпак (Ульяновск), С. Донбай (Кемерово), Б. Орлов (С.-Петербург), М. Ахмедов (Дагестан), Н. Мирошниченко (Республика Коми) и др. Выступивший на пленуме советник президента РФ В. Толстой также ответил на вопросы писателей.

По обсуждавшимся вопросам участниками пленума была принята итоговая резолюция.

9 апреля в библиотеке им. В. Фёдорова прошло праздничное представление журнала «После 12», посвящённое 20-летию издания. Перед гостями выступили четыре поколения кузбасских поэтов: 70-е годы представили Сергей Донбай, Александр Ибрагимов и Борис Бурмистров; 80-е – Андрей Правда и новокузнецкая поэтесса Татьяна Николаева; 90-е годы – поэты Дмитрий Мурзин, Андрей Пятак и Виктор Бровиков; нулевые – Татьяна Кравченко, Ирина Тюнина и Агата Рыжова. На встрече выступил известный кемеровский музыкант и певец Евгений Качалин, который исполнил несколько песен на стихи Сергея Самойленко.

9 апреля в ЦГБ им. Н. К. Крупской состоялась творческая встреча с кемеровским прозаиком, членом Союза писателей России Татьяной Ильдимировой. На мероприятии присутствовали учащиеся школы № 3, студенты политехнического техникума, а также представители литературных объединений Ленинска-Кузнецкого и Полысаево.

80-летний юбилей Центральной районной библиотеки им. В. М. Баянова

26 мая Центральная районная библиотека имени В. М. Баянова города Топки отметила свой 80-летний юбилей. В празднично украшенном зале собрался весь коллектив Топкинской ЦБС и ветераны библиотечного труда, гости, друзья и самые активные читатели библиотеки.

Заместитель главы Топкинского муниципального района по социальным вопросам Е. А. Кушнарева вручила коллективу библиотеки и сотрудникам почётные грамоты и благодарственные письма департамента культуры и национальной политики администрации Кемеровской области и администрации Топкинского муниципального района.

Поздравить юбиляров и вручить подарки приехала В. А. Никулина, заслуженный работник культуры Российской Федерации, директор Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова.

От писателей приехал давний друг библиотеки – поэт, заслуженный работник культуры России, главный редактор журнала «Огни Кузбасса» С. Л. Донбай. Он от всей души поздравил коллектив библиотеки с юбилеем, пожелал дальнейших творческих побед и прочитал свои стихи. Сергей Лаврентьевич преподнёс в подарок библиотеке уникальное издание – многотомный альманах «Тобольск и вся Сибирь».

Поздравила библиотеку имени В. М. Баянова с юбилеем кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века Кемеровского государственного университета Г. И. Карпова.

Особую благодарность читателей, библиотекарей района, гостей и администрации заслужила бессменный директор «баяновки» Любовь Михайловна Елонова.

IV Всероссийский фестиваль поэзии имени Алексея Бельмасова

С 26 по 29 мая в Ленинске-Кузнецком проходил IV Всероссийский фестиваль поэзии имени Алексея Бельмасова. Он открылся сразу несколькими творческими встречами: выступали член Союза писателей России, кандидат культурологических наук Нина Ягодинцева, член Союза писателей России Валентина Ярофеева-Тверская, член Союза российских писателей Вероника Шелленберг. В Доме литераторов Кузбасса прошло представление нового учебного пособия Нины Ягодинцевой.

Второй день фестиваля был полностью посвящён семинару молодых поэтов Кемеровской области. В нём приняли участие семеро начинающих авторов из Ленинска-Кузнецкого, Тайги, Кемерово, Новокузнецка и Междуреченска. Их произведения разбирали профессиональные поэты, члены Союза писателей России кемеровчане Сергей Донбай, Дмитрий Мурзин, Борис Бурмистров, Александр Ибрагимов и гости из Челябинска и Омска Нина Ягодинцева, Валентина Ярофеева-Тверская и Вероника Шелленберг. Они стремились не только указать участникам семинара на обнаруженные в стихах недочёты, но и дать рекомендации для творческого развития.

Центральным событием третьего дня фестиваля стал поэтический конкурс. Он проходил на турбазе «Рассвет», расположенной на берегу Беловского водохранилища. В состязании приняли участие 29 поэтов, прошедших предварительный отбор. Среди них были не только кузбасские авторы, но и жители других городов: Омска, Иркутска, Новосибирска. Судили конкурс целых два жюри – молодёжное и почётное. Оба состояли исключительно из профессиональных писателей Кемерова, Ленинска-Кузнецкого, Новокузнецка, Челябинска и Омска. Председателем молодёжного жюри был Дмитрий Мурзин, почётного – Сергей Донбай. В этом году лауреатами фестиваля стали Олеся Шмакович, Юлия Сычова и Сергей Логинов, занявшие третье, второе и первое места соответственно. Звания дипломантов удостоились Виктор Киселёв, Владислав Попов, Ая Реин, Айса Абушаев, Ирина Приймак, Игорь Старченко и Алексей Бурко. Организаторы фестиваля Светлана Уланова и Дмитрий Филиппенко тоже не остались без наград: им были вручены путёвки на фестиваль в г. Бугуруслан.

6 июня в Храме преподобного Сергия Радонежского состоялся седьмой праздник русской словесности и духовной поэзии «Александр Сергеевич Пушкин: путь к Православию». На встрече, посвящённой дню рождения А. С. Пушкина перед воспитанниками клуба «Соотече-

ственники» выступили священник Александр Попов, член Союза писателей России Александр Катков и читатель Александр Карманов.

Александр Катков рассказал о роли Пушкина в становлении русского языка, прочёл отрывок из поэмы «Борис Годунов».

Александр Карманов прочёл два стихотворения Сергея Донбая «Родной язык в нас снова растревожит...» и «О Пушкине».

Пусть всегда будет Пушкин!

6 июня в Кемерове традиционно отмечали День рождения «солнца русской поэзии» Александра Сергеевича Пушкина.

Основные торжества состоялись возле памятника гению. В празднике участвовали поэты, артисты, сотрудники областных и муниципальных библиотек, дети из Лесной Поляны.

Пришедшие словно перенеслись на два столетия в прошлое: в атмосферу дворянских балов с грациозными танцами. Виктория Кузанцева исполнила два романса на стихи Александра Пушкина.

Разнообразие площадок порадовало. Здесь и викторины («Знаем ли мы сказки Пушкина?»), «сказочная скамейка с Царевной», где эти сказки читали, игротека «У Лукоморья» и другие. Работала выставка-продажа книг, а сочинения А. С. Пушкина раздавали бесплатно.

В общем, получился семейный праздник. Народ от мала до велика находил себе развлекательно-познавательный досуг. Отрадно, что дети почувствовали вкус к декламации произведений создателя русского литературного языка. Дошкольники с азартом соревновались в громкости голосов, разнося окрест знакомый с младенчества сюжет «Сказки о царе Салтане». В этом году этой сказке исполнилось 185 лет.

Но главное – это чтение стихотворений. Поэтическую часть вел Сергей Донбай, который прочел стихи семнадцатилетнего Пушкина. Также произведения Пушкина прозвучали из уст поэтов, членов Союза писателей России: Александра Каткова, Андрея Правды, Владимира Соколова, Андрея Пятака, Людмилы Чидилян. Запомнились выступления участников литературных студий: «Притомье» – Виктора Кальсина, Виктора Киселёва, Юлии Сычёвой, Юрия Дубатова, Олега Клинчанина, Дарьи Авчаровой, Сергея Чернопятова; «Белый квадрат» – Агаты Рыжовой, Анастасии Кондриной, Марины Фёдоровой, Виктора Шагиахметова.

Хорошо и дружно выступил творческий десант из Ленинска-Кузнецкого во главе с Дмитрием Филиппенко – Сергей Логинов (победитель Всероссийского фестиваля им. Алексея Бельмасова 2016 года), Игорь Старченко и другие.

Под занавес чтений был объявлен «свободный микрофон», имеющий название «Пушкинский дубы». Ещё долго шумели на площади Пушкина самодеятельные поэты, привлекая публику в творческую стихию высокой поэзии.

Время поэтов

На Красной площади прошел Второй книжный фестиваль. Знаковым поэтическим событием стало представление современной поэзии – финала Всероссийского конкурса «Время поэтов», в результате которого был присвоен титул «Голос времени». В число восьми финалистов,

читавших стихи на Красной площади, попал поэт Дмитрий Мурзин со своей книгой «Клиническая жизнь» (издательство «Примула», г. Кемерово).

Финал стал результатом подготовительной работы, в процессе которой экспертный совет (поэт Игорь Волгин, поэт Виктор Кулле, критик Павел Крючков, поэт Марина Кудимова и критик Артём Скворцов) из 200 поэтических книг (опубликованных на русском языке в России), выдвинутых 38 издательствами, отобрали длинный список в 50 книг. Затем тексты книг были размещены в Интернете, и прошло открытое читательское голосование, на основе которого сформировался короткий список: Дмитрий Мурзин (Кемерово), Алексей Остудин (Казань), Станислав Минаков (Харьков), Мария Ватутина (Москва), Инна Кабыш (Москва), Роман Рубанов (Курск), Амарсана Улзытуев (Улан-Удэ), Александр Самойлов (Челябинск).

В День рождения Пушкина на главной сцене фестиваля жюри (актер Валерий Баринов, поэт Евгений Бунимович, издатель Олег Вавилов, главный редактор журнала «Новый мир» Андрей Василевский, главный редактор журнала «Октябрь» Ирина Барметова, поэт Галина Климова, поэт Виктор Коркия) вместе с собравшимися зрителями выслушали поэтов и присудили первое место Марии Ватутиной.

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Немченко Гарий. Красная машина: роман. – М.: Изд-во «У Никитских ворот», 2016.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

Польский журнал «Тема» в № 18–20 за 2015 год напечатал стихотворение **Дмитрия Мурзина** «Не дай мне, Боже, власти...»

Журнал «День и ночь» № 2, 2016 опубликовал рассказ «Нежность» **Татьяны Ильдимировой.**

ОШИБКА

Исправление: в № 1 2016 года журнала «Огни Кузбасса», на стр. 160, 5-я строка сверху в 1-й колонке, вместо фамилии «Ештокин» следует читать «Ермаков». Редакция приносит свои извинения.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: **sp_kuzbass@mail.ru**

Наш сайт: **www.ognikuzbassa.ru**

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в Доме литераторов, г. Кемерово, пр. Советский, 40, в Новокузнецке – в киосках фирмы «ВестиЧ» во всех районах города, подписаться на журнал можно в «Курьерской службе» фирмы «ВестиЧ» по адресу: пр-т Металлургов, 54. Справки по телефону 60-05-85.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением
Свидетельство о регистрации средств массовой информации № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.
Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Корректоры: ***Е. В. Фефелова, Т. Э. Панибратова***
Компьютерная верстка ***П. Б. Исакова***

Подписано к печати 09.06.2016. Дата выхода в свет 28.06.2016. Формат 60×84⅛. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1800 экз. Заказ № 118. Цена свободная

Адрес редакции и издателя: 650000, г. Кемерово, Советский проспект, 40. Адрес общества с ограниченной ответственностью «Авторское издательство «Кузбассвузиздат» (ООО «АИ «Кузбассвузиздат»): 650043, г. Кемерово, пр. Советский, 60Б, типографии: ул. Грузовая, 11.
Тел. 8 (3842) 58-29-34, т/факс 36-83-77. E-mail: 58293469@mail.ru